91
А61

...мне хотелось связать мечту своих детских лет о Северозападном проходе с гораздо более важной для науки целью: установить нынешнее местонахождение северного магнитного полюса...

Р. Амундсен

А

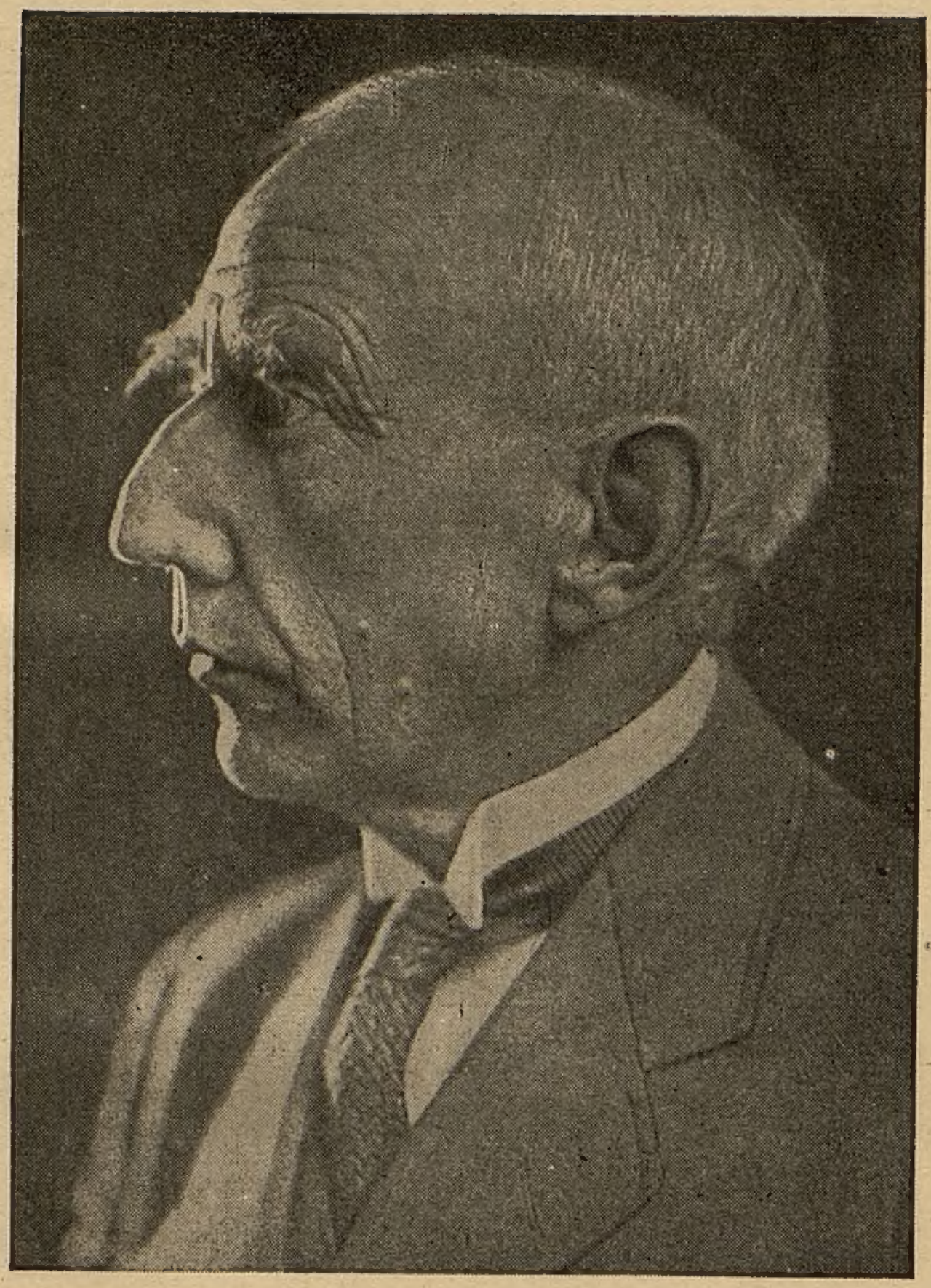
51 г.

Е

“

ЛМБ

ути



Roald Amundsen

ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

РУАЛ АМУНДСЕН

ПРОВЕРЕНО 51 г.

ПЛАВАНИЕ СЕВЕРОЗАПАДНЫМ ПРОХОДОМ НА СУДНЕ „ЙОА“

6393

ПЕРЕВОД С НОРВЕЖСКОГО
МАРИИ ДЬЯКОНОВОЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. А. ДЬЯКОНОВА

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

БИБЛИОТЕКА Г. Ш ВМС СССР

Издательство Главного Управления Северного Морского Пути
ЛЕНИНГРАД · 1935

ПРОВЕРЕНО 1965 г.

Проверено | 2015

А61

ПРОВЕРЕНО 54 г.

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

ROALD AMUNDSENS
OPDAGELSESREISER

Bind I

NORDVESTPASSASJEN

BERETNING OM GJOA-EKSPEDISJONEN

1903—1906

GYLDENDAL NORSK FORLAG
OSLO MCMXXVIII

Проверено | 2015

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Эта книга представляет собою описание одного из замечательнейших полярных путешествий — плавания на маленьком судне „Йоа“ из Христиании в Сан-Франциско мимо северных берегов Америки. Обусловленный талантом начальника и умелой подготовкой успех экспедиции и ее большие научные результаты (географические открытия, наблюдения у магнитного полюса и громадный материал по жизни и быту эскимосских племен) обеспечивают живому увлекательному рассказу почетное место в ряду повествований о завоевании Арктики.

Но этим не ограничиваются права данной книги на внимание читателя.

Больше трех столетий длилась героическая борьба за „Северозападный“ и „Северовосточный“ проходы из Атлантического в Тихий океан. Борьба эта унесла много жизней отважных исследователей, прежде чем Норденшельд прошел в 1878—1880 годах на „Веге“ мимо северных берегов Азии, а Амундсен в 1903—1906 годах на „Йоа“ обогнул с севера Америку.

Но если в буржуазной Европе овладение Северозападным проходом оказалось только подвигом начальника „Йоа“ и не отразилось существенным образом на жизни прилегающих стран, совершенно иную судьбу имел Северовосточный проход в Советском Союзе.

Победные рейсы „Сибирякова“ и „Литке“ доказали возможность в одну навигацию пройти все расстояние, а развернувшаяся за последние годы грандиозная работа по научному и хозяйственному освоению Северного морского пути и тяготеющих к нему

территорий превратила советский Крайний север в один из важнейших участков социалистического строительства.

Подробно и с симпатией описывая эскимосские племена, начальник экспедиции на „Йоа“ уже не признает, как его предшественники, их естественным и справедливым уделом вымирание при столкновении с цивилизацией. Но все же он считает цивилизацию для них вредной и, расставаясь с ними, говорит: „Мое лучшее пожелание нашим друзьям эскимосам,—чтобы цивилизация никогда не коснулась их“.

Только Советский Союз мог сделать народы Севера равноправными членами трудовой семьи и активными борцами за перестройку жизни на социалистических началах.

Начальником экспедиции на „Йоа“ и автором настоящей книги, как сказано, является Руал Амундсен, всемирно известный норвежский полярный исследователь, герой обоих полюсов, организатор и начальник многих блестящих полярных экспедиций, погибший при попытке оказания помощи экспедиции Нобиле в 1928 году.

Выпуская в ближайшем будущем ряд книг Амундсена (в первую очередь описание открытия им Южного полюса), Издательство предпошлет одной из них подробную характеристику его деятельности.

ВВЕДЕНИЕ

НАЧИНАЯ с зари культуры, когда финикийские мореплаватели ощупью пробирались вдоль берегов Средиземного моря, и до настоящего времени пытливое человечество неизменно стремится вперед через неизвестные моря и дремучие леса. Иной раз медленно, с перерывами в сотни лет, иной раз гигантскими шагами, как, например, когда открытие Америки и великие кругосветные путешествия освободили весь земной шар от тумана неизвестности и суеверий.

Всем известно, что многие путешественники побуждались стремлением к богатствам, которые, как им казалось, ожидали их в неизвестных странах и областях; пожалуй, о большинстве экспедиций и путешествий можно сказать, что они едва ли были бы предприняты, не будь в основе их материальных целей и материальных чаяний.

Но повесть об исследовании, прокладывавшем путь к вечным полярным льдам, испокон веков сияет каким-то ярким и чистым блеском от белых снежных полей и удивительных небесных явлений, а также блеском истинного и незапятнанного идеализма. Если исключить чисто промысловые экспедиции, которым, кстати сказать, полярное исследование обязано весьма значительным долгом благодарности, то можно с уверенностью сказать, что даже самый пылкий фантазер никогда не направлял своего пути в полярные льды в надежде найти там „золото и зеленые леса".

На службе у науки предпринимались бесчисленные и непрестанные атаки на одно из самых страшных чудовищ, какие когда-либо лежали на пути стремления человечества к исследованию — на широкую и плотную стену тысячелетнего и даже многотысячелетнего льда, охранявшего тайны северного полюса. И, несмотря на все трагические судьбы и полные разочарований безрезультатные возвращения, попытки снова и снова возобновляются и производятся и по сей день. И эта упрямая настойчивость, если и не победила чудовища, то во всяком случае заставила его приподнять завесу над тайнами.

Огромная брешь в ледяной стене была пробита, когда Норденшельд прошел Северовосточным путем и вырвал материк Азии из когтей чудовища. Поколением раньше Франклин и его экспедиция выяснили, что вдоль всего Североамериканского берега тянется полоса открытого моря; много других брешей пробито смелыми и гениальными полярными исследователями, стремившимися освободить мир от загадочного мрака там на севере — и дорого было ими за это заплачено...

Особенно на Северозападном морском пути. Ни одна полярная трагедия не потрясала человечества так глубоко, как трагедия Франклина и его спутников. Повергла человечество в печаль, но заставила возобновить жестокую борьбу.

Было известно, что существует морской путь вдоль севера Америки, но не знали, проходим ли он для судов, и никто еще не проплывал им. Эта неразрешенная задача не давала покоя, особенно тому, кто с самого детства был захвачен великой драмой франклиновской экспедиции и отдался ей всем своим существом.

И наше знание о полосе открытого моря на запад не было достаточным, пока весь этот морской путь не был пройден на одном и том же судне, подобно тому, как это было с „Вегой“, проплывшей через весь проход на востоке.

И вот маленькая „Йоа“ была тем кораблем, которому выпал жребий свершить это!

„Йоа“ и не мечтала об этом, когда строилась в Русендале в Хардангере для лова сельди. Хотя во фьордах умеют мечтать!

Не мечтал об этом и ее будущий капитан, когда рассказ о Джоне Франклине впервые овладел фантазией 8—9-летнего мальчика. Хотя мальчики способны увлекаться пышными фантазиями!

30 мая 1889 года несомненно стало памятным днем в жизни многих из норвежской молодежи. Во всяком случае в моей жизни. В этот день Фритьоф Нансен возвратился из своего похода через Гренландию

Молодой норвежский лыжник в этот солнечный день прибыл по Кристианиафьорду, и его стройную фигуру окружал ореол удивления всего мира перед подвигом, который он совершил, невыполнимым, „сумасшедшим поступком“!

Майский день на фьорде радовался прекрасному празднику весны, ликовал город, ликовал народ... В этот день я ходил с бьющимся сердцем среди развевающихся флагов, под крики ура, и все мои многолетние детские мечты пробудились с новой силой. И в первый раз в моих тайных мыслях прозвучало робко, но ясно: ах, если бы ты мог пройти Северозападным проходом!

Наступил 1893 год. И Нансен снова отправился в путь.

И мне казалось, что я должен был пойти с ним!

Но я был слишком молод. Моя мать просила меня остаться дома — и продолжать ученье. И я остался.

Мать умерла. Некоторое время моя любовь к ней заставляла меня оставаться верным ее желанию. Наконец я не выдержал. Никакие узы не могли удержать моего стремления к моей старой и единственно желанной цели. Я бросил свое ученье и для того, чтобы стать полярным исследователем, решил начать предстоявшую мне долгую подготовительную работу над собой.

В 1894 г. я пошел юнгой на старой „Магдалене“ из Тёнсберга на ловлю тюленей в Полярном море. Это была моя первая встреча с полярным льдом, и он пришелся мне по вкусу! Время шло, и моя подготовка развивалась успешно. В 1897—1899 гг. я принимал участие в качестве штурмана в антарктической бельгийской экспедиции под начальством Адриена де-Герлаха в южные ледяные области. Во время этого путешествия созрел мой план: мне хотелось связать мечту своих детских лет о Северозападном проходе с гораздо более важной для науки целью: установить нынешнее местонахождение северного магнитного полюса.

Сейчас же по возвращении домой я сообщил о своем плане моему другу, помощнику заведующего

метеорологическим институтом, Акселю С. Стену. Я сам еще не знал, имеет ли поставленная мною себе цель достаточное значение. Стен скоро убедил меня в ее значительности. С рекомендательным письмом от Стена я отправился в Гамбург, чтобы изложить свой план величайшему в то время авторитету в области земного магнетизма, профессору Г. фон Неймайеру, бывшему тогда директором Германской морской обсерватории. По мере того, как я развивал перед ним свой план, возрастал интерес этого любезного старика, а под конец он весь сиял от восторга. Под его личным руководством я долго занимался при Германской морской обсерватории.

Но вот наступил, наконец, великий день, когда мне пришлось излагать свой план Фритьофу Нансену.

Кажется, Марк Твен рассказывает об одном таком маленьком человеке, что он должен был входить в двери дважды, чтобы его заметили. Но незначительность этого человека ничто в сравнении с той, которую я чувствовал в то утро, когда вошел в дом Нансена в Люсакере и постучался у дверей его кабинета.

— Войдите! — раздалось оттуда. И вот я очутился лицом к лицу с тем человеком, который был для меня в течение целого ряда лет буквально сверхчеловеком, человеком, выполнившим такие задачи, которые заставляли трепетать во мне каждую жилку.

С этого времени я считаю начало существования экспедиции „Иоа“: Нансен одобрил мои планы.

Но, конечно, этого было мало. Для полярной экспедиции нужны деньги. А их-то у меня, к сожалению, было немного. Того, что у меня было, едва хватало на судно и научные инструменты. Не оставалось ничего иного, как пойти странствовать от одного к другому, кто так или иначе мог заинтересоваться предприятием. Это было прохождением сквозь строй, и мне не хотелось бы повторять его когда-либо. От этого времени у меня осталось много светлых и хороших воспоминаний о людях, которые ободряли и поддерживали меня, как могли. Но остались и другие воспоминания о тех, кто считал себя умнее своего ближнего и думал, что он

Яхта „Йоа“

имеет право порицать и порочить все, что предпринимали или хотели предпринять другие... однако, забудем о темных воспоминаниях и останемся с одними только хорошими. Нансен и в этом отношении, как и во всем другом, был неутомим. Трое моих братьев тоже во многом помогли мне в этой тяжелой работе.

Первое, что я приобрел, это научные инструменты. Потом очередь дошла до судна.

Выбор пал на одну яхту, приписанную к Тромсё — „Йоа“. Она была построена в 1872 году в Русендале

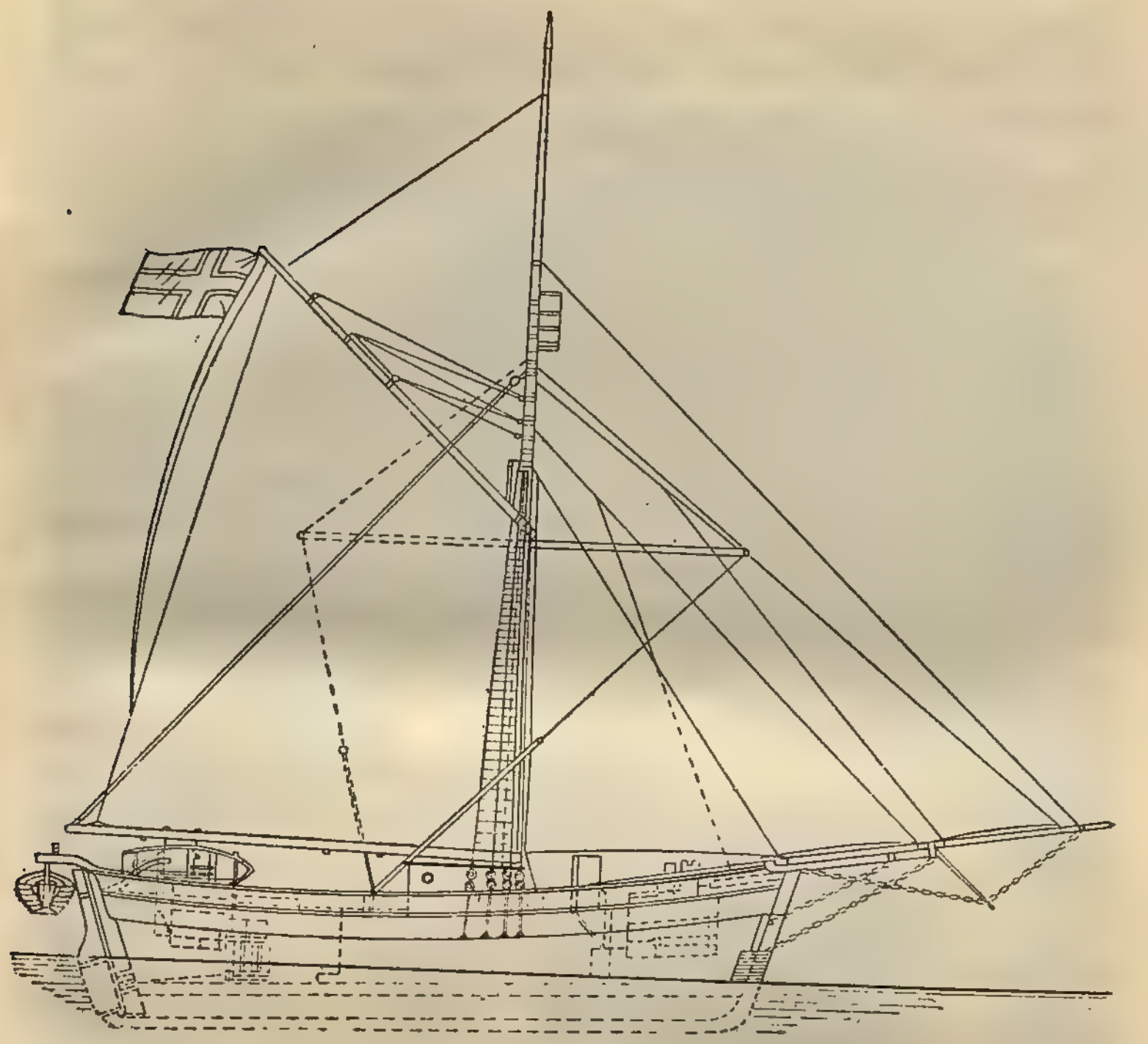
в Хардангере, как уже упоминалось. После того как ею в течение многих лет пользовались при ловле сельди у берегов, она была продана в 80-х годах капитану Х. К. Иоханнесену в Тромсё и несколько лет подряд ходила в Полярное море. Здесь ей не давалось пощады, и она не раз имела случай проявить себя судном необычайно хорошей постройки.

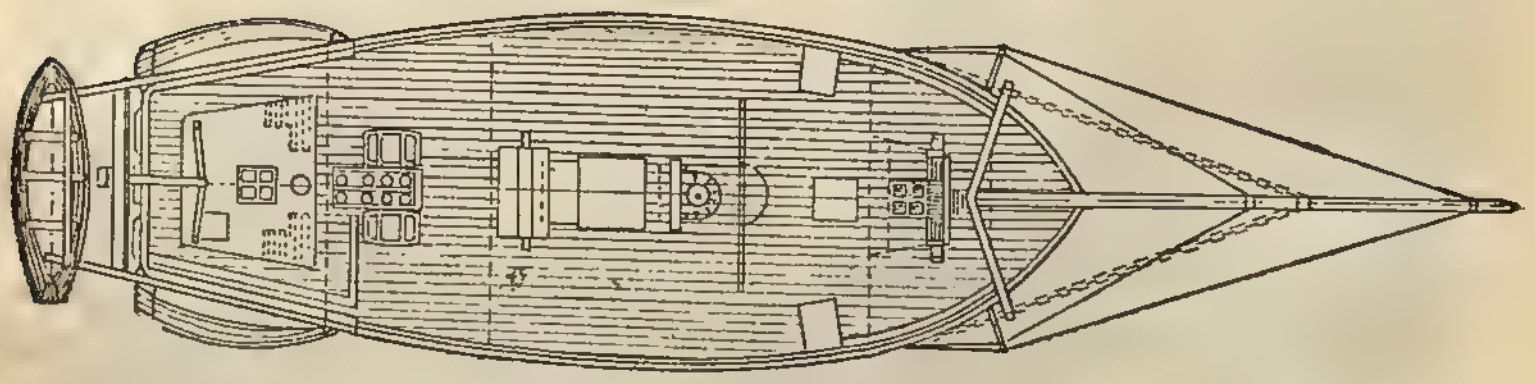
Купив в 1901 году „Йоа", я счел нужным снарядить ее в летнее плавание в Полярном море, чтобы испробовать ее и научиться ею управлять. До этого времени я никогда еще не бывал на яхте, и обращение с таким маленьким судном было мне совершенно незнакомо. Плавание вполне меня удовлетворило, а „Йоа" показала себя способной прекрасно справляться со всяким положением. Однако, было необходимо, конечно, произвести ряд улучшений в соответствии с предстоящим долгим путешествием. Бо́льшая часть этой работы была выполнена на корабельной верфи в Тромсё.

В мае 1902 года „Йоа" подняла флаг и простилась со своей многолетней стоянкой в Тромсё. В Троньеме я остановился у механической мастерской Исидора Нильсена, чтобы произвести на борту необходимые железные работы. Бидоны для керосина были сделаны по форме судна. Наш маленький мотор — 13 лошадиных сил, типа „Дан" — был соединен передачей со всем на борту корабля, что могло вращаться с его помощью — легко и во всех отношениях удобно. Мотор был нашим любимцем на борту судна. Когда он останавливался, казалось, что мы теряли хорошего товарища. Я с уверенностью могу сказать, что мы в значительной степени обязаны прекрасной маленькой машине своим счастливым плаванием по Северозападному проходу.

Весной 1903 года „Йоа" подошла к пристани Фрамнес в Кристиании — принять на борт снаряжение и провиант. Большие однотипные ящики с продовольствием укладывались как кубики в коробку. Все было сделано так хорошо, что на борту маленькой „Йоа" уместилось продовольствия и снаряжения приблизительно на 5 лет!

При чрезвычайно важной работе по снабжению провиантом неоцененные услуги оказал нам проф.





Оснастка и палуба „Йоа"

Софус Туруп. Все наши консервы, приготовленные в октябре 1902 года, были им просмотрены и исследованы. Весь наш пеммикан, как для людей, так и для собак, был изготовлен сержантом Педером Ристведтом под наблюдением проф. Турупа. Точно также и рыбная мука.

13 мая 1903 года „Йоа“ была готова к отплытию и все участники собрались. Это были:

1) Премьер-лейтенант Годфред Хансен, родившийся в Копенгагене в 1876 году. Он был помощником начальника экспедиции. Во время своей службы в датском военном флоте он совершил несколько плаваний в Исландию и на Фарерские острова и глубоко интересовался полярным исследованием. Он был навигатором, астрономом, геологом и фотографом.

2) Антон Лунд, первый штурман, родился в Тромсё в 1864 году, много лет плавал шкипером и гарпунщиком в Полярном море.

3) Педер Ристведт, родился в Сансвере в 1873 году, принимал участие в моем пробном плавании на „Йоа“ в 1901 году. Он был нашим метеорологом и первым машинистом.

4) Хельмер Хансен, второй штурман, родился в Вестеролене в 1870 году и много лет плавал в Полярном море.

5) Густав Юль Вик, родился в Хортене в 1878 году. Прошел курс обучения в магнитной обсерватории в Потсдаме и помогал мне при производстве магнитных наблюдений. Он был вторым машинистом.

6) Адольф Хенрик Линдстрем, родился в Хаммерфесте в 1865 году и был коком экспедиции. Он принимал участие во второй экспедиции „Фрама“ в качестве кока.

Наши денежные затруднения продолжались. Только в июне все было приведено в порядок, и мы могли перейти на борт своего маленького судна и начать плавание на „Йоа“, чтобы, следуя по стопам своих предшественников, приняться за дело служения человеческому знанию.

В ПОЛЯРНОЕ МОРЕ

ИОКДНО лишь небо проявило к нам видимое участие при нашем отплытии. И проявило его бурно. В ночь с 16 на 17 июня, когда наш жребий был брошен, шел проливной дождь. Была тихая темная ночь, и только самые близкие люди собрались на пристани проститься с нами.

Несмотря на дождь, темноту и последние слова прощания, наше настроение на борту „Йоа“ было приподнятым и светлым. Последние недели ожидания без особого дела утомили всех нас. Для своих же собственных переживаний я не могу найти подходящего выражения. Утомительная работа последнего времени для приведения всего в порядок, беспокойство о том, что не удастся двинуться с места, и отчаянные усилия раздобыть недостающие гроши — все это подействовало на меня сильно и отозвалось на душевном и телесном состоянии.

Но вот все позади, и никто не в силах описать того огромного облегчения, которое мы испытали, когда судно начало скользить по воде!

Кроме нас, семерых участников, с нами были трое моих братьев, пожелавших проводить нас по Кристиниафьорду. Тихо и спокойно было на борту: вся навигационная работа лежала пока на буксире, который шел впереди. Вахта была поручена рулевому, — а также нашим шести собакам! Собаки раньше служили второй экспедиции „Фрама“, которая и привезла их домой. Бедные животные! Лучше было бы оставить их среди льда и снега, чем тащить сюда, где они жестоко страдали, особенно этой необычайно теплой весной. Сейчас они с жалким видом стояли привязанные у поручней под дождем — хуже этого не может быть ничего для полярной собаки. Они уже перенесли морской переход под дождем и слякотью, чтобы прибыть сюда, и теперь снова должны были страдать на обратном пути. Но по крайней мере теперь несчастные возвращались к себе на родину.

В 6 часов утра мы вошли в гавань Хортена и приняли на борт 200 кг пироксилина. Взрывчатые вещества могут пригодиться в полярной экспедиции, и я сни-

тал бы большой ошибкой отправляться без них, хотя бы, пожалуй, они, как это было у нас, и не пригодились потом.

В 11 часов утра мы были у выходного маяка — Фердера. Погода исправилась, и дождь перестал. Только мы собирались отдать буксир, как он сам лопнул и избавил нас от этой работы. На всех парусах „Йоа“ пошла бейдевинд на юг, салютуя флагом в последний раз в знак привета всем нашим близким, остававшимся дома. Долго следили мы в бинокль за буксиром, долго махали шапками, отвечая на приветствия, пока судно не скрылось из глаз.

Вот мы и одни и должны приниматься за дело в серьез.

„Йоа“ была сильно нагружена, да и вообще тяжела, и потому она двигалась вперед не очень-то быстро. Все было заранее приготовлено к морскому переходу, и мы сейчас же приступили к своим постоянным обязанностям. Сменилась вахта, освободившиеся пошли отдыхать. Как чудесно! Никакого беспокойства, никаких надоедливых кредиторов, никаких скучных людей с дурными предсказаниями или даже презрительными улыбками... только мы — семеро веселых и довольных людей на борту судна, где нам так хотелось быть, со светлой надеждой и твердой верой в будущее, навстречу которому мы шли. Мир, так долго казавшийся мне темным и мрачным, вставал предо мной полный бодрости и интереса.

Последней землей, что̀ мы видели, был маяк Листера. В Северном море раза два было свежо, что не так-то приятно для непривычных к морю. Собак теперь спустили, и они свободно прыгали кругом. В дни, когда бывает большая волна и „Йоа“ швыряет, а швыряет ее как следует, они бродят вокруг и наблюдают за выражениями лиц различных участников экспедиции. Пища, которую они получают, — 1 сушеная рыба и 1 литр воды, — недостаточна для удовлетворения их аппетита, и поэтому они разыскивают всевозможные способы урвать лишний кусок. Они давно перезнакомились и прекрасно уживаются — во всяком

случае мужской пол. С двумя дамами — Кари и Силла — дело обстоит хуже. Кари — старшая из них и требует абсолютного повиновения, что Силла, тоже уже взрослая дама, с трудом переносит. Поэтому нередко случается, что одна вцепляется в другую. Ула, признанный вожак, всячески старается помешать подобным баталиям. Несравненное зрелище смотреть на старого Улу, — я мало видел таких умных собак, — когда он бросается между этих двух самок и старается предотвратить битву.

Повседневная жизнь скоро пошла своим чередом. Каждый оказался вполне подходящим для своего поста. На борту „Йоа“ мы учредили маленькую республику. У нас не было строгих законов. Я сам знаю, как тяжела строгая дисциплина. Можно работать без того, чтобы бич закона щелкал у тебя над головой.

Я по собственному своему опыту решил по возможности широко проводить на борту систему свободы — пусть каждый чувствует себя независимым в своей области. Таким образом — у разумных людей — создается сама собой добровольная дисциплина, гораздо более ценная, чем дисциплина принудительная. У каждого появляется сознание, что на него рассчитывают как на мыслящего человека, а не как на заводную машину. Охота к работе увеличивается во много раз, а поэтому улучшается и сама работа. Систему, проведенную на „Йоа“, я рекомендую всем!

Повидимому, и мои товарищи оценили ее, и плавание на „Йоа“ походило гораздо больше на праздничное путешествие друзей, чем на вступление к многолетней страде.

25 июня мы вышли в Атлантический океан между островом Фэр и Оркнейскими островами.

Посмотрели бы на нас те многие, которые предсказывали нам гибель уже здесь! На всех парусах при свежем ветре с юго-востока „Йоа“ неслась на запад полным ходом. Наша „Йоа“ плясала на волнах — она состязалась с чайками!

Странно, как мало жизни в этих водах! Мы не видели ни птиц, ни рыб, нечего говорить уж о судах. После

того как мы оставили за собой Листер, мы видели только один большой трехмачтовый корабль и то вдали. Мотор не раз был нам полезен. Я решил, что, когда ветер ослабеет настолько, что мы будем делать меньше двух узлов в час, я буду пускать мотор в ход. Впрочем, необходимо было экономить возможно больше керосин, так как мы не могли знать, сколько времени продолжится наше плавание.

Теперь все шло своим чередом, и дело спорилось. Сутки были разделены на 4 шестичасовых вахты. Три человека в каждой вахте. Обязанности были также распределены между всеми нами. Когда работал мотор, машинисты бóльшую часть времени были у машины. Однако, они всегда были готовы прийти нам, палубным матросам, на помощь в необходимый момент. Старой вражды между палубными матросами и машинистами не существовало на борту „Йоа". Мы все работали для одной общей цели и охотно и радостно принимали во всем участие. Таким образом обычно на палубе оставалось два человека, и мы отстаивали поровну вахту на руле.

В конце июля собаки начали болеть. Повидимому, прежде всего болезнь отражалась на их разуме. Они вяло бродили. Ничего не видели и не слышали. Ели мало или совсем не притрагивались к пище. Это продолжалось два дня, а затем задняя часть туловища поражалась параличом, так что собаки могли с трудом передвигаться. Наконец наступал приступ судорог, и нам приходилось выстрелом кончать с собакой. Так потеряли мы двух прекрасных животных—Кари и Иосифа — к великому удовольствию Силлы, единственной оставшейся теперь самки.

Наше плавание все время протекало по возможности по дуге большого круга. Погода благоприятствовала, и нельзя было жаловаться на скорость хода. 5 июля подул довольно свежий ветер с юго-востока. Мы поставили топсель и резали воду со скоростью 10 миль. Гротагик был правильно поставлен и наложен стопор. Моросило, когда вечером я пошел спать. В час ночи ветер перешел на восток, и в результате грот переки-

нуло на другой галс. Гика-стопор лопнул, и гик с большой силой отлетел в сторону. Это могло иметь для нас серьезные последствия; но не было бы счастья, да несчастье помогло: одновременно со стопором сломался также и кофель-нагель, к которому был прикреплен гафельфал, вследствие чего гафель освободился и смягчил удар, иначе все это могло бы стоить нам гика. Это был сравнительно дешевый урок. Мы стали осмотрительнее ночью.

Наши четыре оставшиеся собаки начали определенно тосковать. В начале они наблюдали за ветром и погодой и тем коротали свое время; но метеорологические наблюдения перестали их развлекать, и их мысли обратились к новому полю деятельности. Леность — мать всех пороков, это относится как к людям, так и к животным. Лурвен и Бисмарк, раньше преданные и совершенно покорные Уле, начали протестовать и выступать против начальника. Виноват во всем был Лурвен — он был дурным от рождения — это он подстрекал Бисмарка! Тот был большой великолепной собакой, лет двух от роду, с превосходной хваткой — я такой и не видывал. Зубы Улы пострадали от старости и немного сточились. Однако, он пользовался уважением, как старый вожак, и другие собаки должны были дважды подумать, прежде чем напасть на него. Лурвен прекрасно играл свою роль. Сразу с места он бросался к Уле. Бисмарк, видя, что дело идет о генеральном сражении, моментально присоединялся к товарищу, чтобы помочь ему. Подбежав к Уле вплотную, Лурвен сразу останавливался, вследствие чего Бисмарк, неподготовленный к такой хитрости, попадал прямо в пасть врага. Обычно дело кончалось тем, что ему здорово влетало от более опытного Улы. Лурвен был самой зловредной собакой из всех, каких мне только приходилось встречать. Я как сейчас вижу его перед собой: голова на бок, маленькие прищуренные глазки, хвост в сторону — бежит по палубе, придумывая новые фокусы. Он часто бывал бит за свои скверные проделки и поэтому откладывал свои операции на такое время, когда за ним меньше наблюдали. Если мы,

2—2130

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

БИБЛИОТЕКА Г. Ш ВМС СССР

например, бывали заняты парусами, то могли с уверенностью ожидать баталии. Ночью в темноте и безмолвии, когда ему удавалось стравить обеих собак, он часто пользовался случаем и бросался Уле на спину, и тогда старику приходилось плохо. Бедный Ула часто бывал бит во время этих ночных сражений. Силла в таких случаях прыгала вокруг сражающихся и одна поднимала такой лай, что совершенно заглушала их обоих. Время от времени цапала их за ноги.

Дождь шел постоянно и равномерно, и мы собирали воду во всякую посуду, чтобы иметь запас для мытья и для собак. Обычно же мы мылись соленой водой и поэтому особенно не обращали внимания на абсолютную белизну.

Мы зорко следили за появлением льда и 9 июля, увидев две узких полоски, колыхавшихся в море, поняли, что скоро должны будем ожидать главных масс льда. И точно. Вскоре перед нами появилось много плотного сплошного льда. С ним пришел и верный спутник льдов — туман, составлявший нам компанию во время большей части нашего плавания в арктических водах.

11 июля в два с половиной часа дня мы увидели землю, несколько западнее мыса Фэруел. Великолепно вырисовывался высокий изрезанный горный пейзаж. Лед, повидимому, лежал вплотную к земле. По совету шотландских китобоев, капитанов Мильна и Адамса, я держался дальше от берега, чтобы не попасть в лед. 13-го мы встретили первые ледяные горы — двух одиноких великанов. Те из нас, кто не видывал раньше таких красавцев, конечно, очень заинтересовались, и бинокли переходили из рук в руки.

При виде льда у многих из нас забилась охотничья жилка. В бинокль выслеживалась возможная добыча, и постоянной темой разговоров были рассказы о медведях. Само собой разумеется, в наших ожиданиях выше всего котировался белый медведь; однако, мы были не прочь встретиться и с хохлачом („клаппмюсс“) — большим великолепным тюленем, встречающимся во льдах вдоль берегов Гренландии. Кое-кто из ярых

охотников высказывался даже о возможности осилить кита!

15 июля господа охотники удовлетворили, наконец, свою жажду крови. В этот день мы сделали небольшую диверсию в лед и застрелили четырех больших тюленей. Свежее мясо было превосходно на вкус. А красноречие Линдстрема, пустившегося в разговоры о рулете, маринованной свинине и сосисках, подействовало так, что у всего экипажа корабля потекли слюнки! Он заговорил о своих кулинарных подвигах в бытность свою первым коком на „Фраме“. К сожалению, речь его шла о прошедшем времени, а мы ждали и надеялись на его подвиги в настоящем. Но пока — увы! Однако — хвала коку „Йоа“ — он все-таки зажарил нам много хороших бифштексов!

И не только нам, людям, пришлось по вкусу свежее мясо. Собаки дали явные доказательства того, что и они не постники. Они жрали так, что брюхо раздувалось у них как шар! Особенно отличался Лурвен. Он настоящая свинья и весь перемазан жиром и кровью. И после таких пиршеств для каждой вахты начинается тяжелая новая работа с полной нагрузкой. Каждый моряк знает эту сторону пребывания собак на борту. Вообразите себе четырех собак зараз и никакой дрессировки для гостиных!

Через день мы опять во льду и убили еще семь тюленей. В такое время очень тупятся гарпуны и ножи. Наш изобретательный машинист придумал присоединить точильный камень к машине для спуска лота, которая соединена с лебедкой, и таким образом справляется с точкой один.

Линдстрем уверяет, что тюленья печенка — деликатесс совершенно особенный, поэтому он угощал ею нас днем и ночью. На вкус она, правда, недурна. Когда мы приблизились к „Малой палтусовой банке“, машинист, такой же страстный рыболов, как и охотник, привел в порядок рыболовные снасти и устроился в лодке, где демонстрировал высший класс рыбной ловли. Сам он полон радужных надежд и находит поддержку в коке, мы же все относимся к этому не-

сколько скептически. Его торжество было велико, когда он однажды утром действительно поймал маленького палтуса, дивного на вкус.

20 июля мы увидели Суккертоппен. Берег все время сохраняет свой характер высоких разорванных вершин. Жизни здесь больше — то-и-дело появлялись стаи китов. У берега погода лучше, чем дальше в море — ясно при легком бризе с юга. Температура воды доходит до +4° С. Льда не видно, хотя можно было бы подумать, что постоянный северный ветер, дувший все время на нас, должен был бы пригнать ледяные массы на юг. Может быть, льда вообще нет?

Здесь мы впервые заметили, что компасу нельзя доверять. Это, однако, хорошо известное явление у западного берега Гренландии. Дальше в море он вполне надежен. Причина, конечно, в горах с большим содержанием железа.

24 июля был изумительный день, совершенно тихий и необычайно ясный. Первый действительно летний день со дня нашего отъезда. Мы воспользовались случаем, чтобы вынести наверх весь привезенный из дома свежий хлеб, сложенный в трюме. Много хлеба было попорчено, но мы срезали заплесневшие части и оставшееся проветривали при всяком удобном случае.

— Впереди виден корабль! — раздается вдруг. И все оживляются. Вытаскиваются все бинокли — а их у нас на борту „Йоа“ много.

— Трехмачтовый корабль! — слышен возглас.

— Ну, нет, не довольно ли будет шхуны!

— Я ясно вижу, что это бриг.

Это, конечно, одно из судов королевской гренландской датской торговой компании, возвращающееся домой.

— Еще одно! — кричит кто-то с биноклем в руках.

Однако! Ледяные пустыни вдруг оживились! Мы снуем вдоль по палубе и, довольные, обсуждаем, как мы удивим подходящее судно. Не обошлось без того, что мы немного прибрали на палубе... ведь могут явиться с визитом.

Но вот один бинокль опускается, и раздается раскатистый смех.

— В чем дело?

— Господа, — говорит лейтенант Хансен, — это айсберги!

Раздаются негодующие протесты, мы смотрим в бинокль, спорим, пока судно приближается к предмету споров. Страсти остывают, отпадает трехмачтовый корабль, затем бриг. У шхуны все еще есть один приверженец, но вот мы подходим так близко, что перед нами видна ясно куча айсбергов, повидимому стоящая на мели на „Большой палтусовой банке".

Позднее к вечеру мы увидели остров Диско, высокий и с плоскими вершинами, еще издалека легко распознаваемый. Но до него не так-то скоро доберешься. В 8 часов вечера мы были еще в 30 милях от него и только в половине 11-го следующего утра достигли берега. Казалось, барьер из севших на мель айсбергов закрывает вход в Годхавн. Но вскоре управляющий колонией Нильсен выехал к нам на лодке, чтобы приветствовать нас и провести в гавань.

Противный ветер дул сильными порывами, и нам пришлось лавировать под парусами, так как мотор один не справлялся. В час дня мы стали на якорь.

Годхван расположен на небольшом низком острове, отделенном от Диско очень узким проливом. Местечко в 1903 году насчитывало 108 душ населения и являлось резиденцией инспектора Северной Гренландии. Оно расположено необычайно красиво, высокий величавый Диско находится к северу, а к югу и западу простирается море, время от времени загромождаемое огромными айсбергами.

Мы тотчас же отправились с визитом к местным властям — инспектору и управляющему колонией. Уже за год перед тем я переписывался с инспектором Даугорд-Енсеном, который обещал достать для меня 10 собак для саней с полной упряжью. Он принял нас очень любезно и сообщил, что все прибыло в полном порядке, — сани, каяки, лыжи, 20 бидонов с керосином и пр. Королевская датская гренландская торговая ком-

пания пошла предупредительно нам навстречу и перевезла для нас все эти вещи на одном из своих судов. Я приношу директору Рюдбергу и заведующему конторой Кренкелю глубокую благодарность за прекрасное отношение Гренландской торговой компании к экспедиции „Йоа".

Управляющий колонией Нильсен во всем чрезвычайно помогал нам. Мы сейчас же разделились на две партии, из которых одна занялась необходимыми наблюдениями, тогда как другая взяла на себя всю работу на борту судна. Лейтенант Хансен производил астрономические, а Вик магнитные наблюдения. Лунд и Хансен должны были погрузить все на судно и кроме того привести его в порядок для продолжения нашего путешествия. Ристведт бегал взад и вперед, и у него была масса хлопот. Он отсчитывал показания хронометра то для астронома, то для наблюдателя магнитных явлений, то спускался в трюм и осматривал цистерны для воды, то устанавливал в машинном отделении бидоны с керосином. Работы было по горло! Но как все спорилось! Все были охвачены одним стремлением проделать всю работу хорошо и быстро, чтобы выйти в море как можно скорее и для этого не потерять ни минуты времени и не упустить ни малейшей возможности. Линдстрем взялся за дело как следует. Он поспевал всюду — менял и покупал у эскимосов то соленую лососину, то свежую рыбу, то гагу, то гагару. Поэтому у нас в это время было очень разнообразное меню.

Разменной монетой у Линдстрема были заплесневелые сладкие булки из пекарни Хансена в Кристиании. Хотя эта монета была не звонкой и даже не вполне хорошей, но все же она была круглой и отлично шла. Как только какой-нибудь эскимос появлялся с товаром, Линдстрема вызывали на палубу. Переговоры велись на эскимосском и на чистейшем северном норвежском языках. С обеих сторон подавались то длинные, то короткие реплики, но мало-по-малу со стороны эскимоса они становились все более робкими и испуганными из-за покровительственной снисходительности Линдстрема, которому ничего на свете не было нужно и кото-

рый ни в чем не нуждался. Мы знаем, что наш милейший кок не имеет ни малейшего представления ни об одном эскимосском слове, и собираемся вокруг этой пары, готовые лопнуть от смеха. Такая дискуссия продолжается довольно долго, Линдстрем вдруг делает радостный знак понимания и исчезает в каюте. Толстый и довольный возвращается он—с двумя заплесневевшими сладкими булками подмышкой. Эскимос смотрит на него с признаками полнейшего изумления. Он ведь только что просил табаку за своего лосося. Желание объяснить Линдстрему его ошибку натыкается на стену подавляющей покровительственной нечувствительности. Линдстрем получает лосося, эскимос сладкие булки, и дело окончено. Пожалуй, забавнее всего эпилог. Линдстрем рассказывает, что, конечно, он понимал каждое слово эскимоса, „но он просил три сладких булки, а я сделал вид, что не понял, и дал ему две!“ Однако, у меня есть смутная догадка, что эскимос не раз приходил домой к своим со сладкими булками и, конечно, с бóльшим правом, хвастался, что это он „сделал вид, что не понял“!

Наше пребывание в Годхавне было очень приятным. Единственно нам докучали комары, настолько сильно мешавшие нашей работе, что нам приходилось то-и-дело спасаться от них в каюты, чтобы немного передохнуть. Туда редко забирался этот гнус.

31 июля мы были готовы. Различные наблюдения были выполнены, и все наше снаряжение погружено. Мы уже запаздывали и должны были торопиться. Итак, мы простились с любезными людьми в Годхавне и подняли якорь. Инспектор, управляющий колонией и его помощник проводили нас по проливу. На официальных постройках были подняты флаги, и раздался салют с батареи. В шхерах мы простились с нашими друзьями, еще раз приветствовали гостеприимный датский флаг и затем были предоставлены самим себе. Сейчас же в море нас встретил наш старый приятель, северозападный ветер, и мы должны были лавировать.

Скала Парри была неправильно показана на нашей карте, и мы чуть-чуть не наскочили на нее. К счастью, мы

заметили на ней буран и во-время отвернули. Она очень низка и вводит в заблуждение, напоминая спину кита.

За время пребывания в Годхавне я выдал каждому участнику экспедиции толстое шерстяное нижнее белье, исландскую куртку и нансеновское верхнее платье, поэтому мы были готовы для встречи со льдами. Большинство из нас выменяло себе также одежду из тюленьей кожи.

6 августа мы были на траверзе Упернивика в 12 милях от него. Здесь скопились сотни айсбергов, больше и солиднее тех, что мы встречали южнее. Дрейфующего льда мы все еще не видели и начали надеяться, что беспрепятственно проскочим Мельвильскую бухту. На следующий день мы миновали Итивлиарсук на 73°30′ с. ш. — самое северное поселение цивилизованных людей. 8 августа мы были у острова Холмса и должны были начать переход через Мельвильскую бухту. Это самый опасный участок в этой части арктического океана. Много судов закончило здесь свой последний рейс. Впрочем, условия плавания опаснее в более раннее время года. В июне и июле, когда вскрываются льды, а китобои уходят на промысел к северу, — ведь нужно первым прийти на место, — им часто приходится вести тяжелую борьбу со льдами. Внешняя часть льдов в бухте вскрывается сначала, а внутренняя еще остается. Этот лед носит название берегового, или сплоченного льда. Китобои ищут прохода вдоль его кромки, и более благоразумные из них не оставляют ее, пока не выйдут на свободную воду у северной стороны бухты. В кромке берегового льда часто образуется нечто вроде природных гаваней, куда судно — в случае если наседает дрейфующий лед — может войти и там укрыться. Если такой природной гавани не встречается, то у многих китобоев бывает достаточное количество команды, чтобы в сравнительно короткое время самому врезаться в лед. В этих водах плавают, главным образом, шотландцы, и несомненно, что из этих шотландских китобоев здесь — в этих трудных и опасных условиях — выработались одни из самых выдающихся моряков нашего времени, знатоков Полярного моря.

У острова Холмса мы проложили курс на мыс Йорк. Условия плавания казались очень благоприятными. Нигде не было видно сплоченных льдов, а, насколько хватал глаз, вся Мельвильская бухта была покрыта айсбергами и обломками льда, то есть кусками айсбергов. В 3 часа пополудни мы прошли известный береговой знак „Чортов большой палец", утес до того напоминающий старый узловатый загнутый большой палец, что мы все расхохотались при виде его.

Мы поставили все паруса и пустили мотор полным ходом. Нужно было, не жалея ничего, пройти бухту как можно скорее. Но, к сожалению, наш курс на мыс Йорк не удержался долго. Уже на следующее утро мы были остановлены сплоченным льдом. За ночь образовался новый лед в четверть дюйма, и мы с досадой должны были повернуть к югу, как уж многие до нас. Но сначала мы пробились немного в лед, чтобы взглянуть на него поближе. Ровные, плоские и острые его края говорили за то, что это только что отколовшийся береговой лед, значит, повидимому, мы держались слишком близко к берегу. Теперь мы шли вдоль этого льда к юго-западу. К юго-западу перед нами простирался ледяной выступ. Воздух над ним был темный и указывал на существование там открытой воды. Однако, за этим мысом торчал второй на другой стороне большой бухты, наполненной рыхлым льдом. Мы попробовали войти в эту бухту, но лед скоро стал плотным, и нам пришлось снова уйти. Дальше в море лед был еще значительно плотнее и казалось, что мы находимся как раз на границе между только что отколовшимся береговым льдом и дрейфующим льдом. Поэтому я решил ходить здесь взад и вперед, так как полагал, что всякое изменение условий, вероятно, лучше всего проявится здесь. И действительно! В 12 часов ночи лед разделился и позволил нам итти без особой трудности. Одновременно спустился туман — густой и плотный. Тот, кто не видал тумана Полярного моря, не знает, что такое туман. Даже лондонский туман ничто в сравнении с ним. Ничего не было видно на длину судна. Но мы продолжали итти по компасу

и в направлении своего курса, и лед вежливо уступал нам дорогу. Так мы шли среди влажной каши, но если бы меня спросили о состоянии льдов в этой части Мельвильской бухты, то я не мог бы дать никакого ответа. Однообразие иногда нарушалось тюленем, который сейчас же расставался с жизнью; мы объедались свежим тюленьим мясом. До сих пор нам не попадалось ни одной птицы, но здесь то-и-дело появлялись огромные стаи люриков — тысячами пролетали они мимо самого судна. Дрейфующие льды дают одно большое преимущество, а именно — изобилие воды, почти на каждой льдине бывают лужи чудеснейшей питьевой воды, и мы, наконец, позволили себе даже роскошь помыться и покупаться в пресной воде.

13 августа в половине третьего утра я стоял у руля, приняв вахту в 2 часа — дрожал и мерз. Пожалуй, мне, как полярному исследователю, не полагалось бы признаваться в этом, но я все-таки мерз. Два моих товарища по вахте бродили по палубе и старались согреться. Туман спустился и пропитал все, что входило с ним в соприкосновение. Вообще говоря это было довольно гнусное предрассветное занятие. Сменившиеся с вахты сидели теперь внизу и грелись кипящим кофе — что они, конечно, заслужили своей шестичасовой страдой.

Вдруг в тумане образовался светлый прорыв, и как по мановению волшебного жезла передо мной открылось чистое пространство при ярком свете дня. Прямо против нас и как будто совсем близко — внезапно появился дикий и изрезанный мыс Йорк, казавшийся какой-то очарованной сказочной страной.

Мы все трое сразу вскрикнули от удивления и восторга. Свободные от вахты бросили свое кофе и выбежали наверх, и вскоре все мы стояли в тихом созерцании. Утро было такое ослепительное, невероятно ясное, и нам казалось, что мы в час, два достигнем мыса Йорк. И все же он был от нас на расстоянии 40 миль. На восток лежала перед нами вся внутренняя часть Мельвильской бухты. Совсем в глубине, в самой внутренней ее части, можно было разглядеть

отдельные высокие горные вершины. Непроходимые ледяные массы наполняли бухту, там и сям из ледяных масс поднимались вверх могучие айсберги.

Когда, наконец, мы оглянулись, то увидели, что туман, так внезапно освободивший нас, лежал за нами плотной стеной.

Это было одно из тех чудесных зрелищ, которые переживаешь только в царстве льдов, они не забываются всю жизнь и притягивают к себе с такой силой, что человек стремится снова и снова вернуться сюда, несмотря ни на какие лишения и трудности.

Состояние льдов в направлении нашего курса казалось благоприятным. Правда, с наветренной стороны лежал лед, но мы не обращали на него особого внимания. Однако, в 12 часов того же дня льды сплотились и оставался только небольшой открытый проход к северу. Мы находились в это время в 25 милях от мыса Йорк. Но постепенно лед перед нами раздвинулся, — как будто бы для нас специально освободилась дорога, — и в 5 часов дня мы дошли до кромки берегового льда у мыса Йорк. Мы шли некоторое время вдоль нее, держа курс на мыс Дэдли Диггс. Туман снова сгустился, и мы остановились во льду, чтобы подождать, пока он рассеется. Двое из наших охотников воспользовались случаем, чтобы отправиться на лодке за лириками. Часа через два охотники вернулись с достаточным для обеда количеством птиц. По вкусу они напоминали нежнейших дроздов — удивительно, каким лакомкой становишься во время путешествий во льдах!

К смене вахты на следующее утро прояснело. По близости кругом много сплоченных льдов. Но в миле к югу от нас тянулась на запад большая широкая полынья, и как мне ни не нравилось возвращаться, все же я счел нужным это сделать. После преодоления некоторых трудностей мы вошли в полынью. Она раскрывалась все шире и шире на запад, и нельзя было сомневаться в том, что она ведет к открытой воде. И в половине четвертого мы действительно оказались на свободной от льдов воде.

Мельвильская бухта была побеждена. У нас были все основания быть вполне довольными; этот участок всегда казался мне самым трудным изо всего Северо-западного прохода — особенно на таком небольшом судне, как наше. И вот мы прошли его благополучно.

В 4 часа 15 августа мы были у Далрипмл Рока, где шотландские китобои Мильн и Адамс оставили для нас порядочный склад. Далримпл Рок легко узнать по описанию. Он выдается из моря в форме конуса. Если подходить с восточной стороны Уолстенхолма, как шли мы, то видишь прежде всего маленький остров к северу. Это Гагачий остров, здесь и на Далримпл Роке эскимосы ежегодно собирают множество яиц.

— Впереди два каяка! — закричал вдруг наблюдатель из бочки.

Сразу все очутились на палубе. Я остановил машину, и каяки были подняты на борт. Мы были очень рады познакомиться с северогренландскими эскимосами, о которых сообщают изумительные вещи. Их было двое, и они прекрасно выглядели. Одежды их сначала поразили нас; например, невероятный восторг вызвал один эскимос, когда он нагнулся поднять выроненный нож, и при этом обнаружилась большая часть его седалища! Прекрасный способ кланяться! Они оба были чрезвычайно подвижны, болтали, перебивая друг друга, махали руками, жестикулировали. Было ясно, что они хотели что-то рассказать нам. Но мы, конечно, не понимали ни звука. Вдруг физиономия одного из эскимосов расплылась в широкую улыбку, и он сказал:

— Милиус!

Тогда мы поняли, в чем тут дело. Повидимому, по близости находилась так называемая датская литературная гренландская экспедиция под начальством Милиуса Эриксена. Судя по тому, что мы слышали о ней, мы думали, что она находится среди эскимосов у Мыса Йорк.

Едва было произнесено имя Милиуса, как раздалась стрельба и шум, словно за высокой ледяной глы-

бой происходило сражение, и оттуда с молниеносной быстротой вылетело шесть каяков. Один из них был украшен маленьким норвежским флагом, другой датским. Это был действительно приятный сюрприз.

Вскоре у нас на борту оказались начальник экспедиции Милиус Эриксен и один из участников ее Кнуд Расмуссен с четырьмя эскимосами. В радостной сумятохе зазвучали приветствия, посыпались беспорядочные вопросы и ответы, и только спустя некоторое время мы успокоились настолько, что могли дать и получить кое-какие толковые сведения. Больше всего нас заботил склад, и мы с облегчением узнали, что он находится в полнейшем порядке. В 7 часов вечера мы дошли до Далримпл Рока. Там нет никакой гавани, поэтому нам пришлось остановиться без всякой защиты. Я сейчас же съехал на берег с Лундомо смотреть склад и установить, как наладить работу по перенесению его на борт. Милиус Эриксен передал мне письмо от Мильна и Адамса, в котором они желали нам счастливого путешествия. Я не могу выразить всего своего чувства благодарности к этим двум людям за ту готовность, с которой они взяли на себя эту хлопотливую работу и тщательно ее выполнили. Склад был устроен между большими камнями на склоне горы и со всех сторон окружен колючей проволокой. Под горой начинался уступ старого льда, образовавший прекрасную естественную пристань. Мы решили установить на этой пристани стрелу от лебедки, воспользоваться ею как краном и при ее помощи переправить прямо в лодку ящики, подвозимые туда на санях. Для сокращения лодочной перевозки я подошел на „Йоа“ как можно ближе к берегу и стал там на якорь. Признаюсь, это было неосторожно делать на открытом берегу. Но нам хотелось скорее закончить погрузку и итти дальше. Мы послали на берег шлюпку, чтобы доставить к нам третьего члена экспедиции, графа Мольтке, который лежал больной.

Был наскоро устроен ужин, и часов в 10 мы принялись за работу. Лейтенант Хансен остался на „Йоа“, чтобы наблюдать за работой там. Я взял на себя работу

на берегу при любезном содействии наших датских друзей и нескольких эскимосов. Хансен должен был подвозить ящики, а Лунд переправлять их на борт. Весь склад — 105 ящиков — должен был итти палубным грузом. За то время Ристведт и Вик чистили мотор.

В два часа утра мы сделали передышку за кофе, в чем очень нуждались. Ящики в среднем весили 130 кило, а это не детская забава. В половине третьего, ко всеобщему удовольствию, к нашему обществу присоединился граф Мольтке. После кофе мы снова принялись за работу. Теперь мне помогали четыре эскимоса. Так много писалось о том, что эскимосы ленивы, несговорчивы и вообще обладают всякими дурными свойствами. Этого во всяком случае нельзя было сказать о моих четырех помощниках. Они орудовали с нашими ящиками, весившими иногда около 200 кг, так легко и охотно, что других таких работников нужно еще поискать. И вместо проклятий и ругательств, которые являются постоянным аккомпанементом во время работы наших „цивилизованных" рабочих, эти дети природы облегчали свой труд пением и веселием.

В 8 часов утра последние ящики и 6 бочек с керосином были перевезены на пристань, и я рассчитывал, что мы будем готовы к 9 часам. Но ах! — все пошло наперекор моим разумным расчетам. Внезапно налетел ветер с моря и заставил меня поспешить, сломя голову, на судно. Был поднят якорь и поставлены кливера — не могло быть и речи о том, чтобы успеть поставить грот. Ветер быстро усиливался и перешел в очень свежий, но к счастью повернул так, что наши паруса надулись. Судно пошло вперед полным ходом и как раз во-время, так как расстояние до берега считалось уже дюймами. Мы обошли вокруг островка и стали по другую его сторону за ветром. Тут нам предстояла новая утомительная работа по перевозке остававшихся на пристани 11 ящиков и 6 бочек с керосином на противоположную сторону острова. Я боялся обратиться к эскимосам с такой просьбой, но они шутя и смеясь принялись за дело как ни в чем не бывало. Однако, мы были готовы только к 7 часам вечера.

При нашем прибытии сюда собаки были отпущены, чтобы не мешать работе. Они хорошо использовали время: старые собаки с „Фрама“ и новые собаки из Годхавна воспользовались случаем, чтобы в большом сражении свести все счеты по накопившимся у них на сей день неудовольствиям. Когда мы их взяли снова на борт судна, то у многих после баталии были ужасные знаки. Не удалось заманить на борт одну новую собаку, и нам пришлось ее бросить. Эскимосы, конечно, захватили ее, когда она проголодалась. Милиус Эриксен подарил мне четырех первоклассных собак, двух взрослых и двух щенков до года. Из них потом вышли две необычайно способных собаки. Мы назвали их „Милиус“ и „Йоа“, и последняя была несомненно нашей лучшей собакой.

В 11 часов вечера мы дошли до острова Саундера, где была стоянка литературной экспедиции. И как нам ни жалко было расставаться после такого короткого совместного пребывания, все же здесь пришлось проститься с гостями.

Теперь мы были здорово нагружены. Наш запас керосина при выходе из Далримпла равнялся 19 291 л. Палуба была на уровне воды, и ящики почти задевали за гик. По ящикам ходили собаки и подкарауливали друг друга. Нам пришлось много повозиться, удерживая эти две враждебные партии и не давая им набрасываться друг на друга.

В $2^1/_2$ часа утра 17 августа мы пошли дальше. Было чудное утро. На север простирались блестящие ледники, сменяя один другой и оканчиваясь мысом Парри. Я не мог оторвать глаз от того ледника, от которого наш храбрый соотечественник Эйвин Аструп вместе с Пири начал свое путешествие через гренландский лед. Но мне пришлось обратить все внимание на наши собственные дела. Перед нами простиралась стена огромных новообразовавшихся айсбергов, от которых нужно было избавиться.

Гренландия становилась все меньше и меньше, и мы уже довольно далеко прошли по направлению к мысу Хорсберг, северному входу в Ланкастерский

пролив. Днем мы прошли острова Карри на расстоянии 15 морских миль от них. К счастью погода стояла тихая и ясная. При такой загрузке „Йоа“ мы не были приспособлены к борьбе со штормом. Трудно было пройти вокруг мыса Хорсберг. Ветер совсем утих, а высокая зыбь, встречавшаяся с течением из пролива, вызывала очень неприятное волнение. А „Йоа“ со своим мотором была плохим скороходом! 20 августа в половине пятого утра мы, наконец, обогнули мыс и вошли в Ланкастерский пролив. Я решил итти до острова Бичи, чтобы произвести там ряд магнитных наблюдений, поэтому мы держались северного берега. Если не считать нескольких айсбергов и небольшого количества мелкобитого льда, тянувшегося от берега, то наш фарватер был почти свободен ото льда. Туман сопровождал нас вплоть до мыса Уоррендера. Здесь он рассеялся, и при прекрасной ясной погоде мы увидели берег. Он резко отличается от диких изрезанных горных вершин Гренландии. Наиболее характерными являются горы в форме плато, переходящие иногда в куполообразные. Всюду голо, но довольно красиво. Ясная погода держалась недолго. Уже на следующее утро снова спустился туман. Компас давал несколько ненадежные показания. Это в связи с туманом может послужить нам оправданием в том, что здесь мы ошиблись и ошибались потом еще несколько раз. Однако, я утешаюсь мыслью, что то же самое может случиться и с теми, кто пойдет сюда после нас. После довольно трудного лавирования мы прошли 22 августа в 9 часов вечера у самого острова Бичи и встали на якорь в бухте Эребуса.

Якорь был брошен, и судно повернулось по ветру. Большинство из нас легло спать, чтобы проспать без помехи всю ночь.

Было часов десять, и подкрадывались сумерки.

Я сел на один из ящиков с цепями и стал смотреть на берег с чувством глубокой торжественности — ведь я находился на священной земле: здесь была последняя известная зимовка Франклина.

Мысли мои были в прошлом, далеком прошлом.

Перед моим взором проплывала пышно снаряженная эскадра Франклина, она входила в гавань и становилась на якорь.

„Эребус“ и „Террор“ все еще в своем полном блеске. Английские флаги развеваются на верхушках мачт, и на обоих судах большое оживление — офицеры в блестящей форме, боцмана с сигнальными дудками, синие куртки. Два гордых представителя первой в мире морской нации в неизвестной ледяной пустыне...

От флагманского судна отделяется шлюпка. Сэр Джон хочет высадиться на берег. Матросы сильно налегают на весла, гордясь тем, что везут начальника. Его умный твердый взор сияет добротой; у него для всех находится ласковое слово, и поэтому команда любит его. Матросы питают безграничную преданность к старому опытному исследователю полярных областей. Они с волнением прислушиваются к каждому слову, которыми обменивается начальник с двумя сидящими по сторонам офицерами. Речь идет о неблагоприятном состоянии льдов и о возможности зимовки у Бичи. Тяжело сэру Джону примириться с такой мыслью. Но по прежнему своему опыту он знает, что в этих местах человек часто принужден делать то, чего ему меньше всего хочется.

Конечно, этим смельчакам удалось исследовать некоторые новые земли, но лишь для того, чтобы увидеть, что их надежды на проход Северозападным путем разбиваются о непреодолимые массы льда...

Зима 1845 — 1846 гг. прошла на этом месте. Темные контуры нескольких крестов на берегу свидетельствуют об этом мне, сидящему здесь. Цынга в первый раз показала им тут свой страшный лик и похитила, хоть и не много, но все же несколько жизней.

Со вскрытием льдов в 1846 году „Эребус“ и „Террор“ снова выходят в море. Снова раздаются веселые песни матросов, и суда проходят между мысом Райли и Бичи. Снова развевается гордый английский флаг. Это прощальный привет экспедиции Франклина. Отсюда она ушла во мрак — к смерти...

Даровитый исследователь доктор Джон Рэй первый сообщил сведения о том, в какой области погибла экс-

педиция Франклина. Но честь сообщения первых достоверных известий о судьбе всей экспедиции принадлежит адмиралу сэру Леопольду Мак-Клинтоку.

Рассказ об этой трагедии приводится во многих описаниях путешествий, и я не буду повторять его здесь. Франклин и его спутники пожертвовали жизнью в борьбе за Северозападный проход. Воздвигнем им нерукотворный памятник: признание, что они первые открыли Северозападный проход.

23 августа пришло с туманом. Вик и я сейчас же приступили к магнитным наблюдениям. На этот раз все следили за ними с огромным вниманием и интересом. Ведь от их исхода зависел наш путь к магнитному полюсу. Не буду отрицать, что многие надеялись, что стрелка компаса будет показывать на запад — к мускусным быкам, островам Мельвиля и Земле принца Патрика! Стрелка склонения была отпущена, и за ее движениями следили с замиранием сердца. Она долго колебалась туда и сюда и, наконец, установилась в югозападном направлении. И хотя я тоже иногда с удовольствием подумывал об охоте на северозападе, но теперь, когда жребий был брошен, остался очень доволен. Мой первоначальный план мог развиваться дальше. И мои товарищи испытывали то же самое чувство... Мы все единодушно считали, что лучший путь для решения проблемы Северозападного прохода лежит именно там, куда указывала теперь магнитная стрелка.

Вик работал со рвением. Я не мог бы найти более заботливого и добросовестного помощника. Лейтенанту Хансену не удалось воспользоваться своими астрономическими инструментами. Солнце не показывалось, и мы должны были довольствоваться съемкой по некоторым известным пунктам. К счастью, командор Пуллен в 1854 г. составил специальную карту острова Бичи, и она нам теперь пригодилась. Тем временем Хансен воспользовался случаем для исследования свойств местности и собрал множество окаменелостей.

Домик, построенный на .острове Бичи Пулленом осенью 1852 года, называется Нортумберлэндским домом. В нем должен был храниться провиант и снаряжение для эскадры сэра Эдуарда Белчера, шедшего на поиски Франклина. При возвращении эскадры этот дом со своим содержимым был оставлен в виде склада для Франклина, на случай, если бы тот проходил мимо острова. Было оставлено также три шлюпки разной конструкции. Во время своей спасательной экспедиции на „Фоксе“ сэр Леопольд Мак-Клинток посетил это место в 1858 году. Уже и тогда склад начал разрушаться. Когда же сэр Аллэн Юнг прибыл туда в 1878 году на „Пандоре“, склад был почти уничтожен медведями, пробравшимися туда. Нет ничего удивительного, что мы в 1903 году нашли там все совершенно уничтоженным. Последние остатки угля мы забрали с собой. Очень пригодилось нам и некоторое количество кожи для подметок. Сколько лет эта кожа подвергалась непогоде и ветру, и все же она была еще совсем хороша, и мы даже предпочитали ее „патентованной американской подошвенной коже“, которая у нас была взята с собой.

Судьба этого склада, по-моему, должна послужить предостережением для тех полярных исследователей, которые надеются на склады 50-летней давности.

Мраморная плита, оставленная здесь Мак-Клинтоком по поручению леди Франклин в память ее мужа и его товарищей и команды, была в полном порядке. Она лежала там, где была положена в 1858 году—у подножья Белчерской колонны, поставленной в память погибших участников экспедиции Белчера. На этой же колонне укреплена небольшая памятная доска в честь утонувшего в этих местах французского лейтенанта Белло. Все это мы нашли в полном порядке, как и самые могилы; единственный из упавших надгробных камней мы поставили опять...

Над островом Бичи витает призрак смерти и печали. Здесь нет никаких животных, никакой растительности. С трудом была найдена вода. Когда двое из нас с большим трудом нашли, наконец, воду, чтобы пополнить наши баки и привезли ее с собой в одной

из наших брезентовых лодок—лодка прорвалась и вода вытекла.

Прогулка на вершину острова позволила нам обозреть местность, хотя и не так хорошо, как того хотелось бы, так как туман продолжал стоять. Однако, нам время от времени удавалось видеть на несколько миль кругом. Во все стороны море было свободно ото льда, нигде не было ни одной льдинки.

Но что это там? Вдруг вход в бухту Эребуса заполнился какой-то огромной белой массой. На вид как будто сплоченный новый лед — „блинчатый лед". Мы наблюдаем в бинокль за этим явлением,—в массе заметно движение...

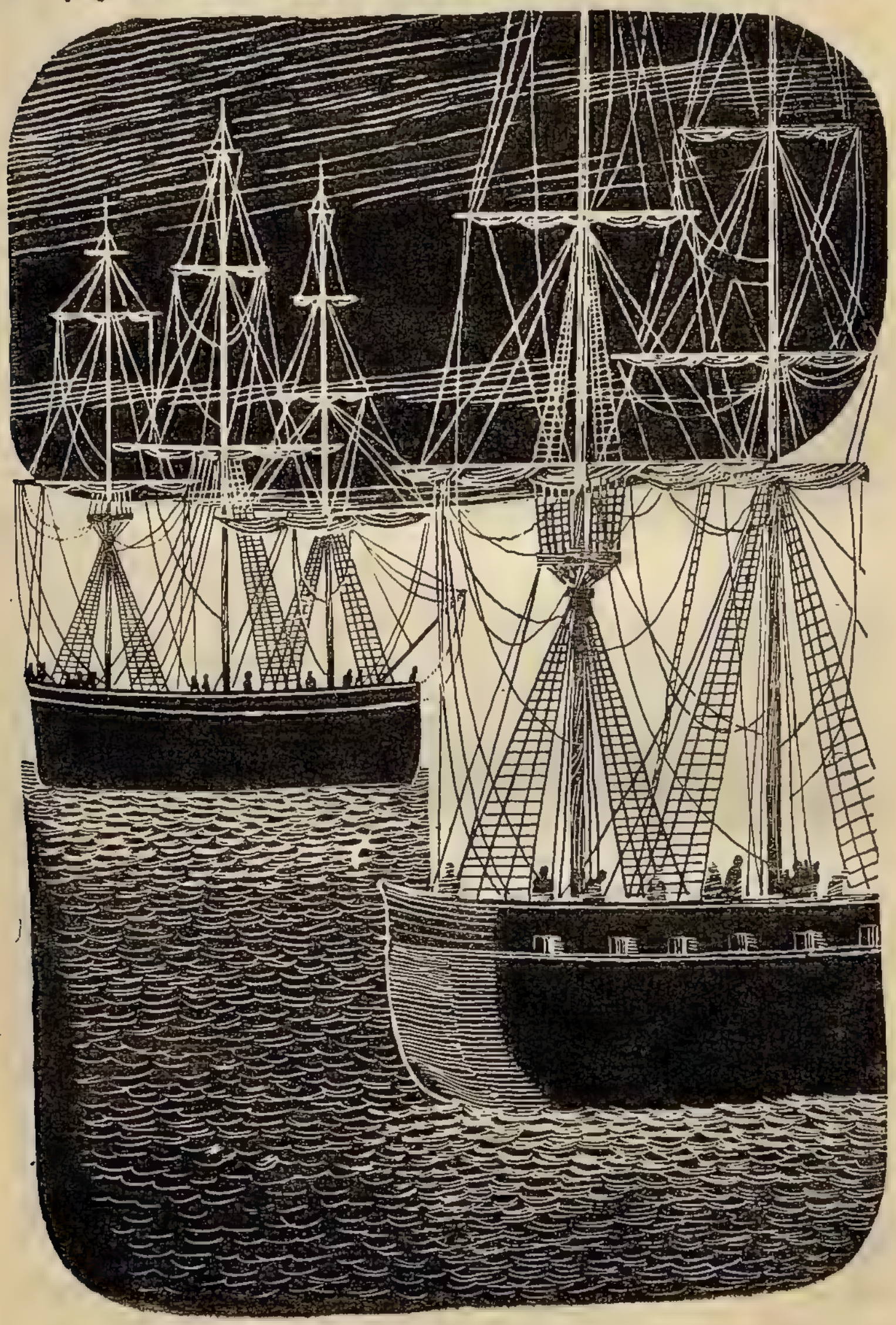
— Провалиться на этом месте, вот бы сюда Муртена!—говорит кто-то на ужасном рыбацком жаргоне при виде приближающейся огромной стаи белух.

24 августа в полдень мы окончили свои магнитные наблюдения. На высохшем ложе реки поставили палатку. Место обозначили клепками от разбитых бочек и большими камнями, и будущий наблюдатель наверное без труда найдет снова это место.

Мы все снова собрались у старого склада Франклина и тщательно пересмотрели все вещи в поисках чего-нибудь нужного. Некоторым из участников нашей экспедиции приглянулась старая ручная тележка, и они ратовали за то, чтобы взять ее с собой. Им задали вопрос: не возьмут ли они ее к себе на койку? Тогда они пошли на попятный. Им было известно, что места у нас совсем нет. Но нашему кузнецу попалась находка, приведшая его в бурный восторг: старинная наковальня. Отговорить его не брать ее с собой было невозможно. Экспедиция буквально погибнет, если мы не увезем этой наковальни! Нам так и не пришлось ею воспользоваться!

Мы оставили отчет о своем путешествии до этого острова в жестяном футляре и повесили его на наиболее заметном месте — над доской Белло на памятнике Белчера. Затем пошли на веслах к судну—все очень довольные времяпрепровождением на острове Бичи и с одним желанием итти дальше.

В ДЕВСТВЕННЫХ ВОДАХ



С ОТПЛЫТИЕМ от острова Бичи начался новый этап нашего путешествия. Мы знали теперь, каким путем нам нужно итти, жребий был брошен, и нам оставалось только не терять времени и пробиваться вперед. Путешествие стало носить иной характер, чем раньше, еще и потому, что раньше мы плыли по верным и известным водам, где плавали многие до нас. Тут, где мы теперь шли, плавало всего несколько судов, а потом, как мы надеялись, мы пойдем дальше там, где еще не проплывал ни один корабль.

А надежды у нас были! Да, пожалуй, у нас была уверенность в том, что мы пройдем, потому что прошли благополучно уже так далеко. Состояние льдов было для нас необычайно благоприятным. С легкостью и почти без всяких препятствий мы вошли в воды, где до нас люди должны были вести тяжелую борьбу со льдами и бурями. Насколько нам пришлось наблюдать, 1903 год был, вероятно, необыкновенно счастливым в отношении льдов.

В 1 час пополудни 24 августа мы отошли от острова Бичи, взяв курс на остров Лаймстоун при входе в пролив Пиля. Компас — спиртовый компас Е. С. Ритчи, Бостон — вел себя превосходно. Конечно, из-за близости магнитного полюса, его колебания несколько замедлялись, но достаточным доказательством того, что им вполне можно было пользоваться, служило наше дальнейшее продвижение. Дело в том, что, как только мы вошли в пролив Барроу, спустился туман густой и тяжелый и продержался вплоть до 26-го, когда он немного рассеялся и дал нам возможность увидеть берег вокруг пролива Пиля.

За исключением одиночных очень узких полос размытого льда — старого льда из проливов — мы не встретили никаких льдов. Мы не видели абсолютно никакого крупного полярного льда. Мы встретили первые большие скопления льда между мысом Шерарда на Земле принца Уэльского и мысом Карт на Северном Сомерсете. Солнце било нам прямо в глаза, и мы из-за блестящей морской глади приняли льды за компактную

массу, простиравшуюся от берега до берега. Мне стало ясно, что мы дошли до того места, где наши предшественники должны были поворачивать, то есть до сплошной, неразбитой кромки льда.

К счастью это оказалось ошибкой — ошибкой, в которой мы потом много раз бывали повинны при таких же обстоятельствах. Когда солнце светит прямо на зеркально-гладкую поверхность моря с рассеянными по ней льдинами, то их легко можно принять за плотную сплошную ледяную массу. Этому способствует и обман зрения, постоянно наблюдающийся в полярном море, благодаря чему маленький обломок льдины увеличивается в размерах и кажется целой горой. Особенно при наблюдении в бинокль на довольно коротких расстояниях может создаться впечатление, что ты находишься перед мощным скоплением пака. Но на полярном море, меньше чем где-либо, можно полагаться на то, что кажется достаточно хорошо „видным“, — всегда нужно подождать,„пока не пощупаешь собственными своими руками“, прежде чем во что-нибудь поверить.

По мере того как мы приближались, блестящая вода постепенно показывалась среди льдин. Северяне Лунд и Хансен первые заметили ошибку. Благодаря долгому плаванию по полярному морю, у них было больше навыка в обращении с биноклем, а это — искусство, требующее сноровки. „Ледяные массы“ оказались старым, обтаявшим льдом, к тому же совершенно разбитым. Между льдом и берегом с обеих сторон тянулись большие чистые проходы, куда мы прошли легко и без препятствий. Большой гренландский тюлень, лежавший на льдине и гревшийся на солнце, поплатился за это своей жизнью.

Скопление льдов было не очень широким. Спустя короткое время мы очутились на совершенно свободной от льдов воде и отделались на этот раз только испугом.

В 9 часов вечера мы были против острова Прескотт в проливе Франклина. Этот остров стал вехой на нашем пути. Стрелка компаса, способность которой

давать показания все время мало-по-малу уменьшалась, здесь совершенно отказалась служить. Теперь нам приходилось править по небесным светилам, подобно нашим предкам викингам. Такое плавание и в обыкновенных водах довольно сомнительно. Но оно еще хуже там, где небо в течение $^2/_3$ всего времени покрыто непроницаемым покровом тумана. Однако, нам повезло: мы вышли в ясную погоду.

У мысов скопилось несколько ледяных обломков, в общем же море было свободно ото льда.

На следующий день мы получили хороший урок в новом способе навигации: весь день туман сменялся ясной погодой.

В этот день я все время ходил взад и вперед по палубе и ловил луч солнца каждый раз, как оно проглядывало сквозь туман. Для товарищей я делал вид, что спокоен, как всегда, но на самом деле в глубине души был чрезвычайно взволнован. Ведь теперь мы быстрыми шагами приближались к островам Де-ля-Рокетта — они уже виднелись впереди. Сюда дошел сэр Аллэн Юнг на „Пандоре“ в 1875 году. Но здесь он встретил непреодолимый ледяной барьер.

Суждено ли нам на „Йоа“ испытать то же самое?

Вдруг неожиданно я обратил внимание на какое-то неровное колебание и остановился. Море вокруг было гладкое и тихое, и я решил, досадуя на самого себя и на свою нервность, что мне только показалось. Я продолжал свою прогулку... вот опять! Такое ощущение, будто моя нога касалась палубы раньше, чем по расчетам это должно было быть. Я перегнулся через поручни и стал пристально глядеть на поверхность воды. Но она была попрежнему гладкой и спокойной. Я начал снова бродить, но не успел сделать нескольких шагов, как то же ощущение повторилось, на этот раз настолько ясно, что невозможно было ошибиться: судно испытывало небольшое неровное колебание!

Я не продал бы ни за какие деньги этого легкого колебания. Ведь это же была зыбь, поднимавшая судно, зыбь — вестник открытого моря! К югу

фарватер был открыт — никакой непроходимой стены не было!

Я оглядел судно, нашу утлую „Йоа“ с носа до кормы, от палубы до верхушки мачты, и улыбнулся: неужели „Йоа“ победоносно проведет всех нас и пронесет флаг нашей родины, наперекор насмешливым предсказаниям, по фарватеру, который давно уже был всеми оставлен!

Скоро зыбь стала еще более заметной, и мы все сияли от радости!

Когда я проснулся на следующее утро в половине второго,— как я мог в тот вечер лечь спать, да еще проспать как камень, до сих пор непонятно для меня! — зыбь стала такой большой, что я должен был сесть, чтобы быть в состоянии одеться. Я никогда не любил зыби, у меня еще оставалось очень неприятное воспоминание о тошноте и головной боли, пережитых мною в те дни, когда я впервые плавал на море. Но эта теперешняя зыбь... — она не только была для меня наслаждением, она наполняла торжеством все мое существо!

Когда я вышел на палубу, было довольно темно, но неподалеку от нас на траверзе мы могли различить контуры островов Де-ля-Рокетта. Мы дошли до критического места: киль „Йоа“ бороздил девственные воды.

Только теперь, подумали мы, мы приступаем к выполнению своей задачи.

Следующим сомнительным пунктом был пролив Белло, где Мак-Клинток прождал два года, чтобы пройти дальше. Но довольно большая зыбь указывала на открытое море на много миль к югу, а пролив Белло был недалеко, поэтому мы не очень опасались. В 8 часов утра мы прошли проливом. Единственное, что нам встретилось — это совсем узенькая полоска талого берегового льда. Сам пролив был окутан плотной пеленой тумана. За ним море было чистое. Как и следовало ожидать, зыбь сопровождалась южным

бризом, и мы продвигались вперед довольно медленно. В $5^1/_2$ часов пополудни нам встретился лед у мыса Магир — несколько более широкая полоса разбитого льда. По другую сторону ледяного пояса мы видели чистую воду. Между тем туман спустился плотной стеной, как раз в ту минуту, когда нам нужно было входить в лед, и покрыл все своим серым саваном. Я решил тогда вернуться, итти вдоль кромки и подождать, пока не рассеется туман. Ночи становились темными, и мы, идя без компаса, легко могли встретиться с неприятностями, которые могли оказаться довольно опасными. Мы дали задний ход и в темноте то-и-дело сильно ударялись о лед и вообще провели неприятную ночь. Это был первый настоящий дрейфующий лед, встретившийся нам здесь в проливах. Он шел, вероятно, из пролива Мак-Клинтока.

На рассвете — в 4 часа утра — в тумане образовался небольшой просвет. Только на одно мгновение. Но нам этого было достаточно, чтобы ознакомиться со свойствами льда и общим положением, и при небольшом ветре, дувшем в нашем направлении, мы резво пошли вперед при полном ходе мотора. Это продолжалось до 2 часов пополудни. Тут туман рассеялся, и при блеске солнца мы увидели перед собой острова Тасмании. Благодаря небольшому ветру, не прекращавшемуся все время, мы хорошо шли по курсу. Без ветра и при тумане было бы хуже и курс мог быть неправильным. Ведь солнце прекрасный компас, но его было редко видно.

Берег, вдоль которого мы шли до этих пор, производил приятное и приветливое впечатление своей пышной растительностью. Наоборот, острова Тасмании были суровы и голы.

В кои-то веки подул хороший ветер. При бризе на несколько румбов позади траверза и при полном ходе мотора мы на всех парусах стремительно шли к проливу Джемса Росса. К западу лежал сплошной лед; но на юг вдоль берега положение было лучше.

Приведу выдержки из своего дневника за два последних дня:

30 августа, воскресенье. В прошлую ночь мы среди тумана и мрака ошибочно удалились в сторону и врезались в тяжелый сплоченный дрейфующий лед. Когда рассвело, нам понадобилось несколько часов, чтобы выйти из льдов и попасть снова в береговую полынью. Береговые воды здесь, по побережью Боотии, чрезвычайно резко отграничены. Вероятно, приливы и отливы влияют на то, что воды у берега совершенно свободны ото льда. Весь день мы держались берега и по счислению должны были в полдень находиться у мыса Аделаиды — магнитного полюса Джемса Росса. Плохая видимость помешала нам, однако, произвести определение места. Наш единственный путеводитель, ветер обманывает нас сплошь и рядом, так как он очень изменчив. Последнее время дул северный ветер, и мы шли хорошо. Сегодня барометр сильно упал. Идет дождь, свежеет, и сейчас в 9 часов вечера темно, как в мешке. Нелегко управляться, однако, все идет удовлетворительно. Мы находимся в береговой полынье и ложимся в дрейф на ночь. Берег у островов Тасмании совершенно меняет свой характер. Переходит от высокого гранита к очень низкому известняку.

31 августа. Вчера вечером барометр внезапно страшно упал. Ветер, дувший вдоль берега с северной стороны, быстро посвежел, одновременно пошел дождь. Мы легли в дрейф в 9 часов вечера. В полночь нам пришлось брать рифы, так как начало сильно задувать. На море быстро поднялась волна, и, как ни странно это звучит, с некоторыми из участников экспедиции у самого магнитного полюса случилась морская болезнь. В три часа утра мы снова отдали рифы. Ветер к этому времени несколько утих, но все еще стоял довольно густой туман. Мы шли бейдевинд по отношению к той стороне, где предполагался берег. В половине четвертого на минуту прояснело, и мы увидели неподалеку островок с подветренной стороны. Айсберг и высокие торосы сразу показали мне, что он лежит в открытом море. Это был, вероятно, самый северный из островов Бофора. Как мы и предполагали,

„Йоа" в Северозападном проходе

мы шли бейдевинд к югу. Как позднее оказалось, ветер переменился на восточный, и это вызвало сильный дрейф к западу. Туман несколько раз рассеивался, но мы не видели никакой земли. В 8 часов утра я отправился спать. Мы тогда шли бейдевинд к югу и надеялись увидеть остров Матти. В 11 часов я был разбужен сильнейшим толчком и сейчас же выбежал на палубу. Мы стояли на мели неподалеку от совсем низкого острова, который, при позднейшем наблюдении, оказался самым южным из островов Бофора. Судно сидело средней частью на хребте подводного камня. Мы поставили все паруса и пустили полным ходом мотор. Одновременно был завезен верп. Через некоторое время судно соскользнуло с камня только при помощи парусов и мотора, еще до того, как мы стали выхаживать верп. Оказалось, мы сели на очень далеко выдвинувшуюся в море мель. Судно несколько раз треснулось довольно сильно о камень, так что всплыли мелкие щепки от фальшкиля. Помпы были приготов-

лены; но все оказалось в порядке. Оказавшись опять на плаву, мы пошли в бейдевинд на восток — к Боотии, — ветер переменился на южный при ясной погоде. В 4 часа пополудни мы подошли к чему-то, что было принято нами за остров. По карте здесь, действительно, находится островок; но то, что было перед нами, насколько мы могли рассмотреть, было очень плоским и очень длинным островом. Однако, карта была неверна, и эта длинная, шедшая с севера на юг полоса земли была совсем не островом, но частью материка. Я считаю, что Джемс Росс, нанесший ее на карту, как островок, видел ее в то время, когда всю ее покрывал снег за исключением небольшого холмика, поднимавшегося в северной части этой выдающейся в море низкой полосы. Оказывается, эта плоская земля в южной своей части поворачивает к западу и почти соединяется с одним из низких островов группы Бофора. На ночь мы стали на якорь у берега на глубине 6 саженей. По ночам теперь так темно, что ничего не видно. Если прибавить к этому, что не знаешь, какого придерживаться направления, то понятно, что можно часто допустить грубые ошибки. Когда завтра утром мы снова снимемся, мы подробнее рассмотрим второй мыс.

Здесь кончаются записи моего дневника за истекший день. Из этой короткой выдержки многим будет ясно, что плавание в водах северного магнитного полюса ни в каком случае не может считаться приятным.

Вечером я сидел и записывал в свой дневник события дня, как вдруг услышал до мозга костей потрясший меня крик — ужасный крик: случилось что-то необычайное! В одну минуту все были на палубе. Среди черной ночи — к счастью, совершенно тихой — из машинного светового люка било большое пламя и шел густой удушливый дым. В машинном отделении горело — посреди бидонов с керосином, в которых было 10 000 литров керосина. Мы все знали, что случится, когда нагреются баки: „Йоа“ и все, что на ней находится, взлетит как бомба на воздух. Мы все

как сумасшедшие бросились туда. Один спрыгнул в машинное отделение к Вику, который не покидал его с начала пожара, на помощь ему. Наши оба огнетушителя, всегда бывшие наготове, первые были пущены в ход. А затем мы стали заливать огонь водой, лили ее изо всех сил — и в невероятно короткий срок сбили огонь. Пожар начался с куска ветоши, пропитанной керосином и лежавшей на бидонах.

На следующее утро мы — во время уборки машинного отделения — обнаружили, что не случайность, а как раз точное исполнение своих обязанностей спасло нас всех от неминуемой гибели. Незадолго до пожара Ристведт сообщил мне, что начал протекать один из полных баков с керосином в машинном отделении. Я поручил ему тотчас же опорожнить этот бак и перелить керосин в один из пустых. И это приказание было с пунктуальностью исполнено. Во время уборки в машинном отделении было замечено, что у этого только что опорожненного бака кран был свернут на сторону, очевидно во время ночной суматохи. Если бы приказание не было так пунктуально выполнено, то 500 литров керосина вылились бы в пылающее машинное отделение. Нет необходимости говорить о возможных последствиях этого. И я ставлю в пример всем Ристведта, блестяще проявившего точнейшую исполнительность.

В 4 часа утра на следующий день мы пошли дальше на юг вдоль берега. Повидимому, эта часть берега характеризуется длинными низкими островами, с далеко выступающими вперед мелями. Видимость была плохая, и дул свежий ветер в корму, так что продвижение вперед было рискованным. В виду того, что ветер засвежел, а барометр упал, я решил стать на якорь за ветром у одного из вышеупомянутых островов, чтобы дождаться ясной погоды. Однако, эти острова оказались до такой степени окруженными мелями, что мы никак не могли рассчитывать обогнуть их, не наткнувшись на мели. Я решил тогда попробовать перейти к острову Матти и там поискать места стоянки. Теперь уже задувал чрезвычайно сильный ветер. Когда мы повернули

от берега, лот стал указывать на возрастание глубины. Но мы не встретили глубины свыше 10 саженей, и она снова начала уменьшаться при приближении к острову Матти. Волна на мелком месте была сильной и неприятной. В 11 часов утра мы стали на якорь на глубине 5 саженей у низкого острова, очевидно у одного из островов Беверли севернее острова Матти. Ветер все время свежел, и шел дождь. Да, сказать по правде, это было роскошное плавание!

Ветер за ночь утих, и в 4 часа утра мы смогли снова сняться с якоря и продолжать путь. Видимость была довольно хорошая, и ветер, перешедший на запад, хорошо подгонял нас. Настал мой черед править, и я устроился на крыше рубки, чтобы лучше видеть. Лунд и Ристведт работали над постановкой грота. С подветренной стороны лежал низкий остров с выступающей к востоку довольно длинной мелью. С нашей якорной стоянки эта мель была видна, и таким образом я хорошо знал, как держать, чтобы миновать ее. Поэтому для меня было чрезвычайно неприятным сюрпризом, что мы все-таки натолкнулись на мель — несмотря на то, что шли в обход ее. Мы скоро соскользнули с нее, и я положил руль круто право на борт, чтобы отойти от мели. Ведь я был в полной уверенности, что мы, несмотря на мои расчеты, все-таки попали на мель, идущую от острова. Однако, это была ошибка; мель, о которую мы ударились, находилась южнее и западнее. Вскоре мы сели снова, снова сошли, ударились снова — и застряли плотно.

Конечно, мы застопорили мотор и отставили постановку грота. Я сейчас же взобрался наверх. Было совершенно ясно и прекрасно видно. Мель, на которой мы стояли, была большим подводным рифом с разветвлениями во все стороны. Она шла на запад к Бооотии, насколько хватал глаз. То, что виднелось у нас прямо с подветренной стороны, очевидно, было островом Матти.

Когда мы сели на мель, было 6 часов утра. Мы спустили сейчас же лодку, чтобы измерить глубину и узнать, в каком направлении будет лучше всего пред-

принять попытку сдвинуться с места. Короче всего был путь назад. Но так как те две мели, на которые мы раньше натыкались, были ближе к поверхности воды, чем тот риф, на котором мы сидели, то возможность перейти через них снова была очень сомнительна. Нам оставалось попробовать итти вперед — к югу. Промеры глубин не давали больших надежд. Риф в этом направлении повышался, и на самом мелком месте воды было не больше сажени. В направлении вперед самое короткое расстояние по мели превышало 200 метров. С балластом в несколько тонн „Йоа" сидела в воде на 6 футов. Загруженная же так, как теперь, она сидела в воде на 10 футов и 2 дюйма. Таким образом надежды пройти были не блестящи, но у нас не было выбора. Мы должны были попытаться облегчить судно возможно больше. Сначала мы выбросили за борт 25 из наших самых тяжелых ящиков. В них был собачий пеммикан, и весили они до 190 кило каждый. Все остальные ящики палубного груза были стащены в одно место, чтобы накренить судно возможно больше.

В 8 часов утра вода отошла к северу на один фут. Таким образом оказалось, что мы сели на мель при приливе. Мы подготовили все к наступлению следующего прилива. Был завезен верп и использованы все искусственные средства, чтобы накренить судно. Стояла прекрасная погода, тихая и солнечная. Другими словами — был как раз такой день, чтобы продвинуться в этих водах на большое расстояние. А мы стояли неподвижно и не сдвигались с места! Все наши надежды были на ожидаемый прилив. Наблюдатель воспользовался благоприятным случаем для определения нашего местонахождения. Мы стояли вблизи островка на северной стороне острова Матти.

Прилив начался в 7 часов вечера. Но несмотря на все наши приготовления и все наше старание, нам не удалось сдвинуть судна ни на один дюйм вперед. В восемь часов вечера, когда наступила темнота, нам пришлось оставить работу до другого дня.

Когда на следующее утро в два часа я вышел на палубу, с севера дул свежий ветер. В 3 часа судно

начало двигаться как бы в судорогах; я разбудил всех и сказал им, чтобы они были готовы воспользоваться каждой представляющейся нам возможностью. Северный ветер крепчал и перешел в шторм с дождем. Мы подтягивались и подтягивались на верпах, но без всякого результата. Судно страшно билось о камни. Как всегда в критических положениях, я посоветовался со своими товарищами, и мы решили испытать последнее средство - поднять на судне паруса. Пена брызг стояла над судном, и буря налетала порывами, со стоном и воем; но мы работали изо всех сил, и нам удалось поставить паруса. И вот началось плавание, которого, конечно, никто из нас не забудет, хотя бы мы дожили до возраста Мафусаила! Сильный напор парусов и высокие, крутые волны поднимали судно и бросали его вперед опять на камни, и мы каждую минуту ожидали увидеть доски нашего корабля плавающими по морю. Фальшкиль расщепился и всплыл. Нам не оставалось делать ничего иного, как только наблюдать за ходом событий и спокойно ждать результатов.

Не могу сказать, чтобы я был спокоен, стоя на вантах и следя за танцем судна с камня на камень. Я горько упрекал себя. Если бы я послал вахтенного в наблюдательную бочку, этого никогда бы не случилось. Он заранее заметил бы риф и предупредил бы нас о нем. Неужели же эта моя неосторожность остановит все наше предприятие? Предприятие, начавшееся так замечательно! И мы, прошедшие уже так далеко, дальше, чем кто-нибудь до нас, — мы, так счастливо справившиеся и миновавшие те части прохода, которые считались самыми трудными,— принуждены будем теперь остановиться и с позором повернуть обратно! Повернуть обратно, так ли? И это еще вопрос! А если судно разобьется, что тогда? Мне приходилось держаться изо всех сил, чтобы не быть сброшенным далеко в море, каждый раз как судно подбрасывалось и снова садилось на камни . . . Неужели же судно разобьется? На это было больше всего похоже! Мель становилась все выше, и, как я видел, об наружный ее край разбивалась волна. Туда-то именно нас и выбросит, навер-

ное, бешеный северный шторм! Паруса натянулись, как кожа на барабане, такелаж дрожал, и я каждую минуту ждал, что он полетит за борт. Постепенно мы приближались к самому мелкому месту рифа, и море все больше и больше окутывало судно пеной.

Мне казалось уже почти невозможным, чтобы судно выдержало удары у наружного края рифа, он ведь почти не покрыт водой. Настало время спускать лодку и грузить в нее все самое необходимое.

Я был в ужасном смятении перед принятием решения. На мне лежала ответственность — приближался момент, когда я должен был сделать выбор. Покинуть „Йоа“ на лодках и предоставить волнам разбить ее — или решиться на крайнее средство и, может быть, погибнуть всем вместе с судном!

Я спустился вниз по одной из оттяжек, чтобы попасть на палубу как можно скорее.

— Приготовить лодки и погрузить их провиантом, оружием и патронами!

Тут Лунд, стоявший ближе всех, сказал: „Не рискнуть ли нам на последнее средство и не сбросить ли весь остававшийся палубный груз?“

Это было моим заветным, пламенным желанием, но я не смел его высказать, жалея своих товарищей. Оказывается, все были согласны с Лундом, — и хоп! Мы принялись за палубный груз! Мы взялись по-двое, и ящики весом по 200 килограммов полетели за борт как мешки с сеном. Дело сделано, и я снова взобрался на снасти. Оставалось уже не больше длины судна до самого мелкого места. Пена и брызги покрывали судно, мачта шаталась — и „Йоа“ приготовилась к последнему решительному прыжку.

Вот ее подняло — высоко — и швырнуло с размаху на голые камни — удар за ударом, еще сильнее, чем прежде... я в отчаянии посылал жаркую молитву всемогущему, сознаюсь в этом честно, — снова удар еще ужаснее — еще — и вот мы соскользнули с камня!

Я быстро взобрался в бочку. Нельзя было терять ни минуты, — необходимо было найти путь среди всех мелей, тесным кольцом окружавших нас. У руля стоял

лейтенант Хансен, спокойный и безмолвный — чудесный парень. Он закричал:

— Что-то случилось с рулем. Судно не слушается!

Неужели же все-таки игра проиграна — и мы наткнемся на лежащий под ветром остров?

Но вот судно ударилось снова о какой-то гребень, и тут раздался радостный крик:

— Руль снова в порядке!

Случилось нечто совершенно изумительное: предпоследний толчок поднял руль, так что он выскользнул из петель, но последний удар поставил его снова на место!

Редко можно было видеть на „Йоа“ такое ликование: все мы довольно спокойные и тихие по природе люди. Но на этот раз восторга невозможно было сдержать и он прорвался наружу!..

Дальнейшее плавание было чрезвычайно неприятно. Мели шли сплошь, а судно не было таким послушным, как всегда. Мы все промокли до костей и стучали зубами от холода. Был пущен в ход лот, и с этой минуты „Йоа“ не продвигалась ни на одну милю по Северозападному проходу без того, чтобы один из нас не был на верхушке мачты, а другой у лота. Нам дан был хороший урок, и мы не хотели получать его вторично!

На парусах и с мотором шли мы к Боотии Феликс, где сразу же началась более глубокая вода. В 12 часов дня мы встали на якорь у мыса Кристиана Фредерика на глубине 5 саженей. Дул свежий норд-ост. Мы сразу бросили два якоря, один на цепи длиной в 30 саженей, другой в 45. Нам многое нужно было привести в порядок после сидения на камнях, а кроме того мы все были измучены работой и пережитым страшным волнением.

Вечером некоторые из нас съезжали на лодках на берег, чтобы подробнее осмотреть его и оставить сообщение под гурием. Я уговорился с Нансеном, как мы будем ставить гурии. Они должны были ставиться

на самом выдающемся вперед месте и всегда по два сразу. Сообщение было положено под бо́льшим, а меньший поставлен на расстоянии 4 метров от него по направлению к истинному северу. Если бы понадобилось высылать экспедицию в поисках нас, то она на далеком расстоянии увидала бы наши гурии.

Геолог произвел свои наблюдения и собрал несколько окаменелостей. Охотники прошли вглубь дальше от берега и видели нескольких оленей. Сам же я бродил кругом в поисках следов эскимосских палаток: их было множество. Когда стемнело, мы снова поплыли к судну. Ветер был небольшой и дул с берега. Как обычно, когда мы становились на якорь, один из нас отбывал вахту, а все остальные ложились спать.

В 11 часов пришел вахтенный и сообщил, что начался сильный свежий ветер с юга. Когда я вышел на палубу, кругом был полный хаос. Полная темнота и сумасшедший ветер с моря. Не оставалось никакого выбора; выходить в море невозможно — фарватер был полон мелей. Мы закрепили цепи и стали надеяться на лучшее. Команда была разбужена. Положение было такое, что мы приготовили все для высадки на берег. Мы каждую минуту ждали, что якорные цепи лопнут на высокой крутой волне под страшным напором шторма. Якорный грунт был плотный камень; но по счастью один из якорей зацепился в яме или вокруг камня. Шлюпки и брезентовые лодки были нагружены провиантом и всяким снаряжением, все роли были распределены, и, таким образом, мы были готовы на случай, если бы цепи лопнули. Машина была пущена полным ходом вперед, чтобы ослабить напор на якоря... К счастью, цепи выдержали. Однако, целых пять дней мы простояли на одном и том же месте под той же угрозой, пока буря бушевала, меняя все страны света!

Только 8-го утром в 4 часа мы смогли сняться. Дул свежий ветер с северо-запада.

Здесь, как и повсюду в этих местах, невозможно определяться по картам, так как они составлялись в такое время года, когда снег все покрывает и поэтому вводит в заблуждение. У островов Дундаса мы среди

снежной мглы потеряли из вида низкий берег, потому что принуждены были держаться мористее, так как внезапно там, где мы не доставали лотом до дна, мы определили 10 саженей глубины. Очевидно, это был риф, отходящий от островов Дундаса. У мыса Кристиана Фредерика морское дно переходит от каменистого к глинистому, и цвет моря от этого становится светло-зеленым, так что бывает трудно различать мели.

В 3 часа пополудни мы увидели берег прямо перед собой, и я решил держаться около него, чтобы отыскать гавань на ночь. Это была очень низкая земля, оканчивающаяся к югу выдающимся мысом. Этот мыс, на который мы проложили свой курс, мы приняли за мыс Де-ля-Гиша на американском материке. Уже довольно далеко от берега стало гораздо мельче, до 4 саженей, а мы, когда на минуту стало светлее, заметили берег с противоположной стороны; поэтому мы повернули и прошли через пролив, чтобы поискать гавани там. Это был высокий берег, который, как нам казалось, должен был быть горой Матесон на Земле короля Уильяма. Тем временем было уже половина шестого вечера и нельзя было надеяться достичь берега еще засветло. Берег, от которого мы отошли, кончался низким мысом к юго-западу, как раз там, где на карте показан мыс Кольвиля. Но тогда мы должны были бы видеть также остров Стэнли, образующий восточный берег пролива Рэя. Но его мы не видели.

В 6 часов мы подошли к трем совсем низким скалам. Течение с большой скоростью шло к югу и грозило посадить нас на камни. Но нам удалось их обойти, так как ветер усилился. Наступила темнота как раз, когда мы снова заметили высокий берег, и нам пришлось итти под частью парусов. Был пущен в ход мотор, чтобы нас не так сносило сильным течением. Всю ночь мы шли, измеряя глубины лотом.

По счислению мы должны были бы в течение ночи подойти к Земле короля Уильяма. Каково же было наше изумление, когда мы на рассвете открыли, что находимся у низкого берега, принятого нами накануне за мыс Де-ля-Гиша! Течение парализовало силу мотора

и парусов и увлекло нас как раз в противоположном направлении. Мы снова проложили курс на высокий берег и через час плавания опять его увидели. А так как одновременно мы также увидели и три небольших скалистых островка, то нам все стало ясно. Высокий берег должен был быть горой Матесон, а скалы были островами Стэнли. Другими словами мы находились в проливе Рэя.

Лот к нашему приятному удивлению не обнаруживал дна, и, по мере того как мы приближались к Земле короля Уильяма, погода улучшалась при свежем бризе с севера и ясном воздухе. От горы Матесон в юговосточном направлении простирался длинный низкий берег, заканчивающийся Землей короля Уильяма; мы назвали этот мыс мысом Луиджи Абруццкого в память герцога Абруццкого. Несколько островков, расположенных на некотором расстоянии от берега, не были нанесены на карту, и мы дали им название островов Эйвина Аструпа. Эти острова и мыс герцога Абруццкого образуют хороший и безопасный вход в пролив Симпсона. От мыса к полуострову Неймайера тянется очень широкая бухта — бухта Шватка — около 10 миль длиной. От нее дул свежий северный ветер. Когда мы находились на траверзе мыса Бецольда, я решил войти в бухту Петерсона и стать там на ночь на якоре. Эта бухта оказалась очень счастливой находкой. Там у берега море было совершенно спокойно и, несмотря на то, что нам пришлось полавировать по бухте, все шло довольно быстро. С палубы не было ничего видно, кроме большой широкой бухты. Но Хансен, отбывавший вахту в бочке на мачте, видел больше нас. Вдруг он закричал оттуда:

— Я вижу такую замечательную бухточку, лучше которой нет ничего на свете!

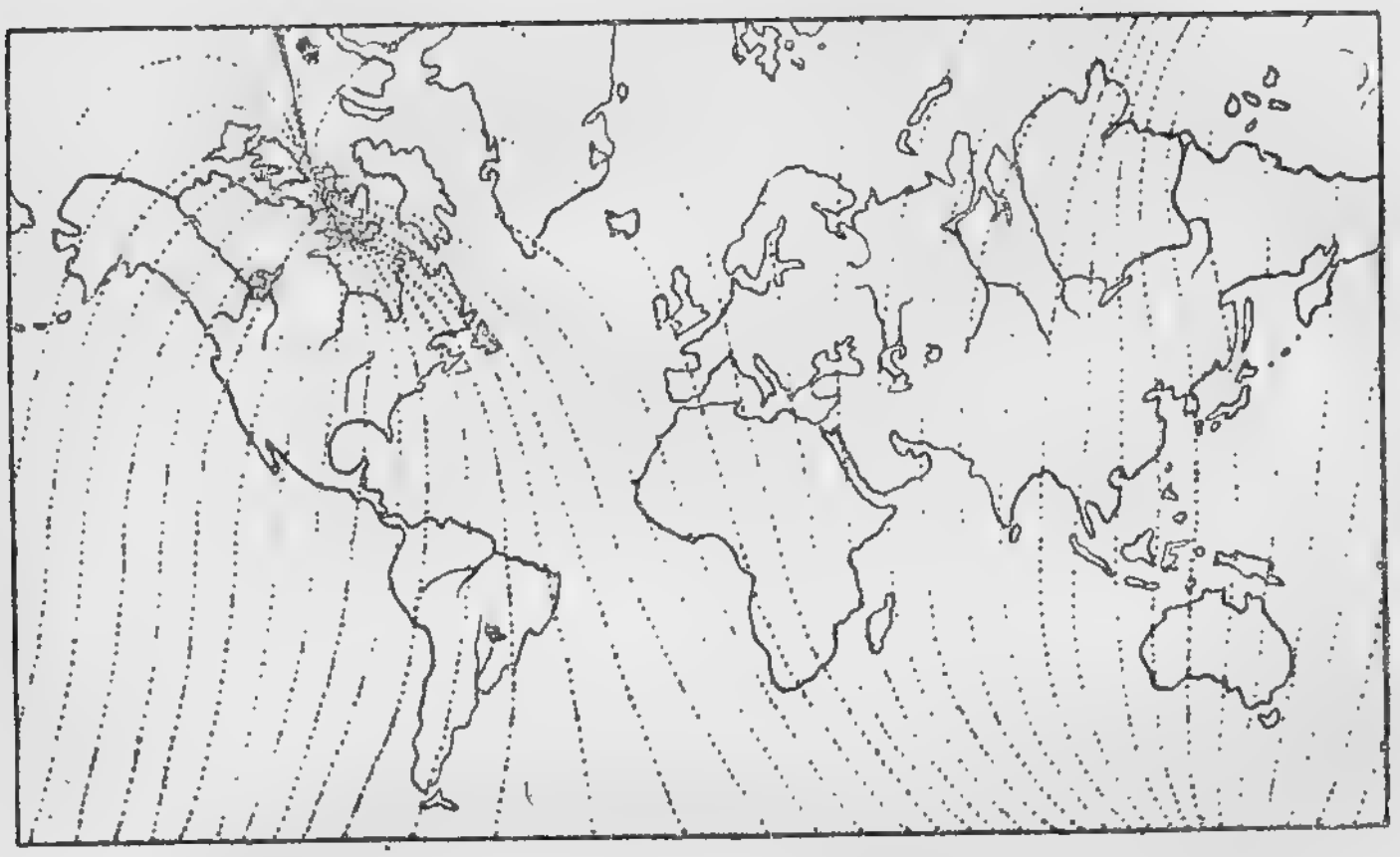
Я взобрался к нему — совершенно верно: вдали виднелась маленькая, закрытая ото всех ветров гавань, которая позднее получила название гавани Йоа, настоящий рай для нас, усталых путников.

Мы стали на якорь у входа на глубине 4 саженей. Северный ветер дул резкими порывами из узкого про-

хода, и мы не решились подойти ближе, не измерив предварительно лотом глубины и не исследовав берега. К западу пролив Симпсона был совершенно чист ото льда. Таким образом Северозападный проход был открыт для нас. Но нашей целью прежде всего было собрать сведения о магнитном северном полюсе — а проход был уже делом второстепенным.

Как только я увидел бухту „Йоа“, я решил выбрать ее местом нашей зимней стоянки. Было ясно, что осенние бури начались всерьез, и я знал, что фарватер дальше на запад очень мелок. Я хотел прежде чем отправиться по нему, проплыть им на лодке. Новый магнитный полюс, как показали наши наблюдения на острове Бичи, должен был находиться где-нибудь по близости от своего старого места, а так как гавань Йоа была всего лишь в 90 милях от этого пункта, то она, по мнению ученых, должна была быть особенно подходящей для постоянной магнитной станции. Если мы собирались строить обсерватории и приводить в порядок все прочее до зимовки, то нам следовало торопиться. К тому же за последние недели мы очень много работали и нуждались в отдыхе. Что касается меня, то сознаюсь, что я нуждался в передышке. Зачем же тогда искать другой гавани западнее, которой может, еще и не найдется? Если бы нашей главной задачей было завершение плавания Северозападным проходом, дело было бы совсем иное — тогда ничто не помешало бы нам плыть дальше.

В 6 часов вечера я поплыл в лодке с лейтенантом Хансеном и Лундом в гавань. Вход был неширок, в самом узком месте два судна едва могли бы разойтись. Но измерения лотом показали достаточную глубину — в среднем около 6 саженей. Сама гавань во всех отношениях была желанным местом. Узкий вход не пропустит больших масс льда, а внутренний бассейн был так мал, что никакой ветер не был страшен, с какой бы стороны он ни дул. Кругом гавани был покрытый мхом, совсем низкий песчаный берег, ровно повышавшийся до высоты около 50 метров. Пресная вода была в нескольких речках; если бы они пересохли, на



Карта 1. Магнитные меридианы 1885 года

что было похоже, то как раз на склоне был довольно большой пруд с питьевой водой. Несколько каменных гуриев и кругов от палаток указывали, что здесь были эскимосы. Однако, это могло быть и очень давно. Свежие оленьи следы давали надежду на охоту, снега не было и признака, а большие пространства, покрытые мхом, были совсем выжжены и указывали на то, что лето было очень жаркое. Для постройки магнитной обсерватории это место было как нарочно создано: ни с какой стороны не было гор, которые содержащимся в них железом могли бы влиять на наблюдения; конечно, и песок мог содержать железо, но это было маловероятным.

Таким образом, все наши наблюдения говорили в пользу этого места, и сообщение об этом вызвало на борту судна большую радость.

На следующий день Лунд, Хансен и Ристведт отправились на берег, чтобы выяснить виды на охоту. К вечеру они вернулись обратно с двумя олененками и оленихой. Они видели большое стадо оленей и массу птиц. А при их рассказах о больших стаях гусей у нас

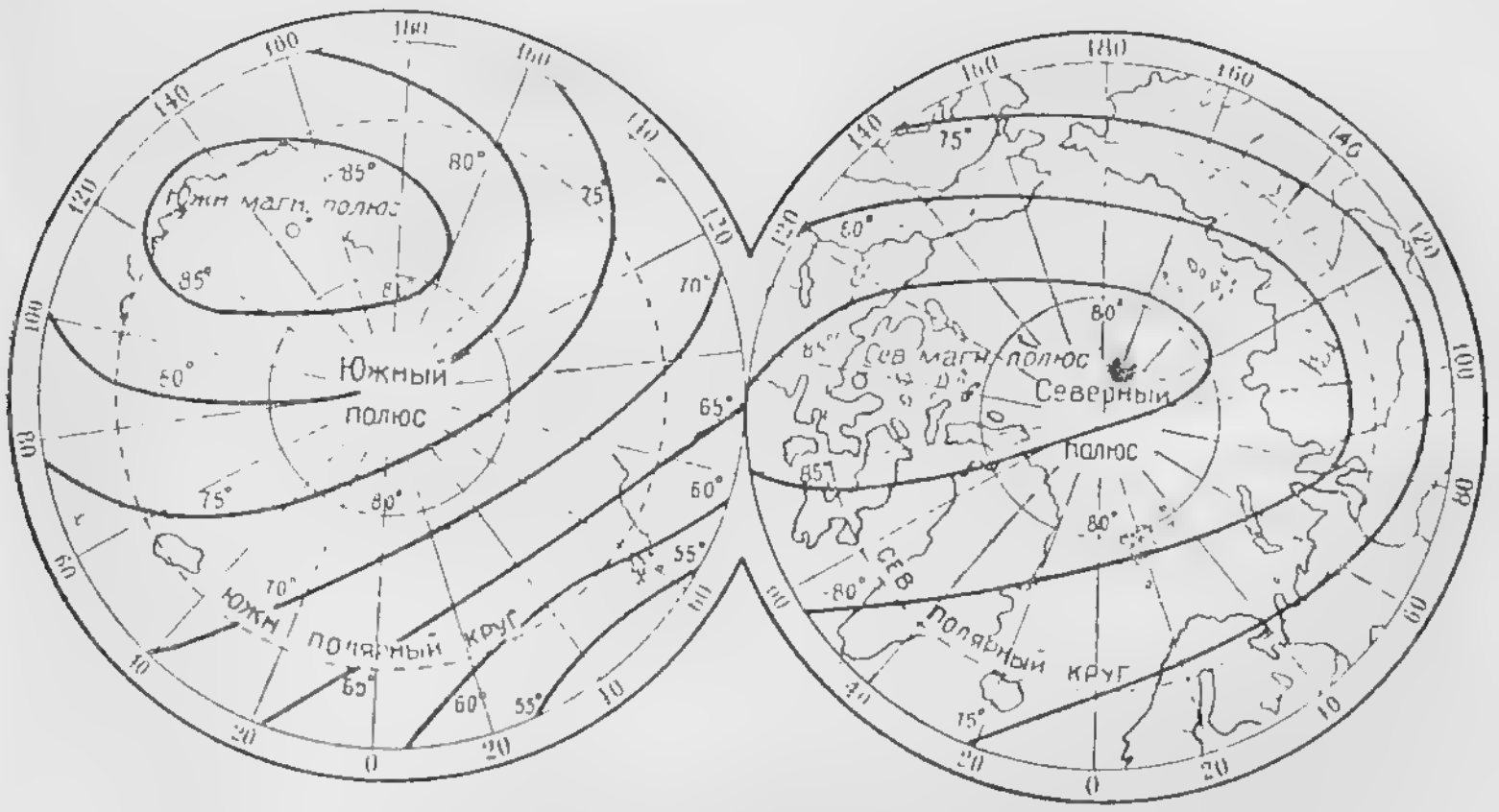
потекли слюнки. Вообще же они нашли всю местность в высшей степени пригодной для оленей — она была низка, покрыта мхом, повсюду встречались речки и озера.

В субботу, 12 сентября, в $7^1/_2$ часов вечера северный ветер настолько утих, что мы, при помощи мотора, решились войти в гавань. В $8^1/_2$ часов „Йоа“ бросила якорь в гавани Йоа. Итак, мы дошли досюда. Мы выполнили большую работу и имели все основания быть довольными.

Прежде чем продолжать свое описание, я считаю уместным рассказать здесь по возможности вкратце о земном магнетизме и о применении наших магнитных инструментов.

Что касается направления и силы земного магнетизма, то они различны в каждой точке земной поверхности; но кроме того они и на одном и том же месте непостоянны. Они подвергаются правильным ежедневным и ежегодным изменениям, равным образом часто внезапно наступают более или менее значительные возмущения. Наконец, из года в год обнаруживаются смещения, которые в течение целого ряда лет продолжаются в таком же роде.

Все это было установлено наблюдениями, произведенными в течение времени повсюду во всех частях света, частью во время путешествий, частью на постоянных станциях. Более подробное изучение имевшегося тогда обсервационного материала позволило великому немецкому математику и физику Гауссу в 30-х годах прошлого столетия построить теорию взаимной связи феноменов земного магнетизма и различных его проявлений в известное время в соответствии с географической широтой и долготой. Благодаря этой теории стало возможным составить три различных карты, из которых две показывают направление силы магнетизма, а третья ее величину. Если для направления необходимо иметь две карты, то это зависит от того, что направление должно показываться по отношению



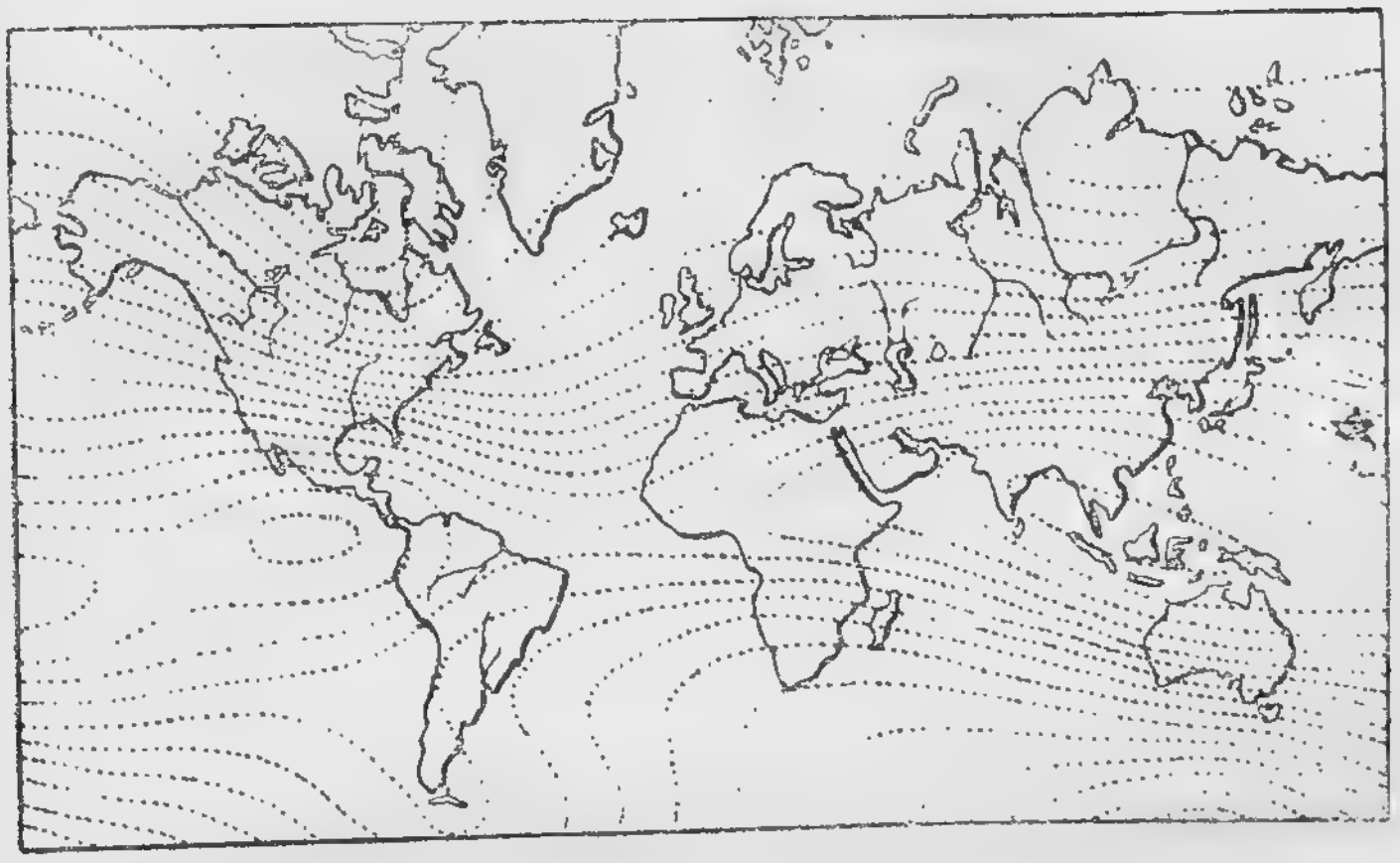
Карта 2. Линии магнитного склонения 1885 года

к географической линии север-юг данного места, а также по отношению к горизонтальной плоскости места. Направление силы земного магнетизма по отношению к линии север-юг можно наблюдать при помощи стрелки компаса, северный конец которой, как известно, указывает несколько восточнее или западнее истинного севера. Эти показания называются склонением. На приведенной карте 1 проведены линии, указывающие направление стрелки компаса в каждой точке земной поверхности. Эти линии, называемые магнитными меридианами, сходятся, как можно видеть, в двух точках: магнитном северном полюсе у берегов Ледовитого океана Северной Америки и магнитном южном полюсе внутри антарктического материка. Каждая линия обозначает, конечно, путь, по которому пришлось бы следовать, если все время двигаться вперед в направлении, указываемом северным или южным концом стрелки компаса. В первом случае мы придем как раз к северному, во втором к южному магнитному полюсу.

Карта 2 дает нам понятие о направлении магнитной силы в отношении горизонтальной плоскости в различных участках земли. Если поставить магнитную

стрелку так, что она может вращаться на горизонтальной оси, проходящей через ее центр тяжести, совсем как точильный камень, то стрелка примет наклонное положение, если плоскость вращения совпадает с направлением, указываемым стрелкой компаса. Такой аппарат называется инклинатором, а угол, образуемый стрелкой наклонения с горизонтальной плоскостью, называется магнитным наклонением места. Здесь, в наших краях северный конец стрелки наклоняется к земле, в Австралии, наоборот, южный конец стрелки опускается вниз. У северного магнитного полюса стрелка наклонения стоит перпендикулярно северным концом вниз, у южного магнитного полюса она становится перпендикулярно вниз своим южным концом. Таким образом в обоих этих местах наклонение равно 90° и уменьшается по мере удаления от них. В ряде точек внутри тропической зоны наклонение равно 0, то есть положение стрелки совершенно горизонтальное; линия, мысленно проведенная через все эти точки, называется магнитным экватором. Он лежит частью севернее, частью южнее географического экватора земли.

Сила земного магнетизма действует, как не трудно понять, со всей интенсивностью в направлении, указываемом стрелкой наклонения, при этом может явиться вопрос, как велика эта сила в различных местах. Чтобы уяснить себе это, мы мысленно разлагаем эту силу на две: одну, действующую в горизонтальном, другую — в вертикальном направлении. Очевидно, именно горизонтальная часть силы заставляет стрелку принимать то или иное определенное положение. И определив эту часть силы — горизонтальную составляющую — как она называется — и зная одновременно наклонение, легко простым арифметическим действием найти общую силу — общую интенсивность. Для определения горизонтальной составляющей применяют два способа, или каждый отдельно или для контроля оба одновременно. Один способ заключается в том, что рядом с иглой компаса помещается магнитный брусок на определенном расстоянии. Наблюдают, на сколько градусов стрелка уклоняется от своего первоначального поло-



Карта 3. Линии горизонтальных, составляющих 1885 года

жения. Ясно, что чем слабее горизонтальная составляющая, тем больше колебания стрелки, и зная силу данного магнита, можно по углу колебания и расстоянию вычислить горизонтальную составляющую.

Другой способ состоит в наблюдении периода колебания магнитного бруска, подвешенного на нитке таким образом, что он может вращаться в горизонтальной плоскости. Когда магнит находится в покое, то он устанавливается под влиянием горизонтальной составляющей в направлении стрелки компаса. Если же вывести его легким толчком из положения равновесия, то он начинает качаться взад и вперед, и чем сильнее горизонтальная составляющая, тем быстрее он придет снова в спокойное состояние или, другими словами, тем короче будет время каждого колебания. Если знать силу колеблющегося магнита и установить, сколько секунд ему нужно на одно колебание, то можно вычислить горизонтальную составляющую.

Карта 3 дает нам представление о силе горизонтальной составляющей, выраженной в так называемых электрических единицах в различных частях земли.

Каждая линия проходит через все пункты, где горизонтальная составляющая одна и та же. Можно заметить, что горизонтальная составляющая земного магнетизма уменьшается с приближением к магнитному полюсу. Само собой понятно, что поскольку земной магнетизм здесь, где наклонение равняется 90°, действует всей своей силой вниз, то он не может производить никакого действия в горизонтальном направлении.

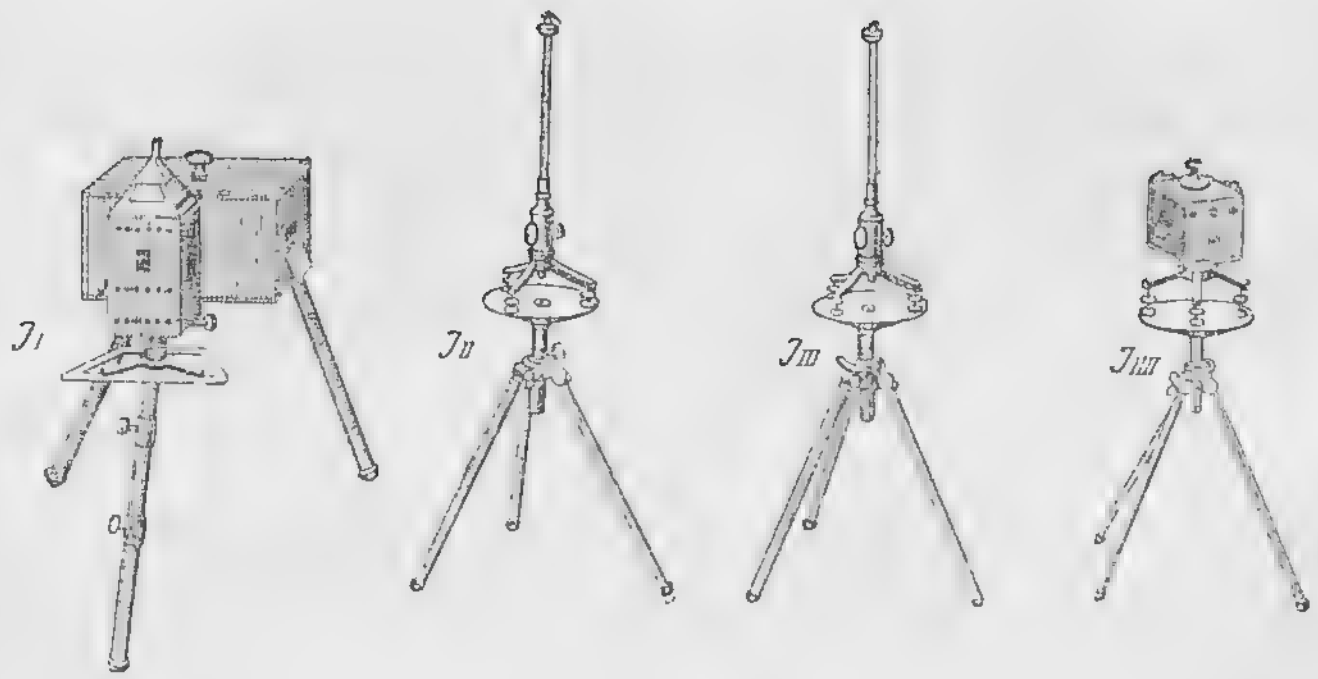
Как ни различны все приведенные здесь карты, они все указывают на то, что магнитный северный и южный полюсы являются особыми точками на земной поверхности, и вполне очевидно, что магнитные наблюдения как раз в этих точках или в непосредственной к ним близости представляют величайший интерес для науки о земном магнетизме. Теория Гаусса не освещает всех вопросов, которые ставят перед нами явления земного магнетизма, но ее все время стараются уточнить собиранием по возможности исчерпывающих и точных наблюдений.

Работа экспедиции „Йоа“ была задумана с целью внести вклад в эту область.

Однако, трудности были значительны. Уже одно то, что горизонтальная составляющая, как мы слышали, становится с приближением к магнитному полюсу такой исчезающе малой, требует особой тщательности при определении как ее, так и склонения.

Инструментарий экспедиции „Йоа“ был подобран в соответствии с этим. Магниты, числом 14, для горизонтальной составляющей были с особой тщательностью приобретены в Потсдаме. Определение наклонения можно было производить при помощи трех инструментов различной конструкции, а для определения склонения у нас было два различных инструмента.

К этому надо прибавить ряд саморегистрирующих вариационных аппаратов, а именно — три инструмента, устанавливаемых в постоянном положении в темном помещении, причем у каждого имеется магнитная стрелка; две из них подвешиваются на тонкой кварцевой нити, а третья колеблется на точно пригнанном подшипнике таким образом, что стрелки эти



Саморегистрирующие вариационные аппараты

своими движениями указывают на самые незначительнейшие изменения: одна склонения *(III)*, другая—горизонтальной составляющей *(IIII)*, а третья—наклонения *(IIIII)*. Каждая стрелка снабжена зеркалом, отражающим свет от лампы на покрытый светочувствительной бумагой барабан *(II)*, который при помощи часового механизма совершает один оборот в течение суток. Отражаемый от каждой из трех стрелок свет падает на барабан на различной высоте и дает в результате темное пятнышко; но так как барабан с бумажной лентой вращается, то одно пятно переходит постепенно в другое, образуя одну темную линию. Таким образом на ленте, когда ее через 24 часа вынимают, получается три темных, довольно неправильных линии одна на другой, кроме трех прямых горизонтальных контрольных линий.

Ниже приведены образцы трех вариационных кривых за сутки при спокойных магнитных условиях и за сутки же при магнитных возмущениях.

По совету профессора Адольфа Шмидта я решил устроить свою базисную станцию, на которой должны были быть установлены вариационные инструменты, на таком расстоянии от полюса, где наклонение было бы около 89°.

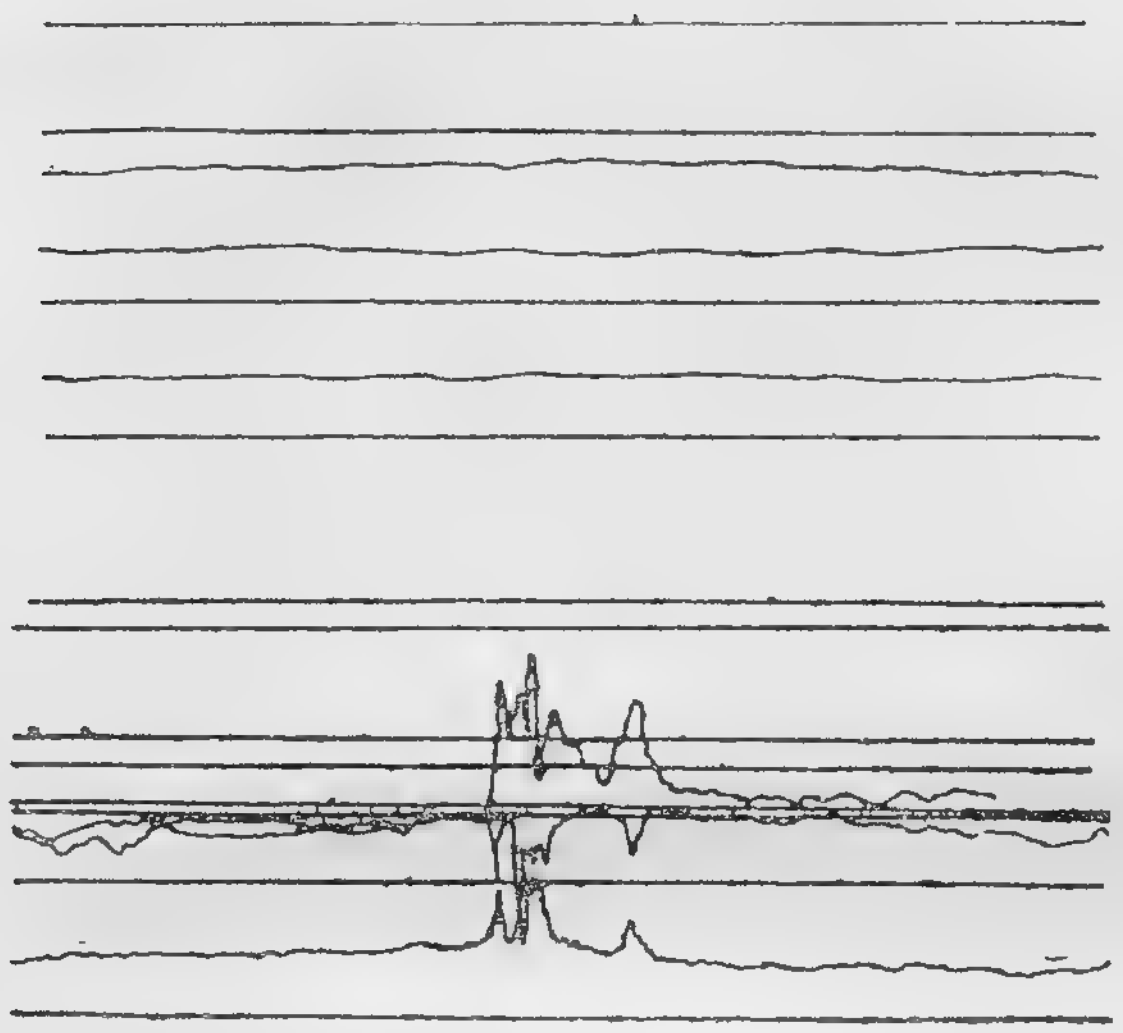
Через день после нашего прибытия я высадился на берег со своими инклинаторами для изучения маг-

нитных условий на месте. Ряд наблюдений дал мне наклонение в 89° 15′, или около 90 миль от полюса. Лучшего нечего было и искать — ближе подходить было нельзя.

В понедельник, 14 сентября, в 5 часов утра мы подошли с судном к самому берегу и остановились там, как у пристани. Можно было начать работу по подготовке к предстоящей зимовке.

В первую очередь на лодке были перевезены на берег все собаки. Там в удобной долинке мы воткнули в песок колья, протянули между ними веревку и привязали к ним собак. Они, конечно, были в высшей степени обижены таким изгнанием, но для нас было облегчением избавиться от них на корабле, где они мешали и доставляли нам всевозможные неудобства.

Совершив акт изгнания собак, мы устроили подвесную дорогу для облегчения выгрузки. Дело в том, что я решил перевезти весь провиант на берег, чтобы очистить как можно больше свободного места на борту судна. Линдстрему для всей его стряпни тоже было необходимо свободное место в трюме. Подвесная дорога состояла из стального троса, шедшего от середины мачты до старой береговой линии метрах в 20 за теперешней, где мы нашли удобное складочное место для ящиков. На берегу трос был прекреплен к верпу, который мы зарыли в песок на глубине около метра, завалив затем мерзлой землей. Взад и вперед по натянутому тросу ходил блок с одной оттяжкой на берегу, а другой на борту судна. При помощи талей ящики вытаскивались из трюма, прицеплялись крюком к блоку, затем отпускались и довольно плавно достигали берега. Ристведт и я принимали ящики на берегу, остальные же работали с ними на борту. Мы переносили их на подстилку из досок. Как только ящик вытаскивался на берег, мы сбивали с него деревянную крышку, переворачивали его и снимали внешнюю деревянную оболочку, так что оставался один внутренний жестяной ящик. По мере того, как ящики ставились на место, составлялся точный план их расположения и записывался номер и содержимое каждого, чтобы во всякое время можно было найти необходимое. Пустые деревянные фут-



Магнитные вариационные кривые за сутки при спокойных магнитных условиях (вверху) и при магнитных возмущениях (внизу)

ляры собирались и складывались в сторонке, чтобы позднее послужить строительным материалом.

Мы работали с 5 часов утра до 6 вечера. Таким образом 8-часовой рабочий день у нас не был введен. Это наступило позднее! Первые признаки зимы — снег и слякоть — уже наблюдались, но мы надеялись, что зима задержится и даст нам время все закончить.

17-го к вечеру выгрузка была окончена. Мы устроили навес из брезента над ящиками, и все сооружение приняло отличный вид. Этот склад провианта был расположен на склоне, поэтому можно было думать, что туда просочится влага, несмотря на то, что почва была песчаная и вода, вероятно, стекала; все же для верности мы выкопали вокруг всего склада глубокий ров.

После провианта наступила очередь взрывчатых веществ, которые были отнесены далеко от берега и

покрыты небольшой палаткой. Позднее мы перенесли в склад с провиантом, который оказался самым сухим местом, бывшим в нашем распоряжении, всю свою одежду и другие вещи, боящиеся сырости.

Затем началась уборка на судне. Прежде всего был наведен порядок в трюме. Потом камбуз, устроенный по середине судна, был разобран и перенесен в трюм. Здесь распоряжался Линдстрем, и здесь была его кухня с сентября 1903 по июнь 1905 года. Этой работой были заняты все. После этого мы разделились на две партии, чтобы успеть сделать все необходимое до наступления зимы. Прежде всего нам нужно было построить обсерватории и запастись свежей пищей на зиму.

Поблизости от нас пока появлялось очень мало оленей. Поэтому Лунд и Хансен были посланы на лодке к острову Эта, лежащему среди пролива Симпсона, где, как мне сообщали, олени обычно собираются большими стадами. 21 сентября охотники тронулись в путь, снаряженные на две недели.

Тем временем все остальные принялись за строительные работы. Вик занялся пока определением магнитного меридиана — линии магнитного склонения с севера на юг по компасу; в этом направлении должен был быть поставлен дом с саморегистрирующими инструментами для наблюдения над магнитными явлениями. Пустые ящики из-под провианта, которые должны были служить для него строительным материалом, были тщательно осмотрены — чтобы в них не осталось ни одного железного гвоздика. Все они были сделаны одного размера и сколочены медными гвоздями, чтобы не оказывать никакого влияния на магнитные наблюдения. Место для дома мы выбрали на верху склона, обращенного к проливу Симпсона. Фундамент был выведен из камней и скреплен цементом — чтобы послужить основанием, на котором будут покоиться инструменты. Затем мы начали строить дом. Для этого ставился ящик за ящиком и наполнялся песком. На это ушло 40 ящиков. Изнутри и снаружи дом был облицован толем и, наконец, весь засыпан песком. Вокруг всего

Выгрузка снаряжения с „Йоа“

помещения мы вырыли глубокий ров, чтобы отводить воду. Этой работой занимались мы с лейтенантом Хансеном, и мы не скоро ее забудем! Не раз мы расправляли свои согнутые, непривычные к такой работе спины и желали, чтобы чорт побрал все рвы!

Однако, дело спорилось, и 26 сентября обсерватория была совсем готова.

В тот же вечер вернулись с охоты Лунд и Хансен. Им повезло—лодка была нагружена 20 оленьими тушами. Уже в милях 12 от нашей гавани они нашли

место, где были большие стада оленей. Однако, олени были очень пугливы, и трудно было подойти к ним на выстрел. Была поставлена палатка, и охота продолжалась несколько дней. Это место лежит поблизости от Бутпойнта, с которым мы потом хорошо ознакомились, так как там была стоянка эскимосов и мы с ними встретились. Эскимосы рассказывали нам впоследствии, что они видели наших охотников, но не посмели подойти ближе, боясь ружей.

Хансен и Лунд сообщили нам, что берег, который, виден на юг от нашей станции, был не мыс Огль, как мы думали, а остров. Они уходили очень далеко на юго-запад и видели, что он ни с какой стороны не соприкасается с сушей. Я очень удивился, что мы нашли здесь остров, которого Мак-Клинток не нанес на карту, когда был здесь. Но сообщение наших охотников подтвердилось, и, очевидно, Мак-Клинток прошел мимо этого острова в тумане.

29-го мы начали постройку дома, в котором должны были жить Ристведт и Вик. На это пошло 60 ящиков. Дом был построен на том же гребне холма, что и обсерватория, на расстоянии 75 метров от нее, и оттуда открывался вид на окрестности во все стороны.

На судне мы произвели также ряд работ. В световые люки были вставлены двойные рамы, затем поставлены керосиновые печи и отрегулирована вентиляция. В каютах мы устроились удобно, и было необыкновенно приятно после трудового дня прийти в свою уютную, светлую каюту и перекусить. По вечерам мы с блаженством растягивались в каютах после утомительной работы. Должен сказать, что до сих пор для нас все складывалось необыкновенно счастливо, а теперь нам повезло и с пищей, когда наши 20 оленьих туш были розняты и повешены. Было уже настолько холодно, что мясо не могло испортиться.

29-го все судно было покрыто брезентом, и таким образом мы сделали все необходимое и приготовились к зиме.

ПЕРВАЯ ЗИМА

ПЕРВОГО октября все выглядело уже по зимнему. Морская вода, при сильном норд-осте разбивавшаяся в пену о судно, моментально замерзала, одевая „Йоа“ плотным ледяным панцырем. Метель слепила глаза и на море смешивалась в кашу, которой покрылась половина гавани. Это было начало образования льда. Как только утихнет ветер, по льду можно будет ходить.

Тем временем ночью „Йоа“ была снесена штормом к самому берегу; якоря не достаточно сильно держались. Само по себе это не мешало ни нам, ни судну. Но когда образуется настоящий лед, то судно при отливе не будет стоять на месте ровно, из-за трещин, вызываемых приливом и отливом; поэтому, как только на следующий день ветер спал, мы отвели „Йоа“ на зимнюю стоянку на 50 метров от берега. Мы не отошли дальше, чтобы не удаляться от милой нашему сердцу палатки с провиантом.

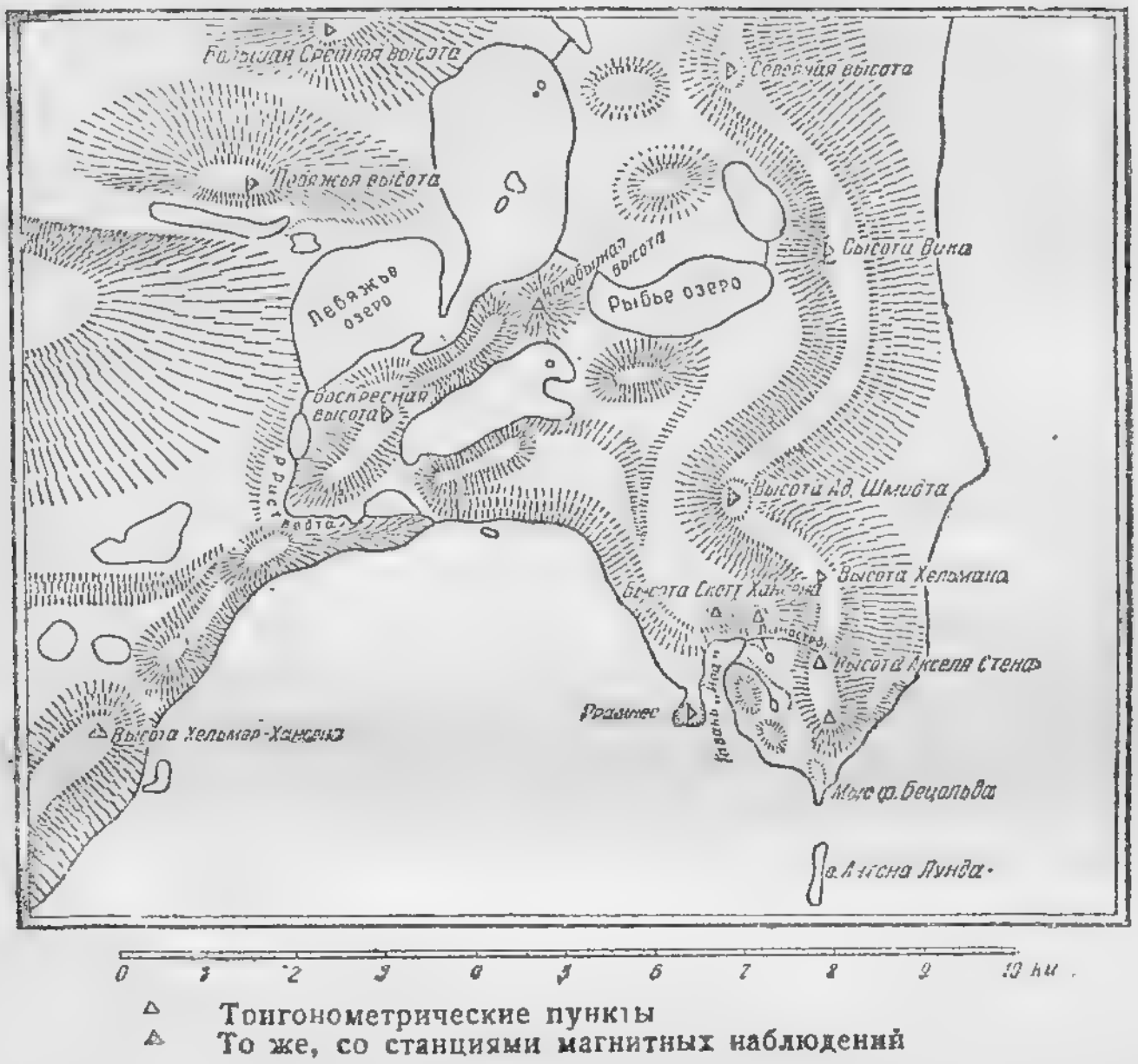
3 октября можно было уже ходить по льду до берега — во всяком случае тем, кто не был очень тяжел. Выйдя в этот день после завтрака наверх, чтобы приняться за свою урочную работу, мы остановились, как вкопанные: на гребне холма показалось стадо оленей, штук в пятьдесят. Они шли гуськом, легкие и грациозные, с большим самцом во главе. Это был необыкновенно красивый самец с огромными рогами и длинной белой шерстью на шее; он, очевидно, пользовался неограниченной властью и чувствовал себя как дома, так как шел кратчайшей дорогой к морю. Было ясно, что они пожаловали сюда, чтобы убедиться в образовании льда: достаточно ли крепок новый лед, чтобы выдержать их тяжесть для перехода через пролив к материку. Заканчивался срок их ежегодного летнего пребывания на Земле короля Уильяма, где они проводили несколько месяцев в полном покое. Бесконечные, покрытые мхом пространства с тысячами озер, конечно, настоящий рай для оленей. Самое приятное для них на островах заключается в том, что их злейший враг, волк, как ни странно, не уходит вслед за ними весной с материка. Олени не остаются в этих

мирных местах также и на зиму, потому что их, вероятно, пугают суровый климат и частая жестокая непогода.

Ветер дул с берега, а потому они не учуяли нас. Мы спокойно могли наблюдать, как они проходили по возвышенности и скрывались по другую ее сторону. Для охотников наступила самая пора! Все было брошено, появились карабины — и охотники ринулись вверх по склону. Я, собственно говоря, совсем не охотник, я не могу убивать животных ради удовольствия. Поэтому я предоставил охотиться своим товарищам — все они были ярыми охотниками, а сам занялся, может быть, менее приятной, но полезной работой — перевозил туши домой. Лейтенант Хансен, в душе тоже страстный охотник, принес большую жертву, присоединившись к транспортной группе. Мы еще не привыкли к собачьим запряжкам, и в начале наши мясные перевозки шли довольно туго.

Охота в этих местах очень интересна, но вовсе не легка. Олени необыкновенно пугливы, а бесконечные равнины не дают никакого прикрытия. Нужно подползать к дичи на брюхе, как змея, и зорко следить за направлением ветра. Едва почуяв охотника, олени мгновенно скрываются из вида; пока олени пасутся, все идет хорошо. Но если они сыты и ложатся на отдых раньше чем подойдешь к ним на выстрел, то приходится самому смирненько укладываться и запасаться терпением, пока они снова не встанут, чтобы продолжать насыщаться, а это может длиться часами. Эскимосы далеко превзошли нас, белых, в таком испытании терпения. Для них время не имеет никакого значения, зато добыча — все! Они могут охотиться за одним оленем с утра до вечера.

Местность вокруг гавани Йоа была самой неровной на всей Земле короля Уильяма, что, однако, не многого стоит. Поэтому самое излюбленное место охоты было вокруг гавани. По счастливой случайности в эту осень вокруг нас было столько оленей, что мы едва справлялись. Стадо за стадом, часто в несколько сот голов, проходило мимо нас по пути к морю. По



△ Тригонометрические пункты
△ То же, со станциями магнитных наблюдений

Гавань Йоа и ее окрестности

моему убеждению это объяснялось тем, что в этом году состояние льдов было не таким, как обыкновенно. Олени, подходя к своему обычному месту переправы в самом узком месте пролива Симпсона у острова Эта, находили там открытую воду. Поэтому они шли вдоль берега в поисках перехода в другом месте.

В 11 часов утра трое охотников вернулись, убив самца, двух самок и двух телят. Четвертый охотник пришел немного позже. Оказалось, он носом к носу повстречался с огромным стадом, но ружье у него испортилось, как раз когда нужно было стрелять. Ведь такие досадные истории случаются часто, но самое досадное в них это явное недоверие, с которым к ним неизменно относятся товарищи!

Машинист неоспоримо был у нас самым страстным охотником. Он пользовался всяким удобным слу-

чаем, чтобы отправиться в путь. Однако, у него была навязчивая идея — для того, чтобы ему везло на охоте, совершенно необходимо надевать на голову мягкую фетровую шляпу. Потеряв в предыдущих походах все свои шляпы, он начал прежде всего охотиться на чужие: результат был превосходный, и в следующее воскресенье наш господин охотник появился в чрезвычайно красивой, совершенно новой серой фетровой шляпе. Его, повидимому, ничуть не стесняло, что эта шляпа была моя. Должен признаться, что охотничья удача на этот раз вполне соответствовала моей шляпе: в тот день он застрелил пять куропаток — первых в этом сезоне.

День за днем проходили однообразно за работой и охотой, за охотой и работой. Рекорд по охоте, не побитый за все наше пребывание здесь, был поставлен 8 октября Хельмером Хансеном. После кратковременной охоты он вернулся домой, застрелив 13 оленей — прекрасный результат для одного человека.

Однако, для моей маленькой транспортной компании этого было слишком много. Пришлось обратиться к посторонней помощи, и все должны были приняться за это дело. В то время как мы собирались уже уходить, мы увидели спокойно спускавшуюся по направлению к судну самку с двумя телятами. Как только они подошли на расстояние выстрела, они были встречены сильным огнем и все заплатили жизнью за свою святую простоту.

К этому времени уже выпало много снега и установился хороший санный путь. Поэтому вся добыча быстро и довольно легко была свезена домой.

Местность здесь однообразна и без каких-либо приметных точек, поэтому бывает очень трудно отыскать дорогу. Накануне вечером мы отправились за мясом, разделившись на две партии, в одной — лейтенант и я, в другой — Ристведт с Виком. Было совсем темно, когда мы с лейтенантом Хансеном вернулись домой. Но других двоих еще не было. Они пришли только часа через два — оказывается, они собирались было самостоятельно пройти на санях вдоль всего

Северозападного прохода, так как в темноте миновали гавань, не заметив ее, и пошли дальше на запад! Когда, наконец, они поняли, что сбились с дороги, то бросили сани и добрались до дому вдоль берега.

Карабины системы Краг-Йёргенсена, которые были у нас — прекрасное оружие. Однако, нужно стрелять из них свинцовыми пулями. Стальные не годятся. Олень великолепно удирает, несмотря на то, что в нем сидит несколько таких пуль. Случалось, что мы прекрасно охотились во время снегопада. Метель мешала животным видеть, и нередко в таких условиях удавалось подходить к ним вплотную. Удивительно, как тощи были эти животные! За исключением двух жирных самцов все остальные были чрезвычайно худы. Возможно, что причиной этому было жаркое лето, во время которого весь мох был выжжен. Я не знаю, так ли это, но думаю, что скорее всего эта худоба объясняется недостатком пищи. На следующую осень после пасмурного и холодного лета — олени были жирны, как свиньи.

Кок, добровольно взявший на себя сбор зоологического материала для университета, уже собрал много хороших образцов. Так, Ристведт и Вик обогатили его коллекцию двумя великолепными шкурами оленьих самцов. Университету хотелось иметь именно таких оленей, и поэтому легко можно себе представить радость „уполномоченного“, когда наши северяне с обычным уменьем отделали шкуры и развесили их для предварительной просушки!

Для собак, которым до сих пор приходилось проводить время под открытым небом, был построен отдельный собачник. Его вырыли в большом сугробе. Одна из лодок была положена сверху в виде крыши; получился прекраснейший собачий дом, лучше которого и желать было нечего. Вся постройка была полита морской водой, так что получилось одно целое. Дом был разделен на два помещения. В одном жила старая „Фрамовская упряжка“, а в другой „упряжка из Годхавна“.

Одновременно была сделана еще одна весьма важная вещь. Всю зиму поддерживалась открытой про-

рубь, чтобы иметь воду на случай пожара. Это сооружение получило название пожарной станции, а начальником ее был назначен Лунд. Не очень-то приятно было быть брандмейстером в гавани Йоа! Каждое утро он должен был выходить на воздух и заботиться, чтобы прорубь оставалась открытой. Работа эта была не из легких, если вспомнить, что лед достигал почти 4 метров толщины.

Выпавший снег теперь так слежался, что представлял прекрасный строительный материал. Поэтому я при участии Лунда и Хансена принялся за возведение постройки, где мы могли бы в течение зимы производить абсолютные магнитные наблюдения. Место для нее было выбрано в 75 метрах от вариационного павильона, и она была возведена в направлении магнитного меридиана. Материал мы брали из одной долинки, где были огромные количества плотно слежавшегося снега. Дом должен был быть 8 метров в длину, 2 метра в ширину и 1,8 метра в высоту. Снежные глыбы вырезались пилой. Легко получить представление о прочности этого снега, если я скажу, что такие глыбы весили в среднем по 100 кг. Когда мы выкладывали последний ряд, то требовалась сила троих людей, чтобы поставить глыбу на место. Потом вместо крыши было натянуто полотнище из тонкой просвечивающей материи. Таким образом у нас получился прекрасный павильон для абсолютных магнитных наблюдений.

Тем временем мороз все увеличивался и все больше давал себя чувствовать, поэтому нам пришлось подумать о своей одежде на зиму. Благодаря нашей удачной охоте на оленей, у нас была масса великолепных шкур. Мы с лейтенантом все время гадали, как бы сделать их пригодными для шитья из них нижнего платья. Верхнюю одежду из оленьего меха мы привезли с собой, и об этом нам не нужно было беспокоиться, — но было бы чудесно иметь мягкую теплую нижнюю одежду. Мы отобрали все телячьи шкурки, перетащили их в каюту и приступили к работе. Никто из нас не имел никакого понятия о том, как нужно

приниматься за дело. Правда, мы знали, что шкурки, нужно растянуть, чтобы высушить. Но мы не представляли себе, нужно ли применять медленную или быструю сушку. Хансен надеялся на меня, а я надеялся на него. В конце концов мы порешили на том, чтобы растянуть шкурки под потолком. Мы развесили столько шкур, насколько у нас хватало места, и наша каюта скоро приняла вид лавки не то мясника, не то скорняка. Каждый день мы щупали шкурки, и когда их нашли достаточно сухими, сняли их и принялись за выделку. Как мы старались! Каждому хотелось достичь лучшего результата. До чего мы дошли бы, трудно сказать, — я думаю, что за отсутствием иного мы все же смастерили бы себе кое-какое нижнее платье, хотя бы и не первоклассное. Но если нужда заставляет... и т. д. Помощь пришла к нам совершенно неожиданно.

17 октября Ристведт и Вик закончили постройку своего дома. Он тотчас же был окрещен и назван „Магнитом". Выглядел он не очень важно, но зато отличался своим прекрасным местоположением. Он был расположен на вершине холма, высотою около 30 метров, был обращен к морю, и от него открывался превосходный вид на весь пролив Симпсона. Таким образом случись что-нибудь — и это прежде всего было бы замечено из „Магнита". Приди к нам кто-нибудь чужой, он должен был бы пройти прежде всего мимо. Появись медведь, заблудившийся во льдах пролива, — отсюда его бы увидели. Короче говоря, обитатели „Магнита" главенствовали над всей местностью.

Этот дом, как и ранее построенный, был сделан из ящиков, наполненных песком. Конечно, он не походил на дворец, но, мне кажется, мы все были согласны с тем, что Ристведту и Вику жилось там значительно лучше, чем кому-либо из нас на судне. В домике была всего одна комната — спальная и рабочее помещение. В одном углу стояла большая широкая кровать, сбитая из досок от ящиков. Жильцы считали, что одна кровать занимает меньше места, чем две. Кроме того они находили, что двоим в одной кровати будет теплее, чем одному, — и с этим нельзя не согласиться.

В общем, все было устроено весьма рационально. Рядом с кроватью стояли стол и по сторонам его скамейки. Другую половину комнаты жильцы поделили так, что с одной стороны была рабочая скамья Ристведта, а с другой стол Вика для проявления, где он проявлял свои магнитные кривые. Пол был застелен досками и покрыт оленьими шкурами. В доме было два окна, одно выходило на море, другое было обращено к „Йоа". Как только представилась возможность, дом был засыпан песком и землей. Насколько я знаю, — ящики впервые были использованы в качестве строительного материала в полярных областях. Если есть под рукой чем их наполнить, то я рекомендую этот материал, как превосходящий всякий другой, в противном случае дело обстоит иначе. Вик и Ристведт жили в своем домике в течение двух лет и едва ли бы поменялись с кем-нибудь из нас, живших на судне. Лейтенант Хансен и я жили в одной каюте. У нас было чрезвычайно сыро, и мы всю зиму каждый вечер вырубали со своих коек целые горы льда. В носовой каюте жили Лунд, Хансен и Линдстрем. Здесь тоже было сыровато, но не так, как в кормовой каюте. В первую зиму все судно было завалено снегом, и тогда температура в носовой каюте никогда не спускалась ниже нуля. В кормовой каюте у нас всегда было ниже нуля. На вторую зиму я попробовал — так как мнения разделились — оставить судно не покрытым снегом. Но, несмотря на то, что эта зима была значительно мягче, в передней каюте температура скоро стала опускаться по ночам ниже нуля. Тогда мы опять засыпали судно, и у нас сейчас же восстановились старые условия.

Ураниенборг — астрономическая обсерватория — была последней из наших построек. Однажды утром мы все собрались, чтобы помочь астроному построить нужное ему помещение. Он предпочитал сводчатый стиль постройки, а мы преспокойно строили ему эскимосскую хижину. Строение получилось не особенно красивым, однако все же мы его окончили. Цоколем для инструмента послужила пустая бочка...

Как-то утром мы стояли на холме, приятно разговаривая и переваривая завтрак, и как обычно высматривали вдали оленей,— вдруг один из нас, указывая на север, сказал:

— Вот они снова, честное слово!

Сейчас же начались приготовления к охоте. Однако, Хансен продолжал стоять около меня, видимо напрягая свое необычайно острое зрение.

— Ну, Хансен, разве вам сегодня не хочется поохотиться на оленей?

— Да, — ответил тот многозначительно,—но только не на этих. Ведь они о двух ногах!

Услышав эти изумительные слова, я побежал вниз за своим полевым биноклем и направил его на стадо оленей. Правильно—идут пять человек.

Эскимосы!

Мы много и долго говорили об эскимосах, но по тем или иным причинам все думали, что совершенно невероятно встретить их тут. Был уже конец октября, и мы считали эскимосов как бы вымершими и совсем о них забыли.

Но они оказались здесь!

Быстро мы перебрали в уме все, что нам было известно об этих арктических варварах. По старым описаниям путешествий в этих местах мы знали, что с североамериканскими эскимосами не всегда можно шутить. Но от Росса и Клучака мы слышали, что эскимосское слово „тейма“ самое лучшее приветствие, каким их можно встретить. Оно обозначает что-то вроде самого сердечного „здравствуйте“. И мы повторяли это слово тейма на все лады.

Однако, мы не были так глупы, чтобы полагаться на какое-то одно жалкое слово. Самым правильным было бы прежде всего рассматривать пришедших как врагов. И мы составили военный план. С двумя спутниками я пойду врагам навстречу. Добровольцами вызвались Хансен и Лунд. Карабины были тщательно осмотрены и заряжены на весь магазин. Я выстроил на льду свои войска и произвел им смотр. Даже наиболее критически настроенный военачальник должен

был бы остаться доволен видом личного состава и его выправкой. Я сам вытянулся в струнку, подтянул брюки, повернулся по уставу налево кругом и скомандовал — шагом марш! Я двинулся вперед со своими храбрецами, искоса поглядывая на палубу, где лейтенант и кок стояли рядышком. Мне показалось, что созерцание нашего маленького отряда не вызвало на их лицах особо заметных знаков восхищения. Хорошо, подумал я, вам легко веселиться, когда вы стоите в безопасности на палубе судна, тогда как мы идем навстречу неизвестности, быть может даже смерти в открытом поле!

Эскимосы находились от нас на расстоянии около 500 метров и двигались по склону по направлению к нашему судну. Я маршировал с самым воинственным видом и слышал за собой мерные шаги своих подчиненных. На расстоянии около 200 метров эскимосы остановились. В моей голове зароились различные стратегические комбинации — атака, оборона и т. д., но, наконец, я решил, что вернее всего будет скомандовать „стой". Мои солдаты стояли превосходно в положении „смирно", носки под углом в 45°, взор выражал отвагу и преданность своему начальнику. Затем я начал изучать противника. Повидимому, эскимосы были чем-то очень заняты, они показывали пальцами, смеялись и жестикулировали — никаких воинственных мероприятий что-то не было заметно! Но вдруг они рассыпались в стрелковую цепь и ринулись вперед. Да, подумал я, лучше умереть с честью, чем спасаться в постыдном бегстве. „Вперед, марш!" И мы пошли, ожидая каждую минуту, что враги снимут со своих спин луки и натянут их. Однако, постойте... Нет ли у них на уме другого, не военная ли это хитрость?

Вдруг в моем мозгу, распаленном боевым воодушевлением, промелькнуло: — тейма! И я изо всех сил своих легких кричу: „Тейма!"

Эскимосы останавливаются как вкопанные. Но наше возбуждение слишком велико, — ему должен быть положен конец, — и мы стремимся вперед, готовые к бою. Но вот до моего слуха доносится:

— Маник-ту-ми! Маник-ту-ми!

Эти слова кажутся такими знакомыми, — по Мак-Клинтоку это наидружественнейшее приветствие здешних эскимосов. Мы моментально бросаем оружие и спешим навстречу своим друзьям.

— Маник-ту-ми! Маник-ту-ми!

Мы кричим, перебивая друг друга, обнимаемся, хлопаем друг друга по плечу, и я не знаю, с чьей стороны радость больше.

Наши друзья чрезвычайно поразили меня своим видом. Мы только что покинули некрасивых плосконосых эскимосов северозападного побережья Гренландии, а здесь встретили население, отдельных представителей которого можно было назвать просто красивыми! Кое-кто из них походил на индейцев и словно был взят прямо из романов Купера. Они были к тому же высокие и сильные.

В братском единении направились мы к судну. „Чик-чик!“ пощелкивал фотографический аппарат лейтенанта — „чик-чик!“ Рядом с лейтенантом стоял Линдстрем, ухмыляясь во весь рот. Не скажу, чтобы я чувствовал себя великим полководцем!..

Наши гости с великой радостью приняли приглашение и пошли с нами на корабль. Там на палубе штабелями лежали 100 оленьих туш — эскимосы сделали большие глаза при виде всего этого мяса, но ничего не сказали. Долго мы болтали с ними, смеялись и шутили. Тут Линдстрем шепнул, не угостить ли нам их. Да, конечно! Я попросил его сварить кофе и подать немного сухого хлеба. Мы провели своих гостей в трюм — в каюте я не хотел их сажать, опасаясь, что они были... не одни. Ведь северогренландские эскимосы знамениты своими вшами!

Было подано угощение и кофе, но оно им, повидимому, не очень-то нравилось. Они делали знаки, что хотят пить, и когда им дали воды — они просияли. Каждый выпил около двух литров: но если они холодную ледяную воду предпочитают кофе, то весьма возможно, что им хочется...

— Ну-ка, Линдстрем, принеси мне сюда старый окорок, что лежит там!

Да, я был прав. Это почище черствого хлеба! И тут мы увидели, что совсем безоружны эскимосы не были, — как казалось нам раньше. Из голенищ своих меховых сапог они достали большие с длинными лезвиями ножи и в течение невероятно короткого времени срезали и съели мясо трех окороков, остались одни только голые кости.

Вик и Ристведт не присутствовали при всех событиях, связанных с прибытием эскимосов, и так как они не шли к нам, то я сообразил, что они и понятия не имеют о происходящем. Когда, наконец, эскимосы покончили с едой, я показал им знаками, что они должны следовать за мной, и повел их к вилле „Магнит". Никого не было видно, — я постучался и вошел. Ристведт и Вик оба были погружены в свои книги. Эскимосы тихо стояли позади меня.

— Удивительно, — сказал я, — что к нам в этих местах пожаловали гости — не правда ли? А к тому же знакомые! Позвольте вам представить...

Оба вскочили, вытянулись в струнку и отвесили самый изящный поклон — тут выступили вперед эскимосы. Раздался страшный хохот, которому вторили и сами эскимосы своим гоготом.

Сначала нам было не так уж легко добиться того, чтобы эскимосы понимали нас. Но когда нам удалось дать им понять, что мы хотим знать, как на их языке называется каждая вещь, дело взаимного понимания пошло быстро вперед. Мы, пожалуй, не смогли бы поддерживать с их дамами светский разговор, но все же приобрели необходимый запас слов, при помощи которого удовлетворительно справлялись во всех положениях. Ведь балов мы не задавали!

Эскимосы переночевали у нас и на следующий день отправились домой. Нам удалось уже тогда дать им понять, что мы хотим купить у них готовые меха. Продукты моего с лейтенантом скорняжного мастерства вызвали у них нескрываемую веселость, и мы поняли, что лучше всего будет сохранить наши меха для себя. Через несколько дней эскимосы вернулись, захватив с собой несколько больших, прекрасных

оленьих шкур. Однако они, как истые торговцы, принесли нам только шкуры самцов, в которых сами не так уже нуждались. Мы отплатили той же монетой и дали им по одной иголке за штуку! Я решил теперь сам поехать с ними, чтобы посмотреть, где и как они живут. Мы поняли, что им для возвращения домой не приходится ночевать в пути, так что это не должно было быть очень далеко.

На следующий день в $11^1/_2$ часов мы отправились в дорогу. Я взял с собой сани, погрузив на них свой спальный мешок, немного пищи и кое-какие вещи, которые, как я знал, придутся эскимосам по вкусу. Как человек цивилизованный, я впряг своих гостей в сани. Сам же я пошел на лыжах, и мы двинулись на запад полным ходом. Эскимосы не пользовались ни лыжами, ни снежными башмаками, ни чем-либо вообще в этом роде: твердый смерзшийся снег держал их хорошо. А я, чтобы следовать за ними на лыжах, должен был напрягать все свои силы.

Было уже 9 ноября, так что темнело рано. Я подумал поэтому, что придется делать остановку. Тогда я не знал еще, что для эскимоса совершенно безразлично, идет ли он при свете или в темноте, при ясной погоде или в сильнейший туман, в бурю или при тихой погоде, или даже в такую метель, что не видно собственного носа! Все это я узнал только позднее при более близком знакомстве с эскимосами. В половине четвертого они мне объяснили, что мы приближаемся к их лагерю. И вот на вершине высокого гребня в удобной ложбинке я заметил несколько огоньков. Было уже почти темно. Эскимосы испустили громкий веселый крик и, повидимому, чрезвычайно обрадовались этому зрелищу. А эти огоньки действительно манили и призывали и наводили на мысль о тепле и уюте, пище и питье — о всем, что может порадовать путника в суровую холодную зимнюю ночь!

Когда мы подошли на расстояние голоса, мои спутники испустили громкий крик, из которого я мог понять только одно слово „каблуна", то есть „белый человек". И все обитатели стоянки высыпали наружу. Произошла

удивительная сцена, которая до сих пор стоит в моей памяти — и я ее никогда не забуду: среди пустынной снежной равнины я стою, окруженный толпой дикарей, кричащих и перебивающих друг друга, заглядывающих мне в лицо, хватающих меня за одежду, гладящих и ощупывающих меня; свет их ледяных окон хижин рассеивался в слабом бледнозеленом освещении догоравшего на западе дня... Поэтические размышления хороши, но только не при 20-градусном морозе и не на пустой желудок. Мне хотелось есть и попасть в теплый дом, и я последовал за Аттирой, понравившимся мне больше всех, в его хижину. Он с семьей жил вместе с Тамоктукту и его семьей. Это была большая хижина, и в ней легко помещались ее восемь обитателей. Вскоре после нашего прибытия мужские представители колонии собрались на праздничное угощение, состоявшее из сырого оленьего мяса и воды. Целых три оленя исчезли скорее, чем я успел бы съесть бутерброд. Эскимосы все время болтали и смеялись. Что же касается какой-нибудь сильной суфражистской организации, то ее, очевидно, тут не существовало, так как ни одной женщины не было на торжестве. Когда я попробовал объяснить им, как мы обращаемся с нашими женщинами, и галантно предложил госпоже Тамоктукту, наблюдавшей за огнем, кусок мяса, то все разразились громким смехом и, очевидно, сочли меня невероятным дураком!

Когда же, наконец, мужчины наелись до отвала, вошли женщины. Они произнесли приветствие „маниктy-ми“ и ощупали всевозможные части моего тела. Затем удалились, не получив никакой еды. Позднее я успокоился, узнав, что эскимосские женщины в своем кругу тоже заботятся о своем бренном существовании. Олений окорок исчезает без всяких лишних разговоров!

Около 10 часов я лег спать, забравшись в свой мешок, который положил на завалинке между обоими семействами, и проспал до белого утра. Но еще до рассвета эскимосы начали шевелиться. Я видел, что они обнажают верхнюю часть тела — они спали под шкурами совершенно нагими — и принимают ранним

утром воздушную ванну. Очень прохладное удовольствие, подумал я, и продолжал спать дальше.

На утро я отправился обратно домой. Лагерь состоял из шести хижин и лежал у большого озера, которое эскимосы называли Каа-аак-ка. Они даже смогли рассказать мне, что здесь-то осенью и охотились Лунд с Хансеном.

2 ноября постоянная станция начала свою работу. Вик установил саморегистрирующие магнитные инструменты в вариационном павильоне и справлялся с этими наблюдениями совершенно самостоятельно. Каждый день в 12 часов он менял ленту на регистрирующем валу; это не всегда было удовольствием. Если при температуре —60° С, при ветре и метели приходится прокладывать себе дорогу часто по снегу в метр глубины, то понятно, что для проведения этой работы нужно быть умелым человеком и сознавать свой долг. Вик делал это в течение 19 месяцев неукоснительно — прекрасный памятник над его могилой, воздвигнутый им самим! Метеорологические наблюдения производились дважды в сутки. Впрочем, и здесь у нас были регистрирующие инструменты, работавшие и день и ночь все время. Заведывал этой частью работы Ристведт. Не раз ему приходилось исполнять свою тяжелую обязанность, выстаивая в темноте на морозе со своими инструментами. Его добросовестная, выполненная с сознанием своего долга работа достойна всяческой похвалы.

Работа астронома экспедиции „Йоа“ была чрезвычайно трудной. У экспедиции не было ни места, ни денег привезти с собою складной дом, где бы можно было спокойно дожидаться необходимого астрономического момента. У нас эти наблюдения производились только под снежной стеной, защищавшей от холодного ветра, при самых низких температурах. Представьте себе вечер при 40° мороза и резком ветре! До самого вечера небо оставалось облачным — и вдруг оно прояснилось, сияя тысячами звезд.—Ах, какой чудесный звезд-

ный вечер! — скажем мы. Но бедный астроном должен выйти из своей уютной каюты, поместиться за снежной стенкой, часами оставаться там и болеть всеми муками астронома в полярных областях—замерзание пальцев, обмерзающий объектив и всяческие другие неприятности.

Лунд и Хансен исполняли всякие работы на судне — каждый по своему уменью. Специальностью же Лунда была, как известно, прорубь, а Хансена — собаки.

К сожалению, здесь, как и во время нашего плавания, у собак обнаружилась та же болезнь. Сначала заболел и сдох Тирас из годхавнской упряжки. А к рождеству мы потеряли семь лучших собак. К сожалению, мне слишком поздно пришла мысль, что их убивал недостаток в пище жиров. Они кормились всю зиму тощим оленьим мясом.

Да, уж эти собаки! Они далеко не умеренны в пище, что я должен сказать не без грусти. Они повсюду отыскивают себе что-нибудь, чтобы получить добавочный паек. Недавно они получили столь же неожиданное, сколь и жуткое подкрепление. Силла, бывшая в „интереснейшем“ положении, была заперта в сенях возле „Магнита“, чтобы дождаться помета. Однако, в одно прекрасное утро ей удалось выбраться наружу, и она тотчас же направилась к судну. По пути ее встретили ожидавшие ее кавалеры, пришедшие в дикий восторг при виде дамы. Они окружили ее и провожали дальше. Что же случилось? Не успела бедная Силла отойти далеко, как ее застигли роды, и ее потомству пришлось удовольствоваться сугробом в качестве колыбели. По данному — конечно, Лурвеном — сигналу, псы бросились на щенков, каждый схватил себе одного и тут же сожрал. Когда же Силла увидела, что детеныши исчезли, она поднялась и пошла дальше. Снова ее схватило, и у нее родился еще щенок. Теперь, чтобы воспрепятствовать другим присвоить себе и этого, она с поспешностью съела его сама!

Эта почти невероятная сцена происходила при свидетелях.

На попечении Линдстрема была кухня. С этим названием часто соединяется представление об уютном,

Зимний наряд „Йоа"

приятном помещении с чистыми скамейками, полом, посыпанным еловыми ветками, и со стенами, увешенными чисто вычищенной медной посудой. Увы, у Линдстрема не было ничего подобного! Да, пожалуй, тепло-то там было, даже так жарко, что ему приходилось выбегать, чтобы проветриться. Но когда он приходил по утрам и принимался за свой дневной труд, то обычно находил все примерзшим. Было темно и отвратительно, примусы стояли мрачные и ледяные, к чашкам и кастрюлям нельзя было притронуться — было больно

пальцам... а мы все лежали и еще долго будем лежать и храпеть в своих уютных койках. Нет, не радостная работа была у Линдстрема, и нужно еще поражаться тому прекрасному настроению, с которым он вел ее в течение трех лет.

Зима продвигалась вперед быстрыми шагами, и уже у дверей стояло рождество. Наши приготовления к этим торжественным дням были многообразны и обширны, как и везде в этом грешном мире, и на борту „Йоа“ они была направлены на пищу и питие. Кок был занят с раннего утра до поздней ночи — рождество для него совсем не воспринималось как праздник! Он печет и стряпает, и мы видим большие блюда с „крендельками“, „рожками“ и еще всякими другими печеньями, не знаю уж какого названия и формы, и все это исчезает с наших глаз — в тайниках Линдстрема.

— Я уж сумею спрятать от них! — говорит он с самой лукавой улыбкой. Но „их“ не так-то легко обойти! Дело в том, что Линдстрем подозревает жителей „Магнита“ и опасается их. Они как вороны кидаются на печенье. Они всячески подшучивают над бедным коком. Нельзя осудить их за это, раз Линдстрем сам безрассудно попадается неизменно в их ловушки. И когда, наконец, видит, что его надули, то сам первый хохочет над шуткой. Подобные люди неоценимы в таких путешествиях, как наше.

Но не только у кока к рождеству прибавилось работы. Нам всем достается понемногу. Ведь нужно прибраться и почиститься!

Наши друзья оглули-эскимосы гостили у нас много раз и всегда целыми толпами. Они охотно приходили ко времени обеда, строили свои снежные хижины и оставались у нас по несколько дней. Как правило они уходили часов в $8^1/_2$ утра с такой точностью, будто бы у них были часы. А ведь в темное время года не было даже солнца, чтобы ориентироваться по нему. Около рождества их посещения стали все реже и реже.

Наконец, наступил сочельник при прекрасной ясной погоде. Везде чувствовался праздник, все прибрано и почищено, все лица лоснятся от мытья с мылом —

что далеко не бывало ежедневно. Однако, не нужно думать, что мы не любили мыться. Наоборот, мы невероятно любили мыться и очень хотели мыться, но у кока было так мало воды, что он не мог раздавать ее.

День прошел весело и приятно, мы ели, пили и пели, как всегда бывает в сочельник. А под конец появилась елка, которая была произведением Лунда и Линдстрема. Искусственная елка, обернутая глянцевитой бумагой. Масса зажженных рождественских свечей создавала очень живую иллюзию настоящей елки.

Затем наступила раздача подарков, бесспорно самое важное событие вечера. Пока мы стояли у Фрамнеса, родные, друзья и знакомые прислали нам множество таинственных пакетов с надписью „не вскрывать до сочельника“. Некоторые были так предусмотрительны, что писали — сочельник 1904, 1905 и 1906 года. И это было хорошо, так как иначе мы воспользовались бы всем уже в первый же сочельник! Пакеты, так осторожно датированные, были добросовестно отложены и открыты только в свое время.

Мы делили подарки по жребию, чтобы предотвратить всякую зависть, которая может появиться даже у ангелов. И судьба вела свою капризную игру. Большой восторг вызвали забавные бумажные колпаки, вложенные в красивые вышитые вещи. И жребий указал для Линдстрема на колпак с надписью: „Жирной полярной свинье“! Мы разразились хохотом и надели колпак на голову свиньи. Маленький фонограф был неутомим и угощал нас песнями и рассказами, сколько нашей душе было угодно.

Кругом судна было величественно и тихо. Изумительное северное сияние заливало пламенем все небо. Но вечно неспокойные лучи волнуют душу, как будто они посылают — особенно в рождественскую ночь — немых трепещущих посланцев из внешнего мира — от тех, кто дома теперь тоже празднует рождество.

В первый день рождества у нас был двойной праздник. Вик праздновал свое 25-тилетие. Он был самым молодым участником экспедиции и самым жизнерадо-

стным, полным забавных шуток и историй заводилой всякого веселья. Огромный крендель, который преподнес нам при отъезде кондитер Хансен, был гвоздем праздника.

Утром прибыл старый эскимос Тераиу и был любезно принят, как поздравитель. Тераиу был одним из самых старших наших друзей — одним из пяти, появившихся в первый раз. Ему было лет 50—60, и он был большой шутник. Впрочем, у своих соотечественников он не пользовался никаким уважением, несмотря на свой возраст; они смотрели на него, как на дурачка, которого только терпели в своей среде. Что он был не так уж глуп, видно будет дальше.

Поздравитель Тераиу, однако, повидимому пришел не по праздничному делу. Его лик и движения носили явные признаки глубокого уныния, и в глазах стояли слезы (старый мошенник!). Он болтал и рассказывал без конца и края, но было довольно ясно, что он жаловался. Но гораздо труднее было угадать, чем он так огорчен. Наконец-то общими усилиями нам удалось выяснить, в чем заключались его несчастья. Остальная часть племени ушла и бессовестно бросила старого Тераиу с семьей одного, и теперь ему нечего ждать кроме верной голодной смерти; не сжалимся ли мы над ним и не позволим ли ему провести с нами самое тяжелое время зимы.

Конечно, мы были глубоко тронуты его грустным рассказом и пообещали ему, что он может прийти к нам с женой и ребенком. А пока, сказал я ему, я сам при первой же возможности съезжу в Каа-аак-ка и посмотрю, как обстоит дело.

Тераиу и его семья скоро явились. На второй день нового 1904 года мы решили отправиться в Каа-аак-ка. Погода была восхитительная, тихая и ясная. Но термометр показывал 44° мороза! Лейтенант, Лунд, Ристведт и я приготовились вместе с семейством Тераиу к путешествию. В сани были запряжены 8 собак. Впрочем, мы были сравнительно легко снаряжены, так как должны были пробыть в отсутствии всего одну ночь. Каждый заботился сам о своем снаряжении, а провиант

я поручил нашему славному коку, который был испытанным полярным путешественником. А мы все были одинаково малоопытны в таких санных поездках.

По ровному льду пролива мы очень быстро двигались к западу и через шесть часов дошли. В стоянке у Каа-аак-ка все выглядело совсем иначе, чем когда я был там в последний раз — пустынно и мертво, снежные хижины, без людей и без каких-либо иных признаков жизни, казались забытыми богом. Только хижина Тераиу носила признаки населенности. Кайаголло, фру Тераиу, или, как мы обычно ее называли между собой, „Старый орел", отодвинула снежную глыбу, которой был тщательно прикрыт вход, вошла и развела огонь. Сам Тераиу пошел к озеру, чтобы прорубить прорубь во льду и достать питьевой воды. Ему понадобилось целых два часа, чтобы жалким острым шестом проделать отверстие во льду.

Тем временем мы нашли одну из наиболее приличных покинутых хижин и заняли ее на ночь. Собаки бродили кругом, нюхали и копали в поисках прибавки к дневному пайку — $^1/_2$ кг пеммикана, — но напрасно. На этом неописуемо пустынном месте невозможно было ничего найти ни для людей, ни для животных. В хижине Тераиу, сложив под себя ноги, сидела Кайаголло и тянула бесконечное свое „Ханга-а-ха-яа-ха-а", причем ни она сама, ни ее пение ничуть не очаровывали нас. И вот мы залезли в свою хижину. Там тоже не было ничего веселого. Прежде всего 50-градусный мороз забирался внутрь через открытое оконное отверстие в крыше, во-вторых, вся хижина была полна разбросанных оленьих костей; куда бы мы ни ставили ногу, мы везде попадали на них, чего бы мы ни касались, мы натыкались на оленьи кости. Все это было противно — просто свинство. Но сейчас будет лучше! Мы затащили свои вещи и собирались устроиться удобно, но прежде всего обнаружили, что наш милый Линдстрем забыл уложить свечи. Не буду утверждать, что и хижина и наше расположение духа стали много лучше от принесенных старым Тераиу нам на утешение и взамен свечей смехотворных крошечных комков

мха и жира. Мы окрестили их „световыми пилюлями“ — но лучше что-нибудь, чем ничего. Лунду, который на этот вечер был поваром, после долгих усилий удалось зажечь примус, и от чайника пошел приятный теплый пар.

Но вот вскрыт ящик с провиантом. Мы радовались мысли, что добросердечный кок положил туда для нас что-нибудь особенно хорошее. Одни думали о печенье, другие о пудинге... Пакет с шоколадом — хорошо! Еще один — хм! Еще третий, пятый... 8 тяжелых пакетов шоколада — на одну ночь! Ну, ладно, это только одна половина ящика. В другой был черствый хлеб — а под ним... Лунд раскапывал, а мы все стояли кругом в большом волнении со своими светляками — черствый хлеб, все черствый хлеб...

Больше ничего не было. Ни кусочка масла! Наш возлюбленный упаковщик решил верно, что это роскошь!

Мы стали разламывать шоколад и класть его в горячую воду, чтобы как можно лучше использовать то, что у нас было. Мы молчали. Но меня не удивило бы, если бы в это время вокруг головы нашего милейшего кока засветился фосфорический блеск — там, на борту „Йоа“. И это не было бы ореолом славы!

— Ведь могло бы быть и хуже, — сказал, наконец, один из нас.

— Та-ак? Ты думаешь, могло бы быть хуже?

Это было так метко сказано, что наше настроение поднялось. Шоколад был готов — в чашки налита приятная горячая жидкость — ну, все-таки, ваше здо...— тьфу!..

Бурая жидкость выплевывается, едва попав в рот. Это было просто горькое какао! Какой там сахар, ничего похожего на сахар!

Нашим последним утешением было, что среди черствого хлеба есть и сдобный хлеб. Его можно было бы употребить, как сахар. Изобретатель этого метода первый взял кусочек хлеба в рот вместе с горячим какао — и тьфу! опять плевок на ближайшую стенку.

— Этот свинтух пролил на хлеб керосин!

Весь запас хлеба был пропитан керосином!

Я не буду описывать настроения, в каком мы легли с пустыми желудками и попытались уснуть. Этот сон не был очень крепким, так как мы стучали зубами от холода. Лунд рано поднялся и снова зажег примус. Нужно же хоть чем-нибудь согреться, решил он, и поставил оставшийся нетронутым со вчерашнего дня какао на огонь — конечно, горько, — но лучше, чем ничего. Мы лежали в полудремоте и утешались теплотой от примуса и мыслью, что Лунд что-то готовит для нас. Я готов был снова заснуть, как вдруг подпрыгнул, услышав такие слова:

— Мне кажется, тут сидит сам чорт!

Оказалось, что „световые пилюли“ попали в чайник и таким образом образовалось жирокакао или какаожир — самое жуткое питье, какое я когда-нибудь пробовал!

Больше нельзя было ожидать здесь никаких новых удовольствий, и в 8 часов утра мы были готовы отправиться домой. Наше обследование привело к тому, что Тераиу и его семейство были признаны „действительно нуждающимися“, и мы пояснили им, что они могут следовать с нами обратно и прожить у нас зиму.

Обратный путь был совершен не так быстро, как путь вперед. Голодные и не выспавшиеся, мы скоро устали, тем более, что у нас не было никакой тренировки. Видимость была плохая, и Тераиу вел нас. В 1 час дня мы увидели „Магнит“. Но спустился туман, а мы все шли и шли, и те полчаса, что нам оставалось итти до судна, обратились в час, полтора, в два. Тераиу объявил, что мы сбились с пути. Мы продолжали итти еще некоторое время в густом тумане. Наконец, показался месяц, и мы при его свете обнаружили, что давно уже блуждаем кругом, без какого бы то ни было определенного направления. Я предложил тогда Тераиу построить снежную хижину и оставаться на месте, пока не наступит день. Но эскимос запротестовал самым горячим образом и сказал, что он найдет дорогу. Мы принялись опять бродить вслепую, против чего я всегда возражал. Но через некоторое время я

решительно заявил Тераиу, что больше не пойду. Тогда он с гордостью дал мне понять, что он нашел правильный путь и сейчас выведет нас. И действительно через несколько минут мы к своей несказанной радости увидели яркий свет, который оказался судовым якорным фонарем: его вывесили специально для нас. Было 9 часов вечера, когда мы пришли на „Йоа". Таким образом мы непрерывно блуждали в течение 12 часов. На судне слышали наши голоса уже около часа дня. А так как мы столь необычайно долго не шли, то наши товарищи и вывесили фонарь.

Все дело было в том, что если бы с нами не было добрейшего Тераиу — или, вернее, если бы мы не позволили ему нас вести — он ведь здешний старожил, — то мы никогда бы не заблудились. Из ряда обстоятельств выяснилось, что он нарочно повел нас по ложному пути, чтобы потом заслужить прибавку к плате за то, что он снова вывел нас на правильную дорогу!

Когда я потом встречал мошенника, он всегда начинал разговор словами: „Тераиу ангаткуккианги!", то есть Тераиу — великий чародей! Но я не счел нужным вознаградить его за его чародейство! — На другой день после нашего возвращения он построил себе хижину на берегу и провел у нас зиму и почти весь март месяц. В сущности я не жалел, что взял Тераиу и его семью на свое иждивение, так как они с женой во многом были нам полезны. Несмотря на свой возраст, он был силен и вынослив и без видимого утомления мог бежать впереди саней с утра до вечера. При этом он держался спокойно и прилично, был всегда в хорошем настроении и рад был пошутить. Мастер строить снежные хижины был он несравненный и поэтому чрезвычайно бывал нам полезен. Кайаголло, жена его, была почти такого же возраста, что и он. Лицо ее удивительно походило на старое, сморщенное и засохшее зимнее яблоко. Прорежьте две маленькие косые линии вместо глаз, нарисуйте небольшое пятнышко вместо носа и чуть побольше вместо рта — и перед вами... вылитый портрет Кайаголло! Ростом она была почти

пять футов и так грязна, что сами эскимосы смеялись над ней. Их десятилетний сын Нутара был так же грязен, как и мать, но вообще очень приветливый мальчуган, очень понятливый, с массой самых забавных выходок. В его нечистоплотности была виновата главным образом мать. Пожив немного с нами, эскимосы обычно начинали следовать нашему примеру в мытье и в содержании себя в кое-какой чистоте. Но семейство Тераиу оставалось верным себе — каким оно пришло к нам, таким и ушло!

Когда я по вечерам бывал в обсерватории абсолютных магнитных наблюдений, то обычно проходил мимо Тераиу, так как его хижина лежала по дороге, и беседовал с ним. Во время таких посещений Кайаголло иногда угощала меня пением — самым ужасным, какое можно себе представить. Придя в настроение, она впадала в состояние исступления; закидывала голову назад, закрывала глаза и орала изо всех сил. В такой момент я удирал и долго еще слышал позади себя ее вой. Отец с Нутарой большей частью пребывали на судне то на носу, то на корме, они шмыгали повсюду, и везде их радушно принимали. Больше всего все-таки они любили сидеть у камбуза и смотреть на „Хенрикки", когда тот готовил обед. И хотя Линдстрем не выносил эскимосов, его доброе сердце иногда смягчалось, и иной раз тот или другой кусок им перепадал. Тераиу и Нутара привыкли к нашей пище, но Кайаголло все время оставалась верна сырому мясу и сырой рыбе.

Уже миновали и рождество и новый год, и нам пора было серьезно подумать о своем давно составленном плане поездки на санях. Планов было много, и они были различные — как всегда бывает с планами в этих местах. Наконец, было решено, что я с одним спутником поеду к магнитной станции и, если все будет в порядке, пройду потом с почтой до гавани Леопольда на Северном Сомерсете.

Вспомогательная экспедиция в составе лейтенанта Хансена с одним спутником должна была помогать

нашему продвижению вперед, пока мы будем находить это нужным.

Все сани были вытащены для основательного осмотра и возможной починки, за ними последовали лыжи и снежные башмаки, палатки и т. д. и т. д. Везде были устроены мастерские. Лунд приводил в порядок сани, мастерил ящики, удобные для перевозки провианта, и делал массу других вещей. Хансен, обладавший золотыми руками, получал самые невероятные задания. Если нужна была действительно хорошая и точная работа, то она выполнялась Хансеном. Кроме того он был мастер шить на швейной машине. У Ристведта была кузница у палатки с продовольствием и механическая мастерская в „Магните". Между делом он занимался всякой всячиной. Вик был занят точной работой, исправляя инструменты, а лейтенант Хансен занимался наукой, наряду с этим проявляя кипучую деятельность в качестве перчаточника. Его способности в области приведения в порядок старых рваных перчаток были изумительны.

Как во всех санных экспедициях в полярных льдах, вопрос о спальных мешках обсуждался особенно страстно. Наше небольшое путешествие с Тераиу в Кааак-ка показало нам, что тут необходимо внести большие улучшения, и между нами возникло соревнование, кому выпадет честь сделать самое лучшее изобретение. Прежде всего обсуждались размер и форма мешка. Спальный мешок должен быть настолько широк, чтобы человек чувствовал телом мех со всех сторон. Конечно, мешок не должен сдавливать. Если же лежать в нем, не касаясь стенок, то никогда не согреешься. Самым популярным был способ залезать в мешок через отверстие наверху, со шнуровкой вокруг шеи. Лично я предпочитаю этот способ всяким другим и рекомендую его всем.

Палатки были сшиты по образцу эскимосских палаток и были совершенно замечательны. Нам ничего не нужно было исправлять в них. Их мог ставить один человек даже при самом сильном ветре, и раз как следует поставленные, они никогда не сносились

ветром. Они не раз выдерживали пробу. Одно улучшение в них мы все-таки сделали — оно касалось двери. Дверь всегда была слабым местом палатки, а особенно во льдах и при морозах. Чаще всего затворы состоят из множества крючков и шнуровок, так что, войдя в палатку, приходится бесконечно возиться, запирая за собою дверь. Я не видел ни одной двери, которая абсолютно защищала бы от снежной метели — до изобретения нашей собственной конструкции! Так как у двух участников экспедиции одновременно явилась одна и та же идея, то я не буду называть имен изобретателей. Изобретение это настолько просто, что мы не раз смеялись по этому поводу. Но ведь гениальное и есть чаще всего самое простое! Мы нашили обыкновенный мешок на дверное отверстие, так что он облегал его, затем прорезали дыру в дне мешка и через эту дыру входили в палатку и выходили из нее, завязывая потом за собой мешок веревкой. Лучшей двери для палатки не найти! Легко открывается и закрывается и прилегает абсолютно плотно. Многолетняя проблема была решена при помощи... мешка!

Однако, после пробы мы нашли, что в палатках слишком холодно при температурах ниже —30° С, и поэтому решили строить снежные хижины, в которых, как мы знали от эскимосов, было значительно теплее. Конечно, постройка хижины отнимает больше времени, чем разбивка палатки, но я нахожу, что возможность провести хорошую и приятную ночь после дневной работы чрезвычайно важна, и поэтому охотно жертвую часом времени на постройку снежного убежища. После дурно проведенной ночи становишься неработоспособным на следующий день.

Итак, мы принялись учиться постройке снежных хижин. Снега у нас было довольно, времени тоже, а в лице Тераиу мы имели превосходного учителя. В начале мы предоставили всю работу старику, а сами только изучали его приемы. Вскоре мы увидели, что важнейшим условием было найти подходящий снег. Но для этого нужен большой опыт, пожалуй даже, приро-

жденное свойство. Эскимосы употребляют очень простое орудие, так называемый „хервонд“, палку из оленьего рога около метра длины, толщиной в хорошую трость. На одном конце у нее в виде ручки оленья кость, на другом скоба из кости мускусного быка. Эскимосы обладают просто каким-то инстинктом в смысле нахождения такого места, где может быть хороший снег. Если при них нет хервонда, они пускают в ход нож с длинным лезвием, который всегда носят на ремне в ножнах на спине, отправляясь в путешествие. Мы не обладали в совершенстве искусством находить снег, но все-таки достигли того, что могли кое-как справляться с задачей.

Вооружившись страшенными ножами, мы четверо, лейтенант, Ристведт, Хансен и я, встречались каждое утро после завтрака у хижины Тераиу и будили старика. Если мы приходили рано, часов в 8, то вся семья обычно лежала еще в постелях. Тераиу быстро вставал и поспешно влезал в одежды — эскимосские одежды просторны, поместительны и легко снимаются и надеваются. Больше всего времени у него уходило на обувание. Эскимосы берегут свои ноги, не только из страха их отморозить, но также боясь их поранить, что легко возможно при постоянном пребывании эскимосов в течение всего дня на льду и снеге, твердом как камень. Эскимос не довольствуется меньше чем пятью обувками на ногах. Когда, наконец, Тераиу облачался в верхний анорак, — для таких коротких путешествий он не надевал внутреннего анорака, — мы двигались в путь. У каждого был свой день. Однако, из всех нас Хансен был самый талантливый в науке постройки хижин. Его хижины всегда бывали настоящим произведением искусства. Во многих небольших долинках, спускавшихся к морю, мы скоро находили место для постройки и хороший и обильный снег. Обыкновенно на постройку хижины, достаточно поместительной для четверых, у нас уходило полтора часа. Закончив работу, мы все забирались внутрь хижины, чтобы определить ее достоинство. Тераиу каждый раз приходил в одинаковый восторг.

— Мамакпо, мамакпо! — восклицал он. Это значило: замечательно! Но настоящей причиной его радости бывало вознаграждение, ожидавшее его. Он ничего не делал бесплатно. Плата, правда, не была чрезмерной, кусок дерева или железа или чего-нибудь в этом роде. Он в это время собирал материал для саней. Его требования были невелики — метровой доской он вполне удовлетворялся. Ведь семья его и снаряжение невелики, а потому и сани не должны быть большими, думал Тераиу с философией, достойной подражания.

В эти дни Вик и я выясняли чрезвычайно важную вещь, а именно, в полном ли порядке наши инструменты. Вик работал в постоянной абсолютной обсерватории, а я для себя построил свою собственную новую обсерваторию, в 75 метрах от нее; все эти постройки у гавани Йоа выглядели теперь как целый маленький городок. К нашему полному удовольствию наши наблюдения совпали, и я, поскольку дело касалось инструментов, мог спокойно трогаться в путь. Для наблюдений места я привез совсем маленький теодолит, который одолжил мне Нансен. Он брал его с собой в Гренландию. Этот теодолит тоже был найден в полном порядке после тщательной его проверки астрономом.

Оставалась еще очень важная работа: уложить все на наши сани.

Во время упаковки нужно было держать сани под крышей. Но постройку хижины, достаточно просторной для того, чтобы вместить обе пары больших саней, мы считали невозможной. Однако, мы обратились к Тераиу. На наш вопрос и на наши объяснения он скорчил самую хитрую гримасу. Вытянул обе руки и со взором, в котором светилось вожделение, сказал:

— Панна анги! Большой нож! — Он желал получить большой нож за постройку такой гигантской хижины. И это было ему обещано.

Мы сейчас же принялись за постройку. Ради удобства Тераиу заложил ее продолговатой, и, чтобы сани были близко, хижина строилась на льду у самого судна. Она получилась огромных размеров, и для настилки крыши пришлось возводить для Тераиу целые

леса. С нашей помощью он выстроил эту хижину в четыре часа. Это было в субботу, и мы дали хижине стоять до понедельника. Мы были тогда еще неопытны и не знали, что для достижения прочности хижина должна быть прогрета изнутри. Хитрец же Тераиу не сказал ничего. Он рассчитывал, конечно, что если хижина провалится, то он заработает себе еще один длинный нож за постройку новой. Но на этот раз он просчитался. Конечно, хижина завалилась уже на другой день, но Тераиу был вынужден без новой поживы построить другую, — таков у нас обычай, сказали мы ему. Новая хижина была выстроена несколько выше на берегу, так как Тераиу, вероятно вполне справедливо, боялся, не движение ли льда разрушило первую.

Новая хижина оказалась достаточно прочной, наши сани были поставлены в нее, и началась погрузка. На одни сани нужно было погрузить 350 кг, и их должен был везти Хансен на наших семи собаках. На других было нагружено 270 кг, и их должны были тащить мы, трое молодцов.

28 февраля работа была закончена, и 29-го утром мы всей компанией втащили сани на возвышенность, чтобы приготовить их к старту.

На гребне мы построили высокую снежную стену вокруг саней и положили на них большие камни, чтобы песцы не нанесли им визита. Затем мы вернулись обратно и провели последний прощальный вечер на судне.

Я смотрел на наше путешествие со спокойной уверенностью. У нас было хорошее снаряжение, хорошие и толковые товарищи и славные собаки. Правда, было бы желательно иметь побольше собак, но при смелости и доброй воле мы вполне справились и с теми, какие у нас были.

К ПОЛЮСУ

ПЕРВОГО марта мы приготовились к отъезду. Термометр показывал—53° С. Но мы в течение февраля месяца так привыкли к холодам, что это не произвело на нас сколько-нибудь значительного впечатления. Ведь мы были замечательно хорошо одеты. Некоторые из нас были с ног до головы в эскимосской одежде, другие с примесью цивилизации. На основании своего опыта я считаю, что эскимосская одежда зимой в этих местах стоит значительно выше нашего европейского платья. Но тогда ее нужно носить полностью или совсем не носить. Всякое смешение — от лукавого! Нижнее белье из шерсти собирает весь пот, и от этого наружная меховая одежда промокает насквозь. У одетого только в оленьи шкуры — как эскимосы—одежды настолько свободны и поместительны для тела, что воздух циркулирует между ними, и они обычно остаются сухими. А если при тяжелой работе они все-таки становятся влажными, то мех гораздо легче высушить, чем шерсть. Шерстяное белье легко загрязняется, и тогда оно не держит тепла. Меховая одежда прекрасно служит без мытья. Большое преимущество меха еще в том, что в нем согреваешься и чувствуешь себя приятно в тот же момент, как надеваешь одежду на тело. В шерстяном белье нужно скакать и плясать, как сумасшедшему, пока не согреешься. Наконец, меховая одежда абсолютно не пропускает ветра, что, само собой разумеется, чрезвычайно много значит.

Наши остающиеся товарищи сопровождали нас наверх к саням. Собаки запряжены—последнее прости, и мы трогаемся.

Хансен управлял собаками на одних санях, но и сам тянул. Все семь были молодыми животными, и им было тяжело справляться с грузом. Лейтенант Хансен, Ристведт и я впряглись в другие сани. Местность слегка повышалась так постепенно, что этого не было заметно. Но зато чувствовалось изрядно! Первый час, когда силы были еще свежи, все шло хорошо. Но затем начало становиться тяжело. Хансен с собаками справлялся хорошо. Когда он замечал, что собаки начинали

сдавать, он брался за сани, и собаки, думая, что им помогают, налегали снова. Хуже приходилось нам троим, тащившим другие сани. Казалось, мы тащили их по песку пустыни. Даже у нас, в Норвегии, мы знаем, как наносный снег нескользок, а в сильные морозы здесь бывает еще хуже. Раз за разом сани останавливались, каждый маленький сугроб служил им препятствием. Раз — два — три, алло! и сани снова скользят. Но ненадолго. Новый сугроб, новая остановка, новый рывок...

В три часа пополудни мы решили стать лагерем. Начало темнеть, и прежде чем мы успели бы построить снежную хижину, уже совсем бы стемнело. Раньше всего нужно было отыскать хороший снег. Мы находились как раз посредине большого озера. И снег везде был нехорош; мы втыкали, втыкали ножи, но снег был очень неглубок. До берега было слишком далеко — мы не достигли бы его засветло, а потому приходилось оставаться там, где мы были.

Прежде всего мы распрягли собак. Им досталась тяжелая работа, и они заслуживали свободу и отдых. Вожаком у них был Фикс, необыкновенно красивая светлосерая собака, подчинившая себе всех исключительно благодаря своему авторитетному виду, но вовсе не благодаря силе. Если бы дело дошло до битвы, Фиксу здорово бы досталось. Но он, казалось, был создан для власти — и ему повиновались. Сюль был его великим визирем—самая некрасивая собака во всей запряжке, чернобурая и с глупым подозрительным выражением морды. Острые, торчащие уши, придающие полярной собаке такой бодрый вид, у Сюля торчали врозь, и от этого он выглядел еще глупее. Как только упряжь была снята, Фикс в сопровождении Сюля обошел всех собак одну за другой. И в знак верноподданничества его величеству Фиксу каждая собака должна была ложиться на спину, подняв лапы кверху. Если какая-нибудь медлила, на нее стремительно бросался Сюль. А Сюль (шило) получил свою кличку, благодаря острым цепким зубам. Затем собакам дали корм, а мы, освободившись от них, приступили к возведению своей постройки.

Первая санная поездка. 62° мороза. Амундсен, Годфред Хансен, Хельмер Хансен

Мы надели рабочие варежки, изготовленные исключительно для постройки снежной хижины. У них были длинные манжеты, — чтобы мешать попаданию снега в рукава, и их нужно было крепко привязывать. Вооруженные каждый полуметровым длинным снежным ножом, мы приступили к работе. Выбранный на этот раз строитель обозначил кругом место и вдоль круговой линии протоптал жолоб, глубиной в 4 дюйма, чтобы дать упор нижним глыбам. Мы все вырезывали глыбы, а он строил. Иглу̀, — так эскимосы называют свои снежные хижины, — возводится спирально, вроде улея, и всегда против солнца, то есть справа налево. Глыбы следует делать длиной в 2 и вышиной в $1^1/_2$ фута, толщиной в 4 дюйма. Труднее всего сводить и строить крышу. Прямую стенку может выстроить всякий болван! Термометр показывал — 57° С, и поэтому никто не был расположен к лени, работа быстро двигалась вперед. Как только представилась возможность, очередной повар приступил к работе внутри стен, во-первых, чтобы поскорей обогреть постройку, во-вторых — чтобы приготовить пищу. Наружная работа пошла самым

быстрым ходом, когда начал доноситься до нас запах пищи. Последним делом было пройти по всем щелям, через которые пробивался свет изнутри, и забить их плотно. Затем мы осмотрели сани — все ли на них хорошо привязано: тут имелись в виду и собаки, так как они великие воры. Бедняги лежали, свернувшись калачиком, за стенкой хижины и за санями, закрыв морды хвостом от холода. Хижина готова, последний взгляд на умирающий зеленоватый отблеск неба на западе и на звезды, все ярче разгоравшиеся среди великой тишины, и мы отряхиваем снег с одежды и забираемся внутрь. И могу сказать, едва ли на свете сыщутся еще такие счастливцы, как мы, четверо молодцов, в этом уютном, удобном помещении вокруг дымящейся пищи — когда за стеной пустыня и трескучий мороз. После еды вынимаются трубки, и только мысль о том, что нам надо рано вставать для новых утренних трудов, заставляет нас прекратить беседу и забраться спать в спальные мешки. Дневная утомительная работа скоро дает себя знать, и вскоре мерное дыхание четырех человек свидетельствует о том, что и друг человечества, Морфей, тоже полярный путешественник!

Уже в пять часов нас будит равномерный шум накачиваемого примуса. Повар не проспал. Так странно бывает по утрам, все кажется значительно менее привлекательным, чем вечером; например, наша удобная хижина кажется нам теперь холодной и тесной. Чашка дымящегося шоколада в значительной степени улучшает положение. Один из нас жалуется на то, что сапоги, которые служили ему подушкой, могли бы быть помягче. Ему в утешение задается просто вопрос, почему он не оставил их на ногах, тогда они не замерзли бы колом!

Меня очень интересовало, что показывает минимальный термометр, оставленный мною вечером снаружи. Накануне температура внезапно упала с —54° до —57°, и я думал, что в течение ночи она упадет еще больше. Я отодвинул снежную глыбу, которая запирала вход, и выполз. Светало и было совершенно тихо. Звезды казались необычайно яркими и большими, что указы-

вало на сильный мороз. Не могу сказать, чтобы я его чувствовал. Но ночной минимум, однако, показывал —61,7° — мороз, действительно стоящий внимания! Мы должны были благодарить свое замечательное снаряжение: оно вместе с нашей хорошей снежной хижиной предохранило нас от такого мороза. И один только бог знает, как он давал себя знать в кончиках пальцев, когда приходилось снимать мешавшие при работе варежки! Пальцы в ту же минуту белели, и, чтобы вернуть их к жизни, приходилось или совать их снова в варежки и хлопать руками, или, еще лучше, по-эскимосски прижимать их к голому животу.

Собаки лежали в том же положении, в каком мы оставили их вечером — кроме Фикса и Сюля, которые, конечно, безобразничали. Оказалось, что нахождение абсолютно верного способа привязывать собак было почти неразрешимой проблемой. Так или иначе они освобождались — те из них, которые имели к этому склонность. Все лежали тихо, но едва одной удавалось освободиться, как другие устраивали адский скандал с лаем и завистливым воем. Маленький Бэй получил кличку —Ула Хейланд, так как никакая привязь не могла удержать его, а Лилли упражнялась в том, что надувала шею, когда мы надевали на нее ошейник. А потом — удирала... не очень-то приятно, если среди ночи приходится вылезать из мешка и из хижины и возиться с собаками!

Мы собрались в путь, чтобы снова пробиваться вперед. По опыту вчерашнего дня мы опять надели деревянные полозья поверх нейзильберовых, так как в крутые морозы сани на дереве скользят гораздо лучше. Еще лучше в этом отношении покрывать полозья тонким слоем льда, как это делают эскимосы. Но у нас не было еще такого опыта.

Измерительное колесо было установлено на санях с собачьей запряжкой; это было старое колесо из второй экспедиции „Фрама“, но в прекрасном состоянии. Несмотря на все наши усилия, колесо, казалось, стояло на месте — так медленно мы продвигались. Наше и без того тяжелое положение еще ухудшал пронзи-

тельный противный ветер, отчаянно резавший открытые части лица. Мы должны были все время посматривать друг другу на лица, обнаруживая то побелевший нос, то отмороженную щеку. Мы делали, как эскимосы— вынимали из варежки руку и прикладывали ее к замерзшему месту, пока кровь не начинала циркулировать. Старое домашнее средство — натирание снегом — я уже давно забросил, эскимосам тоже оно неизвестно. Небольшой, но безжалостный ветер при —50° С колол нас как иглами или сек как кнутом, но собаки, повидимому, не обращали на него внимания. Однако, беднягам приходилось трудно, особенно в первые утренние часы, когда они еще не разошлись и не размяли ног после вчерашней усталости. Мы, люди, тоже тянули с трудом. И я понял, что мы немногого достигнем, если так будет продолжаться. Так как в температуре не наблюдалось никакого изменения ни на второй, ни на третий день, то я, посоветовавшись с товарищами, решил вернуться и дождаться более мягкой погоды. Поэтому на третий день по утру мы сложили часть своих вещей в снежную хижину в виде склада и замуровали ее как следует. Местонахождение склада было тщательно определено и на крыше „иглу“ поставлен флаг, а затем все было сфотографировано. После этого мы повернули обратно к гавани Йоа. Собаки сейчас же поняли, куда ведет дорога, а мы, люди, почувствовали какое-то облегчение, освободившись от бесцельного труда — в результате мы за четыре часа прошли тот путь, на который потратили перед этим $2^1/_2$ дня, то есть около 10 километров. Но ведь и наш санный груз значительно убавился в весе.

В 11 часов утра мы поразили товарищей на „Йоа“ своим неожиданно быстрым возвращением.

Время быстро проходило в разного рода работах. Несмотря на кратковременность нашего путешествия, оно было в высшей степени поучительно, и мы на основании приобретенного опыта внесли много изменений в снаряжение.

У некоторых из наших собак в это время завелись глисты. У нас не было никакого лекарства от этого заболевания, но Ристведт, сверх всех своих других отличных качеств еще и ветеринарный врач, справился с глистами.

Действие солнца, с каждым днем заметно поднимавшегося все выше и выше, начало сказываться. На снегу образовались большие блестящие поверхности. Сила морозов сдала, и наст стал значительно лучше. Понемногу начали появляться снова признаки животной жизни. 12 марта мы видели первую куропатку. Однажды в хорошую погоду Тераиу вырубил прорубь во льду, выстроил себе снежную стенку для защиты от ветра и уселся за нею удить. Много он не поймал, но все же выудил с десяток мелкой трески.

16 марта я решил снова двинуться в путь, рассчитывая завезти склад несколько дальше. В спутники я выбрал Хансена. Мысль о вспомогательной экспедиции была оставлена. Лейтенант Хансен должен был использовать свое время для нанесения на карту станции и заодно для постройки гуриев, что было и трудной и медленной работой.

Наш второй старт происходил при более благоприятных условиях, чем первый. Стояла прекрасная погода при температуре —40° С, то есть довольно сносной. Мы взяли с судна сани с 10 собаками. Действие солнца на снег сейчас же сказалось. На большом протяжении сани по гладкой поверхности неслись с молниеносной быстротой, так что мы с трудом могли поспевать за ними. За три часа мы проделали весь наш предыдущий утомительный путь. „Иглу“ со складом была в полнейшем порядке, и мы сейчас же начали распределять груз на наши двое саней — в „иглу“ у нас были еще одни сани. На каждые сани было погружено около 200 кг, и в каждые сани мы запрягли по пять собак. На этот раз я, соблазнившись признаками весны, взял с собой палатку. Нас было ведь два человека, и постройка снежной хижины отнимала бы у нас много времени. Однако, в эту первую ночь мы чрезвычайно приятно проспали в своей старой хорошей „иглу“.

Рано утром на следующий день мы были уже в пути. При тихой погоде мы быстро двигались по равнинам Земли короля Уильяма. Скоро мы прибыли в бухту Ла-Троб на восточной стороне. По ровному льду бухты ехать было хорошо, и в сумерках мы поставили палатку у тороса. Однако, мы с некоторой горечью почувствовали разницу между палаткой и снежной хижиной! Даже в спальном мешке трудно было согреться, и большую часть ночи мы вертелись с боку на бок и хлопали ногами. Истинным удовольствием было на другой день снова пуститься в путь и согреться на быстром ходу. Лежала морозная туманная дымка, и было страшно холодно. К сожалению, мы повредили термометр и не могли поэтому определять градусов мороза. Керосин служил нам своего рода термометром: когда он становился густым и молочнобелым, то значит температура была около —50° С. Мы держались северного курса, чтобы дойти до острова Матти. Я предполагал устроить склад на мысе Кристиана Фредерика, старом знакомом по нашему плаванию на юг.

Солнце то-и-дело выглядывало из-за туч, так что мы не сбивались с направления. В иных случаях мы брали пеленг от тороса к торосу. Между ними обычно лед был гладкий и блестящий. Торосы были небольшие и образовались, когда море только что покрылось льдом. Это можно было заметить по тем тонким кускам, из которых они были составлены.

Мы останавливались иногда, чтобы проверить направление, отдохнуть и поговорить. Около 10 часов мы сделали остановку, чтобы лучше перевязать сани, и речь у нас зашла о тех эскимосах, которых Мак-Клинток как раз здесь встретил в 1859 году, — вдруг те же самые племена окажутся здесь и теперь? Как раз в этот момент мы увидели темную точку далеко на льду. Хансен, благодаря своему острому зрению, сейчас же определил, что это эскимос, двигающийся по направлению к нам. Вскоре из-за торосов показались еще несколько, и в короткое время около нас на расстоянии 200 метров очутилось 34 человека — мужчин и мальчиков. Они тихо стояли, наблюдая за нами и не выра-

жая признаков желания подойти ближе. Я чувствовал себя теперь значительно увереннее, чем в первую свою встречу с эскимосами, — да и язык их знал гораздо лучше, — и я решил пойти к ним навстречу. Однако, мы приготовили карабины, и Хансен остался их сторожить. Подойдя к эскимосам совсем близко, я закричал: „Маник-ту-ми!“ И точно электрический ток пробежал по всей толпе. Мне в ответ прозвучало 34-кратное „маник-ту-ми“, и я подошел к эскимосам. Хансен, видя, что бояться нечего, оставил свой пост и пошел за мной. Радость, даже восторг эскимосов были трогательны. Они гладили и похлопывали нас, смеялись и не переставая кричали „Маник-ту-ми!“ Это были эскимосы-нетчилли. Они сказали нам, что шли на тюлений промысел; каждый держал в руке копье и вел на ремне собаку. У эскимосов были также большие снежные ножи. Они призводили впечатление более чистых и лучше одетых, чем наши первые друзья оглули-эскимосы. Когда я спросил об их стоянке, они показали через торосы на восток. Мне очень хотелось познакомиться с этими людьми, и я сказал им, что хочу пойти в их лагерь. Они пришли в невероятный восторг, сейчас же взялись за наши сани, чтобы помочь нам, и стали запрягать в них своих собак.

Когда мы были уже готовы с запряжкой, к нам подъехал на санях какой-то старик. Это был Кагоптиннер, то есть седовласый и, как мы узнали позже, старший и лучший в племени шаман. После любезных приветствий и его три собаки были впряжены в наши сани, а сам старик поместился наверху одних из наших саней. С места двинулись так быстро, что воздух свистел в ушах, и старый Кагоптиннер должен был держаться изо всех сил — сани неслись то на обоих полозьях, то, чаще всего, только на одном. Во главе процессии бежало несколько самых юных мальчишек, а за ними неслись собаки в диком беспорядке. Управлять было невозможно; эскимосские собаки были в восторге, что возвращаются так скоро домой, а наши почуяли стоянку и рассчитывали на нее. Но вот одна вцепилась в своего соседа, и скоро вся запряжка вступила в дикий бой. Дру-

гая не могла смотреть на это спокойно, и мигом вся стая оказалась в горячей схватке. Эскимосы кинулись между ними, — визжащие собаки и рычащие эскимосы образовали единый хаос,— наконец-то, удалось разнять собак, поправить сани, и поездка продолжалась. Вдоль каждого ряда саней бежали люди, смеясь и непрестанно крича. Они двигались тяжело и неуклюже, но, казалось, смогут выдержать еще долго! Так они бежали около часа, а потом начали кричать: „Иглу! иглу!“ И, действительно, далеко между торосами мы увидели множество хижин в форме стогов сена. Через полчаса езды мы приехали. Это была самая большая из виденных мною стоянок—всего шестнадцать штук. Они, видимо, строились без всякой системы по отношению друг к другу, а, смотря по тому, где нашелся удобный снег.

Вся стоянка казалась вымершей. Мы остановились на некотором от нее расстоянии и выпрягли собак. Люди быстро рассыпались по хижинам, и вскоре появился прекрасный пол. Женщины выстроились в шеренгу одна за другой. Когда все собрались, эта необычайная процессия двинулась к нам бегом. Впереди бежала старая Аува, за ней ее приятельница Анана. „Бежала“—неподходящее слово: женщины переваливались, как гуси. Они направлялись прямо на нас, и я задрожал: неужели же они будут приветствовать нас поцелуями? На старую Ауву было страшно смотреть. Ее нижнее платье, — мы прибыли к ним так внезапно, что они не успели надеть верхнего платья,— было все в сале и саже, лицо лоснилось от жира, а черные с проседью волосы выбились в беспорядке из-под свалившегося на затылок капюшона. Я с ужасом смотрел на ее приближение и поспешно спрятался за ничего не подозревавшего Хансена — пусть-ка он примет первый удар! Анана тоже не была красавицей — перемазана грязью, сажей и жиром, но если начать с Аувы, то со второй можно примириться... Но вот они поравнялись с бедным Хансеном, я ожидал уже чмоканья и шлепанья,—как вдруг женщины повернули и образовали вокруг нас кольцо, издавая всевозможные удивитель-

ные звуки, а затем направились обратно к стоянке. Испуг мой прошел, и я мог более спокойно наблюдать за ними. И я должен сказать, что мое первое впечатление было не в пользу дам эскимосов-нетчилли. Может быть случайно самые безобразные встречали нас тогда, а может быть позднее переменился мой вкус, не осмеливаюсь утверждать. Однако, верно то, что потом я находил многих из них просто красивыми. Когда процессия, которая, конечно, была устроена в нашу честь и приветствовала нас, дошла до лагеря, участницы ее рассыпались по соответствующим хижинам.

Теперь приходилось подумать о постройке себе снежной хижины. После опыта прошлой ночи нам что-то не хотелось ставить палатку. Мы присмотрели себе место несколько поодаль от других хижин и принялись за работу. Сначала эскимосы следили за нами любопытными взглядами. Они не представляли себе, что „каблуна“ могут справляться с работой, которая была их специальностью. Но это продолжалось недолго, и они довольно громогласно начали высказывать свое мнение по этому поводу. Мы с Хансеном сделали что-то такое, что было им непривычно, и внезапно вся толпа в восторге разразилась громким хохотом. Они так хохотали, что я боялся, как бы они не заболели; слезы текли у них из глаз, они корчились от смеха, качались и выли. Наконец, они настолько собрались с силами, что предложили нам свою помощь. Они взяли на себя всю работу, но внезапно останавливались и снова хохотали над нашей глупостью. Однако, в короткое время была готова для нас великолепнейшая „иглу“. Мы внесли в нее свои вещи и привели их в порядок. А затем отправились с визитами.

Еще на льду я обратил внимание на одного человека. Он, в отличие от своих соплеменников не был смешлив и суетлив, а скорее серьезен. В его лице было что-то властное, почти повелительное, хотя он не был видимо никаким вождем, так как все другие обращались с ним совершенно как с равным. Он был

красивый парень с черными, как вороново крыло, волосами и, в противоположность своим соплеменникам, с густой растительностью на подбородке, широкоплеч и несколько тучен. Все, что у него было — платье, охотничье снаряжение, собаки и т. п.,— было хорошо подобрано и красиво. Когда я вышел из своей хижины, он стоял несколько поодаль от других и смотрел на меня с таким видом, будто хотел сказать мне нечто важное. Я сейчас же подошел к нему, и он попросил меня пройти к его хижине. Она уже снаружи выглядела на редкость пригожей — и он, как вежливый хозяин, предложил мне войти впереди него! Это, как я теперь склонен думать, было случайностью, но тогда сразу же он завоевал мою симпатию, что было только к лучшему. Его звали Атиклеура, и он был сыном ангекокка (шамана) старого Кагоптиннера, встретившего нас на льду в собственном экипаже. Позднее он оказался во всех отношениях значительно выше всех своих соотечественников. Я принял его предложение и вошел в его „иглу". К самой хижине вел длинный ход; он был так низок, что я должен был сильно согнуться, в нем было два расширения, как бы две самостоятельных хижинки, а что в них было, не трудно было почуять носом. Видно ничего не было, поскольку собаки заботились об ассенизации. Отверстие, настолько небольшое, что в него нужно было вползать, вело в жилое помещение. Когда я выпрямился, войдя туда, я остолбенел. Это был настоящий парадный зал — только что выстроенный накануне, а потому еще белоснежный. От пола до потолка помещение было в два полных человеческих роста. Глыбы в стенах были правильны и одинаковой величины, а внутренний диаметр хижины не меньше 15 футов. Было ясно, что Атиклеура умел красиво жить. Завалинки для спанья были настолько высоки, что приходилось запрыгивать на них, и покрыты самыми отборными оленьими шкурами. Все говорило о самом образцовом порядке.

На лежанке перед очагом сидела хозяйка дома. У нее был резко выраженный монгольский тип, и она совсем не была красива. Но она выглядела чистой и

Нетчилли-эскимосы в своей хижине. Семейство Атиклеуры

аккуратной. Как и у большинства эскимосских женщин, у нее были прекрасные, ослепительно белые зубы и красивые глаза, карие с голубыми белками. Как и у других, у нее были татуированы подбородок, щеки, лоб и руки. Позднее мы узнали, что эти женщины татуировали себе также и другие части тела. Она не была такой радушной, как ее муж, — наоборот, даже немного резкой. Три ее сына явно относились к матери с большим уважением. Старший, Эрера, мальчик 16—17

лет, был чисто выраженного индейского типа. Абсолютное несходство между детьми и родителями показалось мне тогда необъяснимым, но я понял его позднее, когда лучше узнал супружеские взаимоотношения у эскимосов. Эрера был очень симпатичный, мне хочется даже сказать, интеллигентный мальчик, и благодаря своим вежливым и приятным манерам он сделался нашим другом. Средний был его полной противоположностью, нахальный парень, которого подарили деду Кагоптиннеру, который, как все дедушки, баловал его и лишил этим благотворного влияния матери. Самый младший, Анни, был совершенно очаровательный мальчуган пяти лет и любимец родителей. Все в семье были одеты лучше, чем другие эскимосы. Например, на мальчиках были чистые узорные одежды.

На основании своих наблюдений я решил, что полезно быть на дружеской ноге с Атиклеурой. Он, очевидно, был таким человеком, который во многом мог нам пригодиться.

Как только я вошел, Атиклеура принес кожаный мешок, из которого вынул необыкновенно тонко расшитую одежду из оленьего меха и предложил ее мне. Я поспешил ковать железо, пока оно горячо, и дал эскимосу понять, что мне очень хотелось бы иметь полное нижнее платье. Видимо, осчастливленный моим желанием, он принес старое поношенное нижнее платье, сменил его на себе и отдал мне бывшее на нем платье, давая мне понять, что он хочет, чтобы я сейчас же надел его на себя. Несколько озадаченный этим, я раздумывал с минуту. Не могу сказать, чтобы для меня было привычным делом меняться с людьми нижним бельем... к тому же еще в присутствии дамы! Но так как Атиклеура настаивал, а его жена—звали ее Налунгия—выказывала полное безразличие к тому, что я делал, я быстро решился, сел на завалинку, прикрывая лежавшими на постелях шкурами свои совершенства—и вскоре очутился в еще теплой нижней одежде Атиклеуры.

После этого меня угостили водой, сырым оленьим мясом и замороженной сырой лососиной, поданной

с маленькими кубиками тюленьего сала. Мясо мне не понравилось. Но мороженая лососина была очень нежна. На дессерт я получил замороженный костный олений мозг, недурной на вкус.

Атиклеура позаботился также о наших собаках, уделив им целую массу тюленьего сала. Это неожиданное угощенье исчезло, как роса под лучами солнца.

По окончании приветственного угощенья я надел свою прекрасную новую верхнюю одежду и вышел. Перед хижиной лежала необыкновенно красивая шкура белого медведя, густая и белоснежная—великолепный экземпляр! Я остановился полюбоваться на нее, а потом пошел к своей хижине, чтобы в свою очередь принести подарки своим друзьям. К счастью, я взял с собой швейные иголки, наконечники для копий и еще кое-что, весьма ценимое эскимосами. Едва ли Атиклеура и Налунгия были когда-нибудь так счастливы, как в ту минуту, когда я принес им свои подарки—два наконечника для копий мужу и шесть швейных иголок жене! После этого я обошел все хижины и везде был хорошо принят. Была очень любезна и старая Аува. Когда я уходил от нее, она подарила мне кусок медвежьей шкуры и два оленьих языка. Так как последние были здорово грязны и буквально облеплены волосами, то она сначала пальцами сняла самые грубые, а потом прибегла к универсальному инструменту эскимосов—языку. Им она вылизала оленьи языки так чисто, что в них можно было смотреться, как в зеркало! Когда я вернулся в свою хижину, то нашел там Атиклеуру с медвежьей шкурой. Он передал мне ее, сияя от удовольствия. Как скромный молодой человек, я объяснил ему, что не могу принять от него таких щедрых подарков. Но Атиклеура не унимался и решительно внес шкуру в мою хижину и отложил ее в сторону.

Тут вернулся Хансен. Он проводил время тоже в визитах и присутствовал на „five o'clock tea" в разных хижинах. Он тоже воспользовался случаем переодеться и пришел в восторг от всего виденного и слышанного. В подарок он получил оленьи языки, с кото-

рыми, очевидно, обращались так же, как и с моими. Однако, мы решили потом, прежде чем есть языки, немножко их поджарить. Наша возня с примусом и со стряпней в высшей степени заинтересовала эскимосов, и наша хижина вскоре наполнилась посетителями. Женщины не явились, повидимому, по приказанию строгих супругов. Только Аува и Анана, две счастливых вдовы, осмелились нанести нам визит. На нас произвело сильное впечатление примерное поведение и нравственность у эскимосов-нетчилли. Казалось, мужчины следили за своими женами, а те были верны своим мужьям. Это хорошее впечатление, однако, не держалось долго.

Мы решили на следующее утро ехать дальше на север и потому приготовились к этому уже с вечера. Наши собаки были изрядно утомлены, поэтому я спросил Атиклеуру, нельзя ли занять у эскимосов несколько их собак. На языке оглули-эскимосов собака называется мики, но когда я попросил у Атиклеуры „мики", он долго не мог меня понять. Я несколько раз объяснял ему свою мысль, и, наконец, он, повидимому, меня понял. Он кивнул удовлетворенно головой, и я успокоился. Младший брат Атиклеуры, Поиета, обещал проводить нас на север, чтобы указать нам лучшую дорогу через торосы. Это был красивый парень 25—26 лет, такого же крепкого сложения, как и брат, но с открытым и привлекательным лицом. Он был способный и охотно помогал нам. Его жена, звали ее тоже Налунгия, получила от нас за заслуги мужа несколько иголок.

Первым, кто встретил меня на следующее утро, когда я вышел, был Анни, младший сын и любимец Атиклеуры. Как видно, он дожидался меня, ласково улыбался и был очень доволен. Я взял мальчика за руку и пошел к хижине его родителей. Атиклеура сидел и, мурлыча и напевая, уже работал над костью. Я поздоровался и попросил его быть таким любезным и приготовить нам своих мики, так как мы хотим ехать. Удивленно и несколько нетерпеливо Атиклеура указал на мальчика и сказал:

— „Она микага!“ Вот же мой сын!

Мики на языке нетчилли значит ребенок, а не собака! Недоразумение скоро разъяснилось, и нам одолжили двух хороших собак, а у Атиклеуры и Налунгии остался их любимец.

Когда все было готово и собаки запряжены, я попросил собрать всех женщин. Они построились в шеренгу и по одной стали проходить мимо меня, причем каждая получала по четыре швейных иголки в благодарность за любезное обхождение. Достославная женская хитрость присуща не только белым дамам, это доказала старая Тодлоли, которая, получив свою порцию, снова встала в хвост и подошла за новой получкой. Но когда это обнаружилось, она залилась веселым звонким смехом — вместе со всеми другими. Несомненно, это самый веселый народ, какой я встречал когда-нибудь.

Во главе с Поиетой мы быстро двинулись вперед. Он знал дорогу и вел нас, минуя торосы. В 4 часа дня мы дошли до высокого торосистого льда, и Поиета остановился. В светлый промежуток мы увидели остров Матти. При эскимосской помощи строить „иглу“ одно удовольствие, и все было готово в час времени.

На следующий день была суровая погода. Дул противный ветер, и, судя по керосину, было около —50° С. Я постоянно отмораживал нос и на суставах рук у меня образовались познобленные раны. Хансен справлялся лучше. Его нос тоже немного пострадал, но варежки охватывали руки плотнее у рукавов анорака, и он предохранил суставы рук.

Около полудня мы повстречали небольшую эскимосскую стоянку из 6 хижин. Тут Поиета самым решительным образом отказался итти дальше, и мы не могли его осудить, так как был собачий холод. Эти новые эскимосы в общем были выше ростом, чем нетчилли, в них были все 6 футов. Но они производили гораздо менее приятное впечатление. Их недостаток состоял в том, что они клянчили все, попадавшееся им на глаза. К вечеру они стали так надоедливы, что мы сочли самым лучшим забраться в свою хижину и

закрыться там. Впрочем, эскимосы очень охотно помогли нам в постройке „иглу“, но у меня к ним не было никакого доверия, и, прежде чем лечь спать, мы перевязали наш санный груз особенно тщательно. И верно, на следующий день мы не досчитались пилы, ножа и топора. После бесконечных ссор и неприятностей нам, наконец, удалось получить эти вещи обратно. Но не могло быть и речи о том, чтобы оставить склад поблизости от этих людей. Первое, что они сделали бы после нашего ухода, это растащили бы все добро. Поэтому я счел более благоразумным вернуться обратно к нашим друзьям нетчилли и оставить склад под их охраной. Одним днем пути к северу больше или меньше — это не играет большой роли. Накануне вечером, когда метель, наконец, улеглась, мы видели берег в обе стороны. На западе лежал мыс Харди на острове Матти, а на северо-востоке, вероятно, мыс Кристиана Фредерика на Боотии Феликс.

Как обычно, обратный путь был совершен значительно быстрее, и уже в 4 часа мы были среди наших добрых друзей. Поиета получил за свои труды нож и был от него в восторге. Его жена получила еще несколько иголок, и мы стали большими друзьями.

Следующий день мы мирно провели в лагере, так как эскимосы сказали мне, что на другой день они перекочуют южнее, а я очень хотел посмотреть, как происходит такая перекочевка. Я не раскаивался в этом, так как позднее мне не представилось случая наблюдать такое передвижение кочевников. Кроме того я в течение дня с большим интересом ходил по хижинам и вступал в разговор с эскимосами.

В половине пятого утра все было готово для подъема с места. Саней было всего девять, и в них впрягались и люди и собаки. Особенно много женщин служило упряжными животными, и они были так ловки, что на них было приятно смотреть. Их хорошее расположение духа нисколько не уменьшалось от того, что они впрягались; от напряжения и мороза они были

белы и румяны, и я находил многих из них просто красивыми—уже через четыре дня после своей первой встречи с ними. Они шагали как парни и походкой напоминали молодых юнг, так же размахивали руками и подгибали колени. В противоположность мужчинам у многих эскимосских женщин ноги колесом, что, вероятно, происходит от постоянного сиденья с поджатыми под себя ногами. Женщины часто останавливались, чтобы перевести дух, что было необходимо, так как груз на санях был громадный. Между их и нашими санями была разница в тысячелетнем развитии. Наши сани XX столетия были совсем маленькими по сравнению с их санями, которые вместе с самими эскимосами и всем их бытом принадлежали к каменному веку; нужно еще сказать, что мы взяли с собой дом и провиант на три месяца, тогда как эскимосы взяли пищу едва лишь на один день. Все сани шли по одной линии, так что первые прокладывали дорогу для следующих.

Когда делалась остановка, молодежь собиралась и играла в футбол! Мне не удалось выяснить каких-нибудь определенных правил игры, но вообще это был настоящий футбол, как у нас, с мячом из скатанных и связанных шкур, который при помощи рук и ног летал между играющими, — как мужчинами, так и женщинами. И, пожалуй, женщины были самыми ловкими! Затем раздавалась команда — сниматься, мяч исчезал, моментально все впрягались — и тянули дальше.

Уже в полдень была сделана остановка на этот день на том месте, куда накануне были отвезены двое саней с запасом мяса. Эскимосы редко торопятся, — время для них обычно не играет роли, и то, что они не успевают сделать сегодня, делается завтра. Поэтому на разбивку лагеря у них уходит масса времени, пока все не будет готово. Главы семейств ходят кругом, втыкая снежные щупы в снег, и исследуют его основательно и долго, пока не выберут места для своих „иглу“. С доброй помощью эскимосов и наша хижина была готова одновременно с другими.

Я убедил эскимосов итти с нами на следующий день на судно, но когда день настал, они захотели прождать

еще день и попробовать поохотиться на тюленей, и я остался, чтобы сопровождать их на охоту.

Нас было двадцать человек, когда мы двинулись в путь. Был трескучий мороз и сильный ветер с метелью с северо-запада. Я нарядился в свои новые одежды и натянул капюшон как можно больше на лицо. Метель, не позволявшая ничего видеть в нескольких шагах, не стесняла эскимосов. Они знали дорогу, а так как небо было ясно, то они знали и направление. Шли мы на юго-восток и по ветру. Мало-по-малу охотники рассеялись, и вскоре я остался один с молодым Ангудью. В то время как многие другие уже нашли тюленьи дыры и начали работу, молодой Ангудью совершенно явно предпочитал что̀ угодно охоте при таком сильном морозе. Мы пошли с ним в сторону берега, чтобы ближе посмотреть на него. Метель мешала видеть как следует,—виднелся лишь небольшой гребень холма с торчащими камнями—и я не счел нужным итти дальше. Мы повернули обратно, и нам здорово досталось по дороге домой. Даже Ангудью приходилось поворачиваться задом к ветру. Нос у меня все время замерзал, и Ангудью надоело постоянно прикладывать к нему кулак, поэтому он снял свой наколенник,—кусок оленьего меха, которым эскимосы обвязывают колени, чтобы мешать ветру задувать в штаны,—и обвязал им мой нос. Таким образом я прибыл в лагерь только с небольшим отморожением щеки. Остальные вернулись домой с двумя тюленями!

На другой день, 25 марта, мы все снялись с места. На берегу мы оставили склад, насыпав на него высокую снежную кучу, и поручили его охране и заботам эскимосов. Потом мы с Хансеном простились с ними; мы с облегченными санями будем двигаться вперед значительно скорее их. На снегу я изобразил береговую линию Земли короля Уильяма и показал местонахождение гавани „Иоа“. Эскимосы хорошо ее знали и, как и оглули-эскимосы, называли Огчьокту—название, которое и мы постоянно употребляли в разговорах между собой. Самый младший брат Атиклеуры, Тери-

ганьяк, пошел с нами и очень был нам полезен, особенно когда вечером мы принуждены были построить себе „иглу“. Дело в том, что тот же резкий ветер снова подул среди дня.

Утром 26-го в 8 часов мы были на борту судна. Обстоятельства и на этот раз помешали мне пройти так далеко, как я хотел, но мы должны были удовольствоваться и тем, что все-таки оставили склад достаточно далеко.

На другой день нашего отъезда лейтенант и Ристведт отправились исследовать, как обстоит дело с теми двумя островами, что лежали перед нами. В том, что это были острова, не было никакого сомнения. Эскимосы весной ловили там массу тюленей и называли эти острова Ачлиечту и Ачлиен. (Позднее они получили название островов Ховгорда.) Наши товарищи еще не вернулись. Но в полдень все оживилось. Вернулись лейтенант с Ристведтом вместе со всеми нашими 30 эскимосскими друзьями, которых они, к своему изумлению, встретили на льду. Крики — „Маник-ту-ми“ — успокоили их, и теперь они пришли все вместе — Огчьокту стало оживленным местом. Эскимосы построили себе ряд хижин в долине Линдстрема, одной из небольших лощинок, идущей от гавани.

Эскимосы отнеслись к Хансену и ко мне с таким остеприимством, что мы должны были отплатить им тем же. Несмотря на опасность показаться скупым и скаредным, я сейчас же принял решение, что только те, кто будет постоянно работать у нас, будут получать пищу. Мы ведь не могли возобновлять своих запасов, как эскимосы, только прогулявшись по льду, а поэтому было своевременно теперь же установить границы. Я отдал строгий приказ не отдавать и не менять ничего из экспедиционного имущества. Это было сделано для того, чтобы удержать в цене наши меновые средства, и этого нам удавалось достигать все время. Эскимосы своим торгашеским чутьем обнаружили, что они всегда получают за свои вещи больше, если приносят их в подарок. Поэтому я был принужден отвергать все подарки и вместо этого ввел обы-

кновенную торговлю. Но чтобы показать эскимосам, что хорошее отношение и любезность по отношению к нам вознаграждаются, я подарил Атиклеуре старое ружье ремингтон с патронами. Радость и гордость эскимоса были неописуемы.

Около этого времени мы ближе узнали нашего добрейшего Тераиу. Вся его зимняя история была ложью с начала до конца. Он нарочно остался, когда все уезжали. Без пищи он тоже не сидел. Шесть огромных оленьих туш были припрятаны им поблизости от своей хижины — вот каналья! Однако, от него мы имели много пользы и всякого рода удовольствий — и от Кайаголло тоже; так что не отнеслись к нему слишком строго.

Между тем настала минута выступать в санную экспедицию, назначенную нами на время после пасхи. Мой план доставить почту в гавань Леопольда, как это было ни жалко, должен был быть оставлен. Опыт показал нам, что наши собаки слишком молоды, чтобы справляться с необходимыми для того длинными дневными переходами. Моим первоначальным решением было и на этот раз взять с собой Хансена. Но так как одному Лунду пришлось бы очень много работать, то я должен был отказаться от Хансена и взять вместо него Ристведта. Такие перемены принятых решений легко создают неудовольствия, и потому они неприятны. Но тут не было другого выхода.

6 апреля мы были готовы. Мы вышли в сопровождении Тераиу и Качкочнелли, которые со своими семействами должны были итти к Абва (гора Матесон) охотиться на тюленей. День был хороший и несмотря на —30° С можно было назвать его весенним. Первый день в этом году, когда мы почувствовали, что солнце греет — несказанно приятное ощущение! Скоро мы сняли с себя верхнюю одежду, сложили ее на сани и пошли дальше только в нижнем платье. Кайаголло — „старая орлица“ — вышла на несколько часов раньше, чтобы выиграть фору. Но бедняжка ошиблась дорогой, идя через лед, и ей пришлось сделать большой крюк, чтобы снова выйти на наш путь. Между тем нам при-

ходилось туго. Выпал новый снег, и путь стал тяжелым, сани были сильно нагружены, а у собак еще не было привычки. Поэтому Кайаголло достигла берега по другую сторону бухты за полуостровом Неймайера в одно с нами время. Но как она устала, бедная старуха! Пока готовили завтрак, я затянул одну из своих лучших мелодий, а „Орлица“, вдруг подбодрившись, из всей мочи вступила со мною в дуэт, который ни в каких других широтах не был бы принят так благосклонно. Подавались вкуснейшие замороженные вещи, оленье мясо, рыба, олений желудок с кубиками сала. Ристведт умеет поесть и поглощает один огромный кусок мяса за другим, сопровождая их салом. Неоценненное свойство человека в такой экспедиции, если он может есть все. У лейтенанта Хансена был такой же хороший аппетит, в случае нужды, кажется, он мог бы наесться гвоздями и камешками! Но при подобной температуре — хотя мы и называем ее довольно „весенней“ — „легкий завтрак“ длится недолго. Снова защелкали бичи, и собаки и люди двинулись в путь. Старая „Орлица“ была галантно приглашена Ристведтом сесть на его сани и устроилась там очень удобно.

У нашего склада мы в половине седьмого вечера простились с эскимосами, которые пошли дальше до ближайшей стоянки, мы же собирались провести здесь первую ночь. Разлука будет непродолжительной: в июне эскимосы снова вернутся к Огчьокту и начнут охотиться на тюленей.

С некоторым волнением мы осмотрели склад, но все нашли нетронутым и в полном порядке — к большой чести наших друзей нетчилли, для которых хранившиеся здесь железные и лесные материалы представляли огромную ценность. Им было бы нетрудно ограбить нас, попрятать вещи, пока мы не ушли бы совсем отсюда, а потом наслаждаться награбленным. Палатка теперь была достаточной защитой на ночь, так как температура редко падала ниже — 30° С. Хотя палатка и была мала, но она служила нам прекрасно, и мы с отрадой смотрели на постановку ее, как на

знак того, что кончились дневные труды и предстоит ночной отдых.

В 8 часов на следующее утро мы двинулись дальше. Мы нагрузили на каждые сани по 250 кг, и если бы у нас были взрослые сильные животные, то пяти собак было бы достаточно. Но теперь сани были слишком тяжелы, и это влияло на наше продвижение вперед. Нам недоставало также наших эскимосов, которые вчера шли впереди и прокладывали нам дорожку. От Абвы, где находился склад, мы направились к морскому льду и затем к северу, к острову Матти, где я хотел устроить свою первую магнитную станцию. Вечером, отыскивая себе место для палатки, мы издали заметили к своей радости стоянку эскимосов, во всяком случае с одним живым обитателем, — между хижинами виднелась одинокая движущаяся черная точка. Мы кинулись к хижинам, но, к сожалению, нашли лагерь покинутым. Обитатель, замеченный нами, с карканьем вылетел из-за одной хижины. Это был ворон.

Вечером 9 апреля мы дошли до мыса Харди на острове Матти после тяжелой борьбы с торосистым льдом, преграждавшим путь к берегу; нам пришлось оставить одни сани и впрячь всех собак в другие. На следующее утро в половине седьмого мы взяли собак на смычку и привезли оставленные сани. Все расстояние было 9 миль. Позднее днем я произвел определение места; а после обеда, который был приготовлен Ристведтом, прекрасным поваром во время таких путешествий, была построена обсерватория. Она состояла из круглой стены такой высоты, что защищала и меня и инструменты. От обсерватории к палатке, стоящей в 180 метрах, я протянул шнур, а другой его конец был привязан к руке Ристведта. Таким образом тот, лежа в спальном мешке, мог производить отсчет по часам каждый раз, как я дергал шнур, что для меня было очень удобно, ведь мне не нужно было заботиться о записи. Ристведт чрезвычайно радовался, когда клевало!

Я наблюдал с 5-6 часов утра до самого вечера. Температура все повышалась; в первую ночь минимум

был — 27° С. Когда я как-то вечером должен был сам отсчитывать время, мне не повезло, я упал и разбил часовое стекло. Мы опорожнили баночку с перцем и обратили ее в подчасник. Вообще же работа шла хорошо, и 14 апреля мы ее кончили. 15-го мы двинулись дальше. Был густой туман, и только мы остановились, как из тумана вынырнули два эскимоса. Они принадлежали к той самой банде, которую мы с Хансеном повстречали в марте. Но при нынешних обстоятельствах мы должны были все же поддерживать дружеские отношения с этими господами — Каумалло и Калакчие. Они без труда нашли дорогу среди тумана, и скоро мы оказались в их лагере. Там была только одна их хижина, и эти два человека со старухой и двумя детьми были единственными оставшимися из бандитов. Их, очевидно, еще с тех пор грызла совесть, и они были очень предупредительны. Мы поставили свою палатку поблизости от хижины. Буря с сильной метелью с севера помешала нам на следующее утро двинуться в путь. Тогда Ристведт запряг в сани всех наших собак и отправился с Калакчие на юг домой, чтобы исправить или переменить часы и таким образом не совсем потерять время. Путь туда и обратно был 108 миль, и 20-го в половине восьмого вечера он вернулся, прекрасно выполнив задание. Сидеть четыре-пять дней без дела в обществе старой эскимоски и двух детей было невесело, а потому чудесно было на следующее утро снова пуститься в дорогу.

Лед у острова Матти был тяжелый, и, для того чтобы пробраться через него, нам снова пришлось бросить одни из саней. Мы направились поэтому к Боотии Феликс и устроили склад несколько севернее мыса Кристиана Фредерика, оставив там вторые сани. Потом вернулись обратно к первым саням, где и переночевали. В этот день мы прошли 24 мили. Нагрузив 300 кг на сани, мы впрягли в них всех собак и весь следующий день шли среди торосов. На северной стороне острова Матти мы встретили эскимосский лагерь из трех хижин и разбили около них свою палатку. Здесь мы воспользовались случаем и накормили хорошенько

собак. Ристведт здорово наелся своим любимым кушаньем — тюленьим мясом, жареным на рыбьем жире. Я человек не привередливый, но к этому блюду не решился прикоснуться. Среди этих эскимосов мы впервые встретили маленькую Магито — позднее красавицу Огчьокту. Ей было 20 лет, она была замужем и очень красива, что находил не один я.

Поездка вдоль берега Боотии Феликс не представляла большого интереса. Мы были очень близко от магнитного полюса — как старого, так и нового — и, вероятно, прошли через них оба. Несколько южнее островов Тасмании мы взяли свою самую северную станцию и повернули обратно 7 мая. Я намеревался, было, пройти обратно, забрать наш склад и зайти в гавань Виктории, где оба Росса в 1830-х годах зимовали на „Виктории". Ряд магнитных наблюдений, произведенных там, был бы очень интересен, даже, может быть, интереснее, чем сам полюс. Однако, мне не суждено было выполнить этот план из-за больной ноги.

Местность вдоль всего этого берега Боотии плоска как блин. Дальше от берега поднимаются несколько вершин, которые можно видеть со льда.

21 мая мы дошли до своего склада, но нашли его совершенно расхищенным нашими друзьями Каумалло и Калакчие. Кругом валялось 5 кг пеммикана и это было все. У нас не оставалось теперь никакого выбора и приходилось спешить к „Йоа" как можно скорее. Эти десять плиток пеммикана, с несколькими пакетами шоколада и небольшим количеством хлеба были нашим единственным провиантом. Сильный ветер с севера помогал нам, и мы двигались на юг форсированным маршем. Была плохая видимость, и несколько дней мы плутали по берегу. Но вот прояснело, и 27 мая вечером мы были на борту судна.

Блестящего успеха наше путешествие, конечно, не имело, но, принимая во внимание стечение несчастных обстоятельств, мы все же должны были быть довольны достигнутыми результатами.

Λ e m o

ОСТАВШИЕСЯ на „Йоа“ пережили суровый и холодный май. Несмотря на разных вестников весны, например, большое количество воробьев, нельзя было предположить по внешнему виду „Йоа“ о шествии весны — судно стояло погребенное под снегом, среди огромных сугробов, доходивших до середины мачты. На состояние здоровья участников экспедиции нельзя было пожаловаться, а эскимосы приходили в гости со всех четырех стран света. Лейтенант Хансен и его помощник Хельмер Хансен организовали постройку гуриев на широкую ногу. На всех вершинах и уступах были заметны следы их трудов, и бóльшая часть полуострова Неймайера и нашей постоянной станции была нанесена на карту. Лунд вел трудную борьбу со снежными заносами на корабле. На нем кроме того лежала трудная работа по поддержанию проруби, так как лед в гавани в июне месяце достигал 380 см в толщину. Вик произвел великолепные магнитные наблюдения, а Линдстрем был толст, кругл и доволен и варил пищу лучше обыкновенного. Он показал также, что обладает хорошими задатками охотника, и много куропаток пало от его смертоносных выстрелов. Это не очень нравилось Лунду и Хансену, так как, собственно говоря, они были настоящими, профессиональными охотниками. Однажды утром они сыграли шутку с охотником-коком. Они тихонько положили мороженую куропатку, убитую несколько месяцев тому назад, на вершину сугроба на льду в расстоянии 25 метров от судна. Лунд подошел к спуску в переднюю каюту, где все еще сидел за своим завтраком Линдстрем, и закричал: „Линдстрем! Линдстрем! Там прямо на льду сидит куропатка!“ Как вихрь очутился Линдстрем на палубе со своим дробовиком.

— Да где же она?

— Прямо перед носом!

Крадучись с настоящей охотничьей повадкой и согнувшись, Линдстрем осторожно пошел вперед. Хансен был уже там и смотрел через поручни, а Лунд шел сзади. Казалось, что куропатка спит на сугробе. Вид

дремлющей куропатки у самого корабля мог бы, пожалуй, возбудить некоторое подозрение. Но Линдстрем, найдя вполне естественным, что куропатка предается утреннему сну, приложился, прицелился и выпалил. Куропатка кувырком покатилась по льду.

— Славно попало! — закричал Линдстрем и перепрыгнул через поручни, чтобы скорее принести свою добычу. Долго он стоял с куропаткой в руке, ощупывая и осматривая птицу.

— Да ведь она уже окоченела! — закричал он в глубоком изумлении. Но тут раздался раскатистый хохот, и Линдстрем понял, что был бессовестно одурачен.

С 3 июня эскимосы начали возвращаться, чтобы охотиться на тюленей на льду. Они остановились у мыса фон Бецольда, откуда открывался широчайший вид на поле охоты. Они принесли нам много тюленьего сала от животных, убитых зимою, и мы покупали на дерево и железо — все, что могли получить. Трудно было сказать, что нам может пригодиться в будущем. Вместо того чтобы прятать те вещи, которые были у них в употреблении зимой, они продавали их нам, и наша этнографическая коллекция значительно возросла.

5 июня мы отправились в комбинированную магнитную и геодезическую экспедицию. Лейтенант с помощью Хансена должен был произвести измерения от гуриев на Ачлиечту и Каа-аак-ка, а я с Ристведтом устанавливал магнитные станции на тех же местах. Мы снарядились на две недели и взяли с собой эскимосов Угпи и Талурнакто, которые позднее были у нас почти что на постоянной службе. Угпи, или „Сова“, как мы всегда его называли, сразу же обратил на себя всеобщее внимание своей наружностью. Длинные черные волосы, спускавшиеся до плеч, темные глаза с открытым честным взглядом делали бы его красавцем, если бы не широкое лицо и не большой рот, которые на наш европейский вкус нарушали эту красоту. В нем была какая-то серьезность, почти мечтательность, и он был совсем лишен в высшей степени досадной и утомительной привычки остальных эскимосов — всегда

Эскимос Угпи, прозванный „Совой“, стреляющий из лука

потешаться над слабостями других. Честность и правдивость так ярко сквозили во всем его существе, что я доверил бы ему что угодно, не задумываясь ни на минуту. Во время совместного с нами пребывания он проявил себя необыкновенно ловким охотником и на птиц и на оленей. Ему было около 30 лет, и он был женат на крошечной 17-летней Каблоке. Детей у них не было. У Каблоки был слишком ярко

выраженный монгольский тип, чтобы считать ее красивой, но она подкупала всех своим детским и невинным видом. Матерью Совы была упоминавшаяся раньше Анана, которая жила у него. Всем семейством, однако, правил старший брат, Умиктуаллу, человек мрачного и неприятного вида, но хороший охотник на тюленей. Жена его Оналлер была красивая, но ужасно сварливая женщина.

Талурнакто, наш второй спутник, был полной противоположностью Сове. Среди своих соплеменников он слыл чудаком, но на самом деле был умнее их. Он смеялся и вечно подымал шум, у него не было никого — кроме единственного брата — и ничего. Толстый и маленький, он назывался Токичья, то есть тяжело ступающий. Мы сразу обратили на него внимание из-за того навязчивого постоянства, с которым он неизменно возвращался на судно, хотя мы вежливо давали ему понять по прошествии нескольких дней, что он может отправляться во-свояси. В один прекрасный день Талурнакто снова явился на судно, а так как мы узнали, что он очень искусный работник, то дело кончилось тем, что мы оставили его у себя. Его честность не была такой патентованной, как у Совы, но все же на него нельзя было пожаловаться — многие из нас были бы рады, если бы у них на совести было столько же грехов, сколько у Талурнакто. Он быстро привык к судовой пище и даже любил ее. Но „манеры“ его были чудовищны. Вид у него был совершенно ужасный, а пищу он просто зашвыривал в себя всем, что попадалось ему под руку. А Сова и в этом отношении был образцом. Наденьте на него смокинг, и он вел бы себя безукоризненно в любом изысканном обществе, а с ножом и вилкой обращался, как настоящий джентльмен.

С этими двумя спутниками мы в 10 часов вечера двинулись в путь. Снег был тверд, как камень, и выдерживал тяжесть тела повсюду, но так как у меня все еще очень болела левая нога и не переносила неровностей, то я шел на лыжах. Стало уже слишком жарко ехать днем. Ослепительный свет так утомлял

глаза, что даже при самых темных очках-консервах можно было заболеть снежной слепотой. Однако, чудесная погода веселила всех нас, собаки были со свежими силами, и мы двинулись в путь с пением и смехом, идя хорошим ходом. Уже в $12^1/_2$ часов мы прошли $10^1/_2$ миль до Ачлиечту. Что это остров — было уже в марте месяце установлено лейтенантом и Ристведтом. Мак-Клинток во время своего плавания в 1859 году проходил совсем близко мимо этого острова — в нескольких милях восточнее. Но постоянная непогода, сопровождавшая Мак-Клинтока в тот раз, помешала ему рассмотреть остров.

Как только мы вышли на берег, мы наткнулись на проталины голой земли и выбрали их для установки своих палаток. Надо прожить в местах, где снег в течение девяти месяцев покрывает все, чтобы понять восторг, который вызвали в нас эти проталины. Мы ступали по ним с удивительной уверенностью, чувствуя себя в безопасности на родной матери-земле, и смотрели на землю и мхи с такой же радостью, с какой взираешь на верного, старого друга, бывшего долго в отсутствии. Нельзя сказать, чтобы здесь все выглядело слишком уж по-весеннему! Но по сравнению с долгой мертвенной зимой пробуждающаяся жизнь казалась просто очаровательной. Эти немногие проталины представляли собой особые мирки со стрекочущими, жужжащими насекомыми. Вот виднеется цветочек, мы восторженно приветствуем его. Высоко над нашими головами к северу летели утки, гуси и лебеди непрерывными большими стаями. Мы убили порядочное количество куропаток и прожили на свежей пище несколько радостных дней. В общем дни, проведенные нами на островах Ховгорда, были одними из самых счастливых. „Иглу“, построенная для меня и моих инструментов нашими эскимосами, однажды неожиданно обрушилась и засыпала и меня самого и мои инструменты — к счастью, без особого вреда для кого-нибудь из нас. То-и-дело нас посещали эскимосы, стоянка которых виднелась на льду недалеко от нас. Геодезическая партия побывала на втором из этих островов и нашла его очень длинным и низким.

10-го все работы были выполнены. Острова Ховгорда нанесены на карту и магнитные условия изучены. Поэтому мы упаковали свои вещи и пошли к следующей станции—Каа-аак-ка. Теперь это место было для нас уже знакомым, и я все вспоминал свое первое посещение снежных хижин эскимосов. Несмотря на июнь месяц, местность все еще являла собой зимний вид. Снег растаял только на самых острых и высоких гребнях холмов, в остальных же местах он лежал повсюду. Озеро Каа-аак-ка тоже было покрыто льдом. В прорубях, которые мы прорубали для ловли рыбы, толщина льда достигала 320 см. Мы нашли проталину, едва достаточную, чтобы поставить на ней палатки. Но уже теперь можно было предположить, что эта местность летом будет настоящим арктическим раем — когда вскроется большое озеро, раскинувшись во всем блеске, когда трава и цветы оденут склоны, а птичье царство предстанет во всем своем ликующем многообразии. Здесь, по всей вероятности, настоящее оленье место. На другой день после нашего прибытия эскимосы застрелили двух оленей, это были первые, которых мы видели в этом году. Было там также множество куропаток, великолепная добыча для охотников. Охотились эскимосы с утра до вечера. Геодезическая партия развила оживленную деятельность—мы видели, как наши геодезисты бродили от одного гурия до другого; иногда раздавался выстрел — очевидно, повстречалась какая-нибудь дичь. Сам я был занят своими наблюдениями и получал полное удовлетворение. Но бедный Ристведт испытывал муки Тантала. Страстному охотнику приходилось все время сидеть у моей палатки: мне нужна была его помощь при наблюдениях, а кроме того он был поваром. Тяжело ему было слушать отдаленные выстрелы, а еще больше он, должно быть, страдал, когда товарищи, вернувшись домой с богатой добычей, начинали восторженно рассказывать охотничьи истории!

Геодезическая партия работала, главным образом, по ночам, и мы называли их полунощниками. В отместку те называли нас засонями. Мы вели отдельно

свое хозяйство, и между Ристведтом и поваром полунощников происходили постоянные распри. Ристведт был настоящий мастер поварского искусства и сам большой гурман. Геодезисты во время своих экскурсий убивали самых больших, жирных куропаток, а мы должны были довольствоваться какими-то несчастными маленькими и тощими, которых приносили нам эскимосы. И Ристведт время от времени лазал в погребок товарищей и менял куропаток — к великому неудовольствию другого повара!

Эскимосы были нам очень полезны, так как ежедневно приносили оленей. Когда мы 14 июня возвращались домой, то у нас таким образом оказался целый запас оленьего мяса, к большой радости остававшихся на борту судна и тосковавших без свежей пищи. Мы пришли ранним утром в $3^1/_2$ часа. Огчьокту спало глубоким сном. Нам в глаза сразу же бросилась большая перемена по сравнению с тем, что было, когда мы уезжали. „Йоа“ сбросила свой зимний наряд. На судне не было крыши. Внутри судно тоже избавилось от ига зимы. Линдстрем произвел замечательную работу. Он убрал огромные массы льда, лежавшие целыми глетчерами во всех углах и закоулках. Все стены сверкали нам навстречу, вымытые и вычищенные после зимней сажи и грязи. Многорядные световые люки с прокладками из оленьего меха были сняты, и воздух и свет проникали внутрь судна свободно. Поднявшись на корабль, мы вздохнули с облегчением: свершилось вступление весны на судно!

Сюда стеклось множество эскимосов, ставших лагерем вокруг нас. У самых дельных и аккуратных были поставлены палатки, и в них было совсем хорошо. Наоборот, наиболее ленивые пользовались своими старыми „иглу“ — которые, впрочем, и не были настоящими „иглу“, а просто ямами под снегом, куда жильцы залезали через отверстие наверху. Другие строили себе круглую стену из снега и покрывали ее крышей из шкур. Этим они избавлялись от неприятной неожиданности, с которой я уже несколько раз знакомился, заполучить в качестве пуховика крышу!

Раньше я уже упоминал, что мы нашли представления эскимосов о нравственности очень высокими, даже строгий судья ничего не мог бы сказать об их семейной и женской морали. Теперь, возвратившись после десятидневного отсутствия, я нашел удивительную перемену в этом отношении. Всякий стыд точно сдуло ветром, и мужья предлагали своих жен, старухи своих дочерей и невесток, как всякий другой товар. Почему случилось это превращение, я так никогда и не узнал. Но с этих пор у нас не было причин говорить о какой бы то ни было „морали“ у эскимосов!

Годовщину нашего отъезда из Норвегии мы отметили небольшим торжеством. А уже на другой день Ристведт и я снова двинулись в путь, чтобы устроить кольцо магнитных станций вокруг главной станции — для изучения магнитных условий поблизости от основной станции. Свой поход мы начали в 10 часов вечера вместе с двумя нашими эскимосами, держа курс на Тьятаа-арлу (мыс Луиджи Абруццкого). Снег нельзя было употреблять в качестве строительного материала, и поэтому я взял с собой палатку - обсерваторию. Мыс Абруццкого совершенно низкая, песчаная коса, идущая в южном направлении от Абва (гора Матесона). Она поросла мхом и испещрена озерками — настоящий рай для птиц. Когда мы ранним утром ставили палатки, прямо на нас спустились две куропатки, самцы, и начали драться, так что перья полетели. Но птицы не знали о великом Немвроде экспедиции. Им в ту же минуту пришлось перенести поле своей битвы в нашу суповую кастрюльку!

По мере того как я привыкал к полевым наблюдениям, я научился обходиться без помощника. Поэтому Ристведт мог к своему удовольствию полностью предаться охоте вместе с эскимосами. Эти три охотника притаскивали массу дичи, и потому мы очень мало питались собственным провиантом. Самым нежным блюдом были оленьи языки. Они просто „таяли во рту“. Гаги в это время тяги очень жирны и замечательно вкусны. Великолепно также и жирное мясо тюленьих ласт, особенно для бульона. Если варить

сало таким образом, то оно не пахнет рыбьим жиром; ольше всего оно напоминает баранье сало. По окончании наблюдений мы покинули Тьятаа-арлу и направились в основание бухты Шватка. Эта бухта тянется вглубь на 10 миль. По всей видимости фарватер в ней чрезвычайно нечист; все время мы проходили через островки и шхеры, и ими заполнена вся внутренняя часть бухты. Но если существует проход в бухту для судна, то она будет самым лучшим местом для зимовки, так как окружающие ее берега очень богаты дичью.

От бухты Шватка мы продолжали итти в северо-западном направлении к высокой и хорошо заметной вершине, которую назвали „Самой северной высотой Севера“ и достижение которой поставили себе целью. Снег теперь был рыхл, и эскимосы проваливались в него по колено; особенно туго приходилось маленькому толстяку Талурнакто. Ристведт и я прекрасно справлялись на лыжах. Вся дорога наверх пестрела оленьими и песцовыми следами. А гребни гор начали одеваться в свои летние одежды. Большие пространства были без снега, и многие озерки очистились от льда. При тихой погоде, при ослепительном солнце тут днем и ночью кишмя кишели птицы: гаги, утки, лебеди и чистики, а мелкие пичуги так щебетали, что буквально мешали своим гамом. Удивительно, право, в какие же часы суток эти существа спали! Гусей тоже было множество. Но птицы были очень осторожны и пугливы, так что добычи от охоты хватало только на дневное пропитание. „Сова“ принес нам нескольких леммингов, но мы отказались от них в пользу эскимосов. Эскимосы съели леммингов с удовольствием, как самые вкусные паштеты, но сказали нам, что не любят есть их осенью, когда они становятся слишком жирными. Вообще же здесь вокруг нас сновало невероятное множество леммингов. Когда мы по вечерам сидели у палатки, нашим самым большим развлечением было наблюдать за занятными маленькими зверьками, норки которых были повсюду вокруг нас. Вот они выглядывают, чтобы погреться на теплом сол-

нышке. Вот они прячутся, и нам слышится свист и визг домашних сцен под землей. Снова выглядывают и решаются на небольшую прогулку. Они катятся вперед, как шарики — ведь они одинаковы как в вышину, так и в длину и ширину — а в движениях их, во всем их облике есть что-то невероятно комично-милое. Если на их пути встречается собака или человек, они садятся на задние лапки и злобно шипят и фыркают, готовые к бою. Бедняжки! У них много врагов, самые злые — это совы. Так, в одном совином гнезде мы нашли однажды шесть мертвых леммингов — по одному для каждой нашей собаки. Здесь масса этих отвратительных хищных птиц. Однажды Ристведт подстрелил одну сову, и она не могла улететь. Сова села и как будто ждала нас. Но ее шаровидные гадкие глаза и весь отвратительный вид подействовали на нас и на эскимосов так неприятно, что мы застрелили ее.

Земля пестрела и переливалась цветами и травами, а кругом жужжали и стрекотали миллионы насекомых. Казалось, все они бешено торопятся наверстать свой долгий сон. Вся эта жизнь природы делала такие солнечные дни вдвойне привлекательными для нас, и мы так привыкали к местам своих стоянок, что каждый раз с огорчением покидали их. Нашей следующей станцией была „Северная высота“. Она красиво расположена, круто спускаясь к югу, западу и северу; к западу она продолжается узким горным хребтом с осыпающимися мелкими камнями, окруженным со всех сторон озерами. Но нашей самой красивой стоянкой была вершина Вика с прекраснейшим широким видом. У ее подножия лежало большое и рыбное озеро Ристведта, которое вместе с малым озером Ристведта соединялось рекой Ристведта. Пребывание на вершине Вика было самым прекрасным временем за весь этот наш поход; чудесная солнечная погода, стоявшая каждый день, подняла температуру в палатке обсерватории до +25°C, так что я скинул с себя всю верхнюю одежду и остался только в самом интимном своем одеянии. Эскимосы постоянно охотились и приносили на кухню богатую добычу. Здесь на вершине

Вика они нашли также немного гагачьих и гусиных яиц. Все эти яйца были посланы на судно в коллекцию Линдстрема. Было трудно отказаться от них, но яйца попадаются здесь довольно редко, и поэтому коллекции отдавалось предпочтение перед нашими, стосковавшимися по лакомствам желудками. Во время сильной жары приятно было после работы выкупаться в озере или реке. Затем Ристведт готовил ужин, и мы наслаждались вполне заслуженным отдыхом. Однажды вечером Ристведт, придя из эскимосской палатки, рассказал мне, что он отказался от приглашения остаться там на ужин. Причиной его отказа было, как он заявил, предложенное ему кушанье, которое превзошло даже установленные им границы для понятия „съедобное“. Я очень заинтересовался рецептом. Это был новый сорт кровяного пуддинга. Ристведт любил кровяной пуддинг, и одной из его поварских специальностей было нечто, называемое им кровяным пирогом, действительно весьма вкусная штука. Ну, а этот эскимосский кровавый пуддинг, каков он?.. О, нет! Это нечто совершенно невыносимое! Он следил за приготовлением кушанья с того момента, когда олень был убит. Его сейчас же освежевали и кровь тщательно собрали. Часть этой теплой крови выпили тут же. Затем вынули из животного желудок. Частью его содержимого эскимосы полакомились сейчас же, зачерпывая горстями. Когда желудок был наполовину опорожнен, в него влили кровь и размешали ее костью. Получившаяся таким образом каша и была кровяным пуддингом „по-эскимосски“, от которого отказался даже Ристведт. Съев часть этого свежего „пуддинга“, эскимосы завязали желудочный мешок, положили его на такое место, где все время припекало солнце, и покрыли сверху каменной плиткой. Тут он должен лежать и „доходить“ вплоть до середины зимы, когда и будет совсем готов — или „созреет“, чтобы стать угощеньем для гостей.

У вершины Вика мы сделали интересную находку— нашли скелет кита, спинные позвонки которого торчали из земли на пригорке.

В тот день, когда мы уходили отсюда, пошел дождь, и фактически на этом и кончилось лето. С этого дня наступила холодная ветреная погода, продержавшаяся почти все время. На следующей станции — холм Адольфа Шмидта, или, как мы его попросту называли, Санкт Ханс-хэуген,[1] — моему славному помощнику пришлось покинуть меня и вернуться на судно, чтобы привести мотор в порядок. Никогда нельзя сказать заранее, что может произойти, а мы должны были быть готовы ко всем случайностям. Во все время нашей стоянки во льдах паруса были растянуты, что оказалось самым лучшим способом их сохранения.

Я находился теперь всего в миле расстояния от гавани и в свободное время совершал постоянные прогулки на судно. Там все было в порядке. Лейтенант кончил триангуляцию базисной станции. Лунд и Хансен поддерживали судно в порядке и украшали и прибирали его, как невесту! Вик добросовестно занимался магнитными наблюдениями. После окончания картографических работ лейтенант занялся расширением наших зоологических коллекций. Ими мы все были заинтересованы и приносили объекты целыми массами; в пополнении коллекции нам помогали также и эскимосы. Линдстрем установил премии, состоявшие, главным образом, из старого нижнего белья, и этим сильно подогрел усердие эскимосов по сборам. Позднее мы встречали в разных местах Земли короля Уильяма эскимосов, щеголявших в поношенных кальсонах и подобных вещах Линдстрема. В своих работах по сборам он был совершенно неутомим — все живущее вокруг нас должно было быть представленным! Даже особый вид головной вши, которая была отрадой эскимосов, тоже попал в коллекцию; Линдстрем установил цену на этих зверей. Вначале доставка была скудной, но когда эскимосы поняли, что здесь дело идет о настоящей и серьезной торговле, они каждый день толпами приходили к Линдстрему со вшами. Сначала тот был доволен этим, но удовольствие превратилось потом

---

[1] Так называется холм среди парка в Осло

в отчаяние, и ему пришлось приложить все силы, чтобы остановить эту торговлю и избавиться от вшей. Но все-таки он собрал столько различных вариантов, что мог обильно снабдить ими все европейские зоологические коллекции!

Лед на более крупных озерах начал теперь вскрываться, и эскимосы ловили много форели, которую и носили нам. На льду гавани тоже было много рыболовов. Мы пригласили определенного постоянного поставщика, доставлявшего нам, когда нам хотелось, свежую мелкую треску. Мы жарили ее обыкновенно к ужину. К завтраку постоянным блюдом был олений бифштекс. Вообще вокруг нас было довольство. Маленькие дети пяти-шести лет сидели над удочками часто по целым ночам и приносили домой хороший улов, нередко больше своего собственного веса. На озерах ловили рыбу мальчики побольше и взрослые. Они удили в узких полыньях под берегом, где вода была так прозрачна, что можно было следить за всеми движениями рыбы.

При таких-то условиях мы жили, если говорить только о пище, в довольстве и радости: и белые, и эскимосы, и собаки. Но нам было ясно, что жизнь эскимосов такова, что им нельзя пренебрегать ничем съедобным, хотя в этом отношении их понятия и более широки, чем наши. Когда наша станция была на холме Адольфа Шмидта, однажды я вышел из своей палатки, — около нее сидел старый Элдро, или Предерик, как он любил называть себя,— это должно обозначать Фредерик,— у него, повидимому, было что-то на душе. Он очень много говорил, но я не понимал ни слова. Мы за время своего совместного пребывания выработали свой собственный жаргон, норвежско-эскимосский язык, и при его помощи легко объяснялись с более молодыми и понятливыми к ученью эскимосами. Но все-таки я понял, что он просит разрешения взять что-то, лежащее у пригорка и принадлежащее мне. Я подумал, что это, вероятно, выброшенный кусок дерева или жести, и согласился на просьбу старика. После чего тот, сияя от радости и полный благодар-

ности, удалился. Немного погодя, я спустился и увидел старого Элдро, сидящего на откосе и усердно занятого чем-то. Я с любопытством приблизился и нашел его за тщательным собиранием содержимого старого оленьего желудка, лежавшего здесь с прошлой осени. Мои собаки были здесь и нюхали эту гадость, но отвернули носы, подняли заднюю ногу и оставили желудок в покое. Но Элдро блаженно улыбался над своим неожиданным утренним уловом и сказал мне, что его жена будет в восторге от этого пополнения ее кладовой. Я пробормотал что-то о том, что он не должен быть так уж в этом уверен, дамы ведь очень странные существа! Но на другой день старый джентльмен пришел и преподнес мне десяток прекрасных форелей с приветом от супруги и благодарностью за угощенье.

Взяв еще две станции, одну на Сендагсхэуге, другую на Сваненхэуге, я закончил пока свою летнюю экспедицию, так как земля теперь в значительной степени обнажилась от снега и передвижение с санями было поэтому чрезвычайно затруднительно. 18 июня вечером я снова был на судне.

Накануне вечером на станции произошло жуткое событие. Умиктуаллу, старший, уже упоминавшийся мною ранее брат Совы, жил с женой, тремя детьми и воспитанником в палатке в нескольких шагах от „Магнита“. У него было старое, заряжающееся с дула ружье, которое он выменял у другого эскимоса. Пули, порох и пистоны он достал у нас. Обычно он вешал ружье заряженным, да это и не было так уж опасно. Но, несмотря на наши постоянные предупреждения, он насаживал также и пистон. В этот вечер он с женой был в гостях в одном семействе, а воспитанник и старший родной сын завладели ружьем. И вот случилось то, что так часто случается, когда дети тайком играют с огнестрельным оружием, не зная об его опасности и не умея с ним обращаться, — раздался выстрел и сын Умиктуаллу — ему было семь лет — упал замертво. Отец услышал выстрел и прибежал. При виде мертвого сына и воспитанника, сидящего с дымящимся ружьем, он пришел в бешенство от отчаяния. Схватил перепуган-

ного до смерти мальчика, вытащил его из палатки и три раза вонзил ему в сердце свой нож. Затем отшвырнул его от себя пинком. Вик из „Магнита“ видел всю эту ужасную сцену. Семилетний ребенок был необычайно способный мальчик и баловень семьи. Он был уже настоящим охотником и добывал для семьи дичь своим луком и стрелами. Умиктуаллу страстно любил его и очень гордился им... Ночью обоих мальчиков похоронили, и мы не знали где. А когда время и рассудок успокоили Умиктуаллу, его стали мучить совесть и раскаяние. Когда на следующий вечер я пришел в стоянку, он и его семья уехали на материк.

Как и всегда, найдя на судне все в образцовом порядке, я поставил свою обсерваторию в Огчьокту, чтобы проверить свои магниты на станции. Лед в проливе Симпсона принял мало-по-малу голубоватозеленую окраску, что бывает, когда снег стаивает на его поверхности. Конечно, уже недалеко было то время, когда он вскроется. Эскимосы сказали мне, что пролив вскрывается каждый год. Но при этом объяснили, что лето 1903 года, когда мы прибыли сюда, было в отношении льдов совершенно необычайным, и поэтому я не должен надеяться на его повторение.

Однако, у нас были самые лучшие виды на будущее. Весна и начало лета были изумительны своими длинными тихими вечерами, когда мы наблюдали пробуждавшуюся в природе жизнь. Впрочем, была одна неприятность и довольно досадная: комары. Они делали наше пребывание на чистом воздухе почти непереносимым, и мы дрались и сражались с роями комаров, как с толпами яростных бандитов. Они преследовали нас и на судне, поэтому нам приходилось затягивать сетками от комаров все люки. Я не особенно страдал от укусов комаров. Но другие были более восприимчивы к их яду — особенно Лунд, который распухал и отекал от укусов очень сильно, и каждое утро его изуродованная физиономия готовила нам новые сюрпризы.

Мы закинули рыболовные сети в одно из многочисленных озер и постоянно ловили свежую форель. Мы по очереди следили за сетями и вытаскивали их и постоянно состязались в том, кто из нас больше всех принесет домой рыбы. Лунд и Ристведт были однажды на озере и вытащили двух рыб — большую форель и совсем маленькую. Они побрели домой с этим замечательным уловом, заранее зная, что теперь-то на них посыпятся все насмешки и издевательства, на которые только способна „Йоа". Но вдруг Лунд нарушает мучительное молчание и говорит: „Линдстрем!" — „Ага! — говорит Ристведт, — пусть достанется ему!"

Больше ничего не было произнесено между ними, но и этого было довольно. Они прошли еще немного молча, размышляя оба над тем, что было высказано в упомянутом выше диалоге: хорошо бы придумать шутку и как-нибудь отвести насмешки на нашего симпатичного кока. Когда они дошли до судна, их план был готов. Было три часа, и кок предавался своей приятнейшей послеобеденной дремоте, когда наши рыбаки ворвались к нему.

— Линдстрем! Линдстрем! Эй, Линдстрем! — Линдстрем приподнялся на койке и просунул голову между занавесок.

— Что там такое?

— Мы рыбачили,—сказал Лунд (Линдстрем никогда не доверял Ристведту, поэтому говорить должен был Лунд, чтобы устранить всякое подозрение),— и поймали, видишь ли, между прочим, нечто такое, что ты с удовольствием возьмешь для своей коллекции.

Лунд и Ристведт бережно держали каждый по рыбе, завернутой в бумагу, словно у них на руках был маленький ребенок. Осторожно они развернули свертки и с гордостью показали рыб Линдстрему.

— Посмотри-ка,— продолжал Лунд — вот мать, а вот ее детеныш.

Мошенники хорошо знали Линдстрема, а вопрос о матери и детеныше был одним из тех, которые он как зоолог особенно ценил.

— Что вы!—с жаром произнес он, и его круглое лицо расцвело при мысли, что скажет профессор Коллет, когда он покажет ему мать и детеныша из одной рыбьей семьи! Он сел на койку и взял в руки рыбешку. Молниеносный испытующий взгляд на двух любезных рыбаков успокоил его совершенно, и с видом знатока, который появлялся у него всегда, когда дело шло о коллекции, он занялся осмотром экземпляра. При этом бормотал зоологические термины скорее для самого себя, чем для других, и когда предварительное исследование было окончено, выразил товарищам свою признательность за их дар.

— Да, видите ли, ребята, интересная штука! Это, должно быть, годовалый детеныш — они, значит, плавают здесь за своей матерью в первый год жизни...

Мысленно Линдстрем видел уже эту теорию опубликованной и подтвержденной тем доказательством, которое он держал в руке,— но тут злорадный хохот обоих рыбаков убедил его, к сожалению, в том, что Ристведт и Лунд во всяком случае не разделяют его гипотезы. Они блестяще выполнили свое намерение, а Линдстрем сделался на этот день козлом отпущения!

Большинство эскимосов покинуло нас, чтобы перекочевать на свои летние стойбища, охотиться там и ловить рыбу. Остались только три семьи, которые намеревались отправиться к северу на Землю короля Уильяма. Кроме того мы оставили у себя Сову с матерью и женой, вместе с Талурнакто,—они должны были сопровождать меня, когда я, как только по береговой полынье можно будет пройти на лодке, буду продолжать свои прерванные наблюдения. Мы искали в течение многих дней трупы двух эскимосских мальчиков, так как нас в высшей степени интересовал тот способ, каким эскимосы погребают умерших. Наконец, нам удалось найти их. Трупы лежали каждый в отдельной гробнице, уложенной камешками, на пригорке неподалеку от „Магнита". Сын был тщательно зашит в олений мех, и с ним были положены лук, стрелы, чашка для питья, варежки и т. п., тогда как воспитанник был похоронен с боль-

шим равнодушием, голова у него была почти неприкрыта, а из вещей лежала только пара изношенных варежек. Насекомые уже начали над ним свою работу; за зиму песцы закончат ее. Когда я через год посетил это место, в обоих могилах кишели червячки.

Лейтенант Хансен в этот период воспользовался благоприятным временем года для проявления своих фотографических пластинок. Теперь у него было вдоволь воды, такой драгоценной раньше, и он произвел ряд водо-технических работ в одном из наших ручьев, ставил плотины, отводил воду, устраивал искусственные полоскалки, где мыл и промывал, сколько его душе было угодно.

1 августа я снова отправился в поездку с целью производства наблюдений вокруг главной станции. Поездка происходила теперь по воде и целой небольшой флотилией. Один из наших дубовых яликов был флагманским судном, и я сам сидел на веслах. Анана и Каблока сидели на корме. Здесь же был весь наш провиант. Талурнакто греб в одной из наших брезентовых лодок, а Сова в своем собственном каяке. Каяки нетчилли-эскимосов неуклюжи и некрасивы по сравнению с теми, которые мы видели у гренландских эскимосов, но эти последние и принуждены пользоваться своими каяками, как средством передвижения в гораздо бо́льшей степени. Местом назначения был холм Хельмера Хансена, находившийся от нас в 5 милях расстояния, поэтому путь наш был недалек. Комары здорово одолевали нас, пока мы не отплыли немного дальше по полынье. Здесь они оставили нас. Но когда мы пристали к берегу и среди дня прояснело после утреннего дождя и солнце стало припекать, то наступила, так сказать, самая комариная погода. Полчаса пути от берега до гурия превратились в ад. Мы шли среди комаров, наши руки были заняты ношей, и мы были беззащитны; если мы открывали рот, чтобы сказать слово, он сейчас же оказывался полным комарами. Мы приходили в отчаяние и думали уже, не вернуться ли нам обратно. Но мы все-таки пробились, поставили свои палатки и скрылись от миллионов мучителей.

Лодочная экспедиция для выяснения магнитных условий на Земле короля Уильяма. Амундсен, Талурнакто, Сова

Мое пребывание на холме Хансена было очень приятным. Ландшафт был красив, с открытым широким видом. Береговая полынья доходила как раз досюда, на запад лед лежал еще вплотную у берега. К востоку, прямо через большую бухту, видна была Огчьокту. На юг открывался вид на пролив Симпсона, на западе и на севере простирались бесконечные поросшие мхом равнины на Земле короля Уильяма с блестевшими на ней сплошь озерами. Птицы летали тут тысячами, там

и сям бродил одинокий олень, щипавший траву. Из-за комаров я мог работать только вечером и утром, а свободное время проводил в приятном общении со своими эскимосами, которых теперь так хорошо узнал. Сова и Талурнакто большей частью уходили на охоту. Каблока чаще всего сопровождала их, чтобы помогать уносить домой мясо. Старая же Анана оставалась у палаток, уходя иногда недалеко за вереском для топлива. Она помогала мне по хозяйству. Ее главнейшей работой здесь была очистка мяса, с которым эскимосы обращаются очень небрежно. Они бросают его, где попало, вследствие чего оно загрязняется оленьей шерстью, землей и камешками. Очистка Ананы состояла, главным образом, в облизывании мяса. Она, повидимому, считала, что я просто из скромности настойчиво прошу ее перестать делать это! Когда иной раз случалось, что мы все сходились в свободное время, я приглашал своих друзей в палатку и угощал их сухарями и шоколадом. Из всех напитков эскимосы считали шоколад самым что ни на есть лучшим. Как только я произносил это слово, их лица расплывались в широкую улыбку. Во время этих небольших угощений я выпытывал у эскимосов и расспрашивал у них о всевозможных вещах, касавшихся их жизни и мировоззрения. Хотелось мне также хорошенько усвоить и их язык. Сова проявил себя настоящим педагогом, его живо интересовало, когда мне хотелось узнать, как называется то или другое. Но Талурнакто был невозможен. Он только смеялся и воспринимал все, как чистую потеху. Моя походная сервировка была не богата, и поэтому я сказал эскимосам, чтобы они справлялись сами, как знают. Они так и поступали, выказав себя весьма практичными и находчивыми. Однажды вечером, когда мы сидели все вместе и ели, у Талурнакто страшно зачесалась спина. Своими короткими руками он никак не мог дотянуться до нужного места, тогда он решительно сгреб мою ложку, которую я на минуту отложил в сторону, и, запустив ее за шиворот, принялся чесаться...

Когда я уже почти окончил свои наблюдения, прибыл лейтенант с Хелмером Хансеном на шлюпке, ко-

торую они снарядили, чтобы отправиться в далекое путешествие к мысу Крозье, югозападной оконечности Земли короля Уильяма. Они хотели оставить там склад для будущей санной поездки весной 1905 года к восточному берегу Земли Виктории. Одновременно они собирались произвести промеры глубин в самой узкой части пролива Симпсона между берегом и островом Эта. Они взяли с собой снаряжения на месяц и поэтому, если считать еще запасы для склада, были здорово нагружены. Расстояние между мысом Крозье и Огчьокту было 100 миль. Лед, державшийся до сих пор плотно у берега, от сильного северного ветра подался, так что открылась достаточная для прохода береговая полынья. Товарищи остались у меня на ночь, чтобы продолжать путь на следующий день вместе со мной, так как я собирался плыть к Каа-аак-ка, своей следующей станции.

В тот же вечер я предпринял свое первое плавание в каяке. Поблизости я присмотрел себе подходящей величины прудок для упражнений. В начале все шло превосходно. Но мои товарищи, строившие неподалеку гурий, высказывали громко что-то очень мало похожее на восхищение.

Я беспечно обернулся, чтобы сообщить им, что у меня, очевидно, гениальные данные для плавания в каяке, — но тут и я и каяк перевернулись! Было так мелко, что я достал до дна рукой, но каяк был полон воды, а я промок до костей. Товарищам пришлось вытаскивать меня на берег, и я пошел в палатку сменить одежду далеко не в триумфальном шествии!

На следующее утро мы вместе со шлюпкой отправились на запад. Ветер был попутный, так что нам не приходилось грести. Анана, не отличавшаяся геройским поведением на море, предпочла итти берегом. Сова плыл в своем каяке.

Теперь Каа-аак-ка был в полном летнем наряде. Пестрый ковер из разноцветных цветов покрывал все пригорки. Однако, лед снова подошел к берегу и остановил дальнейшее продвижение шлюпки. В результате лейтенант и Хансен составили мне компанию на

все время моего здесь пребывания. Эскимосы с успехом охотились; между прочим однажды они вернулись домой с целыми 13 гусями, которых убили камнями.

11 августа я кончил все свои станции, простился с товарищами, которых все еще задерживал лед, и направился к Огчьокту. 10 миль были пройдены на гребной лодке в 3 часа, что было прекрасным достижением, так как мы были сильно нагружены и по временам нам мешал лед.

На судне нас чрезвычайно тепло встретили, быть может оттого, что мы привезли с собой отличный провиант в виде оленьего мяса и гусей.

В гавани Йоа теперь стало тихо. Все эскимосы покинули нас, и в первый раз за долгое время мы были одни. Лето в этих широтах не очень-то надежно. 16 августа начались дождь и слякоть, так что в каюте было только 3° С и нам пришлось затопить печи.

Из пустых керосиновых боченков Лунд и Хансен выстроили собакам первоклассный отель. Им здесь будет значительно лучше, чем в старом снежном доме. Они лежали все вместе на привязи на песке и ужасно скучали. Через несколько дней безделье и мне пришлось не по вкусу, и я решил выполнить давно задуманный план. Заметив, как мне казалось, некоторое несоответствие в своих наблюдениях вдоль берега Боотии Феликс этой весной, я решил установить еще одну станцию, как можно дальше к северу, сколько можно будет пройти по восточному берегу Земли короля Уильяма. Мне хотелось еще теперь оставить склад для санного похода осенью — именно теперь, пока еще была открытая вода. Бывшие в моем распоряжении средства для передвижения были не слишком пригодны для более далекого морского путешествия, но если держаться у самого берега, то можно будет справиться. Я выбрал один из наших яликов, которому Лунд в начале лета приладил киль.

Состояние льдов, однако, никуда не годилось. Лед плотно лежал до мыса фон Бецольда, и пока он не уйдет отсюда, не могло быть и речи о том, чтобы

пускаться в путь. Все же 20 августа мне надоело ждать, и я отправился в сопровождении одного Талурнакто попробовать, не удастся ли нам пройти вокруг мыса и поплыть дальше. При безветрии нам приходилось грести, но дело шло не блестяще. Талурнакто совершенно не привык грести двумя веслами и никак не мог попасть в такт, — постоянно он задевал за мои весла и портил все дело. Плоскодонка сразу поворачивалась кругом и направлялась носом к дому. С судна следили за нашими удивительными маневрами и ждали, что мы скоро вернемся обратно. Но вдруг Талурнакто, повидимому, постиг тайны такта и стал грести молодцом. Он сидел на передней банке, а я на задней. Дело пошло у нас быстро, и скоро мы были у мыса Бецольда. Здесь, однако, лед был совершенно непроходим, да и дальше к востоку вдоль берега. Поэтому мы выгрузили свой груз на берег, втащили лодку и, перевернув ее, положили поверх груза; сами же пешком отправились обратно.

Потянулись длинные и скучные дни. Ежедневно я ходил к мысу смотреть на состояние льда, но только 29 августа при сильном ветре с берега он отошел, и мы смогли продолжать путь. Дул свежий бриз с севера с сильной волной за бухтой Шватка. Чтобы выйти дальше в море, прежде чем держать курс на мыс Абруццкого, мы должны были некоторое время грести против ветра вдоль берега.

Такая тяжелая работа продолжалась два часа, и мы гребли так, что с нас пот катился градом. Наконец, мы поставили парус и направились прямо к мысу. Волна непрестанно перехлестывала через борт, но Талурнакто геройски вычерпывал воду. Это было первое плавание Талурнакто под парусом, и оно ему не особенно нравилось. Мы прошли бухту до захода солнца и без всяких аварий, хотя промокли насквозь. Мы обогнули мыс и проплыли часть пути вдоль берега по другую сторону к Абва (гора Матесон). Первое, что нам пришлось сделать, это скинуть одежду, чтобы высушить ее. Обращение с меховой одеждой требует величайшей осторожности, чтобы она не трес-

нула, и в этом отношении эскимос, в силу своего долголетнего опыта, является большим мастером. Палатка была поставлена на мшистой лужайке на самом берегу.

Талурнакто обращался с примусом с пониманием дела. Но его участие в работе по хозяйству должно было ограничиваться только тем, что он делал под моим зорким наблюдением; никогда нельзя было наперед знать, какую новую грязь он разведет. Туалет его был блестящий. На теле он носил голубую трикотажную рубашку, поверх нее егеровскую рубашку, а поверх всего нижний анорак. На ногах у него была пара английских кожаных штанов. Все это было выброшенное старое тряпье из гардероба Линдстрема. „Я заштопаю его к зиме", говорил тот, и потому оставлял валяться всякую рвань. На голове у Талурнакто была старая кепка, к которой он, для красоты, прицепил грязный воротничок. Вообще это был настоящий вахлак, но всегда в лучезарном настроении! Он курил и жевал табак и делал все возможное, чтобы вести себя как белый. Большой его гордостью были шесть волосков в полдюйма длиной, росшие у него под носом. Он с большим презрением говорил о мужчинах без усов. Силен он был, как медведь, и, благодаря своей всегдашней веселой готовности услужить, прекрасно мне помогал. Он много путешествовал. Между прочим он побывал в Эйвили (Рипэлс Бэй — один из рукавов Гудзонова залива) и много рассказывал о сражениях с мускусными быками. Эскимосы обычно раздражают этих животных стрелами. Когда быки приходят в ярость, они кидаются на охотников, и те добивают их своими копьями. Другими словами, настоящий испанский бой быков!

Пока я не подружился с Талурнакто настолько, что в любое время мог попросить его заткнуть глотку, он выматывал из меня всю душу своим бесконечным „пением". Вообще я не встречал ни одного музыкального эскимоса. Но все-таки есть между ними некоторая разница. Большинство издавало четыре разных тона. Но Талурнакто гудел в одном тоне — непрестанно все в том

же — как шмель ночью в спальне! Мы были большими друзьями, и он считал своим долгом во всем мне подражать. Так, он честно старался употреблять столовый прибор, который я взял для него. Видя, что я вытираю свою чашку после употребления, он делал то же самое. Но его орудием был язык, которым он и вылизывал чашку сначала, а потом вместо полотенца употреблял свою егеровскую рубашку.

В 8 час. на следующее утро мы отправились дальше. Все еще дул сильный ветер. Через несколько часов гребли мы дошли до большой бухты, простиравшейся с востока на запад. Мы несколько раз пробовали пройти ее, но волна наполняла лодку водой, и волей неволей нам пришлось сдаться и вылезти на берег. На следующее утро мы, пользуясь совершенно тихой погодой, отправились уже в половине пятого. Через бухту мы прошли хорошим ходом и очутились уже на северной стороне Абвы. Здесь лед опять лежал у берега, но мы все-таки пробились вперед. К тому же там было мелко, так что нам приходилось все время пропихиваться вперед. Берег был голый и пустынный — камни и песок, и когда нам из-за льда пришлось остановиться при наступлении темноты, то мы не нашли ни одного достаточно большого места, поросшего мхом, чтобы поставить палатку. В 30 метрах от линии отлива и на высоте 15 метров я нашел скелет кита. На этом месте я наткнулся также на первый виденный мною на Земле короля Уильяма кусок плавника.

Грустное зрелище встретило нас на следующее утро. Весь берег был забит льдом. Не оставалось ничего иного, как сидеть там, где мы были. Я воспользовался этим временем для обозрения местности. К северу от нас была большая бухта, по Мак-Клинтоку, очевидно, бухта Ля-Троб. Весь южный берег был песчаный и голый. Только в нескольких милях от берега начинал опять расти олений мох.

Мы оставались здесь целых двое суток. А на третий день, когда снова пустились в путь, это удовольствие длилось недолго. Мы прошли вперед всего несколько миль и при входе в бухту Ля-Троб были совершенно

остановлены льдом. Пришлось пробыть на одном и том же месте вплоть до 16 сентября и караулить лед. Дул ветер, шел снег, и ничего не было видно ни в каком направлении. Очевидно, лето кончилось. Один из таких длинных томительных дней ожидания мы использовали для охоты. Нам удалось убить самку оленя с олененком. Такая удача совсем вскружила голову Талурнакто, вероятно потому, что он скучал невыносимо долго. По пути домой он танцовал и прыгал на одной ноге, как сумасшедший. Озерки уже затянулись льдом, и вот посреди одного из них наш толстяк поскользнулся и сел на лед; но лед был так тонок, что эскимос провалился и застрял в нем. Я умирал со смеху, а он выбрался и, чтобы не отморозить себе зада, должен был после этого бежать вприпрыжку.

Таким образом эта лодочная поездка не удалась. Устраивать склад здесь или же в нашей гавани Йоа было совершенно одинаково. Поэтому мы взяли с собой то, что могли снести, остальное же спрятали среди камней, затем опять перевернули лодку и отправились в обратный путь в Огчьокту. По прямой линии нужно было плыть 25 миль, но если считать все излучины и изгибы, то мы на лодке прошли верных 50 миль. Понадобилось три дня на то, чтобы дойти до устья бухты Шватка. Правда, мы делали много обходов. Здесь мы раскинули палатку, оставив ее там, когда сами на другой день отправились к судну. Мы думали поохотиться потом в бухте на оленей, а потому оставили там и свой багаж. Начал образовываться лед, но он был еще недостаточно крепок, чтобы ходить по нему.

В Огчьокту все было благополучно. 7 сентября лейтенант и Хансен вернулись из своей продолжительной поездки, прекрасно выполнив работу. Они дошли до намеченной цели — мыса Крозье — и оставили там склад. Самое узкое место пролива Симпсона было исследовано, насколько это было возможно. Пролив между островом Эта и Землей короля Уильяма был так забит мелями, что фактически он был закрыт. Южнее между Этой и американским берегом они нашли пролив за-

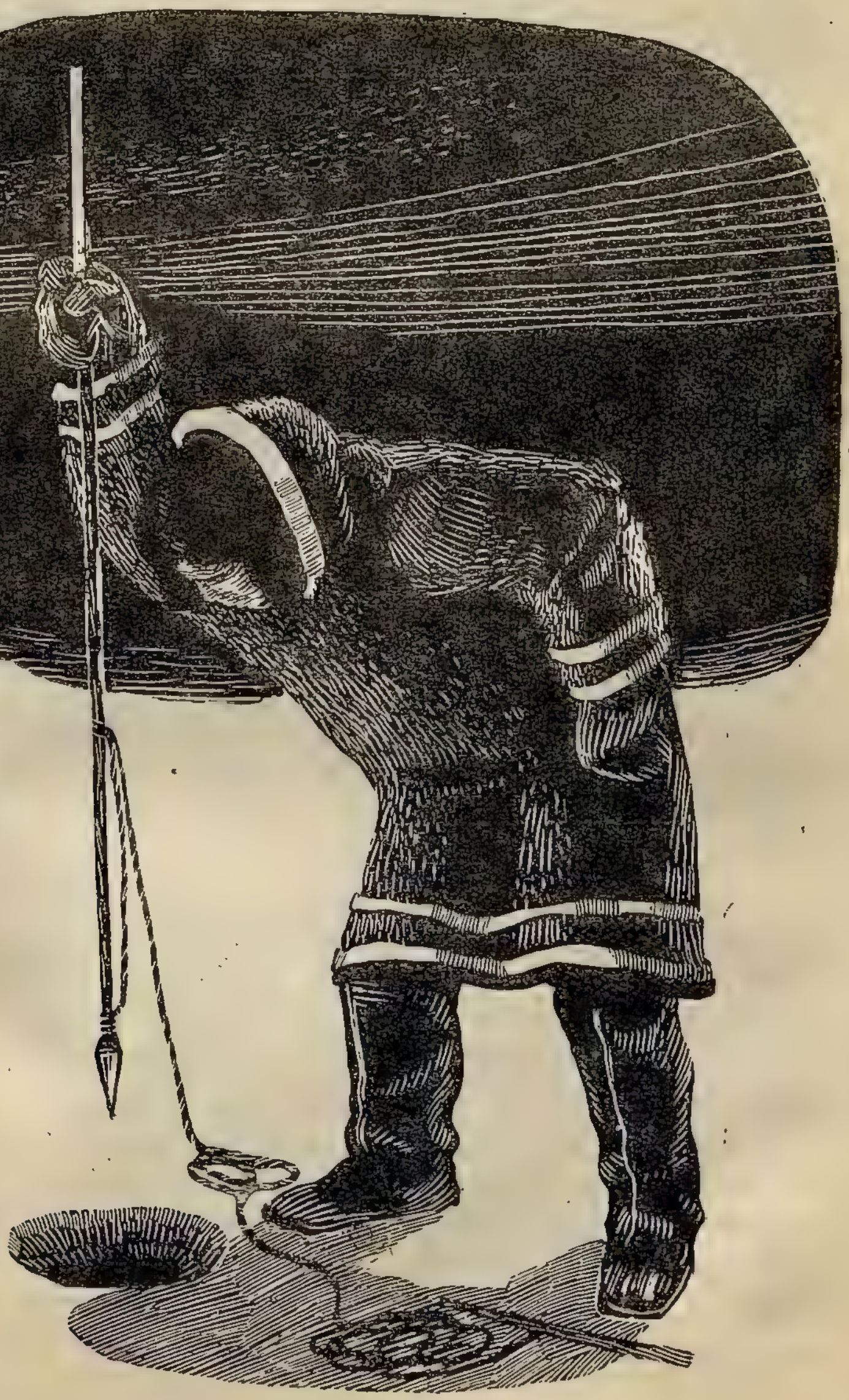
битым льдом, идя как вперед, так и на обратном пути; но это был такой крупный лед, что там должна быть достаточная глубина; если лед мог пройти через пролив, то, значит, и „Йоа“ должна при осторожности тоже пройти там. Это было чрезвычайно важное сообщение: итак, Северозападный проход не закрыт в этом месте. Виды на охоту в эту осень начали казаться несколько сомнительными. В Огчьокту все еще не встречалось сколько-нибудь больших стад оленей; попадалось одно-два одиноких животных. Хансен и Лунд в мое отсутствие предпринимали поездку на лодке к западу с целью охоты, но без особого успеха. Неожиданно надвинулся лед, и им пришлось вытащить лодку на берег и вернуться домой. Таким образом теперь у нас уже два гребных судна оставлены на берегу. Но чтобы иметь к зиме достаточный запас мяса, я решил, как только станет лед, выслать охотничью экспедицию во все концы. Правда, эскимосы обещали снабдить меня мясом по своем возвращении, а это, как нам было известно, могло произойти, когда образуется лед, — но я не решился положиться на них, не зная, как они держат свое слово.

В „Магните“ мы произвели ряд улучшений на основании опыта, приобретенного нами прошлой зимой. Крышу покрыли торфом, почти весь дом засыпали песком и устроили прекрасную вентиляцию.

Хотя было еще рано, но мы должны были признаться самим себе, что скоро наступит зима. Безошибочным признаком этого были холодные ночи, начинающийся снегопад и улетающие целыми стаями птицы. Лето было холодное и ветреное, а открытая для плавания вода держалась недолго. Но мы надеялись на лучшие условия в будущем году.

В ночь на 21 сентября повсюду образовался настоящий лед и началась наша вторая зимовка.

ВТОРАЯ ЗИМА



В ТОТ же день, когда всерьез наступил ледостав, начали появляться эскимосы. Первым пришел наш друг Сова с семейством. Последние недели он охотился на оленей и ловил лососей на восточном берегу Земли короля Уильяма и пролива Пиля вместе с несколькими другими семействами. Последние ловили главным образом рыбу и поймали огромное множество лососей в реке, впадающей в пролив Пиля. Вообще здесь в реках такое богатство лососей, какое едва ли встретишь где-нибудь в другом месте. Сова видел очень много оленей, убил 20 штук и окорока отдал нам.

Сова рассказал мне, что по дороге на юг он встретил оглули-эскимоса по имени Тамоктукту, живущего со своим семейством в ледяной хижине у холма Вика. Я никогда еще не видел такой ледяной хижины, и поэтому отправился туда на другой день, чтобы посмотреть на нее. Я нашел ее при помощи Совы, который сопровождал меня. Оказалось, что хижина построена из восьми четырехугольных ледяных глыб, толщиной в полфута и метр в высоту и длину. Они были сложены край к краю и соединены массой из льда и снега, служившей прекрасной связью. Крыша была из оленьей шкуры. Я застал дома все семейство. Поойарлу, жена Тамоктукту, жирная и довольная восседала в глубине на нескольких оленьих шкурах. Вокруг валялись кости и остатки рыбы, а перед хижиной лежало большое количество замороженных форелей. Теперь было уже поздно заготовлять сушеную рыбу — пепчье, она сохранялась исключительно в замороженном виде.

Тамоктукту как раз собирался итти на рыбалку, и я получил разрешение сопровождать его. Его орудиями лова были какива (копье для лососей) и шнур с приманкой, леса из оленьих сухожилий, на которой висело несколько гладко отполированных кусочков кости и жести. С ним пошел и его старший сын, неся большой камень. Мы пошли прямо к озеру Ристведта, где и должна была происходить рыбная ловля. Лед на озере был прозрачный и зеркально гладкий, и под ним видны были все камни и все живое. Тамоктукту вы-

брал себе подходящее место и взял у сына камень. Им он пробил дыру во льду. Пробив лед, эскимос ножом очистил отверстие и опустил в него приманку. Мелкая форель сейчас же бросилась к ней, чтобы удовлетворить свое любопытство, обнюхала таинственные предметы на лесе и была с молниеносной быстротой заколота бдительным Тамоктукту. Тем временем Сова оставался в хижине с Пооййарлу. Они скоро сделались закадычными друзьями, и я по виду Совы понял, что он что-то хочет мне сказать. Ну, да: он обещал красавице спросить у меня, не может ли она получить содержимое желудка последнего убитого оленя! Я согласился, и Сова побежал принести желудок. Через несколько дней Тамоктукту с женой пришли на судно с ответным визитом. Они принесли с собой большую красивую форель, которую Линдстрем сейчас же купил у них. Получив плату, они оба стали с громким плачем жаловаться на свою бедность — им просто нечего есть! Но теперь мы уже хорошо были знакомы с такими повадками эскимосов, слишком часто мы видели, как они от души смеялись над нами, когда им удавалось провести нас и, возбудив наше сострадание, получить от нас пищу.

Через несколько дней я взял Сову с семейством и Талурнакто и отправился с ними обратно к нашей палатке в основание бухты Шватки, чтобы попробовать убить сколько-нибудь оленей.

Утром рано, в 5 часов, мы были уже на ногах. Взобравшись на гору над местом, где стояла палатка, и поднявшись на гребень, мы заметили 12 оленей, щипавших траву на равнине неподалеку от нас. По счастью ветер дул на нас со стороны животных, но местность была открытая и было трудно подойти к ним на выстрел. Я послал Сову и Талурнакто с разных сторон, а сам попробовал приблизиться к оленям прямо. Сова был у нас самым лучшим стрелком, и поэтому было решено, что он первый откроет огонь. Я полз вперед на животе, как змея, и добрался до нескольких кочек травы, представлявших собою кой-какое прикрытие. Мне не хотелось ползти дальше, даже если бы олени

позволили это; эскимосы были еще довольно неопытны в обращении с огнестрельным оружием, и поэтому мне не хотелось очутиться на линии их огня. Я лежал и посматривал по сторонам, не видя своих товарищей; вдруг олени легли все разом. А я знал, что теперь исключена всякая попытка приблизиться к ним. Такое время ожидания — испытание терпения, и нужно быть в гораздо большей степени заправским охотником, чем я, чтобы находить в этом удовольствие. К счастью, на этот раз я отделался только часом ожидания. Но вот поднялся большой самец, и один за другим все олени заразились его примером, встали и начали щипать траву. Я удивлялся, куда девались мои эскимосы, которые теперь уже должны были быть близко, но не видел их. Но вот раздался выстрел со стороны Совы. Животные вздрогнули и откинули головы назад; они стояли растерянные, не понимая ничего и не имея возможности что-либо заметить, так как бездымный порох не обнаруживал местонахождения стрелка. Раздался второй выстрел. Тут все олени бросились бежать со всех ног — прямо на меня. Я лежал в прикрытии с винтовкой наготове в прекрасном положении. Между мною и животными было озеро, и, видимо, оно-то и было их целью. Олени пустились бежать по льду. Я только что собирался выстрелить в большого оленя-самца, бежавшего впереди, как вдруг все стадо в 75 метрах расстояния от меня кинулось в сторону и помчалось поперек своего прежнего курса. Это было еще лучше для меня, так как олени обратили ко мне свой фланг. И вот я открыл беглый огонь и выпустил все свои десять патронов. В смятении и страхе оленье стадо рассыпалось во все стороны, но результаты моей стрельбы были лучше, чем я сам мог ожидать. На льду лежал один олень, у берега другой, а третий уходил хромая, видимо тяжело раненый. Сова и Талурнакто начали яростное преследование подстреленного зверя. У меня самого не было больше патронов, и так как я стрелял из маузеровской винтовки, то не мог воспользоваться патронами от карабинов своих спутников. Но удача воодушевила меня, и я последо-

вал за эскимосами, чтобы увидеть конец охоты. Трудно поверить, с какой неутомимостью убегало животное на трех ногах. Четвертая была у него перебита, и олень не мог ею пользоваться. Мы всё бежали и бежали. Но, наконец, достигли долинки, послужившей нам прикрытием; здесь мы подкрались к оленю, и Талурнакто окончил его дни.

Лежать в палатке было теперь уже не так приятно. Снег падал на верхнее полотнище, а когда я разводил огонь внутри, то снег таял и вся палатка промокала насквозь. Когда же примус тушился и теплота выходила, палатка замерзала, превращаясь в сплошную ледяную стену. Тогда я решил огородить свою палатку. С помощью эскимосов были принесены с ближайшего пресного пруда 8 ледяных плит в $^1/_2$ фута толщины, 3 фута ширины и 5 футов длины. Мы поставили их вокруг палатки, замазав щели ледяной кашей. Затем натянули оленьи шкуры вместо крыши, и дом был готов. Однако, он не оправдал моих надежд. В палатке всё покрывалось таким инеем, что я сидел там, как в густой снегопад. Тогда мои эскимосы с такой же готовностью быстро построили мне настоящую зимнюю „иглу“. Сова и Талурнакто жили в охотничьем замке из льда, высоком, поместительном и роскошно убранном трофеями охоты — оленьими рогами и т. п. Все строительные работы происходили, когда погода мешала охоте.

Однажды мне наскучили бесплодные странствования, и я покинул обоих товарищей, чтобы вернуться в свою „иглу“. На нашей стоянке я нашел Анану и Каблоку, занятых высушиванием шкур и разной мелкой обычной работой. Я прошел в свою хижину и сварил кофе. Потом я пригласил дам к себе на чашку кофе. Они всегда очень ценили такие приглашения. Когда мужчины были дома, женщины никогда не приходили. Мы некоторое время приятно развлекались, а затем эскимоски снова занялись своим делом. К вечеру женщины начали беспокоиться за мужчин, которые все еще не возвращались домой. Уже стемнело, и озабоченная Анана несколько раз заходила ко мне узнать

Семнадцатилетняя Каблока, жена „Совы", подкупала нас всех своим детским и невинным видом

о сыне. Я утешал ее как мог. Затем я развел в хижине как можно больше огня, чтобы его заметили оба охотника, в случае если бы они сбились с пути, и затем прошел к своим приятельницам. Бедняжки плакали, тряслись от холода и были перепуганы. Это время самое плохое для эскимосов, так как они еще не успели набрать жиру для освещения и отопления. Пока я сидел, успокаивая женщин, у старой Ананы вдруг начались судороги. Так это мне во всяком случае показа-

лось. Ее жеттоватое лицо посерело, губы дрожали, зубы стучали во рту, и она испускала страшные, несвязные крики. Я схватил ее и стал трясти изо всех сил, чтобы привести в чувство. Но ко мне подошла Каблока и, положив свою руку на мою, торжественно прошептала:

— Анана ангаткукки анги! (что значит: Анана сейчас великая колдунья! Оставь ее в покое!).

— Чепуха! — ответил я на чистом норвежском языке и снова принялся за старуху, стараясь выбить из нее колдовство. Потом я прошел к себе и принес женщинам свет и свой добрый примус. Тепло и свет возымели свое волшебное действие, и скоро у обеих дам появилось то, чего им нехватало — хорошее настроение, и в хижине раздалось пение и начался веселый разговор.

В 9 часов пришли оба пропавших. Они немного поплутали, но благодаря свету из моей хижины, который они заметили издалека, опять нашли дорогу.

2 октября я вернулся на „Йоа“ и послал вместо себя Ристведта. На обратном пути я встретил следы медведицы с двумя медвежатами. Следы шли к югу, в область более мягкой погоды. Это были первые медвежьи следы, замеченные нами поблизости от Огчьокту.

Когда я вернулся на „Йоа“, Умиктуаллу — или, как мы стали называть его после страшного события, убийца — пришел с американского материка. Он прошел через Навьято — „Бухту голода“, но лед был не очень хорош для перехода по нему. Умиктуаллу убил 35 оленей с каяка и намеревался привезти нам окорока, как только по льду можно будет ходить. Это было прекрасным подспорьем к нашему относительно скудному запасу. Умиктуаллу сообщил также, что большие стада оленей переходят лед у островов Тодда.

Одна из новостей, сильно возбудившая наше любопытство, состояла в том, что Умиктуаллу встретил киилнермиун-эскимоса, который сообщил ему, что один каблуна — белый человек — в марте месяце вместе с дальней эскимосской семьей посетил племя киилнер-

миун (живущее у реки Медных Рудников). Это сообщение позднее оказалось совершенно правильным.

Мы решили попытать счастья и поохотиться к западу, где Умиктуаллу видел много оленей. Лунд и Хансен вместе с ним отправились поэтому на санях на запад с пятью собаками и снаряжением на две недели.

От Ристведта я получил письмо с эскимосским курьером, что он перенес палатку к „Самой северной вершине", где видел следы больших стад оленей. Вообще оленей в этом году было достаточно, но только они нашли для себя благоприятное состояние льдов вокруг острова Эта и потому проложили свой путь, минуя нас. В противоположность 1903 году в 1904 году олени были хорошо откормлены и жирны. Однако, здесь они были не так жирны, как это бывает на Шпицбергене, но ведь просто невероятно, как толстеют тощие и худые весной шпицбергенские олени в течение лета, — слой жира на них достигает тогда нескольких дюймов. Мимо нас пролетали на юг большими стаями куропатки. Мы убивали их сколько могли.

15 октября было оживленным днем в гавани, так как наши охотники вернулись одновременно с четырьмя семействами эскимосов. Лунд и Хансен убили 9 оленей. Они их замуровали в снежной хижине, чтобы позднее перевезти на судно. Однако, из этого ничего не вышло, так как, когда, наконец, зимой мы послали за мясом, то оказалось, что оно украдено оглули-эскимосами. Весь запас мяса, добытого нами, состоял теперь из 20 оленей. Рыбы у нас не было. Но эскимосы снабдили нас потом на зиму и тем и другим в достаточной степени. Вообще я должен засвидетельствовать полную добросовестность этих эскимосов. Все без исключения исполнили свои обещания и привезли нам и мясо и рыбу.

В эту зиму мы нашли новый способ снабжения водой своей пожарной станции, а так как возможно, что кому-нибудь из моих уважаемых читателей понадобится подобная пожарная станция, то я расскажу ее устройство. Каждое первое число брандмайор — в этом

году, как и в прошлом, им был Лунд — спускался с буром на лед и измерял его толщину. Рядом с судном он выстроил большую поместительную „иглу“ и внутри хижины прорубал в этот день лед, но никогда не насквозь, оставляя непробитым совсем тонкий слой льда. Когда, например, лед достигал двух метров в толщину, Лунд пробивал в нем отверстие глубиной в 195 см. В случае пожарной тревоги брандмайору оставалось только спуститься в яму, схватить ледовый бур, всегда стоявший наготове, и одним ударом прорубить лед. Вода поднимется тогда через пробитое отверстие и в короткое время наполнит большой колодец. Мнения несколько разделились на счет удовлетворительности такого устройства, с какою, мол, быстротой вода наполнит резервуар. Я больше всего склонялся к мнению сомневающихся, да и сам брандмайор был не из особенно твердо верующих. Поэтому, когда лед достиг наибольшей толщины, мы устроили проверку и произвели ложную тревогу. Лунд беззаботно побежал к бассейну, схватил ледовый бур и прорубил лед. Но на этот раз наш брандмайор вернулся назад чересчур поспешно! Давление снизу было громадным, и вода забила фонтаном в резервуар, так что господин брандмайор возблагодарил судьбу, отделавшись только тем, что промок до костей. Но таким образом было доказано, что достаточно прорубать лед один раз в месяц вместо того, чтобы делать это каждое утро.

Наша гавань с возвращением эскимосов снова приняла оживленный и пестрый вид. Они приходили на судно толпами, обычно чаще всего по вечерам, приветствуя нас, благодаря за прошлое или же знакомя с новыми друзьями. Всегда они были веселы и довольны, и мы были с ними в большой дружбе. Считается, что воздух в полярных странах чист и не содержит в себе бацилл. Однако, это можно подвергнуть некоторому сомнению, во всяком случае относительно областей вокруг Земли короля Уильяма. Верно одно: эскимосы здесь каждую осень поражаются настоящей простудной эпидемией. Некоторые так сильно простужались, что я опасался воспаления легких. А так как

заболевали все до одного, без исключения, то очевидно они заражались друг от друга. К счастью, мы на „Йоа“ избежали этого. Но мы предпринимали меры предосторожности. Упорную борьбу нам пришлось вести с плеванием. Эскимосы очень непорядочны в этом отношении; им доставляет удовольствие сплошь заплевывать потолки в своих хижинах. А теперь, во время простуды, они вели себя хуже, чем когда-либо. Но после того, как мы некоторое время обрабатывали их, они стали лучше и начали уважать наши запреты. Пожалуй, в связи с этим стоит рассказать маленькую сценку, хотя и несколько неаппетитную, но зато характерную для этих людей. Однажды вечером Акла, старший сын Аувы, пришел в каюту к лейтенанту и ко мне, чтобы поздороваться с нами. С ним был маленький мальчуган. Я строжайшим образом запретил плевать у нас на пол. Но Акла был тогда еще новичком, а сын его был очень простужен, кашлял и плевался во всю. Долго мы ничего не говорили, но когда мальчуган перешел все границы, я возмутился и объяснил Акле — к его чрезвычайному изумлению — что я строжайше запретил всем его соплеменникам такое безобразие. Испуганный моим строгим видом, отец нагнулся, собрал в ладонь сыновий плевок и проглотил его!

Так как мне хотелось посмотреть на большую эскимосскую стоянку, находящуюся у Навьято, и вместе с тем попробовать выменять там рыбы, то я, взяв с собой Хелмера Хансена, решил посетить эту стоянку. Мы отправились 23 октября в сопровождении трех эскимосских семейств, ехавших той же дорогой. Для разнообразия мы пошли на лыжах. Снег еще не слежался, и температура была не ниже — 25°, так что условия были подходящие для лыж. В $4^1/_2$ часа вечера мы дошли до вершины Эллингхёй в 15 милях от станции. Здесь мы нашли 4 старых „иглу“, названных нами „Отелем Эллингхёй“. Вместе с моим другом Пойета и его женой мы заняли одну иглу, и при содействии дамы — фру Налунгии — у нас вскоре стало уютно и светло. Покончив с ужином и беседами, мы улеглись спать. Конечно, маленький ребенок кричал время от

времени, и его нужно было успокаивать и укачивать. Я ворчал, но Хансен только умилялся. И я подумал, глядя на него, что эти ночные домашние сцены уносят его мысли далеко-далеко, где может быть его собственная Налунгия укачивает сейчас и убаюкивает другого малютку...

На следующее утро мы продолжали путь в южном направлении по проливу Симпсона. Торосистость льдов была не слишком большая, но все же немало мешала нам после ровного снежного поля. В 4 часа мы пришли в Навьято, где, к своему удивлению, нашли всего только десять хижин, то есть значительно меньше того, что мы ожидали. Однако, мы были очень хорошо приняты некоторыми из наших старых знакомых, ловивших здесь треску.

Навьято — это равнина около довольно большого озера в нескольких милях южнее мыса Ричардсона, или, как называют его эскимосы, Ново Терро. Навьято лежит недалеко от основания Бухты Голода, которая получила свое название от того, что здесь были найдены скелеты большей части спутников Франклина, умерших по всей вероятности от голода на пути к югу. По иронии судьбы это страшное название дано как раз той местности, которая является самой красивой и самой богатой на всем американском берегу. Весной, когда вскрывается береговая полынья, здесь ловится бесчисленное количество больших жирных лососей. Немного позднее являются бесконечные стада оленей и остаются здесь на все лето. Осенью тут можно ловить треску в безграничном количестве. И как раз здесь-то, в этом арктическом раю, отважные путешественники простились с жизнью из-за недостатка средств к существованию! Но дело в том, что путешественники пришли сюда, когда низменность была покрыта снегом, усталые от переутомления, изнуренные болезнью, они остановились здесь, видя перед собой на целые мили все ту же безнадежную, покрытую снегом низменность, где ничто не говорило о жизни, а тем более о богатстве ее. Ни одна живая душа не встретилась им, не дала объяснений, не под-

держала их, не подала помощи. И, конечно, на всей земле в зимнее время не найдется другого места столь покинутого и столь пустынного, как это. Когда же пришло лето и цветы миллионами зацвели на лугах, когда все озера заблестели и все ручьи запели и заликовали на краткий миг освобождения от ледяных оков, когда птицы защебетали и засвистали на тысячи радостных ладов и голова первого оленя показалась у открытого края Ледовитого океана, то лишь куча белых костей указывала на то место, где остатки храброй команды Франклина испустили свой последний вздох — при последнем акте великой трагедии.

На этом месте, таящем так много печальных воспоминаний, теперь эскимосы ведут еще веселую оживленную жизнь, пока не наступит настоящая ночь и не опустит своего железного занавеса между этим краем и светом и жизнью. В озере на глубине от 3 до 4 саженей эскимосы во множестве ловили треску. Они пользовались леской из оленьих сухожилий, а крючком им служил согнутый гвоздь. В тот вечер, когда я пришел, мне поднесли еще трепещущую треску, которая сейчас же попала к нам в кастрюльку. Ну и вкусна же она была! После долгого, утомительного похода мы ели отварную, только что пойманную треску и воображали, что мы дома в норвежских шхерах летним вечером!..

Однако, мы пришли сюда не за тем, чтобы есть, а чтобы покупать треску, а потому дальнейшие дни мы посвятили торговым делам. Я сам попытал рыбачьего счастья на белом льду, но особенно много не поймал. В Навьято была довольно суровая погода. Температура держалась на — 25°, и каждый день бушевала метель. Холод особенно чувствуется весной и осенью; хотя среди зимы мороз и на много градусов больше, однако чувствуешь его гораздо меньше, это отчасти, конечно, зависит и от того, что зимой одеваешься лучше и тщательнее.

Эскимосы ловили рыбу с утра и до наступления темноты. Они, однако, не очень ранние птицы и начинают не так уж рано. Часть своего улова они съедают, а осталь-

ное откладывают в „перура“, склады. Значит, эти люди до некоторой степени заботятся о будущем, во всяком случае они снабжали себя на первую половину зимы, когда трудно добывать пищу.

Вообще, мы чувствовали себя в Навьято хорошо. Пойета ушел за закопанным оленьим мясом, но оставил нам Налунгию, которая заботилась о наших вещах и услуживала, в чем могла. Бедненькая Налунгия! Мне кажется, что вначале она сильно побаивалась оставаться наедине с белыми. Но, увидев, что мы не покушаемся ни на ее жизнь, ни на жизнь ее ребенка, она быстро успокоилась и повеселела. Особенно большой пользы в домашнем хозяйстве от нее не было. Но она могла все же чистить рыбу. Ее маленький мальчик, Алеингарлу, в начале смотрел на нас с большим подозрением. Он орал и кричал при каждой нашей попытке завоевать его милость и расположение. Но мало-по-малу он начал сдаваться, и через некоторое время нам пришлось непрестанно тереться с ним носами. Это форма эскимосского поцелуя!

Через несколько дней мы опять покинули Навьято, нагрузив сани до отказа рыбой. Многие эскимосы сопровождали нас на обратном пути, между прочим и наш самый старый и лучший друг Тераиу. Он не забыл нашего путешествия в Каа-аак-ка и имел нахальство постоянно вспоминать о нем и о том, каким он тогда оказался чудодеем, когда он нарочно водил нас по неверной дороге. Но теперь старый мошенник был сильно простужен и пошел с нами за лекарством. По дороге у него все время были припадки кашля, так что он харкал кровью. Старую Ауву, самую расторопную из всех эскимосок, мы оставили в очень плохом состоянии: у нее была какая-то желудочная болезнь. Когда мы уезжали, она еще сидела на своем месте у очага, но через несколько дней умерла.

Первую ночь мы провели на одном из островов Тодда в старой снежной хижине. И на этих островах были найдены отдельные скелеты и другие следы экспедиции Франклина. Тераиу говорил, что он в свое время слышал рассказы о всех этих погибших здесь

белых. Он показал мне на том острове, где мы ночевали, большой плоский камень, поставленный здесь в память погибших. Этот остров эскимосы называют Кеуна.

Наше прибытие с большим санным грузом свежей замороженной трески, конечно, вызвало на судне большую радость.

На основании опыта прошлой зимы мы ввели на „Йоа“ некоторые улучшения. Зимняя крыша над судном была лучше устроена, кроме того мы приладили дверь, так что входили и выходили, как в любой дом. Это нововведение имело еще и то преимущество, что мы могли теперь лучше изолироваться от эскимосов, а это по временам бывало необходимо. По вечерам лейтенант Хансен запирал и закладывал дверь, так что мы сидели у себя спокойно, как в крепости. Мы устроили и баню, поставив в трюме небольшую американскую паровую баню. Лейтенант и я постоянно пользовались ею в течение зимы. Она прекрасно работала и была нам положительно необходима при нашей жизни в тесноте, в громоздкой одежде и т. п. Устроить комнату для раздевания не представилось возможности. Сиденьем нам служил перевернутый вверх дном боченок из-под масла. Гораздо менее приятен был постоянно обдававший нас холодный душ из инея, замерзавшего на потолке от пара. Лейтенант Хансен с воодушевлением занялся устройством бани и даже провел там электричество, поставив целых три лампы! Он дошел даже до того, что провел электричество и на палубе. Таким образом сидишь, бывало, удобно у себя в каюте, нажмешь кнопку и... должно быть светло! Однако, этого не случалось! Единственным недостатком в электрической проводке лейтенанта Хансена было то, что она не давала света. Нам приходилось купаться просто-на-просто в потемках. Но из этого не следует заключать, что лейтенант был плохим электриком. Все дело в том, что „создавать из ничего или из неподходящего материала“, а потом говорить: „да будет свет“ не дано даже самому лучшему из всех земных электротехников. Но не раз, однако, мы горди-

лись именно тем, что нам удавалось сделать из весьма неподходящего материала.

Мы с лейтенантом постоянно обсуждали вопрос, как нам обеспечить себя на всякий случай, если бы вдруг эскимосам что-нибудь взбрело в голову. Сейчас кругом нас собралось их великое множество, и если бы, например, им не повезло с промыслом, то наша палатка с провиантом могла оказаться в их распоряжении. Необходимо было внушить эскимосам почтение к нам, и мы, наконец, нашли средство. Мы заложили под снежной хижиной на порядочном расстоянии от судна хорошую мину и провели к судну провода, прикрыв их старательно снегом. Когда все было готово, мы собрали на судне всех эскимосов. Я произнес им речь о могуществе белых; мы, де, можем разрушать все на далеком расстоянии и вообще производить самые необычайные вещи. Поэтому эскимосы должны быть пай-мальчиками и не подвергать себя нашему ужасному гневу. Если бы им пришла в голову мысль сделать что-нибудь неладное на берегу — вот, например, у той снежной хижины, то нам стоит только, сидя спокойно у себя на судне, сделать так... Со страшным грохотом хижина взлетела на воздух, и снежное облако поднялось высоко вверх...

Повторять этого больше не пришлось.

Силла опять нагуляла щенят! На этот раз она обращалась с ними с большей осторожностью, чем раньше, и поэтому сохранила их. Когда им было три недели, мы взяли их от матери и поместили на судне в одном из шкафов. Трогательно было смотреть на Силлу, когда она выбегала на лед. На борт судна вела лестница, по которой и людям было трудно ходить; но несчастная мать вскарабкивалась по ней и опять находила своих щенят. Ничто не могло удержать ее, она, вероятно, прошла бы и сквозь огонь, чтобы соединиться со своим потомством.

„Ураниенборг“, наша астрономическая обсерватория, была также значительно изменена и улучшена. Особенно помощник — Ристведт — и здесь, как и повсюду, постарался устроиться поудобнее. Постройка состояла

„Ураниенборг", астрономическая обсерватория, зимой

из целой и половины иглу. В половине стоял наблюдатель — лейтенант Хансен, а в целой лежал помощник! Это было явно шиворот на выворот, но так уж повелось у нас! И, конечно, нужно быть справедливым к Ристведту. Зачем ему стоять и мерзнуть в холодную зимнюю ночь, когда он так же хорошо может исполнять свои обязанности в уютной комнате! Я навещал их иногда во время работы. Прежде всего я натыкался на лейтенанта, стоявшего в половине иглу с инструментом перед глазами и наблюдавшего за движением небесных светил. Эти светила и обычно медлительны, но в такую зимнюю ночь они кажутся еще более медлительными, чем когда-либо, для того, кто наблюдает их и должен улавливать их с точностью до секунды.

— Ах, чорт подери! — Лейтенанту приходится снимать перчатки и растирать свои полузамерзшие руки. Он топает ногами и снова смотрит. А звезда медленно плывет по небосклону.

— Ну! — рычит Хансен среди ночной тишины. Из глубины ему отвечает далекое эхо. Я иду на звук, чтобы нанести „эху“ визит. Пробравшись через маленькое отверстие в другой иглу, я вдруг оказываюсь в освещенном, натопленном, удобном помещении, где господин ассистент лежит в своем спальном мешке, а перед ним стоит большая жировая лампа. Под носом у Ристведта дымится трубка, и единственно, чего ему не хватает, это пьолтера [1] на столе! Да он хорошо устроился!..

В воскресенье, 20 ноября, за завтраком нас неожиданно посетил совсем нам незнакомый эскимос. Уже та повадка, с которой он вошел, говорила о том, что это „бывалый человек“; одежда его тоже резко отличалась от одежды племени нетчиили. Наше изумление еще больше возросло, когда он обратился к нам, если не на совсем правильном, то все же на вполне понятном английском языке:

— Give me'moke!—Мы предложили ему табак и трубку и он элегантно набил ее. Затем представился нам:

— Мистер Атангала!

Это начинало быть интересным. Я наблюдал за эскимосом и с любопытством ожидал его следующих шагов. Но, простите, — меня быстро вывели из моей наблюдательной позиции и напомнили мне, что теперь я должен сделать следующий шаг!

— Смею спросить, милостивый государь, как ваше имя?

Я покраснел, устыдившись отсутствия у меня светских манер, слегка поклонился и назвал себя. Представление состоялось, и, видимо, эскимос почувствовал себя более удовлетворенным. Он намекнул мне, что его семейство на палубе, и я сейчас же загладил свою недавнюю невоспитанность и пригласил семейство сойти к нам. Оно не заставило себя упрашивать. Жена оказалась высокой, темной, типичной эскимоской; ее звали Кокко, и ей было около 40 лет. Их сыну было лет 10, и он сейчас же, при первом же своем появлении, проявил себя необычайно несносным мальчуганом. Атан-

---

[1] Стакана содовой воды с виски. *Прим. перев.*

гала рассказал, что он с семьей сопровождал троих белых от пролива Честерфильд в Гудзоновом заливе до Реки Медных Рудников. Это подтверждало таким образом сообщение убийцы, Умиктуаллу, шесть недель тому назад. От Реки Медных Рудников Атангала отправился домой, но узнав, что в Огчьокту стоит судно,— пустяки, всего в нескольких стах милях,— решил посетить нас и узнать, не найдется ли у нас для него какого-нибудь дела. Он очень хвалился тем, что умеет писать, и по его просьбе мы дали ему карандаш и бумагу. Однако, его познания в этом полезном искусстве не были потрясающими. После невероятных трудов он вывел свое имя, потратив на это бесконечно много времени. Несколько лет тому назад он совершил судоходное путешествие с одним американским китобоем от Гудзонова залива до Виннипега и с того времени был знаком со всеми изобретениями нового времени: телефоном, железными дорогами, электричеством и... виски. Последнее особенно возбуждало в нем интерес, и он усиленно просил нас угостить его виски. Я пытался объяснить ему, что последним достижением в этой области является воздержание от спиртных напитков, но об этом он и слушать не хотел! Наконец, он просто-на-просто попросил дать ему водки. Но мы не дали ему ничего. Для нас самым интересным было сообщение, что у Катиктали (мыс Фуллертон) стоят два больших судна. Я сейчас же ухватился за мысль войти через эти корабли в почтовую связь с внешним миром и спросил господина Атангалу, не согласится ли он быть почтальоном. Он, видимо, не имел ничего против.

Мальчик был просто чудовищем! Десятилетний болван то прикладывался к материнской груди, чтобы хлебнуть молочка, то выхватывал трубку у отца изо рта и затягивался табачком после выпивки.

На следующий день после этого большого события захворал Линдстрем. У него было какое-то желудочное заболевание, которым он страдал и в прошлом году, но не так сильно. Я врачевал его при помощи горячих тарелок и опиума, и это, повидимому, пре-

красно помогло. На это время нам пришлось завести себе другого повара, и Ристведт с Хансеном менялись на этой работе. Эти господа поразили нас, обнаружив такое кулинарное искусство, которое ничуть не уступало искусству Линдстрема, а во многих отношениях возможно даже... но нет, Линдстрем может обидеться, если эти строки попадут ему на глаза, и я лучше уж перейду к другой теме.

В один из этих дней явились Умиктуаллу и Талурнакто с санями, нагруженными оленьими окороками и рыбой. При любезной помощи эскимосов у нас образовался теперь на зиму полный запас провианта.

Все спешно занялись писанием писем. Почта должна была уйти через несколько дней, и каждому нужно было к этому времени закончить письма. Атангала был постоянным гостем на „Йоа“ и отлично пользовался своим положением. Собаки же его, наоборот, были в жалком виде. Они походили на тощих волков, рыскали кругом и искали повсюду добычи. Мне было жаль животных, но что мы могли поделать: у нас самих не было достаточно пищи для своих собак, а не только для чужих. Почти весь свой собачий пеммикан мы выбросили за борт, а того, что оставался в нескольких ящиках, не ели и наши собственные собаки. Мы угостили им бедных почтовых собак, но они от этого стали еще более жалкими, пеммикан подействовал на них, как сильнейшее слабительное. 28 ноября почтовые сани были готовы, и, несмотря на сильный ветер и поземку, почтари отправились в дорогу в 11 часов утра. Для верности я послал с ним Талурнакто, я ведь не знал Атангалу, который, судя по тому, что мне было известно, мог оказаться величайшим в мире мошенником. Чрезвычайно комично было смотреть на Талурнакто, надувшегося от гордости, что ему поручено важное и серьезное дело. Письма, адресованные на судно у мыса Фуллертон, он вез в сумке на ремне через плечо. Я заметил, что Атангала лукаво улыбался, но причину этого понял только позднее. Итак они двинулись в путь по направлению к мысу Фрамнес и исчезли из глаз среди метели.

Важным условием для того, чтобы экспедиция в полярных льдах проходила благополучно и все участники ее работали дружно и в беде и в удаче, является постоянная полная нагрузка работой каждого участника. Начальник обязан следить за выполнением этого условия, что за долгий период времени бывает иногда очень трудно делать. Однако, праздность действует чрезвычайно деморализующе. Только из-за одного этого не следует брать с собой много народу; несколько человек всегда можно занять работой, но обеспечить постоянную работу большому количеству людей совершенно невозможно. Для меня эта важная обязанность не была тяжела, так как мои товарищи сами всегда шли мне навстречу. Если я ничего не мог придумать, они всегда предлагали что-нибудь сами. Лунд слыл у нас великим изобретателем во всех областях. Стоило мне подать ему какую-нибудь мысль, как она сейчас же осуществлялась. Только когда дело шло о кузнечной работе, ему приходилось иной раз обращаться за помощью к кузнецу Ристведту. Но если кузнец Ристведт и архитектор Лунд выступали совместно — для них не было ничего невозможного! Мы привезли с собой из Годхавна огнеупорный кирпич, которым намеревались обложить керосиновые печи, чтобы они дольше сохраняли жар. Я уже давно думал, как бы нам лучше использовать эти кирпичи, и обратился с этим вопросом к Лунду. Мы обсудили проблему и остановились на том, что лучше построить новую печь, чем облицовывать старую. Лунд принял на себя проектирование и выполнение постройки. В тот самый день, когда ушла наша почта, он показал мне уже законченную работу. Лунд взял один из наших больших жестяных ящиков, выложил его кирпичом и на одном конце устроил дверцу. Предполагалось через дверцу вставлять внутрь один из наших примусов, дававших сильный жар, и таким образом обогревать печку. Кирпич будет тогда сохранять жар еще долгое время после того, как примус будет уже потушен. Идея была великолепна, и мы с лейтенантом радовались, что этот аппарат будет стоять у нас в каюте. Мы следили за

установкой его с величайшим интересом. Когда печь была поставлена на место, примус был зажжен и вставлен в нее.

Лейтенант Хансен усердно занимался какими-то вычислениями, я был занят тоже своим делом. Примус прогорел недолго, когда мне показалось, что распространяется какой-то резкий, острый запах. Я посмотрел на лейтенанта, не замечает ли он чего-нибудь, но тот неподвижно сидел, погруженный в свои вычисления. Тогда, ничего не говоря, я оделся, решив итти в обсерваторию и предоставить лейтенанту дальнейшее испытание печки. С меня было довольно, запах был отвратительный!

— Это чорт знает что! — вскричал лейтенант и бросил карандаш. — Какого дьявола, что за свинство?

Я был уже за дверями, оставив лейтенанта среди густого, тошнотворного дыма, запахом своим напоминавшего о всех собаках из Годхавна и с „Йоа“, вместе взятых! Дело в том, что кирпичи лежали незакрытыми в излюбленном месте собачьих игр. Представьте себе теперь, что получилось под действием нашего замечательного примуса!

Когда я уже был на горке у обсерватории, на судне раздался подозрительный грохот. Я понял, в чем дело: это выбрасывалась хитроумная печь Лунда. У нас осталось лишь одно воспоминание о ней. Но оно ужасно долго держалось в стенах каюты!

Où est la femme! Даже здесь в пустыне приходится иногда издавать этот вопль—или, вернее, горестное восклицание о всеобщей мужской слабости и заблуждениях. Умиктуаллу, все еще ловивший рыбу в Навьято, пришел к нам занять у нас на несколько дней собак. Он сообщил, что Талурнакто отдал почту в Навьято Атангале и проследовал на юг с одной эскимосской дамой! Значит в качестве мужа № 2. Спешу отметить, что это единственная неисполнительность, встретившаяся мне у эскимосов-нетчилли.

Кроме того Умиктуалло сообщил нам, что умерла от родов одна знакомая нам эскимоска. За эту зиму это был второй смертный случай.

14 декабря у экспедиции появился новый участник. Я взял к себе одного 10-летнего мальчика по имени Каумалло. Это был круглый сирота, пробавлявшийся чем бог пошлет, и одетый в такие отрепья, что просто жалко было смотреть. Ревматизм мешал ему ходить. Кроме того у него было какое-то серьезное уродство. Мы все были рады взять его к себе и всячески старались устроить его получше. Первое, что мы сделали, это послали его с Виком в „Магнит“ и подвергли процессу очистки. Вик остриг ему длинные волосы и мыл и тер его так, что было просто чудом, как это мальчик остался жив! Но жив он остался и затем был облачен в новые одежды с ног до головы. Лунд устроил ему постель в каюте на одной из лавок, так что мальчику было хорошо во всех отношениях. Однако, его пребывание в числе участников экспедиции „Йоа“ не было длительным. С ним случилось то же, что с финским мальчиком у одного почтенного писателя,— он не вынес хорошей жизни. Перемена пищи повлияла на его кишечник, и нам пришлось посадить его на диету. Мы питались обычно — и вдруг Каумалло дают есть одну овсянку! Он очень обиделся. И в конце концов отказался есть. Создалась такая обстановка, что мне не оставалось делать ничего иного, как только отправить его снова на берег. На другой же день он опять был такой же чумазый и страшный, как и раньше. Но повидимому чувствовал себя много лучше.

Эскимосы устремлялись теперь в нашу гавань целыми толпами. Они закончили свою рыбную ловлю в Навьято и других местах и намеревались, как нам казалось, провести рождество на отдыхе в Огчьокту. Не было никакого сомнения в том, что наше присутствие придавало этому месту особую притягательную силу. Во всяком случае многие из них сейчас же начали выпрашивать у нас пищу. У некоторых пищи на зиму было больше чем достаточно для себя самого и семьи; однако, у некоторых ее оставалось маловато, отчасти из-за несчастливой охоты, отчасти из-за собственной лености. Было очень неприятно видеть всех этих попрошаек. Нам приходилось решительно отказывать им,

так как невозможно было поддерживать всю эту массу людей. Делать нечего — пусть раздобывают себе пищу сами, где бог пошлет.

Большинство эскимосов в эту зиму построило свои хижины в долине Сэланда, и лагерь их имел внушительный вид.

Наступило самое темное время года, и солнце оставалось под горизонтом круглые сутки. Приходилось пользоваться искусственным светом целый день. Я на случай темного времени приобрел особые патентованные лампы, в которых керосин нагревался и, обращаясь в газ, давал чрезвычайно сильный свет. Уже в первую зиму эти лампы постоянно капризничали и доставляли нам массу хлопот. Но в этом году они окончательно отказались служить. Линдстрем, в ведении которого находились эти лампы, приходил в отчаяние и возился с ними с изумительным постоянством. Но, наконец, и он сдался, и мы были вынуждены забраковать все свое ламповое обзаведение. Моя большая ошибка, что я так слепо доверился патенту и не взял с собой хотя бы несколько обыкновенных ламп. Поэтому к концу зимы министерство освещения на „Йоа“ стояло на довольно низкой ступени развития. Фотографическая лампа, компасная лампа и два фонаря — вот и все, что у нас было, и этим нам пришлось так или иначе обходиться. Конечно, Лунд в области лампового дела делал одно замечательное открытие за другим. Они все несомненно получили бы премию на любой выставке ламп, если бы только лампы горели. Но гореть-то они не могли!

Рождество приближалось, и все к нему готовились. В этом году, как и в прошлом, Линдстрем взял на себя самую трудную обязанность. Впрочем, Вик тоже проявлял энергичную и таинственную деятельность. Сочельник наступил вместе со скверной погодой, но теперь это было не так важно, мы могли провести вечер уютно под крышей. Мы развесили везде флаги, на судне и на берегу, и даже эскимосские иглу украсились норвежскими флагами. Наше праздничное пиршество было очень изысканно, хотя и не так роскошно,

Магито, красавица Огчьокту

как в наше первое рождество. У нас было даже благодаря удивительной деятельности Вика в этом году, пожалуй, еще больше подарков, чем в прошлом. При прошлой дележке вышло, что Линдстрему достались почти всё одни подчасники. Конечно, он не пользовался ни одним из них. Некоторые из нас тоже получили подчасники и тоже, как и Линдстрем, не знали, что с ними делать. Вик обошел всех нас, собрал все многочисленные подчасники, не принадлежавшие Линд-

стрему, запаковал их на разный манер и надписал на всех пакетах имя Линдстрема, с приветом от всевозможных знакомых и незнакомых ему лиц. При каждом новом пакете восторг и умиление Линдстрема были столь же велики, сколь и его разочарование, когда пакет вскрывался и неизменный подчасник улыбался из него Линдстрему. Другие бесчисленные выдумки содействовали тому, что вечер прошел в нашем маленьком кругу весело и приятно, и второй сочельник ко всеобщему удовольствию был проведен столь же радостно, сколь и грустно.

Эти дни праздновали и эскимосы. Умиктуаллу, мастер по постройке иглу, вывел грандиозную постройку, сомкнув воедино три рядом стоящих хижины. Таким образом получился настоящий пиршественный зал, где эскимосы проводили вечера, занимались танцами, пением и гимнастикой. Вообще Умиктуаллу был способным человеком. В этом году он промышлял удачнее всех. Теперь, уже к концу декабря, из его складов все еще привозилась домой пойманная им добыча. Этой перевозкой занимался не сам охотник, но, конечно, те, кто вместе с ним питался его добычей. Удачно прошла охота также у эскимосов, которые летом были на севере. А так как и им приходилось много перевозить, то они часто занимали собак для перевозки у нас.

Только в половине января эскимосы начали промышлять тюленя. Было уже давно пора, так как запасы сильно уменьшились. Я вынужден сказать, что суеверие мешает эскимосам начинать охоту раньше. Насколько я мог понять, луна должна находиться в определенном положении, и тогда только эскимосы решаются выходить на охоту за тюленями. А луна для них важная святыня, по ней они считают время. Вообще их суеверность часто мешает им. Приблизительно около этого времени произошло нечто весьма характерное в этом смысле. Несколько женщин были заняты у нас постоянной работой. Они шили нам платье. За это они получали небольшое вознаграждение и были в восторге. В один прекрасный день все женщины объя-

вили нам, что они не могут больше работать. Мы разузнавали и выпытывали причину отказа и узнали, что пойман первый тюлень и женщины поели тюленьего мяса. Поэтому им нельзя заниматься какой бы то ни было работой вне дома, пока солнце не достигнет такой-то высоты на небе. Мы объясняли эскимоскам всю несообразность этого, мы предлагали им более высокую плату, мы просто умоляли и упрашивали их продолжать очень нужную нам работу. Но нет, мы уперлись тут в стену, пробить которую обыкновенной человеческой аргументацией мы не могли. Здесь за всем этим стоял бог или чорт, и женщины отказывались от работ, вопреки своей в общем очень уступчивой и сговорчивой натуре. Только старая Навья была достаточно предусмотрительна, чтобы не есть тюленьего мяса. И она теперь приходила к нам на судно и шила с утра до вечера, приводя всех нас в полнейший восторг!

О самой старой Навье нужно рассказать, что она была вдовой и у нее было двое детей. Дочь 20 лет, Магито, прелестная маленькая особа, зажегшая пожар в сердцах у многих „каблуна“. Она была замужем за Карниром, грубым парнем, продававшим свою жену за каждый ржавый гвоздь. И затем сын, 12—13 лет, славный, чудесный мальчик. Между Навьей и ее сыном существовали трогательные отношения. Он следовал за матерью повсюду, куда бы она ни шла, и его поведение по отношению к Навье было примерным. А мать любила мальчика так, что на них трогательно было смотреть. Мы потом узнали, что мать и сын пережили вместе такой ужас, который навсегда связал бы двух людей, не будь они даже матерью и сыном. Много лет тому назад Навья сопровождала мужа в далекий поход на рыбную ловлю, взяв с собой мальчика. Рыба ловилась плохо, а тут еще муж заболел. Навья всячески старалась добыть пищи, но рыба ушла, а муж все таял и таял. Муж умер, рыба совершенно перестала ловиться, да и вообще нельзя было найти никакой пищи. Тогда мать с сыном принуждены были съесть труп своего мужа и отца. Со времени этой

трагедии на старой Навье всегда лежал отпечаток какой-то меланхолии. По натуре она была веселой и живой, но по временам впадала в глубокую печаль. И тогда еще больше жалась к своему мальчику.

11 января я произвел перепись населения в гавани „Йоа“ и ее окрестностях и нашел, что там собралось 18 семейств, а всего 60 душ.

Однажды в середине января Линдстрем сообщил мне, что украдено несколько банок консервов из нашего запаса на палубе. Мы перенесли на судно со склада с провиантом консервы, необходимые нам на зиму, и сложили их на палубе, где было сухо. Я с самого начала заметил, каким это является соблазном для эскимосов, особенно теперь, когда у них почти не осталось пищи. Еще чудо, что до сих пор все шло хорошо. Ведь эскимосы ежедневно приходили и уходили, бродили повсюду у нас на судне, а взять мимоходом коробку с консервами и спрятать ее под одежду было очень легко. Теперь оказалось, что пропало несколько коробок. Я позвал Сову и Умиктуаллу и сказал им, что эскимосы обокрали нас и я хочу знать, кто виновные. Эскимосы отнеслись к делу очень серьезно и видимо чувствовали себя ответственными за поведение своих соплеменников. Они ушли и через несколько часов вернулись, назвав несколько имен тех, кто был повинен в краже. Это все были оглули-эскимосы. Из племени нетчилли никто не поддался искушению. Я велел привести виновных. Среди них был мой великий чародей Тераиу и его брат Тамоктукту. Преступление сводилось к тому, что каждый взял себе по одной коробке. Я произнес громовую речь и запретил эскимосам с этих пор приходить к нам на судно. После чего они убрались, поджав виновато хвосты.

Этой зимой у меня было две магнитных обсерватории. Одна была устроена летом Виком и состояла из старого паруса и брезентов. С наступлением зимы мы закидали все это снегом, и у нас таким образом получилась великолепная зимняя обсерватория. Здесь постоянно помещался один из наших дорожных инструментов. В 100 метрах к северу я велел построить боль-

шую иглу. В стены были вставленыо громные ледяные окна, обращенные во все стороны, чтобы у меня целый день было светло. Инструмент здесь стоял на снежном цоколе, который был так прочен, что за всю весну тяжелый инструмент в 30 кг весом не сдвинулся ни на сколько. Время от времени было нужно производить совместные наблюдения, поэтому мы устроились таким образом, что могли перекликаться из своих хижин.

С наступлением весны стало очевидно, что магнитная работа увеличится настолько, что нам с Виком уже не справиться с ней одним. Лейтенант Хансен предложил мне свои услуги, и я с благодарностью принял его предложение. Ему, однако, пришлось сначала пройти курс обращения с инструментами. Но так как он уже привык обращаться со своими инструментами, то ему не понадобилось на это много времени и уже через несколько недель он был признан обученным и пригодным для занятия поста помощника.

К концу января эскимосы стали охотиться на тюленей с большим успехом; в начале же им приходилось довольно туго. А 1 февраля появились признаки, указывающие на то, что эскимосы собираются переезжать от нас: они начали вывозить свои запасы на лед. Через несколько дней они и сами двинулись с места, и мы облегченно вздохнули, избавившись от своих соседей. Постоянное выпрашивание пищи сильно досаждало нам.

Теперь мы начали снаряжать санную экспедицию, которая уже давно намечалась на настоящую весну. Лейтенант Хансен с Ристведтом должны были попытаться пройти к восточному берегу Земли Виктория и нанести на карту ее единственный участок североамериканского архипелага, еще не нанесенный на карту. Как уже раньше рассказывалось, для этой экспедиции был завезен склад к мысу Крозье милях в 100 от гавани Йоа.

Первый вопрос шел о собаках. У нас была прекрасная запряжка, но этого было мало. Тогда лейтенант с Ристведтом пошли к эскимосам, стоявшим теперь

милях в 20 от нас на льду, и вернулись с четырьмя большими собаками, выменянными на несколько железных брусьев. Однако, эти собаки были довольно изголодавшиеся и их нужно было откормить, прежде чем употреблять в дело. Поэтому следующим вопросом была их кормежка, которая столь же важна, как и сами собаки. Наш собачий провиант был на исходе. Единственное, что у нас оставалось, это небольшое количество пеммикана для людей, но особой помощи от него не было. Наш пеммикан состоял из 50% говяжьего сала и 50% конины, высушенной и размолотой. Эти два вещества были потом растоплены, размешаны и отлиты в виде плиток в $^1/_2$ кг каждая, что облегчает упаковку и перевозку. Индейцы первые научили нас употреблению такого провианта, и все полярные путешественники должны быть им за это в высшей степени благодарны. Пеммикан очень вкусен, занимает мало места, и его можно есть сырым, вареным и жареным. Особенно он незаменим в санных экспедициях. У нас с собой было кроме того несколько ящиков сала для собак, оставшегося еще от второй экспедиции „Фрама" и оказавшегося там весьма пригодным. Затем у нас было очень много овсянки и овсяной муки, лежавших без употребления, так как никому из нас они не нравились. Все это было выдано лейтенанту Хансену, и тот начал свои эксперименты. Оказалось, что овсяная мука с салом для собак нравится собакам и приносит им пользу. И вот Хансен выработал норму пайка — выдачу по $^1/_2$ кг этой смеси в виде ежедневного собачьего рациона. Фабрикация была поставлена на широкую ногу, и все судно превратилось в фабрику патентованного собачьего корма, руководимую господином директором Годфредом Хансеном. Работа спорилась, и вопрос был вскоре исчерпан. Затем было пересмотрено и проверено все остальное снаряжение. Лунд заведывал работой над санями; часть из них употреблялась время от времени, и потому требовала починки и новой обшивки для полозьев.

Во время этих приготовлений пришло известие, что Талурнакто, наш исчезнувший почтарь, пришел в Навь-

ято и просит нас переложить гнев на милость. Его отсутствие сильно сказывалось, так как он был прекрасный работник и при том всегда весел, а его проступок с нашей точки зрения был не хуже поступков многих из тех, кто соблазняет чужую жену, пожалуй даже более простителен: ведь в данном случае он получил в придачу все семейство жены — и ее мужа и детей! Поэтому мы дали ему знать, что мы прощаем его и восстанавливаем в прежнем положении на судне — работника на все руки. Однажды в феврале вечером мне сообщили, что Тулурнакто пришел. Он не посмел на этот раз явиться прямо ко мне. Я велел привести его. Его внешность за это время сильно изменилась к худшему; очевидно, обязанности любовника оказались весьма тяжелыми. Его круглое довольное лицо вытянулось, похудело и носило на себе следы глубокого уныния. Похоже было на то, что у него остались не только одни прекрасные и дорогие воспоминания об его любовном приключении. Все его имущество, нож, копье, трубка и все прочее перешли к возлюбленной — то есть ее супруг за свою снисходительность получил некоторую мзду. Бедный Талурнакто вернулся после своей легкомысленной выходки совершенно ободранным!

7 февраля лейтенант предпринял первую в этом году санную экспедицию, отправившись в Каа-аак-ка для производства там некоторых магнитных наблюдений. Было еще слишком рано предпринимать выездные работы, но у нас были большие задания, а потому надо было спешить — мороз стоял такой, что все трещало. Удивительно, до чего все предметы становятся ломкими и хрупкими в такие морозы! Так, Лунд однажды мастерил полозья к саням; он употреблял для этого хикори; кусок доски из такого дерева лежал на ящике высотой в два фута; неловким движением Лунд сбросил доску на палубу, и доска эта разлетелась на куски. Но ведь хикори один из самых упругих видов дерева; а наш был кроме того специальным сортом из Пенсаколы; но в этих холодных областях гораздо лучше употреблять, например, ясень.

Как-то в субботу вечером мы были удивлены неожиданным появлением наших саней, запряженных пятью собаками. Сани стремглав влетели в гавань и довольно изящно завернули к судну — но каюра не было видно. Немного погодя из „Магнита“ сообщили, что на льду виднеется какая-то черная точка. Долго ли, коротко ли, но вот, хромая и охая, появился наш Талурнакто: его выкинуло из саней, а собаки умчались от него и приехали домой.

Однажды к нам пришел Сова в сопровождении другого эскимоса и рассказал, что некоторые из оглули-эскимосов побывали на нашем складе и украли там кое-что из провианта. Они принесли с собой отнятую у воров невскрытую банку с маслом. При расследовании оказалось, что исчезли $^1/_4$ ящика сухарей, 10 плиток пеммикана и вышеупомянутая банка с маслом. Если бы не это сообщение, то мы, конечно, никогда бы не обнаружили воровства, потому что воры после себя привели все в полнейший порядок. Можно только сказать, что они удовольствовались сравнительно малым. Во главе этой экспедиции, проведенной в ранний утренний час, стоял старый Тераиу вместе со своим братом Тамоктукту. Сова за свою честность получил большой топор, а другой эскимос — нож. Когда они уходили, я велел им передать ворам наш привет в таких выражениях: если кто-нибудь из них еще раз появится в Огчьокту, то мы расстреляем его на месте. В тот же вечер Ристведт заложил у дверей склада с провиантом маленькую мину, которая была так поставлена, что взрывалась, как только открывалась дверь. Мина эта была совершенно безопасна, но вполне достаточна для того, чтобы воспрепятствовать всякой попытке к повторению кражи.

Мы перевезли обратно обе лодки, оставленные нами на берегу. Они ничуть не пострадали.

Вследствие ошибки в расположении моих путевых магнитов я счел необходимым проделать еще раз свою прошлогоднюю работу вокруг станции. Во избежание потери времени при постройке снежных хижин, я отправил вперед Хансена с одним эскимосом в качестве

помощника, и они должны были построить для меня в разных местах хижины. Необыкновенно приятно прийти в готовый дом и иметь возможность сейчас же приняться за наблюдения. Это путешествие с целью производства наблюдений заняло месяц времени. В эту зиму самую низкую температуру я наблюдал в Кааак-ка около — 47°. Другими словами, эта зима была значительно мягче предыдущей.

Все время мы поддерживали оживленную связь с эскимосами, которые в феврале покинули нас, чтобы отправиться на тюлений промысел. Иногда кто-нибудь из них приходил к нам в гости, а то мы навещали их. Вот прекрасный пример того, какое уважение к себе мы внушили этим людям. Если припомните, итчьюачторвик-эскимосы украли сани и провиант у меня и Ристведта, когда мы направлялись к магнитному полюсу прошлой зимой и оставили склад на северном побережье Боотии Феликс. Нынче они вернули нам сани из боязни, как бы мы не причинили людям какого-нибудь зла. Сами они держались в стороне и оставили сани на льду в стоянке нетчилли-эскимосов. Должно быть, они нас ужасно боялись, если вернули такой дорогой предмет, как сани. Сани, правда, были несколько попорчены, но в умелых руках Лунда стали еще лучше и крепче, чем были прежде.

Часто бывало, что эскимосы приходили к нам в гости поздно вечером; в сильные морозы мне было жаль их, и я приглашал гостей переночевать в нашей с лейтенантом каюте. У нас набиралось таким образом иногда до 13 ночлежников. Они ложились на голый пол и закрывались оленьим мехом, прижавшись друг к другу, как сельди в боченке. В носовой каюте отказывались от ночлежников; мои сотоварищи морщили носы и говорили, что от эскимосов дурно пахнет. Ни я, ни лейтенант тоже не считали, что от них пахнет о-де-колоном, фиалками, или „свежескошенным сеном“, когда наши гости вечером снимали с себя свои меховые сапоги, — но мы полагали, что, принося себя в жертву, мы отдаем дань гостеприимству хорошо и недорого.

Зимой лейтенант Хансен, Вик, Ристведт и я учредили общество, целью которого было давать своим сочленам возможность испробовать различные местные продукты. Ристведт был выбран в повара общества, так как Линдстрем говорил: „скорее утоплюсь в море, чем буду стряпать такую дрянь!“ Жаркое из песца, которым однажды вечером лакомилось общество, довело нашего дорогого кока чуть ли не до сумасшествия. Он назвал нас величайшими в мире свиньями! Но общество единогласно признало, что жаркое из песца — самое лучшее кушанье, какое мы когда-либо ели здесь на судне. Мясо песца, а их было тут множество, было действительно очень вкусно и напоминало зайца.. Мы пробовали также и другие блюда, как, например, олений желудок, тюленьи ласты и тому подобное.

В числе прочего нашего снаряжения мною было привезено из Норвегии много разнообразных игр. Я думаю, — не меньше 75 различных. Из них были в употреблении только хальма и шашки. Но ими пользовались не участники экспедиции, а Сова и Талурнакто. Лейтенант Хансен внушил им слабое представление о том, как двигать шашки. Эскимосы не имели никакого понятия о том, в чем, собственно, состоит игра. Но они с серьезными минами глубокомысленных философов просиживали над шашками часами. Втихомолку мы чрезвычайно забавлялись, глядя на них. Никто не знал, к какому результату приходили оба противника, зато сами они бывали вполне удовлетворены. Все же самым любимым их развлечением, когда они приходили к нам, было рассматривать книги с картинками. В первый раз эскимосы часто держали картинки вверх ногами, но когда мы пришли на помощь, дело пошло на лад. Но несчастье наше заключалось в том, что у нас исключительно были иллюстрации из бурской войны. Их у нас было огромное количество. Убийства, сражения, пожары, избиения — даже нам, белым, было довольно жутко смотреть на все это. Представление эскимосов о „цивилизации“ по этим картинкам едва ли было светлым и привлекательным!

Зима прошла, и налицо были все признаки того, что весна уже стоит у ворот. Нынешняя зима отличалась от прошлогодней. Тогда в конце марта было около — 45° мороза, нынче только — 8°. Это предвещало хорошее лето, что для нас имело огромное значение.

Вся зимняя работа была закончена, и станция снова опоясана цепью наблюдений. Путники, отправлявшиеся в далекую санную поездку, готовы были тронуться в путь, как только наступит хорошая погода. Эта санная экспедиция снаряжалась на 75 дней с тем расчетом, что склад, оставленный в прошлом году у мыса Крозье, будет найден в порядке. В противном случае провианта могло хватить только на 50 дней.

2 апреля 1905 года экспедиция двинулась в путь. Салютуя друг другу флагами, обе партии расстались,— отъезжающие направились на запад к Земле Виктории, напутствуемые нашими горячими пожеланиями удачи и счастливого пути.

После отъезда экспедиции мы решили, что в этом году весна уже началась. Однако, в течение еще некоторого времени бывали сильные снежные метели. Но все же с зимними морозами было покончено. Они уже не возвращались более.

ОБИТАТЕЛИ СЕВЕРНОГО МАГНИТНОГО ПОЛЮСА

IV

В ЭТОЙ главе я хочу попытаться описать свои личные впечатления о тех эскимосах, с которыми мы встречались на северовосточном берегу Америки, — свои наблюдения над их жизнью и борьбой за существование. Наши суждения об этих эскимосах были весьма различны, можно сказать даже, что у каждого из семи участников экспедиции „Йоа“ было на этот счет свое особое мнение. Об их языке и произношении мы спорили ежедневно: разногласие возникало у нас почти из-за каждого слова. Поэтому если бы не я, а кто-нибудь другой из участников экспедиции стал рассказывать об этих людях, то его изложение, конечно, во многом отличалось бы от моего. Не будем говорить, которое из них было бы вернее и правдивее.

Приступая к рассказу об обитателях магнитного северного полюса, эскимосах-нетчилли, я хочу сделать попытку изобразить их такими, какими я встречал их и какими их знавал. В этой области существует много источников и авторитетов, и я мог бы обратиться к ним, чтобы написать для своих читателей более обстоятельную главу об эскимосах, но я намеренно не читал таких материалов, опасаясь, как бы мне не сообщить того, чего я сам не видел и не переживал среди эскимосов. Из-за недостаточного знания мною их языка, возможны, конечно, некоторые ошибки в моем понимании объяснений, данных мне эскимосами; однако, я с уверенностью могу сказать, что все существенное передано верно. В нашем алфавите не хватает букв для передачи многих звуков эскимосской речи. Поэтому я брал приблизительно отвечающие им буквы и старался изобразить звук как можно ближе к действительности.

Эскимосы области от полуострова Боотии Феликс на северовосточном берегу Америки и к западу до Реки Медных Рудников — по их собственным словам — разделяются на следующие племена: племя итчьюачторвик, главное местопребывание которого находится вокруг гаваней Элизабет, Виктории, Феликс и Шерифа на восточном берегу Боотии Феликс, Итчьюачторвик,

где сэр Джон Росс зимовал со своим судном „Виктори“ в 1829—1833 гг.; племя нетчилли у озера Уилерстед (Нетчилли) на перешейке Боотии; племя Уткохикчьялик в Уткохикчьялли, или области вокруг реки Бака или Большой Рыбной Реки при впадении ее в Полярное море; племя оглули в Оглули на западном берегу полуострова Аделаиды и племя киилнермиун в Киилнермиун, или области вокруг устья Реки Медных Рудников при впадении ее в океан.

Путем общения, браков с чужаками и усыновлений эти разные племена настолько смешиваются друг с другом, что фактически теперь их можно считать за единое племя. Внешность эскимосов, их одежда, нравы и обычаи также почти повсюду одинаковы и способствуют еще большему смешению племен. Однако, мне кажется неправильным считать все эти разные племена принадлежащими к одному первоначальному основному племени Нетчилли.

Эскимосы-оглули были тем племенем, которое больше всех других соприкасалось с белыми. В этих краях многие из участников экспедиции Франклина испустили свой последний вздох. С ними также встречались Мак-Клинток, Холл и Шватка во время своих поисков документов Франклина; эти же эскимосы были первыми, с которыми столкнулись и мы. Многие из этого племени еще помнили участников экспедиции Шватки, у них даже сохранились в обиходе остатки нескольких английских слов, как например: „оата“ (э: water) и „найминг“ (э: knife), Другим поразительным доказательством того, что это племя уже раньше встречалось с „цивилизованными“ людьми, было следующее: старый Тераиу в первый же вечер нашей встречи услужливо предложил нам свою жену Кайаголла. У них, впрочем, не видно было никаких вещей, обыкновенно находимых после белых. Так, например, мы видели у них чрезвычайно мало железа. У других племен, за исключением эскимосов-нетчилли, совершенно отсутствовали железные материалы. Из остальных племен итчьюачторвик и нетчилли соприкасались с англичанами в 1829—1834 гг., но все жившие тогда эскимосы те-

перь уже умерли. Остались только три старухи из племени нетчилли, рассказывавшие, что они видели белых — у Эйвили (Риполс-Бэй), где они были со своими мужьями.

В том же году, когда мы прибыли к Земле короля Уильяма, четверо эскимосов из племени нетчилли ездили на юг к Эйвили с мехами для обмена. Это признак предприимчивости, которой мы не замечали ни у одного из других племен. Вообще же мы при первой своей встрече с эскимосами-нетчилли не видели ничего, что свидетельствовало бы о связи их с внешним миром, за исключением нескольких железных брусьев и ножей, вымененных у живших южнее эскимосских племен.

Мы оказались здесь лицом к лицу с людьми каменного века, сразу перенесясь на много тысяч лет назад к людям, которые до сих пор не знают иного способа добывания огня, кроме трения один о другой двух кусков дерева. К людям, которые с превеликим трудом едва подогревают на тюленьем жиру свою пищу на каменной плите, тогда как мы в один момент кипятим себе пищу на современных керосиновых печах. Мы пришли сюда с мудреными современнейшими изобретениями в области огнестрельного оружия, пришли к людям, все еще употребляющим дротик, стрелы и лук из оленьего рога. Их рыболовные снасти — длинное копье, тоже из оленьего рога; час за часом им приходится выстаивать в ожидании улова и прокалывать копьем каждую проплывающую рыбу по одиночке — тогда как нам стоит только забросить сеть, и рыбы можно поймать сколько угодно.

Если, однако, кто-нибудь по оружию, снаряжению и домашней утвари этих людей сделает вывод об их низком умственном развитии, то он ошибется. Оказывается, эти на вид столь примитивные предметы так хорошо приспособлены к существующим потребностям и условиям, что сделать их такими могли только многовековый опыт и разумные испытания.

Нетчилли — местожительство и земной рай эскимосов-нетчилли — лежит, как раньше упоминалось, на перешейке Боотия. Уже целые столетия так называется

большое озеро Уиллерстеда с поросшими мхом берегами и впадающей в море короткой речкой. Здесь родина племени нетчилли; у этих самых берегов их отцы и деды охотились, выходя в светлые летние ночи из своих палаток. Здесь они еще детьми бегали с маленьким луком и стрелами в руках и стреляли мелких птиц, чтобы позднее бешено преследовать и убивать крупную дичь. Отсюда они в юности следовали за старшими в их переходах и набирались опыта и сведений, пока, возмужав и опираясь на этот опыт и сведения, сами не становились мужами и отцами и не начинали всерьез борьбы за существование в тех условиях, в которые бросила их жизнь.

Мы в середине июня — это самое чудное время в этих местах. Мы можем тихо и спокойно наслаждаться дивным летним вечером, комары, этот несносный бич Арктики, превращающий в ад самый чуднейший летний вечер, еще не появились. Вся местность покрыта раскинутыми по одиночке палатками. Один выбрал себе небольшую груду камней и там поставил палатку, другой — берег маленького озера, где водится толстая и жирная форель. Палатки не роскошны. Большинство из них сшито из оленьих и тюленьих шкур. У лучших охотников палатки сделаны исключительно из тюленьих шкур, у худших — исключительно из оленьих. Тюленьи шкуры дороже оленьих.

Атиклеура выбрал себе этим летом для стоянки самый высокий холм, чтобы лучше следить за оленями, когда те появятся. Его палатка — образцовая палатка. Она сделана из тонких светлых, хорошо выделанных тюленьих шкур. Даже сшита она лучше, чем у других. Палатка поставлена открытой стороной от ветра. Такой богатый человек, как Атиклеура, употребляет для палатки три шеста — один главный, поддерживающий всю палатку, и два перекрещивающихся между собой и образующих вход. Для палаточной двери не применяется никакого особого патентованного изобретения. Для удержания палатки на месте, внизу по краю палаточного полотнища выкладываются кругом большие камни. Когда эскимос уезжает, на месте палатки

Нетчилли-эскимосы пришли в гости. Первая затяжка

остаются эти камни, образуя почти круг. Он называется палаточным кругом. Такие палаточные круги рассеяны по всей Земле короля Уильяма. Выбор камней тоже зависит от вкуса, проявляемого эскимосом. Поэтому просто одно удовольствие смотреть на палаточный круг Атиклеуры! В его обиходе нет предметов роскоши, но для палатки эскимоса она необычайно чиста и содержится в порядке. Подстилка из мха, на которой стоит палатка, застлана множеством оленьих шкур.

И так как жена Атиклеуры, Налунгия, очень гордится тем, что у нее все нарядно, то оленьи шкуры положены в красивом порядке. Внутри палатки нет никаких следов стряпни. Кухня находится сейчас же за дверями палатки. Жировая лампа употребляется только зимой. Летом пища подогревается на вереске. Огонь разводится между двух камней, а посуда ставится над щелью между ними. Кухонная посуда бывает разной величины. В таком образцовом хозяйстве, как у Атиклеуры, она около 75 см длины, 25 см ширины и 25 см высоты. Делается она из особого мягкого камня, который эскимосы получают у своих друзей эскимосов-уткохикчьяллик.

Маленький Анни бегает и играет вокруг палатки. Нельзя сказать, чтобы его не баловали. Все другие дети в его возрасте уже должны работать и помогать большим, но сыновьям великих людей везет! Эррера, старший сын, прекрасный мальчик. Вот он возвращается домой с рыбной ловли. В руках у него рыболовный трезубец (какива), на спине в сумке из тюленьей кожи — улов. Мальчик бросает сумку матери, сидящей в палатке за нескончаемым шитьем, затем кладет копье вдоль палатки. Рыболовный трезубец состоит из 4 частей. Рукоятка у него деревянная, и чем она длиннее, тем лучше; но она не должна быть меньше 3 метров. На конец ее насажены остальные три части, крепко привязанные шнурком из оленьих сухожилий. Две из них одинаковы и образуют внешние развилки, причем у каждой имеется по одному внутрь направленному зубу. Третья часть состоит только из острия, которое врезано в конец рукоятки и крепко к ней привязано. Этим-то острием и прокалывается рыба, а два зуба на крайних остриях мешают ей соскользнуть. Первоначально это орудие делалось только из оленьего рога. А теперь, в наши дни, среднее острие и зубья чаще всего делаются из железа, а крайние острия вилки — из кости мускусного быка. Рог мускусного быка представляет собой более эластичный материал, нежели олений рог.

Маленький Анни уже около матери, которая роется в мешке с рыбой, исследуя его содержимое. Мальчугану хочется выпросить себе лакомый кусочек. В дан-

ном случае цель его желаний сырые рыбьи глаза. Они считаются большим деликатесом, и маленький Анни не отстает от матери, пока не получает своей доли. Остальные члены семьи съедают часть рыбы сейчас же; другая часть кладется в кастрюлю и разогревается. Никакой варки не существует. Но даже и „разогревание“ пищи не такой уж легкий процесс, как это кажется. Ведь эскимосы не знают наших спичек, чудодейственно вызывающих огонь в один миг. Их орудие для добывания огня — самого что ни на есть примитивного свойства! Оно состоит из двух кусков дерева, один из них плоский с рядом углублений в нем, другой — в форме круглой палочки, закругленной с двух концов, и куска оленьей кости и толстой крепкой бечевки из оленьих сухожилий. Кроме того нужен еще мешочек с совершенно сухим мхом. Если требуется добыть огонь, то плоская деревяшка кладется на что-нибудь твердое, углублением кверху. Другая же часть — круглая палочка — вставляется одним концом, точно пригнанным к углублениям в плоской деревяшке, в одно из таких углублений, а другим концом плотно вкладывается в соответствующие дырки в оленьей кости, которую обычно упирают себе в грудь. Палочка приводится во вращательное движение шнуром из оленьих сухожилий, а эскимос бойко накручивает ее. Зимой дело подвигается медленно, но, например, в такое сухое время года, как сейчас, добывание огня занимает всего несколько мгновений. Скоро оба деревянных куска начинают весело дымить, а работающий останавливается и смотрит, как идет дело. Если эскимос вертел достаточно долго, то образуется мелкая древесная пыль, которая начинает тлеть. Эту тлеющую древесную пыль стряхивают с деревяшки в мешочек с сухим мхом, и начинают усердно раздувать, отчего мох воспламеняется. Когда удается зажечь мох, его подносят к какой-нибудь ветошке, пропитанной жиром, и она сейчас же вспыхивает. Добывший огонь первым, конечно, охотно ссужает им соседа.

Я показывал однажды эскимосам, как мы умеем добывать огонь от солнца при помощи зажигательного

стекла. Это их очень позабавило, но им не пришло в голову раздобыть себе такое зажигательное стекло и пользоваться им.

Когда рыба согрелась, семья приступает к еде всерьез. Конечно, ни Атиклеура, ни его семейство не знакомы с употреблением ножей и вилок. Они довольствуются за едой теми орудиями, которыми наградила их природа. Иногда, пожалуй, бывает горячевато, но эскимосы не обращают на это внимания! После еды всякий чем-нибудь занимается. Эррера находит, что его рыболовный трезубец не совсем таков, каким он должен быть, и принимается за починку его.

Всякая работа у эскимосов сопровождается пением — если только такое красивое определение можно применить к тем звукам, которые они производят! Но ни одна, даже самая незначительная работа, не выполняется ни мужчинами, ни женщинами без аккомпанемента такого удивительного, однообразного напева: до-ре-ми-фа, фа-ми-ре-до, до-ми-ре-фа, ре-фа-ми-до — и т. д. до бесконечности. Эта однообразная музыка может довести до сумасшествия даже человека, для которого наивысшим музыкальным достижением является фальшивящая шарманка. Когда я посещал эскимосов, они всегда прекращали пение, так как знали, что их музыкальные упражнения заражают и меня, и, чтобы не слушать меня, они предпочитали молчать. Пока Эррера чинит рыболовный трезубец, Налунгия делает приготовления для починки каяка Атиклеуры. Каяк лежит у палатки на двух небольших кучах камней, достаточно высоких, чтобы его не могли достать собаки. Все деревянные работы почти готовы. Не хватает только нескольких последних обмоток и проклейки. Чтобы составить каяк, нужно много терпения, так как он делается из совсем маленьких кусков дерева, связанных вместе. Для связывания употребляются оленьи сухожилия, которые очень прочны и не деформируются, пока они сухи, но промокая они растягиваются, и обмотка ослабевает. Только для тонкой работы при соединении употребляется клей. Он делается из оленьей крови чрезвычайно своеобразным способом. Очень маленький ме-

шочек наполняется кровью, затем эскимос берет его в рот и долго сосет. При такой обработке кровь сворачивается и образует густую жидкость, не уступающую по качеству нашему лучшему клею.

Атиклеуре нужно изготовить лодку теперь же и иметь ее в полном порядке к тому времени, когда вскроется река. Уже стали показываться стада оленей, и скоро начнется большая летняя охота. Да и пора уже раздобыть немного свежего оленьего мяса, его уже давно не было. Кроме того у хозяйки вышли почти все нитки — когда она сошьет каяк, то у нее не останется почти ничего. А тюленьи сухожилия не годятся. Одно удовольствие наблюдать, как она усердно работает, чтобы скорей окончить. Отдельные нитки слишком тонки, чтобы шить ими обшивку каяка; эскимоска занята теперь плетением более толстой нити. Маленькие руки, — да, более красивых и лучше сложенных рук и ног, чем у эскимосок, пожалуй, нигде не найдешь, — так быстро движутся, что нельзя различить отдельных пальцев.

Таким образом у каждого члена семьи достаточно работы. Мы переходим к соседу Атиклеуры, Каа-аак-кеа, посмотреть, как идут дела у него. Его палатка стоит так, что невозможно уяснить себе, зачем он выбрал себе именно это место, оно расположено не высоко и не у воды. Но чудаки встречаются повсюду на свете, есть они и среди эскимосов. Беглый взгляд на палатку говорит нам, что здесь перед нами полная противоположность семейству Атиклеуры. В полотнище палатки нет почти ни одной шкуры тюленя. Оно сшито из дырявых, съеденных червями оленьих шкур. Хозяин даже не удосужился удалить с них волос, который висит клоками там и сям. Шитье вполне соответствует шкурам. Швы идут криво и косо. Сделано все так плохо, что, пожалуй, даже я сшил бы лучше. У палатки валяется масса рыбьих костей, привлекающих к себе бесчисленные рои мух.

— Маник-ту-ми, Каа-аак-кеа! — Ленивое, равнодушное „маник-ту-ми“ слышится в ответ из-под горы оленьих одеял. Он еще не вставал. Видна только

макушка с всклокоченными волосами и пара налитых кровью глаз, выглядывающих из-под оленьего одеяла... Внутри все перепачкано грязью и соответственно воняет. Поэтому дальнейшая беседа не завязывается. При всем моем желании я не могу жалеть Каа-аак-кеа, его собственная грубость виной тому, что теперь он живет так одиноко и заброшенно. Он часто дурно обращался со своей первой женой, колотил и бил ее, так что она вся ходила в синяках. Она умерла от последних родов, и это для нее было самое лучшее. Однако, Каа-аак-кеа нашел положение вдовца несколько прискорбным и немного погодя начал присматривать себе жену. Но это не легко сделать в стране, где так мало представительниц женского пола, как у этих эскимосских племен. Поэтому он принял разумное решение поехать за женой к другим племенам. Через несколько месяцев он вернулся с девятилетним ребенком. И этот ребенок был его женой! Как, собственно говоря, там обстояло дело, я не мог выяснить. Сам эскимос говорил, что она будет его женой только через несколько лет — но у меня на этот счет сложилось свое мнение. Жалко было смотреть, как одевался этот ребенок! Девочка носила какие-то старые обноски Каа-аак-кеа, которые, конечно, были слишком велики для нее. Обувка такая же. Девочку били и плохо кормили. Но в один прекрасный день она сбежала. Голодный, почти раздетый ребенок прошел 30 миль, пока не добрался до людей, взявших его к себе. И теперь этот злой человек живет один со своими двумя маленькими мальчиками.

Старший брат, Акла, был во много раз лучше своего брата Каа-аак-кеа, хотя и он тоже не служил украшением племени. Он был женат на „Пандоре“, самой большой и самой сильной даме во всем племени. Очевидно, это-то ее свойство и мешало Акле обращаться с ней по примеру своего брата. Повидимому, брак этой супружеской четы не отличался от других „счастливых“ браков. Жена главенствовала нераздельно, а муж слепо повиновался. Эта самая дама и сыграла такую выдающуюся роль в жизни

нашего друга Талурнакто. Ее-то прелести и сбили его впервые с пути долга, и сила этих же прелестей оставила на бедняге следы за то время, пока он играл в доме Аклы роль добавочного мужа. Les extrêmes se touchent! Талурнакто был самым маленьким человеком из племени нетчилли, а Пандора — великаншей.

Впрочем, эта самая Пандора не вела образцового хозяйства. Ребята у нее были грязны и безобразны, а одежда Аклы тоже не всегда безукоризненна.

Третий брат, Ойара, был лучше всех и один из самых приятных типов среди племени. Ему, вероятно, было лет 27. Он был высок ростом, смугл, с милой и привлекательной улыбкой. Он и его лучший друг Ахива были самыми большими франтами. У обоих были молодые, красивые жены — Ало-Ало и Алерпа. Когда я впервые встретил эти две супружеские четы, Ойара был женат на Ало-Ало, — едва ли мне когда-либо приходилось видеть более влюбленную пару! Когда же я немного спустя встретил их опять, обстановка уже переменилась. Ало-Ало сидела теперь на месте хозяйки дома в палатке Ахивы. Я поспешил показать им, что вероятно тогда я ошибся или ошибаюсь теперь, но маленькая кокетка склонилась к мужу, взяла его голову в руки и потерлась с ним носами, как бы говоря: „Видишь! Здесь не может быть никакой ошибки". „Потереться носами" это по-эскимосски то же самое, что поцеловаться по-европейски... Конечно, я сразу сдался. Такие вещи довольно обычны и в „стране белых". Впрочем, это был единственный случай обмена женами, который я видел собственными глазами.

Оба мужа были искусными охотниками, а их жены, несмотря на свою юность, хорошими хозяйками. Их палатки стояли рядом на чудесной полянке, располагавшей к любви.

На выдающемся мысу, как раз у реки, стоит еще одна палатка. Она принадлежит, вероятно, какому-нибудь богатею, так она необычайно велика и красива. Хозяин ее удачно ловил рыбу; повидимому, он заботится и о будущем, что не совсем обычно у эски-

мосов. Для просушки у него повешены длинные ряды прекрасных форелей и мелких лососей. Далеко слышен смех самого владельца, Качкочнелли. Он средних лет — между 40 и 50 годами и уже дедушка. Нельзя назвать его красивым, скорее наоборот. Он среднего роста, несколько толстоват, и его отличительным признаком является краснота вокруг глаз. Он всегда остроумен и весел.

Качкочнелли очень умный человек и один из самых способных охотников в племени. Кроме того он один из самых хитрых дельцов. Он всегда то покупал что-нибудь, то продавал. У него была жена и трое детей. Жена очень походила на нашу крестьянку и всегда была радушна и любезна. Между собой мы называли ее „Нуякке“, или тещей. Дело в том, что Качкочнелли очень хотелось, чтобы я купил жену Ойары, Алерпу, которая была его дочерью, и тогда его жена стала бы мне тещей. Это предложение, конечно, вызвало всеобщий восторг по всей линии. Однако, из этой сделки ничего не вышло. Он так же усердно искал любовника для своей жены, но и это предприятие ему не удалось. Его старший сын Калло, лет десяти, был красивым, но непослушным мальчиком. Младший сын, по имени Нулиейю, был самым забавным ребенком, какого мне когда-либо приходилось видеть — всегда грязный и страшный. Особенное внимание привлекала к себе его одежда. Он одевался, как и все эскимосские маленькие дети его возраста — до 6-ти лет в цельносшитый костюм, то есть штаны и кофта были сшиты вместе — получалось нечто вроде комбинезона или „медвежонка“. Костюм же Нулиейю отличался еще и тем, что он был совсем продувной, так как был открыт спереди от шеи до самого живота. Вся эта часть его тела была обнажена. Если к этому прибавить неизбежную прорешку сзади на известном месте, как у всех эскимосских ребят, то понятно, что Нулиейу находился на постоянном сквозняке. Я видел его в таком легкомысленном наряде вплоть до сильных зимних морозов. Весной с ним обращались немного осторожней, но когда температура поднима-

Ахива и Ало-Ало отправляются на промысел. В капюшоне у Ало-Ало ее годовалый сын Акла, или Бурый медведь

лась до точки замерзания, можно было знать наверняка, что увидишь мальчика снова в его летней форме. Когда эскимосские мальчики становятся старше 6 лет, они носят уже закрытый костюм.

В маленькой палатке немного подальше живет Пойета, младший брат Атиклеуры, вместе со своей женой Налунгией и маленьким сыном. У них не очень просторно, но, насколько позволяют обстоятельства,

чисто и красиво. Трогательно смотреть, как Налунгия возится со своим малюткой. Она ведет себя совсем как кошка, облизывает ему начисто все тело, так что ребенок весь блестит. Впрочем, ребенок этот не ее собственный, она получила его в подарок от одной матери, у которой их, вероятно, было слишком много. После ванны ребенку хочется пить, и он дает об этом знать громким криком. Мать прикладывает его сейчас же к груди. Малютка воображает, что утолит этим свою жажду и моментально затихает. Но Налунгия никогда не была матерью. И вот она проделывает забавнейший кунстштюк. Она знает, что ребенка не удастся провести и потому старается предупредить его. Она быстро набирает в рот воды и, пока ребенок еще не успевает начать снова кричать, с быстротой молнии прикладывает свой рот к его рту и просто с удивительной ловкостью дает пить ребенку из своего рта. Но тут приходят гости, и Налунгии хочется поболтать с новоприбывшими, а не возиться с ребенком, поэтому она откладывает его в сторону. Ребенок, веселый и довольный, лежит под оленьим мехом и сосет себе соску. „Соска“ это не бутылочка, а просто-на-просто кусок сала, через который продета длинная палочка. Нечего бояться, что ребенку попадет сало в горло: палочка лежит поперек рта, и ребенка можно спокойно предоставить самому себе. Налунгия полная и здоровая женщина лет 20 — румяная и белая, как роза, и выглядит она, как олицетворенное здоровье. Однако, в ней есть какая-то леность.

Положение матери не завидное в этих краях. До двух лет, а часто и дольше, мать носит ребенка в небольшой прорехе на спине. Его не носят в капюшоне, как можно было бы думать; капюшон только составляет необходимую принадлежность женской одежды и не имеет особого значения. Он накидывается, конечно, на голову в холодную погоду, но для этого мог бы быть и в три раза меньше. Как место для утайки краденного он гораздо более подходящ! Ребенка же носят всегда в прорехе, которая так мала, что ее едва видно,

когда там нет ребенка. Ребенок лежит, подогнув ноги, как лягушонок, совсем голый на голом теле матери. Конечно, это очень теплое место. Чтобы ребенок не соскользнул вниз, мать подвязывается веревкой из оленьих сухожилий поверх платья. Этот шнур застегивается на груди двумя деревянными или костяными пуговицами и быстро расстегивается, чтобы можно было вынуть ребенка. А это необходимо делать не так уж редко, а иногда это должно даже происходить с молниеносной быстротой. Бедное, ничего не подозревающее дитя вытаскивается с невероятной быстротой прямо на воздух — я видел, как грудных детей вытаскивают таким образом из теплого местечка для того, чтобы продержать несколько минут совершенно голыми при температуре — 50° С. Казалось бы, что это слишком много для такого крошечного ребенка, но, повидимому, с ним от этого ничего не случается.

Брак Пойеты с Налунгией связывается с небольшим романтическим приключением. Налунгия, как это бывает с большинством ее сестер-эскимосок, с рождения была назначена в жены одному человеку — не Пойете. Но случилось, что Пойета смертельно влюбился в привлекательную Налунгию, которая тогда была уже замужем. Он долго не думал, а пошел в ее жилище и увел молодую жену, вероятно, по ее собственному желанию и согласию. Когда супруг вернулся, он нашел свой дом пустым, а на требование отдать ему жену обратно получил краткий ответ: „приди и возьми ее, если посмеешь!“ А так как у мужа не хватило этой смелости, то Пойета преспокойно остался жить со своей Налунгией. Отвергнутый супруг откочевал на юг; и история повествует о том, что он провалился сквозь лед и утонул.

Браки происходят тихо и спокойно без особых церемоний. Когда девочке исполняется 14 лет, она находит себе мужа — или бывает наоборот, он находит ее, — и живет с ним в доме его родных. При этом акте эскимосы, как правило, едва ли, думается мне, руководствуются какими-нибудь более теплыми чувствами, ни со стороны мужчины, ни со стороны женщины. Жен-

щины выходят замуж просто-на-просто потому, что их выдают родители, а мужу нужно лишнее домашнее животное. Таково в действительности положение эскимосской женщины.

Даже наш добрый друг Сова, палатка которого стоит на другой стороне долинки прямо на запад, даже он в этом отношении не лучше других. Он только что возвратился домой с луком и стрелами, — он охотился на птиц. Птица без дальних разговоров бросается Каблоке, его молодой жене, которая занята шитьем. Она сразу же понимает, чего от нее хотят и без возражений приступает к очистке птицы. Между тем Сова садится, чтобы отдохнуть после дневного долгого пути. Прежде всего надо снять с ног мокрые, скользкие сапоги из тюленьего меха. Он не был бы эскимосом, если бы выдумал делать это сам. Он просто протягивает жене ногу. И Каблока тотчас же оставляет свою работу, поднимает его ногу обеими руками, нагибает затем голову, так, что она приходится под ногой, и с силой хватает зубами задний край камикка — особого каблука у этой обуви нет — и стаскивает сапог. Она не смущается тем, что рот у нее полон всякой грязи, по которой муж ходил целый день. Но мне понятно теперь, почему эскимосы вместо поцелуя трутся носами! Рот служит им для всевозможных вещей, не говоря уже о том, что он прекрасная говорильная машина, он — эскимосский универсальный инструмент! Поэтому рот у них чрезвычайно развит, сильный и большой. Зубы у эскимосов своеобразной формы. У нас они острые и тонкие, а у эскимосских зубов большая жевательная поверхность, и стирают эскимосы свои зубы до корня, чего у нас совершенно не бывает. Наоборот, я никогда не слышал от эскимосов о зубной боли. У Ананы, матери Совы, повидимому еще целы все зубы, но они так стерты, что почти доходят до десен. Если с чем-нибудь не в силах справиться пальцы, то приходят на помощь зубы: например, для зубов пустяки выпрямить гвоздь, руками эскимосам сделать этого не удается!

В палатке Совы нераздельно царит Анана. Старая дама, однако, добрая свекровь, и поэтому Каблока лю-

бит ее. Она до сих пор справляется со всем необходимым домашним шитьем. Каблока же еще молода, и ей долго нужно учиться.

У эскимосов нет резко выраженного стремления к порядку. Когда шитье окончено,— иголка оставляется, где попало. Если через несколько часов опять понадобится шить, то иглу так же трудно найти, как в стоге сена. Все меха приходится вытаскивать, перетряхивать, и все переворачивать вверх дном, пока иголка снова не появится на свет божий. До нашего приезда у эскимосов плохо обстояло дело с иголками. Обладание хотя бы одной считалось целым богатством. В иголку ведь вложено много тяжелого труда! Обыкновенно хозяин дома сам делает ее из куска железа или меди, как придется. И эта работа является доказательством его способностей. Сделать иглу — не только годную к употреблению, но и хорошую — совершенно примитивными инструментами, задача действительно не легкая. Конечно, у эскимоса много времени, но я уверен, что никому из нас даже за такое время никогда не сделать этого чуда терпения. Эскимосы обладают большой ловкостью и практической сметкой.

Бок-о-бок с Совой живет его брат Умиктуаллу с женой, дочкой и маленьким сыном. Умиктуаллу прекрасный охотник и в этом отношении стоит наравне с Атиклеурой. Поэтому у них все есть — много мехов и одежды. Но во всех палатках ужасный запах рыбы. Все, что видишь и берешь в руки, пропитано рыбьим жиром. Маленькие мальчики ловят на льду треску, а взрослые в озерах форель. Треска ловится на удочку, а крючком служит старый согнутый гвоздь. Карапуз 5—6 лет за день может принести домой большую связку трески. В это время года у эскимосов нет определенного времени для сна; они ложатся поспать, когда им заблагорассудится, в любое время суток. Ведь ночь так же светла, как и день. Ловля форели производится в озерах, в промоинах вдоль берега. Для этой рыбы применяются уже упоминавшаяся ранее „какива“ (рыболовный трезубец) и приманка. Немного попозже, когда лед на реках вскроется, эскимосы ловят в ручьях лососей

в огромном количестве исключительно при помощи „какивы".

Остаются еще четыре палатки наших постоянных друзей, где мы еще не были. В одной из них живет Кейо со своей женой Налунгией и восьмилетней дочкой Камоккой. Кейо был бы замечательным человеком, если бы его не коснулись искушения цивилизации. Мне больно об этом говорить, но после общения с нами он уже стал не таким, каким бы ему следовало быть. Я не берусь решать, чья в этом вина, наша или его, — возможно, что обоюдная. Бывши вначале честным и старательным работником, он сделался потом лживым и ленивым парнем. Ему больше всего хотелось бы болтаться без дела — свою жену он предлагал всякому встречному и поперечному. Жена его была очень хорошенькая, значительно выше среднего роста, стройная и больше других похожа на „каблуна". Жаль, что у нее был такой болван муж; сама она, насколько я понял, была очень хорошей женщиной. Но муж приказывает — жена повинуется!

В двух других палатках жили Кирнир с женой и Ангудиу с женой же. Кирнир был эскимосом-итчуоч-торвик, но на лето присоединился к эскимосам-нетчилли. Это был мужчина лет 25. Жене его, Магито, было, вероятно, около 20 лет, и она была очень красива. Кирнир был лучшим другом Кейо и занимался такой же торговлей, как и тот. Но маленькая Магито смотрела на все это спокойно и, повидимому, не принимала так уж близко к сердцу, поэтому я не чувствовал к ней особого сожаления.

Третья пара — Ангудиу и его жена. Ангудиу был скроен по тому же фасону, что и первые два — первосортный болван! Его жене, Кимоллер, было года 22, и на мой взгляд она была необыкновенно красива. В высшей степени достойно сожаления, что такая женщина попала в лапы к подобному мерзавцу. В Кималлер было что-то особенно нежное и милое. Обычно она была очень тиха, редко смеялась, но удивительно подкупающе. Ее привлекательность увеличивали еще красивые глаза с глубоким грустным выражением. Она,

действительно, обладала какой-то прелестью, которую мне с трудом удавалось обнаружить у остальных представительниц прекрасного пола племени нетчилли.

Эти трое мужчин слыли у нас под названием „хулиганов".

Наконец в четвертой палатке жил оглули-эскимос Нулиейю — полная противоположность трем только что упоминавшимся господам. Он тоже на лето присоединился к эскимосам-нетчилли. Это был человек между 35 и 40 годами, коренастый, с бородой несколько большей, чем у большинства его товарищей. На обещания этого человека можно было вполне положиться. Я хочу привести здесь один небольшой, но разительный тому пример. Нулиейю был одним из тех эскимосов, которые посетили нас в ноябре 1903 года. Когда он уезжал, Хансен заказал ему несколько различных предметов одежды. Через год он вернулся и доставил в точности все, что было ему заказано. Во время нашей стоянки в Огчьокту он привозил нам на судно массу оленей и рыбы. Во всех отношениях это был честный и способный человек. Особенно я любовался его обращением с женой — в этом он отличался от других эскимосов. Пожалуй даже — это был единственный муж, не торговавший своей женой. Ей было около 30 лет, и она была вовсе не лишена привлекательности. Звали ее Кайоголо. У них была маленькая девочка лет 8. Нулиейю считался признанным другом экспедиции.

Талурнакто болтается без пристанища и живет то здесь, то там; о нем я уже рассказывал так подробно, что дальнейшее описание его излишне.

Но об одном я забыл. Вот он только сейчас спускается с того холма и потому не мог присутствовать при моем длинном представлении. Это старейший член племени и выдающийся шаман Алеинган Кагоптиннер, или „седовласый". Я не могу подобрать для него лучшего сравнения, чем сравнив его со старой хитрой лисой. Он отец Атиклеуры и Пойеты и живет у последнего. Ему лет 60—70, и его черные волосы и великолепная борода сильно тронуты проседью, поэтому-то он и получил название седовласого. У него суровый

повелительный вид, и я уверен, что он пользуется большим уважением. Он крепкого сложения и, повидимому, был очень сильным человеком. „Седовласый“ известен тем, что он „ангаткукки анги“, и как эмблему этого он носит всегда на плечах большой воротник с бахромой из оленьего меха. Он считает себя самым первым человеком, что и видно по выражению его лица. Я так и не мог уяснить, действительно ли он считал в душе себя выше других или же все это было только комедией. Мне очень сдается, что последнее вернее. Он убедил все свое племя в том, что был на луне, и рассказывал сородичам длинные истории о том, что там делается. Сам он, конечно, играл выдающуюся роль в бытность свою на луне. Те эскимосы, которые будут вести себя здесь на земле примерно, то есть делать так, как он говорит, получат место на луне. Охота на оленей ведется там в больших размерах, и вообще там можно будет получить всевозможные удовольствия. Те же, кто не совсем послушны, получают у „седовласого“ место на звездах, где, конечно, он тоже был; а тем, кто совсем не хочет ему повиноваться, он предназначает место под землей. Всему этому эскимосы вполне и крепко верят. Когда я однажды лечил у Совы перелом ключицы, то оказалось, что и здесь для полного исцеления необходимо участие Алеингана. В чем оно заключалось, я не знаю. Алеинган был одним из тех немногих эскимосов, у которого прежде было две жены.

У этого племени осталось одно предание о племени великанов, когда-то жившем в этой местности, еще до того времени, как сюда пришли эскимосы. Этот народ называется „Тунги“, и о нем всегда упоминается с большим почтением. Тунги были значительно больше эскимосов и гораздо сильнее. Ходили они в одеждах из медвежьих шкур. Развалины старых каменных хижин, найденных нами поблизости от Огчьокту, эскимосы считали хижинами тунги. Старый Алеинган, рассказывая всякие басни, упоминал и о том, что это он убил последнего Тунги. И все эскимосы верили ему; никому и в голову не приходило попросить ста-

рика показать им труп. Впрочем, я не видал, как он фокусничал: он был настолько умен, что приберегал это для лучшей публики. Я всегда смотрел на него, как на ловкого старого обманщика, пользовавшегося доверчивостью своих соплеменников, и поэтому всячески старался ему противодействовать, — однако, не думаю, чтобы мне удалось что-нибудь сделать в этом отношении.

Между тем время шло, весна приближалась быстрыми шагами, и скоро надо было обтягивать каяки. Уже несколько дней как они вышли готовыми из рук мужчин; но долгая подготовка кож и ниток несколько задержала женщин. Однако, теперь они уже готовы были начать обтягивание. Обтянуть каяк — совсем не легкая задача; это очень трудная работа и одной хозяйке с ней не справиться. Женщине поэтому приходится просить помощи у своих подруг, которые охотно ей помогают, зная, что им самим придется просить о помощи, когда дойдет очередь до их каяка. Поэтому обтягивание каяков является совместной работой женщин.

Для обтягивания каяка употребляется только шкура взрослой самки тюленя. Для одного каяка достаточно шести шкур. Способ подготовки следующий: шкура сдирается и с нее как можно лучше счищается все сало при помощи „оло“, или женского ножа. Это делается чаще всего на куске дерева. Затем шкура обжевывается зубами и обсасывается, чтобы удалить незначительные частицы жира, которые не удалены при помощи „оло“.

Когда шкура таким образом тщательно обезжирена, она сворачивается волосом кверху. Этот сверток снова закатывается в кусок меха, тоже волосом кверху, и все кладется у слабого огня. Когда кожа пролежит достаточное время, волосы начинают выпадать, так что их можно соскоблить ногтем большого пальца. Когда шкуры таким образом совершенно очищены от волос, каждая скатывается отдельно и все вместе запаковываются в обыкновенную тюленью шкуру и закапываются в снег, чтобы они замерзли. С наступлением

лета, когда снег стаивает, шкуры вынимают и сшивают. Потом они натягиваются в мокром виде на каяки и зашиваются. Это натягивание требует силы, и вот тут-то и помогают подруги. Когда обтяжка сшита, каяк оставляется для просушки. По мере того, как кожа сохнет, она становится светложелтого цвета и почти прозрачной и туго натягивается на остов каяка, как кожа на барабан.

Раз уж мы затронули этот важный вопрос, то я расскажу и об остальных способах выделки шкур вообще. В противоположность многим другим эскимосским племенам эскимосы-нетчилли не применяют мочи при обработке кож. Для своих верхних камикков — камилейткун — они применяют кожу годовалого тюленя. Способ обработки тот же, что и кож для каяка, вплоть до прожевывания и обсасывания. Но, вместо того чтобы класть кожи в снег для замораживания, их растилают и сушат у слабого огня. Когда кожа высохнет, ее обрабатывают зубами до необходимой степени мягкости. Эти кожи становятся беложелтыми и непрозрачными, в противоположность прозрачным кожам для каяков. Для непромокаемой обуви — эпирахир — употребляется кожа как самцов, так и самок тюленя. Она начисто обскабливается от сала при помощи „оло“ и затем кладется неподалеку от огня, пока совсем не обтает. Когда обезжиривание закончено, хозяйка задирает штанину как можно выше на правой ноге, обнажая бо́льшую часть бедра, кладет на нее тюленью шкуру и обрезает во̀лос у самого корня ножом „оло“, который для этого оттачивается как бритва. Практичные эскимосы нашли, что бедро служит мягкой и ровной подстилкой и вместе с тем, благодаря своей упругости, помогает острому ножу. Однако, весьма холодное удовольствие иметь дело с только что оттаявшей шкурой! Если эскимоска прилежна, то она таким образом в день может срезать во́лос с трех шкур. После этого шкура растягивается на снегу и сушится. Но чтобы она стала годной для шитья, ее нужно подвергнуть основательному обжевыванию, чтобы сделать мягкой и достаточно гибкой. Поэтому весной во всякое

время можно видеть эскимосок, жующих и грызущих такие шкуры. На подметки к камиккам употребляется шкура самца тюленя, как самая толстая. Она не подвергается сложной обработке, а только обезжиривается, растягивается и сушится. Для одежды из тюленьего меха употребляется шкура годовалого детеныша тюленя. Для этого годятся оба пола. Когда со шкуры удалено сало, она обмывается на снегу. Ее поливают теплой водой со стороны волоса и тщательно вытирают снегом. Хозяйка трет и колотит шкуру этой смесью снега и воды, пока волос совершенно не очистится от сала. Затем шкура расстилается на снегу и сушится. Когда потом нужно будет шить из нее одежду, эскимоска не обскабливает шкуры, а муж обрабатывает ее руками до тех пор, пока она не сделается мягкой. Детеныш тюленя — приплод текущего года — употребляется обычно для весенних штанов. На палатки идут шкуры как самцов, так и самок тюленя. Лентяи оставляют на них во́лос, но тот, кому хочется, чтобы все было у него как следует и красиво, обскабливает волос. Если принять во внимание, что эскимосы-нетчилли ловят только очень небольших тюленей — нерп, то будет понятно, что им для удовлетворения своих потребностей нужно значительное количество таких шкур. Поэтому, если вы видите палатку из тюленьих шкур, то можете с уверенностью сказать, что владелец ее хороший охотник.

Оленьи шкуры идут на одежду, постельные принадлежности и палатки. Если они предназначаются для одежды, то для обработки их существует два различных способа. Первый — просушка на воздухе. Когда с оленя снята шкура, ее расстилают на земле, не натягивая, и укрепляют по краям мелкими камешками или оленьими ребрами, втыкая их в дыры по краям шкуры. Когда светит солнце, шкура высыхает в короткий срок. Если рассматривать такую высушенную на воздухе шкуру со стороны волоса, то невозможно добраться до корня волос. Шкура, обработанная таким образом, употребляется только для зимних верхних одежд и одеял. Преимущество этой шкуры состоит

в том, что снег не забивается между волос, и поэтому она легче остается сухой. Однако, такие шкуры несколько жестки, несмотря на то, что перед употреблением их скоблят железной, каменной или костяной стругалкой до максимальной белизны и мягкости.

После обработки шкуры другим способом мех получается мягче и лучше и употребляется главным образом для нижней одежды, но часто и для верхней. Когда шкура сначала немного подсохнет на воздухе, ее вносят в хижину,— это делается чаще всего, когда снег уже выпал,— и эскимос покрывается ею на ночь мездровой стороной к голому телу. Сверху он покрывается обыкновенным одеялом, волосом внутрь. Чаще всего достаточно одной ночи. Утром шкура свертывается и выносится на холод, где она и замерзает. Днем женщина проходится по ней с мездровой стороны оленьей лопаткой, чтобы обколотить шкуру и сделать ее мягкой, а вечером, когда хозяин возвращается домой с дневной работы, он подвергает шкуру окончательной обработке по всем правилам искусства при помощи соответствующих стругалок. Процесс замораживания и обколачивания, после заботливого ухода за шкурой в течение одной ночи, производит на нее изумительное действие. Она становится мягкой, как шелк. Волос на такой шкуре можно разобрать до корня. Поэтому для зимней верхней одежды эти шкуры не так практичны, как другие, ибо снег легко забивается между волос и проникает до кожи, где он тает от тепла тела и смачивает одежду. Для палаток употребляется олень, которого убивают весной. В это время он линяет и потому непригоден для одежды.

Приближается великая пора, когда реки и озера вскрываются и начинается охота на оленей. Это время, бесспорно, самое прекрасное для эскимоса. Они тогда сыты мясом по горло. Уже в мае олени начинают свой ход к северу через перешеек Боотии, но тогда можно убить стрелой из лука только в виде исключения одного, другого одиночного зверя. И только когда начи-

нается ледоход и каяки спускаются на воду, наступает время настоящей большой, серьезной охоты на оленя.

Когда каяк снаряжен для охоты на оленя, охотник кладет перед собой два оленьих копья, втыкая их в петли в кожаной обшивке каяка, чтобы они не могли упасть через борт. К весне у оленей определенная тяга к северу. Когда они проходят Нетчилли, они идут таким образом, что эскимосам легко загонять их в озеро. Охотники делятся на две партии, одна на каяках, другая без них. Гребцы на каяках занимают место напротив того берега, откуда идут олени. Когда стадо оленей приближается, его окружают на далеком расстоянии и гонят к озеру. Как только олени входят в воду, гребцы прыгают в каяки и бьют дротиками одного оленя за другим. Животных вытаскивают на берег и сдают под охрану остающимся на берегу охотникам. Позднее, летом, когда олень разбредется по всей местности, охота по большей части ведется у какого-нибудь большого озера, главным образом там, где есть выдающиеся мысы. В это время эскимосы обычно не собираются вместе, и часто случается, что когда им приходится гнать оленей по мысу, то оказывается, что их слишком мало, чтобы справиться с добычей. Но у эскимосов на все есть средства. Быстро они складывают массу небольших гуриев: приближающиеся олени принимают эти гурии за людей, таким образом цель достигается. Очень часто небольшому числу охотников удается таким способом загонять в озеро большие стада. А уж если только олень попал туда, он погиб; очень немногим счастливцам удается тогда выбраться и избежать своего смертного приговора!

По словам Совы, дележ добычи проходит таким образом, что из каждых пяти оленей четырех получают гребцы, а пятого береговые охотники. Однако, это не так уж важно, их социалистическое общество не допускает большого скопления имущества в одних руках. Эскимосы обычно едят мясо сообща, пока не останется ничего. Однако, шкура и некоторые части туши — неотъемлемая собственность того, кто убил оленя.

После массового убоя оленей эскимосы прежде всего здесь же на месте основательно наедаются, пока олени свежуются. Эта работа производится очень тщательно, так как каждая шкура драгоценна. Большая часть туши откладывается в склад. Эти склады тщательно строятся из острых камней, чтобы предохранить мясо от песцов. Однако, все-таки иногда случается, что эта каналья пробирается туда, и тогда просто удивительно, как много ему удается сделать за короткий срок! Летом мясо, конечно, очень быстро начинает портиться. Но это не беда! Оно проскакивает в горло с той же легкостью! О „кровяном пуддинге“ я уже достаточно подробно рассказывал. Лето—сезон массового производства этого товара. Самое существенное, что приносят с охоты домой сразу же после свежевания животного, это шкуры, окорока, лопатки, вырезки, языки и сухожилия. К этим последним относятся с особой заботливостью. Спинные сухожилия самые лучшие и больше всего употребляются для шитья. Остальные сухожилия употребляются для более грубых ниток и соответствуют нашему шпагату.

Когда охотник возвращается домой со своей добычей, сухожилия развешиваются сейчас же для просушки. Мясо поедается тотчас же, а дессертом служит большое количество костного мозга; но, разбивая кости, следует тщательно следить за тем, чтобы не употреблять для этого ничего железного, а только камень, иначе охотничий сезон будет плохой! Остающиеся кости тщательно закапываются, чтобы их не нашли собаки, так как если это произойдет, то очень возможно, что охотнику не удастся больше убить в этом году ни одного оленя. То же самое делают и с рыбьими костями в рыбный сезон. Даже человеку с ограниченными математическими способностями будет теперь ясно, что̀ остается после этого собакам!

После еды весь лагерь предается отдыху. Собаки лежат, растянувшись на мху, повидимому, очень довольные, несмотря на пустые желудки. Вечер прекрасен, и из палаток раздаются веселые шутки и смех. Солнце дошло до самой низкой точки своего стояния и находится над самым горизонтом. Весь ландшафт освещается

длинными красноватыми лучами. Расстилается зеркальная гладь большого озера Нетчилли. Каяки вытащены на берег, перевернуты и положены на два больших гурия, чтобы их не достали собаки; вид каяков все еще напоминает о кровавой охоте. Мало-по-малу палатки закрываются одна за другой. Всё Нетчилли спит, и глубокий покой солнечной ночи нарушается время от времени только неугомонной совой.

Лето прекрасно, но, к сожалению, оно кратко, и вот приближается осень. Судя по погоде, можно только условно говорить о какой-то осени. Лето почти непосредственно переходит в зиму: озера покрываются льдом, и начинает итти снег. Но в жизни эскимосов есть короткий промежуток времени, который можно назвать эскимосской осенью — и самым для них неприятнейшим периодом. Это время, когда лед еще не настолько толст, чтобы служить строительным материалом. А суеверие мешает эскимосам разводить огонь внутри палаток. При такой температуре, которая теперь уже опускается низко, эскимосские жилища являют жалкий вид, и поэтому эскимосы живут в пронизывающей сырости, от которой все они без исключения подвержены сильным простудным заболеваниям.

Главный период охоты уже миновал, разве еще встретится один, другой олень. Многочисленные кучи камней, виднеющиеся повсеместно, говорят о том, что охота была удачной. Под каждой кучей хранится склад, часто в несколько оленьих туш. Шкур и ниток для шитья одежды теперь достаточно у каждой семьи, — зима может наступать. Бо́льшая часть эскимосов остается жить в палатках в ожидании постройки хижины, когда выпадет достаточно снега. Но некоторые из них не ленятся и строят в такое время года ледяную „иглу“.

Сова один из тех немногих, кто думает об уюте и не жалеет труда. Его добрый друг, Талурнакто, обещал ему помочь. Такую ледяную хижину, о которой идет речь, трудно построить одному.

Ранним утром они выходят из дому, вооруженные большими ножами. Оба в прекрасном расположении духа, их веселый смех далеко раздается в тихом утреннем воздухе. Этим счастливым людям не нужно никакого стимулирующего средства в виде, например, горячего кофе, чтобы утром обрести бодрость духа: глоток ледяной воды — вот, вероятно, все, что у них есть в желудке! Скоро они уже на льду озера Нетчилли и с головой уходят в работу по вырезыванию кусков льда. Лед еще не достаточно толст, всего около $^1/_2$ фута, так что для разделки его требуется не особенно много времени. Как только лед прорублен, оба эскимоса ложатся на животы и каждый пьет из своей проруби. Никогда я не видел, чтобы эскимос, прорубающий прорубь на льду, не поступил точно также. Это делается не столько от жажды, или, как некоторые думают, от неутолимой жадности ко всему, что они видят своими глазами, сколько по как бы инстинктивному стремлению использовать представившийся случай. Они по своему опыту знают, что иногда проходит много времени, прежде чем удастся напиться воды; а потому лучше пользоваться ею, пока она есть.

Плиты, вырубаемые изо льда, имеют в длину около пяти футов и в ширину около трех. Они не вырубаются целиком; во льду пробиваются несколько дыр в соответствии с формой плиты, а затем кусок этот выламывается ударом ноги или сильным надавливанием. Самое большое удовольствие для Талурнакто — прыгать на вырубленную льдину и таким образом выламывать ее. Я не удивился бы, если бы он провалился, — так он неуклюж. Когда плита вырублена из окружающего ее льда, в каждом углу ее прорубается небольшая дыра; через них продергивается ремень из тюленьей кожи, и затем льдина легко вытаскивается. Десять таких плит вполне устраивают Сову: хижину уже можно складывать. Времени требуется немного, чтобы перенести их на отведенный для постройки участок. В ведре, сделанном из кожи для каяков, эскимосы разводят кашу из снега и воды; она действует значительно быстрее извести, которой пользуются наши каменщики. Плиты

ставятся на ребро по кругу, причем более длинная сторона образует высоту. Швы между отдельными плитами закладываются снежной кашей, которая спаивает их в одну сплошную стену в 5 футов вышины. На эту стену натягивается крыша из кож. Теперь не хватает только двери. Мне приходит на мысль, что я прорубил бы дверь по средине одной из ледяных плит,— так было бы всего красивее. Но эскимос слишком практичен и не станет рубить хорошую плотную стенку. Он прорубает входную дверь там, где уже есть естественное отверстие —по стыку между двумя ледяными плитами.

Достоинство такого дома состоит в том, что его не только строят быстро, но и переезжают в него сейчас же. Старая Анана и маленькая Каблока не заставляют себя дважды просить, чтобы сменить темную неуютную палатку, где они дрожали и мерзли, на новый, светлый, просторный ледяной дом. Если бы только не мешала эта глупая луна, то можно было бы зажечь приятный огонек, и тогда в хижине стало бы по-настоящему уютно и хорошо. Но пока луна не будет в определенном положении, нельзя и думать о том, чтобы развести огонь. У эскимосов масса таких мелких суеверных правил, и бесполезно пробовать убеждать их в смехотворности всего этого. Например, во время охоты на оленей нельзя делать ни единого стежка, кроме самой необходимой штопки, и никакая сила не заставит эскимоса взяться за иглу, если это не совершенно необходимо. Однажды утром я увидел своего друга Аклу на трескучем морозе голым до пояса: он точил нож. Одежда его лежала рядом, а он дрожал и ёжился от холода. Я подошел к нему и спросил, что с ним, не думает ли он, что наступило лето, что это он сидит в таком виде? И когда я обругал его дураком и посоветовал надеть куртку, потому что он может заболеть, Акла только снисходительно улыбнулся, но не дотронулся до одежды. Позднее я узнал, что неприлично работать с железом в руках, вскоре после смерти родственника, не обнажив верхней части тела, а у Аклы только что умерли мать и свояченица...

Сове повезло, что он во-время построил себе ледяную „иглу“, — скоро тучи зловеще нависли, и в один миг разыгралась непогода, с которой так хорошо знакомы обитатели северного магнитного полюса. Поднимается такой ветер и снег так метет, что ничего не видно перед самым носом, в палатках становится темно — пурга забирается и в них. Один Сова гордо улыбается в своем новом доме: его нисколько не тревожит непогода!

Мгновенно буря наметает высокие снежные сугробы. Эскимосы выползают из палаток, чтобы принять к ночи некоторые меры предосторожности: — ведь самое скверное еще впереди! Если бы уже не был такой поздний час, они построили бы снежную хижину, но теперь приходится довольствоваться только постройкой стены перед входом в палатку для защиты от метели. Постройка такой стены — большое искусство и требует огромного опыта, ведь пурга, вздымаемая беснующимся ветром, следует законам, в которых очень трудно разобраться. Мне, по крайней мере, никогда не удавалось разрешить проблемы постройки такой стены, чтобы она действительно защищала от снега. Но эскимос умеет это делать. Ему удается при помощи нескольких снежных глыб быстро изменить направление несущегося снега и превратить внутренность палатки в уютное и приятное место.

Одна за другой возводятся такие защитные преграды, и скоро у каждой палатки уже стоит снежная стенка. К счастью, буря все время не меняла своего направления, и эскимосам не пришлось возводить новые снежные стены; все дело ограничилось только одной вылазкой на свежий воздух.

В этих местах непогода кончается так же внезапно, как она начинается. На следующее утро эскимосы просыпаются среди полной зимы: море замерзло, а снег в некоторых местах наметен в сугробы высотой в метр. Теперь нет больше причин медлить с постройкой снежных хижин. Эскимосы довольно уж намерзлись за прошлую ночь. И вот все население колонии принимается отыскивать места для постройки. Нужно

Оглули - эскимос за починкой саней

найти хорошее и удобное место, хотя бы немного защищенное от ветра, лучше всего неподалеку от озера, чтобы было не очень затруднительно ходить за каждой каплей необходимой им воды. Кроме того имеет значение и качество самого снега; если он не хорош, то и хижина не будет первосортной. Таким образом поиски места для хижин очень ответственная задача для отца семейства; и часто проходит много времени, прежде чем будет принято решение. Снег тщательно исследуется особым орудием, которое называется „хервон". Это палка из оленьего рога, вытянутая в виде довольно длинной тросточки. Длина ее около 125 см. На одном конце у нее ручка из оленьей кости, на другой набалдашник с углублением, из кости мускусного быка. Во время поисков этот хервон втыкается в снег для ознакомления с его свойствами. Это уменье „чувствовать" состояние снега требует необычайно тонкого осязания, развиваемого многолетним упражнением и опытом. Втыкая палку в снег, каждый может определить, твердый

он или мягкий, но решить, из скольких и каких именно пластов состоит этот снег, дело гораздо более трудное. Ведь сугробы состоят чаще всего из слоев, нанесенных в разное время и при разной погоде, а поэтому и свойство их весьма различно. Таким образом в одном сугробе может быть и снег, плотно слежавшийся во время бури, и снег, выпавший в тихую погоду и образовавший поэтому очень рыхлый слой, непригодный в качестве строительного материала. На этот слой опять-таки мог лечь снова твердый, компактный слой снега; и вот уменье эскимоса и заключается в том, чтобы обнаружить этот рыхлый снег внутри сугроба. Идеальным снег будет тогда, когда сверху лежит слой рыхлого снега, около фута толщины, а под ним до самого дна — однородная масса нужной твердости и достаточной для вырезывания снежных глыб толщины. Снег не должен быть и слишком твердым, иначе он легко разваливается во время работы.

Чтобы составить себе полное представление о том, как должна строиться хижина по всем правилам искусства, посмотрим, как работает мастер строительного дела, Атиклеура. Вот он стоит под склоном холма и машет Налунгии, сообщая ей, что им уже найдено нужное место и поэтому она должна принести ему снежную лопату. Ознакомившись с местом, которое выбрал Атиклеура, сразу же можно сказать, что он человек практичный и с большим вкусом. Местность хорошо защищена с севера, с востока и с запада; расположенный сзади гребень холма будет еще больше предохранять хижину от резкого северного ветра. К югу местность открыта, так что она освещена солнцем, когда оно светит. В нескольких шагах отсюда расположено маленькое озеро, которое будет снабжать всю семью прекрасной питьевой водой. Местность здесь состоит, главным образом, из больших равнин и озер.

Тем временем Налунгия подходит с лопатой. Лопата сделана из доски, которую Атиклеура выменял у какого-то племени, живущего южнее; ведь в Нетчилли нет дерева, в эти места не заносит и самого маленького кусочка плавника. Лопата очень хорошо сделана

и, пока снег рыхлый, отлично отвечает своему назначению. Для твердого же снега больше бы пригодились наши железные лопаты. Для того чтобы сделать лопату крепче, ее подбивают снизу оленьей костью. Прежде всего Атиклеура счищает верхний рыхлый слой снега с того места, где думает строить свою хижину. Он делает это уверенно: бесчисленные хижины, что он построил за свою жизнь, дали ему этот навык. Затем он вынимает нож, до тех пор висевший на крючке на костяной палочке, пришитой сзади на спине анорака. Это не нож, а страшилище! Кто не видел его раньше, может испугаться. Лезвие ножа такой же величины, как у обыкновенного большого ножа мясника, и сделано оно из железа, тоже полученного с юга; деревянная или костяная рукоятка ножа около 30 см в длину. Ухватившись обеими руками за рукоятку, эскимос начинает теперь вырезывать глыбы для постройки. Они достигают $1^1/_2$ футов в высоту, 2 футов в длину и 4 дюймов в толщину. Если их вырезать таким образом, то на месте для постройки вполне хватает строительного материала для всей хижины.

Одно удовольствие смотреть, как у хорошего строителя все спорится. Атиклеура настоящий волшебник в этом отношении! Ни одна из вырезанных им глыб не разваливается, несмотря на кажущуюся небрежность, с которой он с ними обращается. Надрез там, надрез здесь, затем пинок ногой, и тонкий красивый кусок отделяется от общей массы снега. Все глыбы выходят из рук Атиклеуры такими одинаковыми, что кажется, будто они сделаны по точнейшей мерке.

Хижина строится по спирали, как стог сена или улей, таким образом, что одна глыба примыкает к другой с внутренней стороны. При соединении глыб их стороны должны так подгоняться одна к другой, чтобы стены были совершенно плотными. Поэтому об умении строителя можно судить по непроницаемости хижины. Но даже при всей ловкости Атиклеуры невозможно избежать отдельных небольших трещинок там и сям. Забивание их—ответственная работа Налунгии. Для этого она обрабатывает срытый рыхлый снег, раз-

мельчая его в муку: только тогда он может служить материалом для заделки швов. Как только глыбы ставятся на место, их закидывают этим снегом, и он заполняет все самые маленькие отверстия или трещины.

Быстро вырастают стены хижины. Глыбы вырезаются, ставятся на место и, освобождая пространство, тем самым увеличивают высоту стен. У Атиклеуры такой вид, будто он стоял вниз головой в бочке с мукой: он совершенно засыпан снегом; платье, волосы и борода белы как мел. Длинные варежки препятствуют снегу забиваться в рукава анорака.

Постройка крыши на такой снежной хижине очень сложная штука для непосвященного. Сколько снежных глыб полетело мне на голову во время этой работы! Ведь снежные глыбы должны все больше и больше нагибаться внутрь, и, наконец, стоящему около хижины кажется, что последние глыбы буквально висят горизонтально в воздухе без всякой скрепы или подпорки. Самая последняя глыба снега, заканчивающая посредине крышу, совсем небольшая, и обычно она треугольной формы. Прежде всего ее нужно протащить изнутри через оставшееся отверстие, которое она потом закроет, и поставить ее на место извне. Повидимому, это совершенно невероятная вещь, но эскимос невозможное делает возможным. Одной рукой он поднимает снежную глыбу, просовывает ее через дыру в крыше и, держа глыбу над крышей, другой рукой вырезывает ее в форме клина. Затем он опускает глыбу в отверстие, и она так плотно входит в него, словно была сделана по мерке.

Между тем Налунгия с помощью Эрреры усердно обсыпает снаружи всю хижину мелким снегом, так что та становится похожей на большую снежную кучу. Красивые линии снежных глыб совершенно скрываются под слоем мелкого снега. Но зато хижина теперь совсем непроницаема: мелкий снежный порошок забивается всюду, где есть хоть намек на какую-нибудь трещину или дырку. Строителя еще не видно, он старательно работает внутри хижины, где он теперь совершенно замурован. Наконец, через снежную стенку появляется

длинное лезвие его ножа. Быстрым движением рука Атиклеуры прорезывает отверстие, только достаточное для того, чтобы через него вылезти. Я удивляюсь, почему он прорезывает стенку так высоко, ведь у всех иглу, виденных мною раньше, вход устраивается совсем внизу, у самого пола. Теперь Налунгия лезет в то же самое отверстие, из которого только что вылез ее муж, а я следую за ней посмотреть, что будет делаться для дальнейшего устройства хижины. Тут мне становится ясно, почему отверстие прорезано так высоко: Атиклеура вырезал его на высоте лежанки, чтобы облегчить работу по переезду в хижину. Лежанка сделана таким образом: прежде всего ставится ряд снежных глыб и хижина разделяется им на две части, причем внутренняя часть вдвое больше внешней. Внутреннюю бóльшую часть Атиклеура закидал оставшимся в хижине рыхлым снегом и таким образом сравнял ее со снежными глыбами, поставленными на ребро,—и место для спанья или лежанка готова. В противоположном конце хижины есть еще одна пристроечка, сделанная из двух глыб, поставленных на попа, третья положена на них сверху в виде столешницы.

Теперь начинается выгрузка вещей через отверстие на лежанку. Целая масса шкур выкидывается на нее, как попало. Затем наступает очередь разной домашней утвари: сушилки, сосуда для воды, горшка, жировой лампы; потом следует пища—сало, мясо и рыба—и, наконец, интимные вещи хозяйки, на рассмотрении которых я не решаюсь останавливаться. Повидимому, это все, и фру Налунгия вопросительно смотрит на меня: не пожелаю ли я выйти или, вернее, выползти? Я не имею никакого понятия о том, что теперь произойдет, но из любопытства предпочитаю остаться: едва ли случится что-нибудь хуже того, что я уже видел! Но, не отрицаю, я был несколько смущен, когда отверстие над лежанкой вдруг оказалось замурованным снаружи, и я остался наедине с дамой в закрытой наглухо хижине. Но Налунгия, однако, нимало этим не смутилась, поэтому успокоился и я. Она, повидимому, не считала меня препятствием и потому принялась за

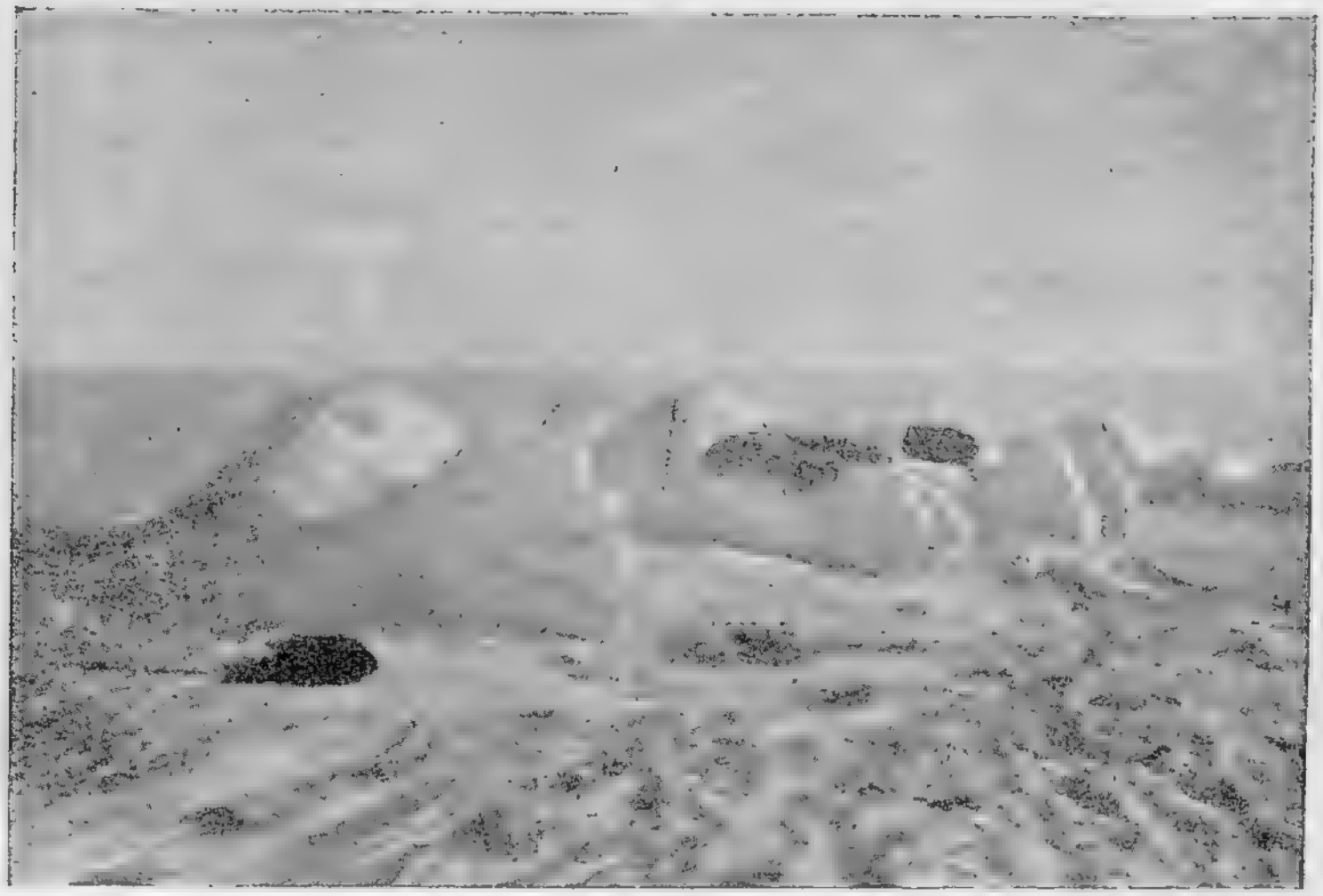
свою работу. Прежде всего тяжелая жировая лампа ставится на снежный столик у стенки против лежанки. Жировая лампа сделана из особого камня, который наши эскимосы достают у эскимосов-уткохикчьялик; она высечена в форме полумесяца, тяжела и неуклюжа. Она ставится на три ножки, воткнутые в снежную плиту, таким образом, что ее внутренняя, почти прямая сторона обращена внутрь хижины, а наружная, закругленная, к стене хижины. Затем вынимается мешок с салом и из него извлекается кусок замороженного сала, который отбивается специально для этого предназначенной дубинкой из кости мускусного быка до тех пор, пока не сделается совсем мягким. Тут Налунгия добывает из своих тайников клочок мха и тщательно пропитывает его жиром (Вот так штука! Тут я с ужасом вспоминаю страшные „световые пилюли!“) и приступает к добыванию огня при помощи двух кусков дерева. Вскоре „пилюля“ загорается ярким светом; выбитый кусок сала кладется в лампу, а вдоль всего прямого внутреннего края лампы накладывается мох; он пропитывается жиром и зажигается от горящего клочка мха. Вскоре весь слой мха загорается, и чудеснейшее пламя озаряет большую, великолепную хижину. Я спрашиваю себя, чего ради Налунгии понадобилось это великолепное пламя, раз она еще не все привела в порядок в хижине, и собираюсь даже поставить ей в упрек эту трату драгоценного жира— но останавливаюсь, вспомнив, что эскимос никогда ничего не делает зря. Вскоре выясняется, что я мудрствовал напрасно. Постепенно огромное пламя распространяет удушливый жар, и я понимаю, что именно это и требовалось для того, чтобы вновь выстроенная хижина хорошенько села в стыках. Заметно, как от этого тепла снежные глыбы все больше и больше садятся и образуют, наконец, одну сплошную снежную стену.

Между тем Налунгия не теряла времени напрасно и привела в полный порядок постели на лежанке. В самом низу на снег положены непромокаемые кожи, снятые осенью с каяка,— они не пропускают никакой сырости от снега на оленьи шкуры. Эти последние

красиво разложены, и лежанка имеет очень привлекательный вид. Налунгия снова возвращается к лампе, очищает мох, что должно делаться время от времени, наполняет снегом горшок и вешает его на двух шнурах на две кости, воткнутые в стену над огнем. Семейству понадобится питье после таких хлопот. Сушилка, сделанная из оленьих костей, переплетенных нитяной сеткой из сухожилий, помещается над горшком, не очень близко к огню. Кожи не выносят сильного жара. Наконец, как „punctum finale“ всего в стену крепко втыкается „анаута“, небольшая круглая толстая деревянная палка с ручкой, которую употребляют для выбивания снега из одежды. Теперь все в порядке. И как раз во-время, потому что в ту же минуту за стеной раздается голос Атиклеуры, который спрашивает, можно ли ему войти. Налунгия окидывает стены последним испытующим взглядом и просит мужа подождать еще немного. Я слышу, как он, удаляясь, ворчит что-то, в переводе обозначающее „чорт подери всех баб“ или вроде того. Похоже на то, что Налунгия хочет отмстить ему за эти слова, заставив его ждать еще дольше, так как проходит добрых полчаса, прежде чем она дает ему сигнал войти. Тогда стенка пробивается у самого пола, в ней проделывается отверстие как раз такое, чтобы человек мог вползти в него, и затем показывается голова Атиклеуры. Через минуту он в хижине, снимает с себя насквозь промокшие варежки и бросает их жене, та выжимает их и кладет на сушилку; затем он снимает куртку, которая сначала встряхивается и затем хорошенько выбивается анаутой. Нужно удалить каждую снежинку, так как иначе они, растаяв, смочат одежду; после этого одежда скатывается и бросается на лежанку. С верхними штанами проделывается то же самое, и они кладутся на постель возле анорака. Атиклеура остается теперь в одном нижнем белье. Это звучит несколько не „comme il faut“ по нашим понятиям, но считается совершенно приличным у эскимосов. Атиклеура забирается на лежанку, но садится не так, как сели бы мы, свесив ноги, а усаживается так близко к стене, что ноги его целиком помещаются на лежанке.

Теперь нужно снять обувь, а это не так-то легко сделать, потому что обувка эскимоса состоит из пяти различных вещей. Поверх всего надеваются небольшие низкие сапоги из оленьей шкуры, сшитые волосом внутрь, а кожей наружу. У такого значительного человека, как Атиклеура, они кроме того подбиты тюленьей шкурой. На нижней стороне подошвы обращают на себя внимание какие-то странные змеевидные полоски, которые при ближайшем рассмотрении оказываются полосками кожи, нашитыми для того, чтобы подошва не была такой гладкой. Затем идут камикки, которые в это время года шьются исключительно из оленьей шкуры. Их две пары. Верхняя сделана из шкуры с ног оленя, на которой короткий волос и которая очень крепка: они сшиты волосом наружу и доходят до колена, где и зашнуровываются тесьмой. Под них надевается еще одна пара, такой же длины и вида, но только сшитая волосом внутрь. Эта пара шьется из меха с брюха годовалого оленя; такие сапоги тонки и мягки. Между этими двумя парами камикков эскимосы носят еще короткие носки из оленьего меха, волосом наружу: такие же носки волосом внутрь надевают уже на голую ногу. Таким образом получается пять слоев, один на другом! Увидев это впервые, я с гордостью подумал, что, значит, мы закаленнее эскимосов, так как носим всего три обуви. Однако, во время первой же санной поездки, мне стало ясно, что эскимосы носят всю эту обувь не только для защиты от холода, но и для предохранения ног от твердого снежного и ледяного наста, по которому эскимосам всегда приходится ходить. Я в своих трех обувках так изранил себе ноги, что под конец едва мог двигаться.

Обувь, как и варежки, должна непременно просушиваться. Неудобство меховой одежды заключается в том, что если ее держать закрытой, то она впитывает в себя всю сырость. Эскимосам-нетчилли неизвестна трава сенны (осока): они кладут в камикки олений волос, который и вынимается вечером; это, конечно, лучше, чем ничего, но далеко не так замечательно помогает, как наша трава сенны.



Лагерь эскимосов зимой. Снимок при лунном свете

Сняв всю свою мокрую обувь, Атиклеура натягивает на ноги сухие нижние камики и пару коротких сапог из тюленьего меха — камилейткун — что соответствует нашим туфлям. Их употребляют зимой только в хижине, а в переходное время между зимой и весной эскимосы выходят в них также и наружу. Итак Атиклеура покончил с наружным уходом за своим телом и может теперь подумать о внутренних человеческих потребностях. А они не так уж малы после утомительной работы! Подается большой великолепный лосось, и все члены семьи наслаждаются им. Несмотря на то, что он совсем заморожен, эскимосы находят его очень вкусным, и за короткое время от гордой рыбы остается только один блестящий скелет! Горшок, наполненный прекрасной свежей чистой водой,— сотни две оленьих волос нельзя считать грязью, — опоражнивается и снова наполняется снегом и вешается над огнем. Вода — единственный известный эскимосам-нетчилли напиток; у них не существует никаких сода-виски!

Затем эскимосы громко заявляют о том, что у них в животе нет больше места ни для лососины, ни для воды, и обед на этом заканчивается. Наступает время для отдыха. Налунгия готовит постели и застилает лежанку на ночь прекрасными, мягкими шкурами. Атиклеура плотно закрывает вход снежной глыбой. Затем Атиклеура сначала забирается под большое семейное одеяло и уже под одеялом снимает с себя одежду. В полную противоположность гренландским эскимосам здешние эскимосы — как мужчины, так и женщины — раздеваются в присутствии посторонних до-гола только в самых крайних случаях. Гостю отводится место на краю лежанки; маленький Анни и Эррера уже давно улеглись спать, и место у самого очага занимает Налунгия. Она тушит свет и раздевается в темноте. Эскимосы спят совершенно голыми под большим мехом. И скоро по всей хижине раздается их громкий храп.

А за стенами хижины картина ночи резко отличается от той, которую мы изображали летом. Исчезли все палатки, и в мягком лунном свете низкие куполы снежных хижин почти сливаются с местностью. Человек посторонний, проезжая мимо, пожалуй и не догадался бы, что здесь спит целый мир, да еще вдобавок мир довольных и счастливых людей—быть может гораздо более счастливых под своими низкими снежными крышами, чем многие богатые и могущественные люди, живущие в высоких башнях, увенчанных шпицами! В этом мире ледяных пустынь нет места злобе, клевете, интригам и зависти; тишина ночи не нарушается, и над жилищами людей в чистом воздухе светит луна.

На следующий день приходится еще кое-что доделывать в хижине: при вчерашней спешке невозможно было установить все как следует: надо теперь еще кое-что исправить и прибрать. Первая мысль Налунгии — об окне в хижине. Конечно, в снежной хижине и без окна достаточно светло, чтобы работать днем, но с окном будет еще лучше и удобнее, а кроме того, можно будет наблюдать из хижины за погодой и ветром. Атиклеура, очень отзывчивый к желаниям жены, идет на лед, вырубает подходящий продолговатый

пласт льда для окна и вставляет его над входной дверью,—получается прекрасное окно!

Время идет, и весьма многозначительное светило—луна — скоро будет стоять в том положении на небе, когда женщины могут рискнуть начать шить. Это очень горячая пора. Нужно приготовлять шкуры, кроить их и шить. Страшно интересно смотреть, как кроит эскимосская женщина. У нее нет мела рисовать выкройку—но зато есть крепкие зубы. Шкура складывается по той форме, которую она должна будет принять, затем зубами делается разметка и при помощи „оло“ выкраивается одежда. Многие эскимоски даже не делают зубами меток, а просто-на-просто сразу же раскраивают шкуру, полагаясь на свой наметавшийся за долгие годы глаз. Когда эскимоски шьют для своей семьи или для самих себя, то шов у них образцовый, стежки ровные и маленькие, но „на заказ“ для каблуна они шьют так, что шов непозволительно гадок, стежки длинные и грубые и их не хватает и на день. Поэтому если нам требовалась пригодная для ношения одежда, то мы должны были покупать ее прямо у эскимосов с тела.

Целое искусство сшить меховую одежду так, чтобы она была удобна, не только в смысле ее покроя, но и еще более в отношении качества швов. Эскимосы сшивают мех край к краю и этим избегают толстых швов, образующихся при накладывании одной штуки меха на другой. На „Йоа“ у нас были меховые одежды, сшитые в Норвегии и в Сибири, но мы в один день ссадили бы себе всю кожу, если бы надевали эту одежду прямо на голое тело; настолько швы были толсты и грубы. С другой стороны, в эскимосской одежде, сшитой волосом наружу, а швами внутрь к телу, я часто ходил летом, когда бывало тепло, и швы ничуть не беспокоили меня.

В конце октября появляются первые эскимосы в заново сшитых одеждах. Франты Ахива и Ойара с женами всегда впереди всех. Новая с иголочки эскимосская одежда действительно очень красива. На верхнюю часть туловища надевается два анорака, один

волосом внутрь, другой наружу. — Фасон удивительно похож на наши фраки, — я не знаю, кто с кого взял моду! Фалды анорака у эскимосов-нетчилли не очень длинны, они доходят немного ниже колен, у некоторых других племен они спускаются до самых пят. Верхний анорак обычно расшивается красивейшим узором и делается из немного более толстого меха, чем внутренний. Оба мешковато висят на теле, так что воздух свободно циркулирует. Штанов тоже две пары, одна волосом внутрь, другая наружу. На верхней паре тоже часто делается небольшая вышивка, тогда как на нижней, конечно, нет подобного украшения. Штаны затягиваются в талии, но у колен висят свободно; как и анораки, так и штаны часто отделываются бахромой.

В начале, когда участники экспедиции еще не совсем привыкли к эскимосской одежде и не носили ее всерьез, многим из нас казалось глупым, что взрослые мужчины, вроде нас, щеголяют в одежде с бахромой, и поэтому мои товарищи спарывали ее. У меня же были некоторые сомнения на этот счет: уже тогда я понял, что в эскимосской одежде или обиходе нет ничего, что не имело бы определенного смысла или не было бы полезно,— поэтому, несмотря на насмешки, я оставил бахрому болтаться. Но лучше смеется тот, кто смеется последним: в один прекрасный день, анораки, у которых была отпорота бахрома, начали загибаться кверху и скоро могли бы уже служить вместо кашнэ, если бы к ним опять не была сейчас же пришита бахрома.

Около рождества в Нетчилли становится весело. Хотя эскимосы не имеют никакого понятия о нашем рождестве или о причине его празднования, но у них как раз в это же время бывает свой зимний праздник, буквально соответствующий нашему рождеству. Склады у них еще полны оленины и рыбы, и весь день проходит исключительно в еде, питье и веселье. Они сообща построили огромную „иглу“, которая служит для общих сборищ и увеселений. Эти иглу для празднеств бывают настоящими дворцами и вмещают до 50 человек. Развлечения разнообразны: гимнастика, шаманское

искусство, пение и танцы. Гимнастикой занимаются мужчины всех возрастов. Даже старик Качкочнелли принимал участие и не отставал от молодежи. Так как у них нет турника, то им приходится довольствоваться теми материалами, какие находятся у них под рукой. Очень длинный ремень из тюленьей кожи складывается в пять раз, а другой ремень, тоже из тюленьей кожи, обкручивается вокруг него — получается вполне надежный канат. Теперь нужно его укрепить; это не так легко сделать, потому что снежная стена не представляет достаточно солидной опоры. Но и здесь эскимосы нашли выход. Они просверливают в стенах дыры одну против другой, просовывают в эти дыры оба конца каната и прикрепляют их к двум палкам, которые вставлены в снег с каждой стороны хижины. Получается прекрасный эластичный турник, и начинаются упражнения. Я был поражен, увидав у этих людей множество своих детских кунстштюков — исполненных положительно очень талантливо. Гимнасты были ловки и гибки. Мне самому захотелось вспомнить детство и показать эскимосам свое искусство, но это вышло очень неудачно. Не помогло и то, что я ссылался на непривычку к канату, заменяющему знакомый мне турник, — мое неудачное выступление вызвало всеобщий смех, как эскимосов, так и каблуна.

Для всяких штук ангекока (шамана) не нужно такой большой хижины; их можно показывать везде. Обыкновенно это делается с какой-нибудь целью: чтобы изгнать болезнь, обеспечить хорошую охоту и т. п. Несмотря на все свои старания я никак не мог узнать, что нужно для того, чтобы сделаться ангекоком. Между ними существуют различные степени, одни из них великие, другие менее значительные и, наконец, совсем малые. Кагоптиннер, как уже упоминалось, был великим ангекоком, величайшим в племени. Старый Предерик был тоже одним из значительных, но не таким великим, как Кагоптиннер. Нам никогда не позволялось присутствовать на этих представлениях, но однажды мне совершенно случайно удалось ознакомиться со всей этой штукой. Мне нужно было погово-

рить с Совой. Около его хижины стояло несколько эскимосов, которые что-то сказали мне, когда я хотел войти; я понял, что они говорили о чем-то особенном, но о чем именно, я уяснил себе только потом. Уже в сенях я услышал громкий вой, но принял его за пение, немного, правда, более резкое, чем мне приходилось слышать, и поэтому продолжал итти дальше. У внутреннего входа в самую хижину, который был так низок, что мне пришлось вползать в него на четвереньках, я остановился, чтобы посмотреть, что там происходит. Я скоро уяснил себе, что старый Предерик и его жена — отвратительное старое существо и одна из тех немногих женщин, с которыми я никак не мог сговориться — колдуют во всю! Лежанка, на которой они сидели, была погружена почти в полную темноту, так что я при свете единственной небольшой „световой пилюли“ в хижине едва различал контуры этих двух названных особ. Зрителями был Сова и Умпктуаллу с семействами. Они стояли на почтительном расстоянии от выступающих и все были очень серьезны. К счастью, меня не сразу заметили, и я некоторое время спокойно мог наблюдать их всех. „Старуха“ вопила во все горло; старый Предерик выл так, что при обычных обстоятельствах это могло бы считаться прекрасным достижением в данной области, но сейчас его вой совершенно заглушался ее криком. Что именно происходило на лежанке, я не мог рассмотреть, а сделанное мною движение пододвинуться поближе к выступающим выдало мое присутствие. Впрочем, я не смутился, а спокойно встал и пожелал обывателям доброго вечера. Но этого мне не следовало делать: старая дама испустила столь ужасный вой, что я поспешил ретироваться. Я всегда чувствую величайшее почтение к дамам в подобном состоянии!

Уже через несколько минут вышел Сова и сказал мне, что представление окончено: старый Предерик „проткнул себя насквозь копьем“. Мне это не особенно понравилось, так как я решил, что старик болен и умирает, но на мой вопрос о состоянии его здоровья Сова ответил приглашением поскорее войти в хижину.

Старый мошенник лежал на лежанке, повидимому, в полном здравии и что-то напевал. Его жена как будто бы не совсем еще пришла в себя после экстаза: она махала руками и бросала в мою сторону мрачные взгляды. Я не решался упоминать о происшедшем, поговорил немного и затем пошел к себе на „Йоа". Позже вечером явился старый Предерик и показал мне две дырки — одну на спине, другую на груди — они, очевидно, служили неоспоримым доказательством того, что он проколол себя насквозь копьем! Старый Предерик был очень приличным и хорошим человеком, и я безусловно уверен, что он и сам считал все это чистейшей правдой. В этом нет ничего удивительного, ведь жуткий вопль, который испускала его дражайшая половина, мог на время лишить старика рассудка.

Эскимосы не совсем чужды помыслов о будущем. Их запасов мяса и рыбы хватает на некоторое время после рождества и на несколько дней нового года. Промысел тюленей по их законам не может начинаться раньше половины января, да и кроме того в течение некоторого времени не дает хороших результатов, так как тюлени, обладающие тонким слухом, слышат шаг охотников на далеком расстоянии, когда слой снега еще недостаточно толст, и потому сейчас же уплывают. Поэтому время от середины января до начала февраля у эскимосов самое голодное. Так, в 1905 году во время их стоянки в гавани Йоа, как раз в этот самый период многие из них несколько дней буквально голодали. Мы мало чем могли им помочь: ведь если бы мы дали одному, то за ним явились бы все, и вскоре вся колония оказалась бы на нашем иждивении; поэтому мне пришлось придерживаться твердого решения не давать эскимосам продовольствия.

Вот маленький пример того, как они нуждались в эти дни, пример не очень элегантный, но зато показательный. Я уже не раз, описывая нравы и обычаи эскимосов, должен был заходить за пределы приличия и теперь приходится делать то же самое. Тамок-

тукту был очень плохим охотником и потому был скверно снабжен нужными для этого орудиями. Его запасы поэтому скоро истощились. И если у других эскимосов было мало пищи, то у Тамоктукту и его семьи совсем ничего не было. Его жена Пооййрлу, славная женщина лет 30, была очень работящая и прилежная и хорошо вела свое хозяйство; но что можно сделать при пустой кладовой! У них было трое детей, самый маленький только что появился на свет,— ей нужно было раздобывать пищу и себе и ребятам. Мы тогда кормили собак то сушеной рыбой, то собачьим салом. Последнее собаки плохо переваривали. Пооййрлу это давно заметила. И вот когда собак кормили этой пищей, она ходила за ними и ловила подходящий момент. Это звучит почти невероятно, но когда отбросы подвергались действию мороза, Пооййрлу подбирала их и поедала с семьей! Происходили вещи еще более ужасные, не поддающиеся никакому описанию!..

Однажды вечером, после того как начался промысел тюленей, меня пригласили присутствовать при игре на кулауди, это самое любимое праздничное развлечение эскимосов, устраиваемое для того, чтобы снискать расположение высших сил и получить от них хорошую охоту. Мертвая тишина огромной пустыни, блестящий морозный воздух, и все залито светом полной луны, таким ярким, что можно без труда читать. В лагере эскимосов среди многих „иглу“ привлекала к себе светящимися ледяными окнами возвышавшаяся над другими и возведенная ради этого случая праздничная хижина. Хижина внутри выглядела очень хорошо и была великолепно освещена „световыми пилюлями“. Посреди хижины на полу было устроено большое кольцо из снежных глыб. Некоторые из мужчин колонии были уже там и старались, как могли, занять нас. Для вечера они надели самые легкие и самые красивые расшитые одежды из оленьего меха. Некоторые одежды были прямо образцом хорошего

вкуса и искусства. Постепенно подошли и другие гости: Анана, Каблока, Оналлер, Алерпа, Ало-Ало и все прочие, не говоря уже о Налунгиях, так как здесь по крайней мере было 10 женщин с этим именем. „Орлица" замыкала ряд по меньшей мере 20 женщин, которые тихо и спокойно уселись на поставленные кругом снежные глыбы. По-правде сказать, ни у одной из них не видно было праздничного настроения; мужчины занимали места около женщин, кому где хотелось, и вскоре и они все были в сборе. В противоположность женщинам, все мужчины были веселы и все время шутили и смеялись, повидимому они-то и собирались позабавиться.

Наконец, появляется старший заводила. В этот вечер это был Качкочнелли. Он одет в легкую вышитую одежду из оленьего меха, но в шапке и перчатках. Он принес с собой дорогой кулауди, музыкальный инструмент племени, состоящий из деревянного кольца,— вроде обруча,—обтянутого тонко выскобленной оленьей кожей и с ручкой. Барабанной палочкой служит деревянная дубинка, обтянутая тюленьей кожей.

Праздник начинается. Сначала внутрь круга входит Качкочнелли, затем подает голос Анана, издавая звуки, которые мне приходится назвать пением, хотя трудно употребить здесь это слово,— остальные женщины тоже вступают. Никогда я не слышал ничего монотоннее этого пения. Когда поют хором, получается еще хуже. Но, вероятно, в этих четырех тонах есть какая-нибудь мелодия, раз все эскимосы могут петь ее в унисон.

Когда хор подхватывает, Качкочнелли начинает танцовать и бить в барабан. Это не очень грациозный танец. Плясун стоит на месте и поднимает то одну, то другую ногу, поворачивая то туда, то сюда туловище и издавая при этом громкий вой. Одновременно он сильно бьет палочкой по барабану — не по натянутой коже, а по раме. В результате всех этих стараний получается раздирающий уши шум. Танец Качкочнелли становится все медленнее и медленнее, и через 20 минут старик останавливается. Пение женщин, которое сле-

довало за движением танца, также замирает с его окончанием. Внутрь кольца входит следующий исполнитель. У эскимосов - нетчилли, повидимому, не существует никаких рангов, — тот, кто сидит ближе всех и хочет выступать, без всяких церемоний выходит на середину, и начинается тот же танец, тот же вой и то же пение без тени изменения. Я заметил, однако, что у женщин менялись запевалы. Когда танцовал Кирнир, эскимос из племени итчьуачторвик, то запевалой была женщина этого же племени, а когда выступал оглулиэскимос Нулиейю, вела хор старая косая женщина оглули. Мне показалось также, что у каждого племени мелодия изменялась, но я не решаюсь это утверждать. Мое музыкальное чувство, как я уже говорил, не настолько развито.

Я читал описание этого пения и танца раньше, во многих отчетах о путешествиях, и все авторы единогласно утверждают, что артисты стараются впасть в экстаз. Я не могу с этим согласиться. По моему тщательнейшему наблюдению, они в течение всего времени танцев были нормальны и владели всеми своими чувствами, даже когда танец достигал своего апогея. Судя по описаниям, я ожидал увидеть нечто гораздо более дикое, и поэтому был разочарован. Какое удовольствие заключается в этом танце — мне решительно непонятно. У всех эскимосов был такой вид, словно им всем было скучно, особенно бедным женщинам, которым бесконечно приходилось тянуть все одни и те же ноты. Женщины, видимо, были в восхищении, когда никто из мужчин не захотел больше выступать, и они с величайшей быстротой исчезли из хижины. Все представление длилось три часа, и если бы я знал, что все время будет повторение одного и того же, то, конечно, уже давно покинул бы танцовальный зал.

Эти танцы происходили всю зиму. Часто случалось, что эскимосы даже после утомительного дня охоты, после 10-часовой страды на льду в шторм и мороз, отправлялись прямо в промысловую хижину для этого сумасшедшего моциона. У детей, особенно у девочек, тоже были свои развлечения такого же рода. Они со-

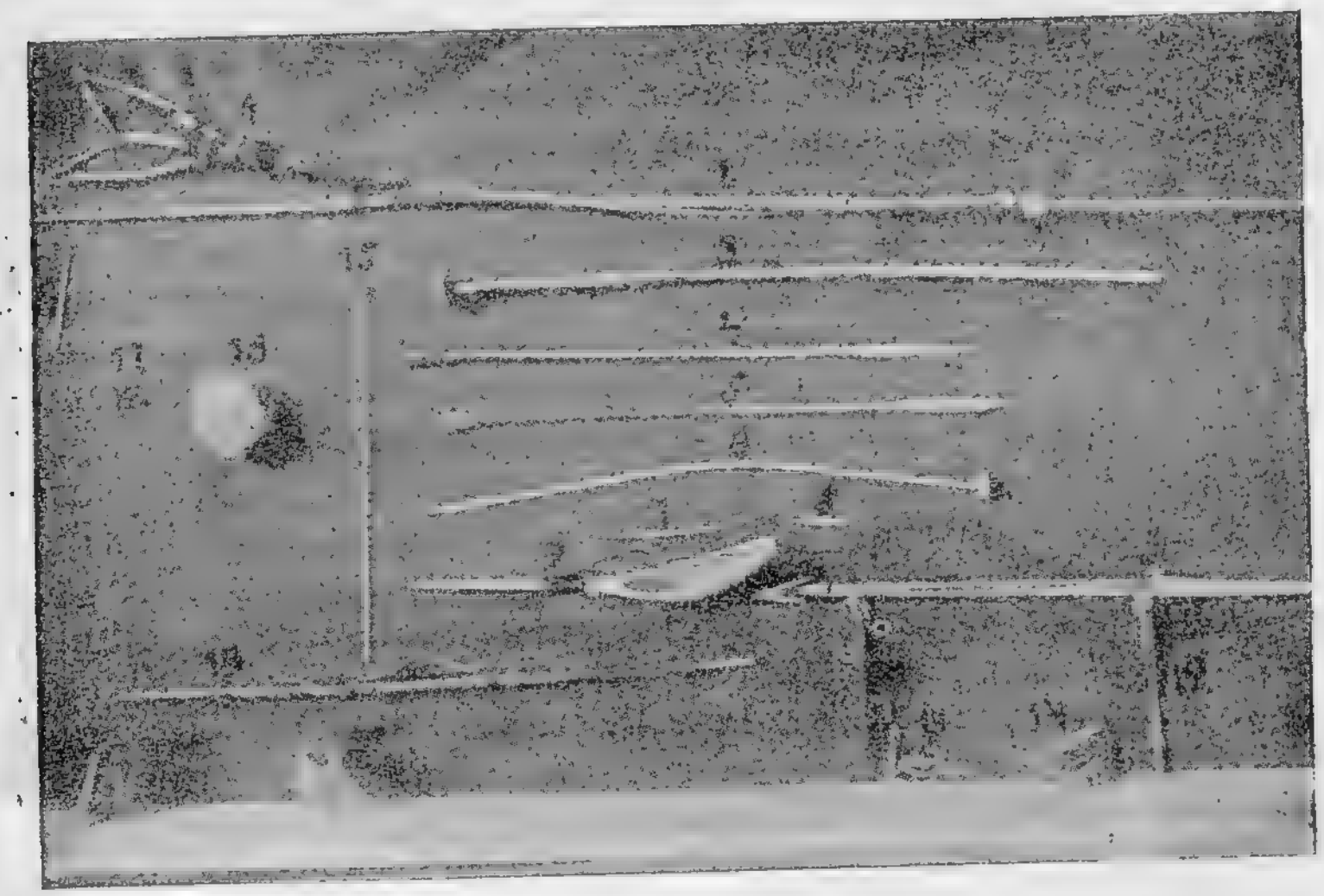
стояли в том, что две девочки становились прямо друг против друга, после чего втягивали голову в плечи, наклонялись, вертели туловищами и прямо в нос друг дружке произносили массу непонятных слов. И все это с величайшей серьезностью. Или же усаживались друг против друга на корточках и начинали подпрыгивать — все с той же величайшей серьезностью на лицах, что-то при этом бормоча. Если во всем этом и не было, может быть, большого веселья, — о чем можно было судить по выражению их лиц, — то, во всяком случае, это была хорошая гимнастика. У детей были также и многие другие игры, в которые они, однако, редко играли.

Как я уже говорил раньше, настоящая ловля тюленей начинается и приобретает свое значение только в феврале, когда выпадает много снега и он лежит на льду сугробами в метр вышины, так что тюлень не может услышать шагов охотника. Тогда только кончается время лишений и пустые кладовые снова наполняются. Ловля тюленей, наравне с охотой на оленя, является важнейшим средством пропитания эскимосов-нетчилли, а так как процесс ее почти что неизвестен, то я попробую описать ее, насколько смогу, по своим собственным наблюдениям, сделанным мною в то время, когда я сопровождал эскимосов на охоту.

Холодное, темное февральское утро. С северо-запада дует сильнейший ветер с такой густой метелью, что кажется, будто бы стоишь на голове в мешке с мукой! Всего 8 часов утра, но во всех „иглу“ уже свет, и весь лагерь пришел в движение. Все приготовления говорят за то, что эскимосы собираются на ловлю тюленей. Постороннему трудно понять, почему эскимосы идут сегодня, в эту ужасную погоду, тогда как вчера они болтались дома, а погода стояла прекрасная — ясная, солнечная и совершенно тихая! Но планов и расчетов эскимоса понять невозможно, эскимос следует своим собственным законам, известным ему одному. Однако они всегда на чем-нибудь основаны.

Только почти в 9 часов все эскимосы собрались и приготовились. Эскимос любит поболтаться, и в этом есть свой смысл. Сегодня эскимосы идут все вместе; обычно же они отправляются на ловлю небольшими партиями. Не все одинаково снаряжены. Качкочнелли любит порядок: у него всегда все вещи в прекрасном состоянии, так что, глядя на него, можно получить верное понятпе о том, каким должно быть настоящее снаряжение для промысла тюленя. Первое, что бросается в глаза, это его меховая одежда, она плотно завязана, так что нигде не поддувает. Обычно употребляющиеся открытые одежды он считает, вероятно, слишком холодными для сегодняшнего дня. На спине на пуговице висит неизменный снежный нож, частью прикрытый охотничьей сумкой — туттиреа, которая висит поверх него на ремне из тюленьей кожи через плечи поперек груди. В охотничьей сумке следующие вещи (см. рис. на стр. 247): гарпун, хелмиакки, с гарпунным линем, тогакчьевой, 2 орудия для обнаруживания тюленя: илла и кивиутчьерви, покрышка для дыры, анокчилеориткун, 2 небольших деревянных палки, на которые кладется тюлений дротик, на-а-макта, строп для вытягивания тюленя, окчьеун, кроме того несколько палочек из оленьей кости, тапота, для зашивания раны на тюлене. Вот и все, что находится в мешке. Сам мешок четырехугольный, чаще всего сшитый из оленьей шкуры, но часто также, за неимением ее, и из меха песца. В руках у охотника остальное оружие и снаряжение: копье для тюленя, онаки, щуп для отыскивания дыры, хервон, зонд для осмотра дыры, хервотавра, и небольшая ложка, илаун. Раньше, всего лишь несколько лет тому назад, все это оружие и снаряжение делалось исключительно из оленьей кости, теперь же обычно некоторые части делаются и из железа.

В другой руке Качкочнелли ведет на ремне из тюленьей кожи свою собаку. Не у каждого есть собака. Всех охотников сегодня около 40 человек в возрасте от 15 до 50 лет. Им о многом надо переговорить. Можно подумать, что эскимосы живут в мире, богатом событиями и разнообразными темами, требующими обме-

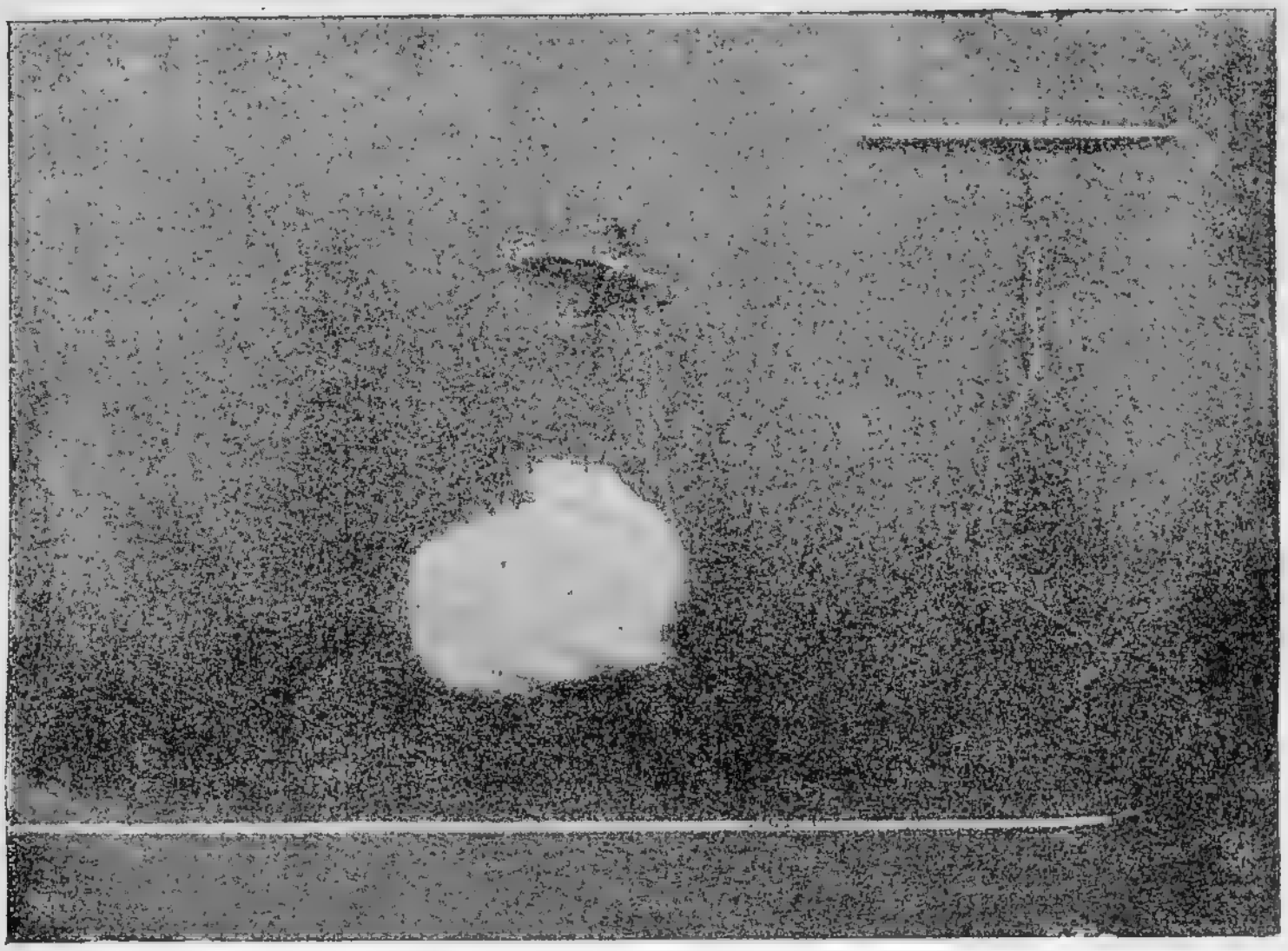


Орудия охоты, собранные у эскимосов, живущих у магнитного полюса

1) Орудие для ловли рыбы. 2) Гарпун. 3) Отыскиватель отдушины тюленя, хервон. 4—5) Стрелы. 6) Исследователь отдушины, хервотавра. 7—8) Палочки из оленьего рога для соединения краев раны от гарпуна, топота. 9) Ложка из рога мускусного быка, илаун. 10) Тюленье копье, онаки. 11—12) Деревянные палочки, на которых лежит копье, на-а-макта. 13—14) Острие гарпуна. хелмиакки, с гарпунным линем, тогакчьеа. 15—18) Снаряжение ля определения прихода тюленя, илла и кивиутчьерви. 19) Рукоятка гарпуна. 20—21) Защититель отверстия, анокчлеоириткун.

на мнений и обсуждения, а не здесь, среди ледяных полей, тысячелетия лежавших молчаливо и пустынно, где жизнь изо дня в день, да даже из столетия в столетие всегда одна и та же. Эскимосы идут толпой по береговому гребню, но, спустившись на лед, рассыпаются в правильные стрелковые цепи. Расстояние между ними постепенно увеличивается, по мере того как эскимосы продвигаются вперед, и в короткое время они все уже рассеиваются на значительном пространстве. Качкочнелли идет вперед, напевая и болтая со своей собакой. В его собаке нет ничего достойного внимания, ни высокоподнятой головы, ни умных глаз. „Дворняга“ было бы самым подходящим для нее названием! Но о собаке нельзя судить по шерсти. Как

ни невзрачна с виду эскимосская собака, но я думаю, что хозяин не променяет ее ни на какого самого чудесного пойнтера, сеттер-гордона или как там их еще называют, этих великолепных породистых собак. У нее есть одно свойство, делающее ее незаменимой в этих местах,—она умеет находить местонахождение тюленя. И вдруг собака бросается в сторону, останавливается и исследует тщательно снег, а затем ложится на него плашмя; разгребание снега она предоставляет Качкочнелли, который сейчас же начинает втыкать кругом в снег до самого льда свой щуп—тот самый, которым он пользуется для отыскания места для постройки „иглу". Уже первое исследование дает, повидимому, хороший результат: эскимос сейчас же сбрасывает охотничью сумку через голову, снимает нож с пуговицы и начинает удалять им слой снега, покрывающий найденную во льду дыру. Это происходит, однако, не без предварительного основательного исследования. Ведь у тюленя, кроме найденной, много дыр, через которые он дышит, и, чтобы определить, действительно ли найденная дыра та самая, которой в данное время ежедневно пользуется тюлень, или же это какая-нибудь старая, уже оставленная дыра, Качкочнелли ложится на снег плашмя и обнюхивает дыру. И его острое обоняние никогда его не обманывает. Сегодня судьба ему благоприятствует, так как он сразу же находит настоящую отдушину, которая, очевидно, часто посещается тюленем. Громким криком охотник дает знать своим ближайшим товарищам, что он занят. Этот звук не пугает тюленя; зато по снегу охотник передвигается чрезвычайно осторожно, зная, что тюлень необычайно чувствителен к малейшему звуку шагов на льду. Отверстия, которые тюлень поддерживает открытыми зимой, не велики у поверхности; они как раз такие, что тюлень может просунуть в них морду и дышать. Зато книзу они постепенно расширяются и шире всего у нижней поверхности льда. Первое, что теперь делает охотник, удостоверившись в правильности своих действий, это тщательно закрывает дыру снова снегом, чтобы тюлень не заподозрел опасности, если он вернется к



Илла и кивиутчьерви, снаряжение для ловли тюленя

дыре, пока приготовления еще не окончены. Часть того снежного слоя, который лежит над дырой, охотник срезает и затем прокапывает ложкой оставшийся снег до самой дыры, откидывая его в сторону. Прорывшись таким образом до самой дыры, эскимос вводит в нее щуп, чтобы лучше изучить отверстие изнутри. Когда исследование закончено, он одной рукой придерживает в отверстии щуп, а другой засыпает все пространство вокруг него снегом и таким образом заполняет вырытую дырку до краев. Затем щуп осторожно вытаскивается, и в снегу остается маленькая круглая дырочка, идущая до самой тюленьей отдушины, дырочка размером не больше монеты в 2 öре, но все же вполне достаточная для наблюдений эскимоса. Если дело происходит ранней зимой, когда слой снега тонок, то охотник, не прибегая ни к каким особым средствам, кроме своих пяти чувств, может сейчас же заметить появле-

ние тюленя. Но в такое время года, как сейчас, когда снежный покров очень толст, приходится прибегать к помощи различных эскимосских хитроумных орудий.

Орудиями, применяемыми для этой цели (см. рис. на стр. 249), служат уже упоминавшиеся выше: илла или кивиутчьерви — причем в ход пускается или одно или другое, Качкочнелли пользуется чаще всего иллой, но он показывает мне также, как надо пользоваться и кивиутчьерви. Этот инструмент сделан из толстого оленьего сухожилия и по форме своей несколько напоминает лодочную драгу с двумя лапами. К этой „драге" всегда крепко привязан бичевкой комочек лебяжьего пуха, обвязанный веревочкой, чтобы он не разлетался. Эскимос очень осторожно выбирает из комочка одну пушинку и приклеивает слюной оба ее конца к двум лапам „драги", так что пушинка стоит дугой между ними. После этого охотник опускает прибор в дыру на такую глубину, чтобы поперечная палочка осталась лежать на поверхности снега. Так как вся эта штука не больше 5 м в длину, то растянутую пушинку отлично видно в дыре. Если погода необычайно плоха и поставленная снежная стенка не совсем защищает отверстие от вьюги, то на дыру ставится защитный колпачок. Он имеет вид как бы маленького абажура и сшит из прозрачной тюленьей кожи. Через него охотник наблюдает за подвешенным пушком. Впрочем, такого колпачка я никогда не видел в употреблении.

Когда тюлень находится еще в нескольких метрах от отдушины, движение в воде передается в отдушине и приводит в колебание нежную пушинку. Но подходящий момент для втыкания копья в отверстие определяется только хорошим слухом и верностью расчета охотника.

Илла подает более верный и точный сигнал о приближении тюленя к дыре, а потому большинство эскимосов предпочитает ее кивиутчьерви. Этот второй прибор состоит из двух тоненьких палочек из оленьего рога, связанных между собою тонким шнуром. Одна из

этих палочек имеет в длину 20 см, другая и более длинная — 50 см; на нижний ее конец насажена круглая тонкая костяная пластинка, размером несколько меньше монеты в 2 öре. Шнур, связывающий между собою палочки, пропущен через дырочки на верхних концах палочек и крепко привязан; длина его около 25 см. Иллу легче ввести в дыру, чем кивиутчьерви, так как лебяжий пух не такой материал, с которым легко обращаться на морозе в —50° и в шторм. Поставить же, куда нужно, иллу очень просто: маленькую палку втыкают в снег около дыры, а большую опускают в самую дыру. Когда маленькая круглая костяная пластинка на конце палки коснется тонкого льда, затягивающего поверхность воды в отдушине, она упрется в лед, и таким образом илла будет стоять над водой, а шнур, соединяющий обе палки, ляжет на снег совершенно свободно.

Во время всей этой подготовительной работы эскимос стоит на охотничьей сумке, как на подстилке — отчасти ради тепла, а отчасти для заглушения звука на снегу — это уже ради тюленя. И вот когда кивиутчьерви или илла введены в отверстие, приводится в готовность тюленье копье. Оно состоит из трех частей, средняя рукоятка, около 1 метра в длину и в $2^1/_2$ см в поперечнике, сделана из дерева или кости. На один конец рукоятки насажена круглая палка около 60 см длиной, которая теперь чаще всего делается из железа, хотя еще и доныне встречаются копья с палкой из оленьего рога. Железо гораздо предпочтительнее оленьего рога, так как благодаря ему все копье становится крепче и поэтому бьет вернее. Вообще железо самое ходовое средство обмена у эскимосов-нетчилли. Эта роговая или железная палка кончается острием, которое входит в углубление в гарпуне. На другой конец рукоятки насаживается третья часть копья, которой пользуются для увеличения дыры после поимки тюленя. Эта часть тоже делается или из железа или же из рога — чаще всего из рога, хотя и здесь предпочитается железо. Она привязана к рукоятке и в нижней своей части сильно изогнута и заострена.

Теперь гарпун надевается на копье и гарпунный линь сматывается и просовывается под очень тонкий шнур из оленьих сухожилий, который проходит вдоль всей рукоятки копья и прикрепляется к ее обеим концам. Гарпун имеет в длину около 8 см и теперь делается почти всегда из железа или меди. Заостряется только самый конец гарпуна, чтобы дыра в шкуре была как можно меньше. В самом низу у острия сидят два несколько отогнутых назад зубца, которые не позволяют гарпуну выскользнуть, раз он уже вонзился. Как только гарпун вонзится в тюленя, он срывается с рукоятки, и вся сила переносится на гарпунный линь, вплетенный в отверстие посредине гарпуна таким образом, что гарпун ложится поперек, как только линь натянется. Гарпунный линь сплетается из оленьих сухожилий и бывает круглым или плоским, однако, у человека, любящего порядок, линь всегда делается плоский. В этом случае он имеет в ширину $1^1/_2$ см и в длину 4 метра. Линь всегда сплетается только из самых отборных сухожилий и чрезвычайно крепок.

Когда копье приведено в порядок, его кладут на две деревянных палочки — на-а-макта, воткнутых в снег. Теперь эскимос снимает варежки, вынимает левую руку из рукава и сует ее на грудь, а правую руку засовывает в пустой левый рукав. Опыт научил эскимоса, что таким образом лучше всего держать руки в тепле и быстрее всего можно воспользоваться ими, когда надо нанести удар. Варежки эскимос держит зажатыми между колен. Затем он несколько сгибает колени, нагибает туловище вперед, а лицом, полным напряженного внимания, поворачивается к дыре.

Сегодня, повидимому, все идет как по маслу. Движения иллы показывают, что тюлень приближается. Из-за колебательных движений тонкого льда, на который упирается илла, происходящих от движения воды, илла то поднимается, то опускается. Эскимос выпрямляется, и мгновенно обе его руки оказываются на своем месте. Правая хватает копье, а в левой охотник держит моток веревки; все его мускулы напряжены, и он принимает положение изготовки к удару. В то мгновение, когда

тюлень просовывает морду в отдушину и расталкивает в сторону тонкий лед, илла соскальзывает и опускается в воду, вследствие чего натягивается веревка, связывающая обе палки. Это сигнал! Эскимос напрягает все свои силы и наносит удар. Копье с необычайной точностью проходит через маленькую дырочку в отверстие во льду. Попало! С быстротой молнии эскимос вытаскивает копье и втыкает его рядом в снег, вытравливая в то же время линь, который мертвой петлей закреплен на другой руке. Тюлень вытягивает линь во всю его длину. Но когда тюлень пробыл под водой некоторое время и уже чувствует недостаток воздуха, силы его постепенно начинают падать; эскимос, чувствуя это, снимает с руки мертвую петлю и надевает ее на ногу, чтобы освободить обе руки. Затем отверстие во льду вырубается с таким расчетом, чтобы можно было протащить через дыру тюленя, и он подтаскивается на веревке. Если после такого обращения тюлень еще жив, то охотник втыкает железный конец копья животному через глаз в мозг, и тут тюленю капут!

Охотничий азарт и быстрые движения были пока что достаточны для сохранения теплоты в обнаженных руках. Но теперь эскимос натягивает варежки. Кривым острием копья он протыкает дыру через верхнюю губу и подбородок тюленя, просовывает в дыру веревку и выволакивает тюленя на лед. Гарпун вынимается, и охоте конец. К этому времени подходят ближайшие товарищи-охотники и помогают ему, если это нужно, выволочь тюленя. Эскимос делает ножом маленький надрез на брюхе тюленя и вытаскивает печень и почки; этими деликатесами, а также небольшими кусочками сала лакомятся все присутствующие. В такой день, как сегодня, когда температура так низка, вытекание крови прекращается, если рану заполнить просто смесью снега со льдом; смесь замерзает тотчас же, что является достаточно хорошей повязкой. Весной, когда температура выше, рана затягивается маленькими палочками из оленьего рога (топота). Когда еда окончена, всех бывших под рукой собак припрягают к стропу, и эскимосы возвращаются домой с добычей.

На обратном пути эскимосы заметили медведя на одном из торосов; ветер дул в его сторону, поэтому собаки не чуяли зверя, пока не увидели молодца. Всех пятерых собак спускают с привязи, и они бросаются с бешеной скоростью на медведя. Начинается жаркий бой! Мишка то встает на дыбы, то снова опускается на все четыре лапы, рычит, бьет и кусается; но собаки слишком увертливы для него, и он редко хватает их. Между тем собаки исполняют свой долг и задерживают зверя лаем, пока не подходят пять эскимосов с тюленьими копьями наготове. Теперь бой принимает более серьезный характер. Нужно большое мужество, чтобы схватиться со зверем в рукопашную. Если посмотреть на все шрамы и царапины, которыми покрыты эскимосы, то станет понятным, что охота на медведя не всегда обходится без ранений. Наконец, Умиктуаллу наносит смертельный удар зверю, и тот падает. Мясо делится между всеми охотниками, но шкуру Умиктуаллу оставляет себе.

По возвращении домой добыча отдается хозяйкам. Тюлень настолько невелик, что его втаскивают прямо в хижину и там свежуют. Нуйякке ловкая женщина, и вскоре тюлень уже ободран и рознят на части. Мясо и сало делятся поровну между всеми. Ничего не выкидывается. Шкура и кишки принадлежат тому, кто убил зверя. Кишки, лучшее лакомство у этих людей, опоражниваются и складываются в горшок для согревания. О какой-нибудь варке нет и помину. Эти часы самые приятные в доме, хотя дом-то этот — простой снежный сугроб. Качкочнелли отдыхает, растянувшись на лежанке, и мурлычет и поет от блаженства; отдых — чудесная штука после долгой и утомительной охоты в буран и мороз. Нуйякке возится с горшком, а Калло и маленький Нулиейю вертятся около нее с умильными взорами. Сала довольно, поэтому огня не жалеют. Свет озаряет также и несколько личиков у входа.... но Нуйякке практичная хозяйка, она знает, что если давать всем, кто просит, то ничего не останется у самой, и поэтому делает вид, что не видит стоящих у двери. Но зато для Калло и Нулиейю нужно отрезать несколько дюймов кишки!...

Тюлень, который ловится в промысловой области эскимосов-нетчилли, исключительно нерпа, или небольшой тюлень. Он очень жирен, и мясо его нежное. Сюда никогда не заходит более крупный тюлень, что объясняется здешним мелководием. Пространство от острова Матти до Боотии Феликс и до проливов Эта слишком мелководно для морского зайца. Зато по ту и другую сторону от этого места их достаточное количество. В Оглули эскимосы ловят множество морских зайцев. Замечательно, что этого большого, чрезвычайно сильного зверя ловят точно так же и теми же орудиями, что и нерпу. Кажется просто невероятным, что один человек может удержать морского зайца на ремне! Но иногда случаются и несчастья. Толимао, парень сильный и крепкий, 177 см росту, считается первым среди охотников. Прошлой зимой он поймал необычайно крупного тюленя. Удержать его было очень трудно, но Толимао никогда еще не упускал добычи, не хотел упустить ее и теперь. Он крепко уперся ногами и уцепился обеими руками. Но тюлень был сильнее, он повалил охотника и затянул его в дыру — отдушина, конечно, гораздо больше, чем нерпы — с головой, руками и плечами. Эскимос все-таки не выпускал тюленя и лежал так поперек дыры, пока не подоспели товарищи и не помогли ему. Толимао добил-таки своего тюленя!

С приближением весны, к концу марта, наступает время, когда у тюленя родятся детеныши. Чтобы не быть застигнутой врасплох под четырехметровым льдом, самка начинает расширять заблаговременно одну из своих многочисленных отдушин. Одновременно она подрывает постепенно снег у самого льда, и в конце концов у нее получается прекрасная снежная хижина, полом которой служит лед, а крышей — громадный слой снега. Здесь она и рожает. Часто случается, что ее выслеживают собаки. Если детеныш уже достаточно велик, он бросается в море вместе с матерью, если же он недавно родился, то делается добычей эскимосов.

Так проходит время. Наступает июнь месяц, и снег стаивает со льда. Тогда тюлень вылезает на лед, чтобы

погреться на солнце и полюбоваться чистым небом и ясным днем после девятимесячного пребывания в темных глубинах. В это время года эскимосы ловят множество тюленей. Они замечают их вдали в виде каких-то черных точек на льду и тихо подкрадываются к ним, что бывает иногда необычайно трудной задачей. Охотник вооружается дротиком, ножом, ложкой и предметом для скрепления раны — тапота. Кроме того охотник накидывает на плечо небольшую шкуру тюленя и затем направляется к черной точке, стараясь подойти к ней как можно ближе. Тут он ложится на лед и начинает ползти. На льду тюлень так же пуглив, как и подо льдом, и если нет никаких торосов, за которыми можно спрятаться, то эскимосу приходится решать трудную задачу. Не сводя взора со своей добычи, ползет он вперед; если тюлень поднимает голову, он останавливается и ложится плашмя, пока тот не успокоится. Подползши совсем близко, охотник кладет тюленью шкуру себе под локоть и скользит вперед на ней, чтобы заглушить звук. Если тюлень обнаруживает признаки беспокойства, эскимос старается подражать его собратиям: хрюкает и скребет ложкой по льду, производя этим тот же звук, который получается, когда тюлень касается ластами льда. Таким образом охотник подкрадывается к зверю; если ему посчастливилось не испугать тюленя до тех пор, пока он не подобрался к нему на расстояние, нужное для кидания копья, он быстро поднимается и кидает копье с силой и уверенностью. В этот момент, конечно, большинство тюленей уходит, но многие становятся добычей эскимоса. Наши промышленники из Нурланда могут тоже рассказать о трудностях охоты за тюленями на льду. Часто охота за тюленями тянется несколько дней подряд, и охотнику приходится тогда брать с собой запас пищи: он и ест и спит на льду. Упорные ребята!

Вот снова наступил июль месяц; небо голубое, солнце греет, птицы летают, и на всех холмах цветут

цветы. В Нетчилли ставится палатка за палаткой и готовятся каяки для обтяжки.

Я никак не мог понять, каким образом различные эскимосские племена делят между собой место охоты. Но я думаю, что не слишком ошибусь, если скажу, что эскимосы-итчьуачторвик промышляют тюленя от острова Матти и дальше к северу; нетчилли от острова Матти на юг до Поинт Огла на материке; оглули от Огла к западу через пролив Симпсона и дальше к Оглули. Поэтому у киильнермиун-эскимосов очень большой район: от реки Медных Рудников до половины Оглули; может быть это племя многочисленнее других—или, может, эти места менее богаты тюленями, чего, однако, я не думаю. Постоянно бывает, что зимой два племени встречаются на охоте. Такие встречи не только не дают никакого повода к дракам и кровопролитиям, но, наоборот, являются причиной ряда празднеств; поэтому границы между различными районами охоты едва ли очень резко проведены.

Счет времени эскимосы ведут с величайшей точностью,—в пределах одного года. Если же нужно сосчитать число лет или, как говорят эскимосы, лет и зим, то эскимос сбивается и приходит к удивительным результатам. Так, например, старый Качкочнелли хотел однажды сообщить нам, сколько лет его дочери Алерпе или Кодлео. Он долго пыхтел; по эскимосскому обыкновению он считал по пальцам и глубокомысленно хватался то за средний, то за большой палец. Наконец, подсчет был закончен. Алерпе — взрослой, совсем развившейся женщине—оказалось всего семь лет! Но разные месяцы года эскимосы определяют совершенно точно. Поэтому мы могли уславливаться с эскимосами о встрече в назначенное время за много месяцев вперед, и они всегда бывали на месте.

По разъяснению Совы эскимосский год состоит из 13 месяцев со следующими названиями:

1) Капидра — январь, означает: холодно, эскимос мерзнет.

2) Хиккернаун — февраль: солнце возвращается.
3) Икиакпаруи — март: солнце поднимается.
4) Авониви — апрель: тюлень рождается.
5) Нетчьялерви — май: детеныш тюленя уходит в море.
6) Каваруви — июнь: детеныши тюленя линяют.
7) Ноеруи — июль (1): олень рожает.
8) Итчьяви I — июль (2): птицы высиживают птенцов.
9) Итчьяви II — август: птицы вылупляются.
10) Амераируи I — сентябрь: олени идут на юг.
11) Амераируи II — октябрь: то же.
12) Акааиарви — ноябрь: эскимосы устраивают склады.
13) Хиккерниллун — декабрь: солнце скрывается.

Разница между этим делением на месяцы и нашими не очень велика. Времена года определяются по состоянию льда и снега.

Опинган — весна (июнь и июль): когда снег исчезает со льда и лед вскрывается.

Авра — лето: когда нет льда (август, сентябрь).

Окео — зима: остальные 8 месяцев.

Таким образом у них только три времени года. Осени они не принимают в расчет.

Сутки делятся на:
обла — утро,
онон — вечер,
оноа — ночь.

Как пример того, насколько точно они следят за временем в пределах года, я могу рассказать следующее: Талурнакто 25 марта 1905 года сообщил мне, что ровно год тому назад мы встретились в первый раз. Наша первая встреча с эскимосами-нетчилли произошла 18 марта 1904 года. Высчитано недурно — и без календаря.

О религиозных представлениях эскимосов я не берусь рассказывать. Сведения, собранные мною по этому вопросу, чрезвычайно недостаточны и отрывочны, так что приходится до многого доходить собственным умом. Если у этого народа и была какая-ни-

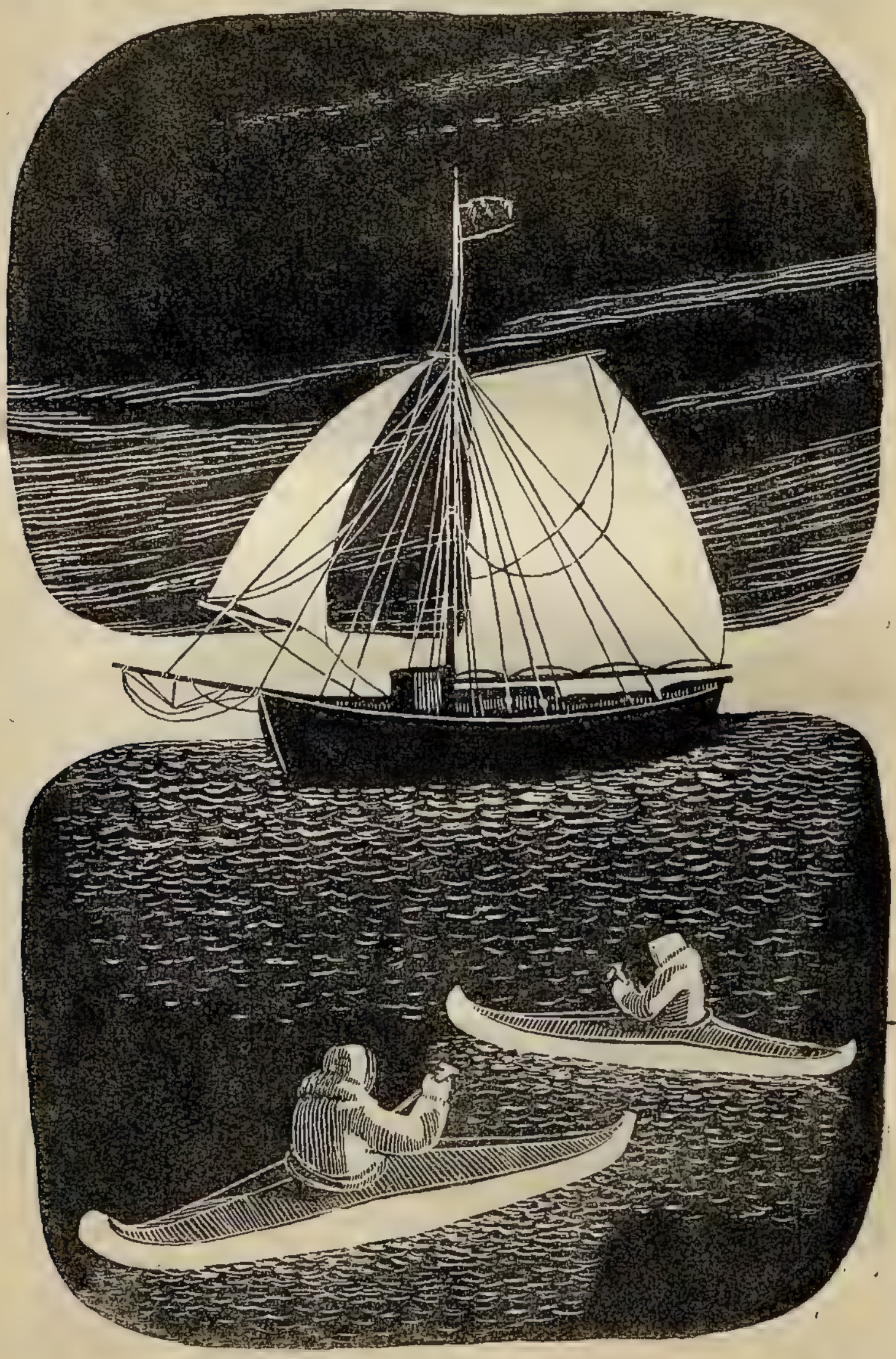
будь вера в высшее существо, то во всяком случае они умели ее хорошо скрыть. У них есть представление о будущей жизни: хорошие люди находят приют на луне, дурные в земле; звезды уготованы тем, кто был со всячинкой. На явления природы вроде северного сияния, падения звезд и молнии, радуги и т. п. они взирают вполне равнодушно.

Совершенно очевидно, что они любят жизнь. Но, с другой стороны, смерть не возбуждает в них никакого страха. Если они бывали больны или хилы, то совершенно спокойно прощались с жизнью и удушали себя. Во время нашего пребывания с ними произошло два таких случая.

Плавая на „Йоа", мы соприкасались с десятью различными эскимосскими племенами и имели отличный случай наблюдать влияние на них цивилизации, сравнивая эскимосов, приходивших в соприкосновение с цивилизацией, с теми, которых она совершенно не коснулась. И я должен высказать твердое свое убеждение, что последние, то есть эскимосы, живущие вдали от цивилизации, несравненно счастливее, здоровее, честнее и довольнее. Непременный долг цивилизованных наций, приходящих в соприкосновение с эскимосами, заботиться о них и при помощи законов и строгих предписаний предохранять их от многих опасных и дурных сторон так называемой цивилизации. Без этого эскимосы неизбежно погибнут. Надо отдать должное Королевской датско-гренландской торговой компании за ее методы управления своей гренландской колонией. Нужно надеяться, что и другие государства возьмут пример с датчан и почувствуют свою полную ответственность перед этими прекрасными и славными детьми природы, живущими у полюса.

Мое лучшее пожелание нашим друзьям эскимосам-нетчилли,—чтобы цивилизация никогда не коснулась их.

ОТЪЕЗД ИЗ ГАВАНИ ЙОА



С ЖИВЕЙШИМ интересом следили мы, как с наступлением весенних дней ровный снег, окружавший нас со всех сторон, мало-по-малу начинал пестреть и разрисовываться все новыми и новыми разнообразными узорами следов животных. Следы песца попадались нам всю зиму. Однажды утром у нас побывали первые куропатки и проплясали несколько удивительных беспорядочно-радостных танцев своими семенящими мохнатыми лапками. Вот в один прекрасный день появился заново вытканный узор — первых леммингов. Он долго шел прямо, потом зигзагами — как будто от страха, потом смешивался со следами песца и был покрыт пятнышками красной крови на белом снегу. Мы следили за меняющейся поверхностью снега, как за картой, на которую весна наносила свой путь.

На судне мы убрали снег и лед и открыли все световые люки и вентиляторы. Свежий воздух и свет ворвался во все душные зимние помещения на „Йоа".

Мы достигли теперь таких успехов, что без затруднения беседовали и болтали со своими эскимосскими друзьями о чем угодно. Этого, однако, не следует понимать в том смысле, что мы уже научились говорить по-эскимосски. Ничего подобного! После двух лет совместного пребывания с эскимосами мы были от этого еще дальше, чем в самом начале. Когда мы — Ристведт и я — во время своей санной поездки в 1904 г., а в 1905 г. лейтенант Хансен и Ристведт во время путешествия вдоль берега Земли Виктории — встречались с чужими эскимосами, те ни слова не понимали из того, что мы им говорили, а мы не понимали их. Но со своими старыми друзьями мы выработали, как я уже раньше упоминал, свой собственный язык и с помощью его отлично объяснялись. Я говорю „мы", но под этим разумею только нас шестерых. Седьмой участник экспедиции упрямо оставался при своем презрении к чужому языку и пользовался только норвежским языком из Нурлянда; но эскимосы вполне понимали и его. Иногда даже они быстрее схватывали, чем многие „кабулна".

Талурнакто стал теперь у нас совсем своим человеком. Желая иметь его всегда у себя под рукой во всякое время ночи, мы укладывали его спать на полу перед койкой лейтенанта Хансена. Между прочим, он храпел так ужасно, что будил весь корабль. Как только он начинал, лейтенант Хансен кидал в него сапогом, Талурнакто переворачивался на другой бок и продолжал слегка похрапывать. Но вскоре начинал снова и тогда опять получал напоминание. После третьего или четвертого раза обычно он переставал храпеть. Когда лейтенант покинул судно, Талурнакто перекочевал на его койку, чем был несказанно доволен. Нельзя написать лучшей картины человеческого благополучия, чем изобразив Талурнакто лежащим в хорошей кровати и высовывающим свое круглое лицо из-под одеяла, с вечерней трубкой — дымившей крепчайшим жевательным табаком. Вентиляция была настолько хорошая, что это не мешало мне. Но, когда он откладывал трубку в сторону и поворачивался, чтобы уснуть, приходилось не долго ждать начала его рыкающего храпа: можно было подумать, что у него все в голове разрывается на части. Я заранее запасался метательными снарядами, и вот бой начинался — книги, башмаки и тому подобное летело через всю каюту. Дело кончалось тем, что Талурнакто в последний раз высовывал голову из-под одеяла и говорил: „гу натти“, спокойной ночи, и тихо засыпал. Талурнакто знал больше норвежских слов, чем наш упоминавшийся выше седьмой спутник — эскимосских.

Просматривая магнитные наблюдения, сделанные вокруг станции, я несколько усомнился и подумал, что может быть, наши наблюдения производились слишком близко от судна и большое количество на нем железа могло оказать дурное влияние. Вик и я предприняли тогда многочисленные наблюдения, успокоившие нас в этом отношении. Расстояние между судном и ближайшей обсерваторией было около 500 метров, и это оказалось вполне достаточным.

Этой весной нам предстояло много разных серьезных работ. Мы должны были готовиться к уходу из

Посещение эскимосами гавани Йоа. Эти посещения в значительной степени сократили время тем из участников экспедиции, которые не были заняты научной работой

гавани Йоа, наши дома нужно было разобрать, а ящики снова пустить в употребление, как обшивку для жестянок; все инструменты уложить, провиант перенести и само судно приготовить к плаванию. Однако, со всем этим мы должны были обождать, пока весенняя погода не установится как следует, а на это нельзя было надеяться раньше июня месяца.

Между тем подходили все новые толпы эскимосов, среди них не мало новых и посторонних, влекомых сюда слухами о больших сокровищах, которые можно найти в Огчьокту. Многие из них прошли для этого несколько сот миль. С ними было немного клади — по здешним дорогам не повезешь корабельного груза; а за те немногие тюленьи шкуры, которые они смогли предложить нам, они получали несколько кусков железа или дерева и уезжали снова вполне довольные, увозя все это с собой. Умиктуаллу был испытанным дельцом. Он приметил, что я охотно покупаю красиво сшитые одежды. Скупая такие одежды у своих товарищей, он с большой прибылью продавал их мне. За зиму он выменял себе для своего заряжающегося с дула ружья немного пороху и пуль. Между тем брат его, Сова, одолжил ему свою винтовку ремингтон, которую я ему подарил; теперь ему нужно было выменять патроны для своего ружья, заряжающегося с дула, на патроны для ружья ремингтон. Он явился ко мне и спросил, не могу ли я произвести обмен. Он был необыкновенно хорошим охотником, и к тому же пообещал доставить мне окорока убитых им оленей, поэтому я исполнил его просьбу. Через несколько дней он пришел на судно произвести обмен и с самым невинным видом отдал мне все свои пули, но порох оставил себе. Я сделал вид, что ничего не замечаю, и пошел за патронами для ремингтона. Физиономия Умиктуаллу расплылась от удовольствия, что его хитрость так прекрасно удалась. Я сосчитал патроны — четыреста штук — и принялся преспокойно высыпать из них порох. Тогда он остановил меня и сказал, что ему не нужно одних пуль без пороха и заряда. „Это верно,— ответил я,— ведь и я тоже ничего не могу сделать с твоими пулями!“ Обмен состоялся, и Умиктуаллу пришлось посмеяться над своей неудачной выдумкой.

Однажды изобретательный Лунд поразил меня совершенно новым ружьем. Это был шедевр его изобретательности и совсем не плохо сделанный. Правда, Ристведт немножко помог ему, но это нисколько не умаляет его заслуги. Ружье было действительно рари-

тетом и могло занять место в каком уг дно музее. Дулом служил отрезок железной трубы от керосинового бака в машине. В старом складе на острове Бичи Лунд в свое время нашел старый ружейный замок и припрятал его. Удивительно, что на этом замке была метка оружейного мастера Андресена из Тромсё. Каким образом он попал туда,— трудно объяснить. Возможно, что он был занесен туда каким-нибудь шотландским китобоем, которые иногда проникают до Бичи. Теперь им воспользовался Лунд. Приклад был сделан из березы, несколько кусков этого дерева были у нас на судне. Я бы не стал утверждать, что это огнестрельное оружие было особенно красиво! Оно заряжалось с дула. Всем нам было очень интересно посмотреть, как сойдет пробный выстрел. Ружье было вынесено далеко на лед и от курка к судну проведен шнур, так что можно было выстрелить из ружья, оставаясь на судне. Проба оказалась чрезвычайно удачной, и Лунд с гордостью подарил своему другу, Утчьюнейу, ружье с собственной фабрики. Утчьюнейу застрелил из него несколько оленей, однако говорил, что, для того чтобы убить их, ему приходилось довольно близко к ним подходить. Кроме того оно немного „капризничало".

Однажды Сова пришел к нам на судно, веселый и довольный, как всегда. Он мог многое порассказать нам о тюленьей охоте. Эскимосы ловили теперь около 16 тюленей в день и все время проводили в танцах и играх и ели столько тюленьего мяса, сколько в них влезало. Я пригласил его в каюту, и мы — он, Талурнакто и я — сидели и беседовали, как старые друзья. Вдруг Талурнакто сообщил мне, что у Совы сломана ключица. Я осмотрел его и действительно обнаружил, что верхняя часть ключицы у него сломана при падении на ледяную глыбу. При помощи Вика я перевязал перелом и наказал Сове провести в покое две недели. Для наблюдения за ним я предложил ему жить это время у нас на судне, на что он с радостью согласился. Талурнакто радовался обществу своего доброго друга, и оба провели много долгих часов вместе за игрой в шашки. Приближалась уже пасха, и наш кок занялся большими

приготовлениями. В чистый четверг приехал мой старый друг Атиклеура с женой и детьми. Мы не виделись с ним целый год. Ружье, которое я ему дал, было у него с собой; оно было почищено и блестело, как заново отполированное, и бережно сохранялось в футляре из оленьей шкуры, сшитом ему женой. Около времени вскрытия льда в прошлом году он отправился в Нетчилли со стариком-отцом, Кагоптиннером и семьей, чтобы провести там лето и первую половину зимы. В прошлом году я заказал ему лососей, и теперь он привез 70 огромных, жирных рыбин, пойманных осенью в Нетчилли. Он подарил мне еще два больших тюка с тюленьим салом, четыре оленьих шкуры и одну медвежью. В обмен я дал ему пилу, топор, нож и 100 патронов. Он сиял. Налунгия получила швейные иголки, наперсток, бусы и спички. Да, бусы. Я привез с собой большой запас бус, также поступил лейтенант Хансен в надежде на крупные сделки. Поэтому мы были очень разочарованы, когда оказалось, что эскимоски ни капельки не интересовались этими украшениями. Здесь нам на помощь пришли деловые таланты Хансена. Эти таланты я обнаружил у него в первый и, кажется, в последний раз. Хансен принялся делать из бус кольца, брошки, ожерелья и пр. И вот в один прекрасный день мы устроили у себя в каюте прием и угостили эскимосов патокой и собачьим салом. Когда настроение поднялось, лейтенант роздал часть своих украшений в подарок, одновременно мы продемонстрировали фотографии гренландских эскимосов, богато украшенных бусами. С этого времени курс бус поднялся и, когда мы покидали Огчьокту, они были в большой цене.

Когда однажды я пришел к эскимосам в гости, то встретил в стоянке юношу оглули, по имени Угпи, принимавшего зимой участие в воровстве из нашей продовольственной палатки. Как уже упоминалось, я строго запретил ворам пребывание в Огчьокту, и поэтому мальчик все время прятался по хижинам. Несчастный случай столкнул его прямо со мной. Я взял его за руку и резко сказал:

— Это ты, воришка? Разве ты не знаешь, что я запретил тебе приходить сюда?

Мальчик не отступил ни на шаг и не изменился в лице, а стоял и смотрел на меня с милой улыбкой. Но несколько пожилых эскимосов подошли и заверили меня, что мальчик сейчас же уберется отсюда. Затем я прошел к Атиклеуре. Вскоре он сам явился в хижину с мальчиком, который оказался его шурином, братом Налунгии. Она очень огорчилась, услышав, что тот должен уходить; было трогательно видеть, как заботливо она укладывала ему в сумку провиант, набивая ее лососиной и другими хорошими вещами. Я понял, что наш авторитет в этой местности совершенно упрочен, и, принимая во внимание, что нам уже недолго оставалось здесь пробыть, сказал Атиклеуре, что юный преступник может оставаться, — если только он, Атиклеура, поручится мне за его честность. Он на это согласился, и все стороны остались довольны. Я лично не очень негодовал на это воровство. Оно было совершено из нужды и голода и не имело бы места при обычных обстоятельствах. Однако, я оставил в силе свое запрещение для взрослых участников преступления, и потому, когда старый Терайу с семьей появился, чтобы поселиться среди своих друзей, ему сказали, что запрещение не снято, и он сейчас же покинул наши места. Я упоминаю об этом, чтобы показать, какое уважение нам удалось внушить к себе этим людям. И я без хвастовства решаюсь сказать, что этот результат был достигнут без всяких насильственных мер или жестокостей, а исключительно благодаря тому, что мы всегда насаждали справедливость и право.

Бедненькая Каблока — превосходная жена Совы, всегда с готовностью исполнявшая каждую просьбу,— наконец, после трех лет брака оказалась беременной. В таком положении она проходила со своим мужем по 20 миль в день. Очевидно, радуясь своему положению, она обвесила множеством бус наиболее выдающуюся часть своего маленького тела и выглядела в таком виде чрезвычайно забавной!

Только теперь мы настолько подружились с эскимосами, что они возымели к нам доверие и были с нами довольно откровенны. Много раз я спрашивал их, не знают ли они чего-нибудь об экспедиции Франклина. Но они давали мне только уклончивые ответы. Мне удалось, наконец, убедить оглули-эскимоса Утчьюнейу рассказать мне все, что он знал. Он был очень хорошим и толковым человеком, и его рассказ довольно точно совпадает с тем описанием, которое Шватка слышал 25 лет тому назад. Какой-то корабль был принесен к Оглули и однажды зимой обнаружен эскимосами, когда те охотились на тюленей к югозападу от мыса Крозье, югозападной оконечности Земли короля Уильяма. Тут они забрали все дерево и железо, которые им удалось ободрать с корабля, а когда наступила весна и лед вскрылся, то судно потонуло. Эскимосы ели в тот раз из таких же жестянок, как наши, но заболели, а некоторые даже умерли от этого. О другом судне они ничего не знали. По всей вероятности его раздавило льдом у северной стороны Островов Королевского Географического общества. На основании этих разъяснений мы могли с уверенностью заключить, что единственной частью Северозападного прохода, еще не пройденной никем на корабле, был участок от того места, где потонуло это судно, до Кэмбридж Бэя на Земле Виктории, где зимовал Коллинсон в 1852 году.

Однажды к нам на судно пришел радостный и сияющий Талурнакто и рассказал, что он поставил фонарь под глазом Атиклеуре. Это событие удивило и заинтересовало меня, и я попытался выяснить, что тут произошло. Да, совершенно правильно! У хижины Атиклеуры стояла целая толпа эскимосов и болтала о чем-то; Талурнакто бросил какое-то замечание, не понравившееся Атиклеуре, и тот съездил по уху маленького толстяка. При обычных условиях Талурнакто спокойно перенес бы наказание. Но теперь он стал почти-что „каблуна“, жил на судне и вообще был человеком уважаемым и почтенным. Поэтому он не мог этого перенести и следовательно смазал изо всех сил Атиклеуру, угодив

ему в глаз. Дальше у них дело не пошло. Удар за удар—и затем баста! Эскимосы относятся к таким вещам с величайшим благоразумием.

Наступил уже конец апреля, и кое-где на берегу снег стаял под лучами солнца. Как и в прошлом году, вид голой земли ласкал наш взор и будил отрадное чувство в душе! 1 мая толщина льда достигала всего 188 см против 380 см в прошлом году. С 1 апреля по 1 мая этого года слой льда убавился на 2 см, тогда как в прошлом году за тот же самый промежуток времени он значительно увеличился в толщину.

В этом году плоховато обстояло дело с куропатками. Мы угощались ими не больше раза в неделю. Напротив, песцов все время было много. Ристведт ловил их в капканы; он поймал бы гораздо больше, если бы у него хватало времени регулярно наблюдать за капканами. Времени же у него не было, потому нередко случалось, что он находил только остатки пойманного зверя, съеденного своими же собратьями. А то еще песцы пускались весной на такие забавные проделки: они отыскивали на льду тюленьи отдушины и долго копались в снегу, но из этого ничего не выходило — им оставалось только нюхать запах тюленя.

При отъезде из Норвегии мы не взяли с собой дробовиков, так как нам сказали, что мы легко достанем их в Годхавне. Только один Ристведт взял с собой дробовик. Но когда мы прибыли в Годхавн, то оказалось, что там ни за какие деньги нельзя достать ни одного ружья. Управляющий колонией и его помощник любезно отдали нам свои ружья. Я получил одностволку, а лейтенант Хансен двустволку, но нам сказали, что это не особенно хорошие ружья. Но ведь что-нибудь лучше, чем ничего, — кое-какую службу ружья нам сослужили. Лейтенанту, однако, его ружье доставило много огорчений. Не раз он отстреливал у него куски ствола, так что оно в конце концов стало походить на „револьвер дробовик“. И получило название „садовой лейки“. Осенью 1904 года лейтенант совсем забросил это ружье. В один прекрасный день Хансен нашел его, вычистил и отдал восхищенному Талурнакто,

который решил, что может извлечь из него пользу, если будет подкрадываться поближе к птицам. Однажды вечером Талурнакто явился к нам на судно, горько рыдая. Слезы текли у него из глаз, когда он рассказывал, что „лейка“ взорвалась! Эскимос выстрелил сразу из обоих стволов, чего не вынесла эта старая галоша! Когда Талурнакто увидел, что мы отнеслись к такому несчастью совершенно спокойно и только поздравили охотника с тем, что он вышел невредимым из всей этой истории, слезы у него высохли и сменились улыбкой.

Я пользовался у эскимосов чрезвычайно лестным кредитом. У нас кончился запас ножей, нашего лучшего средства для обмена. Но оставалось еще четыре больших великолепных стальных пилы для льда. Из них можно было наделать массу ножей. Но наш кузнец находился в санной экспедиции, и потому мне пришлось выдавать своего рода векселя на будущие ножи, с платежом через две недели после возвращения кузнеца. На патроны я тоже обычно выдавал векселя, так же с платежом на кузнеца, бывшего у нас и заведующим огнестрельными припасами. В начале эскимосы приходили в недоумение, получая вместо ножа или 50 штук патронов какой-то клочок бумаги, но, когда поняли в чем тут дело, то все мои бумажки стали охотно ими приниматься. Я выдал несколько таких векселей летом 1904 года, а их представили мне для оплаты только летом 1905 г. Векселя были сейчас же погашены к великой радости векселедержателей!

В начале мая вдруг всем женщинам сразу пришла в голову удивительная мысль, что я необыкновенно высоко ценю—тюленьи пузыри! Сами эскимоски пользовались этим пузырями для хранения в них летом оленьего сала. И вот женщины начали толпами приходить на судно и приносили с собою целые горы этих надутых вещей. Некоторое время я принимал женщин и дал им несколько иголок, но когда их стало „слишком много для одного человека“, я принужден был объявить, что пузыри не котируются больше на бирже! Конечно, наверное кто-нибудь из моих товарищей

пустил в ход эту басню о моем пристрастии к пузырям!

После этой „пузырной эпопеи“ вся каюта была увешана надутыми тюленьими пузырями, они висели повсюду, куда ни взглянь — на потолке, на стенах...

9 мая мы всерьез приступили к весенней работе. Тут нам очень помогал Талурнакто, который к тому же в эти именно дни нарядился в новый костюм. Он получил от Вика пару штанов из тюленьей кожи, привезенных из Годхавна. Они сидели на Талурнакто, как кожа на колбасе, и по утрам он тратил немало усилий, натягивая штаны на ноги. Наконец, он ввинчивался в штаны, делал несколько пробных приседаний — удавались только самые незначительные, глубокие он не рисковал делать,—и объявлял с удовлетворением, что это будут великолепные каячные штаны! Тут он был прав: в таких тисках плевое дело сидеть смирно!

Половина брезентовой крыши, натянутой над судном, была снята и все приготовлено для уборки трюма. Окончилось подземное пребывание Линдстрема! Камбуз, все время помещавшийся в трюме, был снова перенесен на палубу, — забавно было увидеть снова этот старый ящик на своем месте, хотя красивым он не сделался от пребывания в темной дыре! За зиму в трюме скопилось много сырости, и мы поставили там виндсейли для просушки помещения. Пятьдесят бочек с керосином, лежавшие на дне судна, были перелиты в целые железные бидоны. Пустые бочки были вынесены на берег и стояли там, возбуждая живейший интерес и тайную зависть у эскимосов. Я решил собрать все пустые бочки, ящики, консервные банки, старые доски и тому подобное, разделить их на 10 отдельных куч и отдать по одной каждому из десяти самых лучших и дельных эскимосов, но пока им приходилось довольствоваться только глазеньем и запахом!

Прежде всего мы перетащили на борт судна балласт — большие камни с берега. Для переноски на судно провианта нам нужны были раньше всего ящики; для этого необходимо было разобрать дома, чтобы собрать все то, что пошло на их постройку. Легче всего было

обойтись без „Магнита“. Вариационный дом мне хотелось сохранить подольше, чтобы продолжать наблюдения. Вик со всеми своими вещами перебрался на судно и занял свое старое место в каюте, и 15 мая началась разборка „Магнита“. Вся станция со всеми своими домиками стала нам родной и потому дорогой, и было как-то больно разорять ее.

Когда вершина холма, где стоял „Магнит“, снова стала такой же пустой и голой, как при нашем прибытии сюда, то этот холм явил нам еще ярче, чем в прошлый раз, картину полной заброшенности и одиночества. Но за этим печальным чувством в нас рождалось другое, более сильное и светлое: ведь это начало дальнейшего продвижения вперед. Каждый переносимый нами ящик приближал час нашего отплытия и переносил нас все ближе к цели наших надежд и стремлений. Не стану отрицать, что у меня замирало сердце при мысли о том часе, когда мы поднимем норвежский флаг, встретившись с первым судном по ту сторону Северозападного прохода! Вся печаль и сожаление исчезали под влиянием этого чувства, и мы разбирали ящики с нетерпеливой поспешностью.

Суббота, 20 мая, была великим днем на „Йоа“. До самого вечера этот день протекал, как обычно. В 12 часов пополудни солнце стояло на юге, как обычно; в $3^1/_2$ часа Линдстрем кончил свою возню с обедом, как обычно; в $6^1/_2$ часов мы ужинали и думали уже, как обычно, залечь спать в $9^1/_2$ часов вечера. Вик, окончив свои метеорологические наблюдения, вернулся с вершины, где стоял „Магнит“ и сообщил, что на льду видны люди. Но это бывало очень часто. Вик сказал, однако, что ему показалось,—несмотря на значительное расстояние,—что это сани с необычайно большим количеством собак и что они двигаются с большой быстротой. Тогда я послал Талурнакто навстречу посмотреть, в чем дело. Ведь наши друзья эскимосы обычно не пользуются курьерскими поездами. Талурнакто не вернулся, и мы были вполне уверены, что это наверное, какое-нибудь эскимосское семейство, которое устраивается на ночь. Поэтому я лег спать, но я не долго

пролежал, — на палубе послышались незнакомые торопливые шаги, и тотчас же в мою каюту ввалился человек.

— Go morning! you give me 'moke!

Это был Атангала. Он стоял передо мной с величайшей торжествующей улыбкой, протягивая мне руку и прося одновременно не пожимать ее слишком сильно, так как она у него болит. Я мало интересовался его улыбкой, рукой, „'moke" и т. д., я лишь смотрел, где же почта...

— Писем нет?

— Писем? Как же, на санях их целый ворох!

Ему показалось обидным и удивительным, что с письмами была такая спешка; но я второпях накинул на себя кое-какую одежду, и мы оба выскочили на палубу. Все повскакали впопыхах, и вскоре мы столпились у саней Атангалы. Из-под вороха тряпья и всякого скарба он извлек, наконец, прекрасную плотно запаянную жестянку.

Это была почта!

Я даже не буду пытаться описывать свое чувство, когда я держал в руках эту жестянку, в которой заключались вести из живого, шумного мира. Мы, правда, знали, что там не может быть вестей непосредственно от наших близких. Но там были сообщения о великом человеческом обществе, к которому все мы принадлежали и от которого были так давно изолированы! Одно слово „почта" уже находило глубокий отклик в наших сердцах!

Мы отнесли свое сокровище к себе на „Йоа" и толпой собрались вокруг него. Лунд быстро пустил в ход паяльную лампу, и скоро жестянка была открыта. Первое письмо, которое я вынул, было от майора Муди, начальника Северозападной конной полиции и командира судна „Арктик", принадлежавшего канадскому правительству. Это был прежний „Гаусс", построенный для немецкой южнополярной экспедиции, плававшей на этом судне под начальством профессора Эрика ф. Дригальского. „Арктик" занимался теперь изучением условий вокруг Гудзонова залива и зимовал у мыса Фуллертона

у Ровс-Уэлкома, одного из рукавов Гудзонова залива. В чрезвычайно любезном письме майор предлагал нам всяческую помощь, если мы будем находиться недалеко от него. Кроме того он посылал мне 5 собак для санной запряжки. От капитана „Арктика“ Бернье я получил тоже длинное и интересное письмо. Его сообщение об американских китобоях у северозападного берега было для меня очень кстати и чрезвычайно важно. Капитан прислал нам кроме того целую кучу газетных вырезок и фотографий, на которые мы с жадностью набросились. В тех же местах зимовал американский китобой „Эра“, от командира которого, капитана Комера, я получил теплое и любезное письмо. Он посылал мне еще пять собак. Я писал о собаках в надежде, что Атангала вернется до отъезда лейтенанта Хансена; однако, собаки прибыли только через шесть недель после отъезда санной экспедиции, а так как у нас не было для собак пищи, то я был принужден отослать их обратно. Майор Муди принял на себя поручение захватить с собой нашу почту. Я не нахожу слов благодарности этим троим людям за ту сердечность и любезность, с какой они протянули нам руку помощи!

Из многих крупных новостей, полученных нами, самой интересной была война России с Японией. С радостью и благодарностью приняли мы сообщение о том, что датское правительство оставило для нас склад в гавани Леопольда; ведь очень может быть, что он нам еще пригодится.

Далеко за полночь просидели мы, обсуждая все эти новости. В спешке, с какой мы все повскакали, никто не успел хорошенько одеться, и все мы, жадно склонившись над письмами и газетами, являли собой чрезвычайно забавное зрелище. Атангала воспользовался случаем и угощался одним „'moke“ за другим. На этот раз его сопровождал сын Арнана, чудесный юноша лет 25. Когда, наконец, я улучил минуту заняться мистером Атангала, он рассказал мне, что его путешествие протекло вполне хорошо — хотя с пищей было немного туго — до самого дома Атангалы, поблизости от Честерфильд Инлет; эскимосу нужно было заехать сначала

домой. Здесь ему встретились мускусные быки, и он стал охотиться на них. Один патрон засел в дуле ружья, и, в то время как Атангала вынимал его, ружье выстрелило само собой, разумеется, и оторвало Атангале указательный палец. Когда он пришел к своему племени, друзья и родные уговаривали его отказаться от доставки почты, а лучше остаться дома лечить свой палец. Но он устоял от всех соблазнов и отправился дальше. В награду за выполнение поручения он должен был получить старое ружье и 400 патронов. Поэтому я склонен думать, что исполнить свое обязательство его побуждало не только желание получить вознаграждение. Атангала находился, видимо, под влиянием более высокого чувства и хотел показать себя человеком слова. В тех условиях, в которых мы находились здесь, такой человек ценен вдвойне. Поэтому он получил значительную прибавку к плате, и во время его пребывания у нас мы обходились с ним, как с нашим уважаемым гостем. Он был в восторге, особенно от тех похвал, которые я расточал ему за его честность. 23 мая в 11 часов утра он снова отправился на юг с лишними собаками и новой почтой. Он должен был попытаться дойти до „Арктика“ еще до вскрытия льдов и ухода судна.

Между тем мы продолжали работу над провиантом. Жестянки были вынуты из склада, уложены снова в деревянные ящики, занумерованы и занесены в список провианта. Это было сделано в два дня; во второй и, надеюсь, в последний раз наш провиант был готов для погрузки на судно. Эскимосы оказались нам очень полезны; всегда находились среди них свободные молодые люди, которых мы и приглашали. Я работал на берегу с тремя помощниками-эскимосами, а Лунд и Хансен справлялись одни на судне. Все шло быстро и гладко. Ящики подвозились на санях к борту судна, поднимались наверх и спускались в трюм, где и укладывались по местам. Составлялся точный чертеж расположения ящиков, и мы в каждый данный момент могли отыскать то, что нам было нужно.

Начали показываться олени; Талурнакто постоянно охотился на них. Вечером он возвращался домой, и

затем снова уходил с санями за добычей. Я купил у эскимосов-нетчилли одну собаку. Она называлась „Ачкеамулеа",— не правда ли, чрезвычайно легкое имя, чтобы впопыхах звать ее? Я нашел его все-таки несколько длинным и перекрестил собаку в „Акчьа"— северное сияние. Кроме того я оставил себе одну из собак, приведенных Атангалой, ее кличка была еще труднее, и я назвал ее „Фикс". „Фикс" был худ как скелет, когда его привели. Через две недели он сделался таким жирным, что едва поворачивался. Мы кормили обеих собак остатками от оленьих туш и перевозили на них животных, убитых Талурнакто. Но во время одной из битв Фикс распорол живот Акчье, и тот скоро издох. Это было очень глупо со стороны Фикса, ибо теперь приходилось работать ему одному!

В последних числах мая эскимосы кончили свой зимний промысел тюленя и перешли на берег к летним занятиям — охоте на оленей и рыбной ловле. По пути они большими толпами заходили в Огчьокту приветствовать нас и, если будет возможность, выменять что-нибудь. Я воспользовался случаем, чтобы разделить между эскимосами свои дары. Мои десять куч дерева и железа превратились уже в одиннадцать. Как раз столько было эскимосов, которые все время помогали нам и были преданы и полезны, все хороший, способный народ, который стоило поддержать. Приятно было видеть, как они радовались нашим подаркам. Особенно сиял Талурнакто, прохаживаясь около своих сокровищ со значительным серьезным видом богатого человека. Бедняга! Стоит ему только во второй раз занять в доме Акклы место супруга, и все его богатство улетучится!

1 июня 1905 года саморегистрирующие инструменты были остановлены, после 19 месяцев непрерывной работы. Вик один наблюдал за их работой и делал это с такой тщательностью и точностью, оценить которые невозможно. В этот день был праздник, и потому не велось никакой работы. Вечером я собрал всех наших эскимосских друзей и одарил их пустыми консервными банками. Банок было несколько сотен, и я собрал их

Сова на ловле форелей

всех в огромную кучу на одном из пригорков. Затем я расставил кругом кольцом всех женщин и объявил им, что, когда сосчитаю до трех, они могут бежать со всех ног и загребать себе сколько влезет. Мужья стали за своими женами и вот: раз, два, три — все бросились вперед, растопырив обе руки, как лопаты. Женщины загребали коробки, кидая их назад между ног, ведь юбки их не стесняли,— а мужчины хватали, что к ним летело, и каждый собирал свое. Смех и оживление, крик и шум, банки катились, мужчины прыгали — и от кучи осталось одно воспоминание!

В тот же вечер сюда пришло одно семейство, состоявшее из мужа, жены и троих сыновей. Старший из них был юношей лет 25. У него с детства были парализованы ноги, и родители возили его за собой на тюленьей шкуре. Так они делали все эти долгие годы. Калека был красивый мальчик, стройный и высокий, с длинными, черными как смоль волосами. Он был с та-

туировкой на носу — единственный татуированный мужчина, виденный мною. Его, надо сказать, высоко чтили как ангекока — шамана. У нас было много лишних саней, и я отдал одни этим людям, чтобы им легче было возить больного. Они неописуемо обрадовались, а сам молодой человек просто не знал, как ему выразить нам свою благодарность. Он подарил мне самое дорогое, что у него было, видимый знак своего достоинства, как шамана. Это был венец и головная повязка из оленьего меха. Я остался страшно доволен этим подарком, так как он явился ценным вкладом в мою этнографическую коллекцию.

Навья была снова приглашена к нам швеей. Она приходила после завтрака, оставалась до вечера и кормилась на судне. Ее маленький сын, Нанурло, приходил вместе с ней. Она сидела в каюте, и здесь Вик постоянно составлял ей компанию, занимаясь занесением магнитных наблюдений в главную книгу. Несмотря на свои 50 лет, Навья была непоседлива и весела, как девочка, всегда поднимала шум и гам и неутомимо болтала. У нее на теле водились вши — очень большая редкость, потому что у других эскимосов они были обычно только в голове. Постоянным развлечением Навьи было засовывать руку за пазуху, вытаскивать оттуда вшу и показывать ее Вику, который, однако, ничуть не ценил такого внимания со стороны своей гостьи. Когда однажды его позвали на палубу и он вернулся через несколько минут, оказалось, что Навья, вооружившись пером, измазала всю страницу его главной книги, украшенную стройными рядами цифр. Эскимоска была чрезвычайно горда своим произведением, однако была награждена целым градом посыпавшейся на нее брани. На Навью невозможно было долго сердиться, и Вик скоро простил ее. Она была удивительно хорошей швеей и из всех моих прекрасных мехов нашила мне одежды. Из медвежьей шкуры сделала штаны, а из отборных оленьих мехов анараки. За каждую новую вещь она получала тот или иной предмет. В высокой цене была у нее, как и вообще у всех дам, наша эмалированная посуда, а также фарфоровая и глиня-

ная. У себя дома в хижинах эскимоски часами вылизывали и полировали эти предметы хозяйственного обихода.

Маленькие мальчики, как и в прошлом году, опять занимали места на льду и удили мелкую треску. Я иногда заходил туда к ним, посмотреть на них, и нередко не мог удержаться, чтобы не попросить дать и мне удочку и не попытать самому счастья. Им казалось это чрезвычайно интересным и смешным. Они не могли себе представить, чтобы взрослый человек сам, по своей доброй воле, занимался ужением мелкой трески.

2 июня мы начали разбирать вариационный дом. Эту работу выполняли Линд с Хансеном, и с помощью эскимосов дело у них шло быстро.

При моем отъезде из Германской морской обсерватории профессор Неймайер дал мне фотографию, которую я обещал оставить где-нибудь возможно ближе к магнитному полюсу. Во время своего санного путешествия к полюсу весной 1904 года я брал с собою эту фотографию, но тогда не нашел удобного места, чтобы оставить ее. Эскимосы при первой же возможности расхитили бы все, что мы закопали бы, если бы мы как-нибудь отметили это место. Поэтому я решил закопать фотографию на том месте, где была произведена наша главная работа — под вариационным домом. Теперь, когда дом был снесен, и эскимосы достаточно порылись на месте, где он стоял, я, воспользовавшись случаем, когда никого из них не было, закопал фотографию там. На оборотной стороне я написал: „С глубокой благодарностью и в знак почтительной памяти оставляю я эту фотографию на полуострове Неймайера. Экспедиция „Йоа“, 7 августа 1905 года. Руал Амундсен“. Фотография была положена в плоскую жестяную коробку и закрыта под цементированной каменной подставкой, на которой стоял регистрирующий инструмент. Сверху был насыпан песок. Длинный земляной холм по форме бывшего дома отметит то место, где в течение 19 месяцев стояли саморегистрирующие инструменты экспедиции „Йоа“. Если на это место приедет какая-нибудь будущая экспедиция и захочет поста-

вить свои инструменты как раз на то же место, где их ставили и мы, то эта коробка будет служить ей путеводителем.

Местоположение дома было определено позднее также с наивозможной точностью измерениями лейтенанта Хансена. На том месте, где стояла наша обсерватория для абсолютных магнитных измерений, как раз под штативом инструмента, все время стоявшего на одном и том же месте, был закопан желтый камень известняк длиной в 1 фут и $^1/_2$ фута шириной, отмеченный вырубленной на его поверхности буквой „д". Поискав немного, всегда можно будет легко найти этот камень. Если бы мы на этом месте поставили гурий, то возможно, что в течение нескольких лет эскимосы и относились бы к нему с почтением, но в конце концов они его непременно бы уничтожили.

Все уже было перенесено на судно, и оставалось только привести его в красивый для глаза вид. Может, ведь, случиться, что мы встретим людей в этом году и они не смогут тогда сказать, что у нас в Норвегии плохо следят за внешностью судна. Поэтому „Йоа" был выкрашена и прошпаклевана. А также и все наши лодки. В результате судно выглядело так же красиво, как и в тот день, когда оно вышло с верфи. Все с жаром занялись этой работой. Ристведт и Лунд сделали даже элегантный трап из железа и дерева; он привлек к себе общее внимание, когда мы пришли в Сан-Франциско.

— Никто не скажет, что мы зимовали два года!

В один из июньских дней я пришел в стоянку эскимосов и увидел у одного из них наш столовый нож, которым он ел. Я сейчас же взял у него нож и спросил откуда он его достал. Оказывается, это подарок Талурнакто. Я тотчас же позвал к себе грешника, и он сразу сознался. Нож случайно бросили за борт, а он его поднял. Он не старался оправдаться, и хотя вообще преступление было не велико, но я все-таки, ради примера, запретил эскимосу приходить к нам на корабль в течение недели. Он подчинился запрещению и строго выполнял требование. Когда срок прошел, эскимос вернулся все такой же довольный и улыбающийся.

Санная экспедиция Годфреда Хансена к Земле Виктории. На первых санях Годфред Хансен

Теперь мы стали с нетерпением ждать возвращения санной экспедиции. Так как она не вернулась по истечении первых 7 недель, то я решил, что мои товарищи нашли склад на мысе Крозье в полном порядке. Но даже при этом условии они должны были быть дома 16 июня. Многие эскимосы только что пришли из самого Оглули, но никто не видел их. Я начинал уже беспокоиться. Так как около нас собралось такое большое количество эскимосов, то мы организовали ночные вахты. Я поручил вахтенным зорко следить и сейчас же будить меня, если они увидят что-нибудь похожее на наших путешественников.

24 июня, день Ивана Купалы, должно было быть у нас свободным днем. Он оказался для нас вдвойне праздничным. В $6^1/_2$ часов утра пришел Лунд, стоявший на вахте, и разбудил меня:

— Ну, вот и наши ребята!

Я не долго одевался. Было чудесное, совершенно тихое и ясное утро. От мыса Фрамнеса действительно

шли наши два товарища. Трудно описать, как я был рад и как облегченно вздохнул, увидев их. По тому, как они обращались с собаками, уже издалека было видно, что они сильны и здоровы. Быстро взвился флаг. Теперь опять все собрались на судне и при том в самом праздничном настроении! Был подан „лучший“ завтрак, и тут же мы услышали краткое описание путешествия.

Вообще день возвращения домой прошел шумно и весело.

Подробный отчет лейтенанта Годфреда Хансена приведен в следующей главе.

К земле короля Гокона

ВО ВРЕМЯ плавания по узким и мелким проливам Северозападного прохода всем из нас много приходилось иметь дело с управлением судна в прямом смысле этого слова. Что же касается картографических работ экспедиции „Йоа“, то они главным образом производились во время путешествий на санях и на лодке. Поэтому часть выполнения их пришлась на мою долю.

Важнейшими были:

1) Санная поездка до мыса Ричардсона на материке Америки в марте 1904 года, во время которой были открыты два острова в проливе Симпсона, названные по имени командора А. П. Ховгорда. Путешествие продолжалось 10 дней, и мне с моим спутником, Ристведтом, пришлось самим тащить сани, так как собаки, которых пощадила собачья болезнь, были заняты в санной поездке с капитаном Амундсеном.

2) Поездка на запад на лодке до мыса Крозье. Целью ее было исследование условий в узком месте пролива Симпсона, имея в виду проход через него „Йоа“ на следующее лето, а кроме того устройство склада пеммикана и собачьего корма в количестве 230 кило у мыса Крозье. Поездка длилась с 6 августа до середины сентября 1904 года Хансен сопровождал меня управлял лодкой.

По дороге мы нашли черепа и несколько костей двух белых людей. Они лежали раскиданные по низкой прибрежной полосе у мыса Холла и были теми самыми, которые этот полярный исследователь в свое время положил под кучу камней. Мы нашли поблизости и самый камень, на котором Холл высек следующие слова: „Eternal honor to the discoverers of the NW passage“. [1]

Мы снова собрали кости и сложили над ними кучу камней. А сверху положили камень.

3) Санная поездка весной 1905 г. к Земле Виктории и дальше, вдоль ее неизвестного восточного берега.

В последующем я подробно опишу это путешествие. Ристведт сопровождал меня. Я многим обязан

---

[1] Вечная память открывшим Северозападный проход.

его уравновешенности, ровному настроению духа, верному ружью и непоколебимому мужеству.

Перед отправлением в путь я подал капитану Амундсену следующий рапорт:

„Начальнику норвежской экспедиции на „Йоа".

В дальнейшем имею честь сообщить о тех мероприятиях, которые я принял в связи с совершением, согласно Вашего приказа, санной поездки для нанесения на карту неизвестной части западного берега пролива Мак-Клинтока.

Экспедиция состоит из двух человек с 2 санями и 12 собаками.

Прозиант для людей установлен главным образом согласно Вашего нормального списка и состоит из следующего:

Нормальный список для ежедневного питания на человека

Маргарин	30 г.
Шоколад	200 „
Хлеб	300 „
Пеммикан	200 „
Овощи	25 „
Гороховая мука	25 „
Сушеная черника	5 „
Сахар	5 „
Кофе	5 „
Соль } Перец }	5 „
Всего	800 г.

Отсюда список провианта для 2 человек на 70 дней

Маргарин	4 кг.
Шоколад	28 „
Хлеб	42 „
Пеммикан	28 „
Овощи	3½ „
Гороховая мука	3½ „
Сушеная черника	1 „
Сахар	1 „
Кофе	1 „
Соль } Перец }	1 „
Всего	113 кг.

Склад, устроенный летом 1904 г. у мыса Крозье, состоит из:

Стопленной смеси рыбы и сала	100 кг
Пеммикана (для собак)	130 кг

Считая, что путь Огчьокту (гавань Йоа) — мыс Крозье займет 7 дней, что там на складе будет оставлен провиант на 7 дней для возвращения домой, весь провиант при наличии запасов на мысе Крозье рассчитан на 55 дней.

Если же склад на мысе Крозье разорен, то поездка от этого пункта может продолжаться только 34 дня, но тогда нужно будет убить 4 собак.

Маршрут наш следующий:

Начиная с 1 апреля экспедиция готова к выходу. Путь идет по проливу Симпсона до мыса Крозье, где оставляется отчет. Отсюда прокладывается курс на истинный восток к самому высокому из островов в группе: „Земля, замеченная Рэ“. Эта группа исследуется, после чего курс прокладывается на истинный север через Дрифтвуд Пойнт, мыс Альфред и Пелли Пойнт до „Самой дальней точки, достигнутой Коллинсоном“ и оттуда в неизвестную область у Гленели Бэя.

Расстояние по воздушной линии около 850 миль, поэтому возвращения в гавань Йоа можно ожидать вероятно в начале июня.

Если же при возвращении домой пролив Виктории окажется непроходимым, или встретятся иные препятствия, которые помешают экспедиции быть в Огчьокту самое позднее 15 июля, то мы направимся к мысу Колборн (Пролив Диз), который по описанию Коллинсона низкий и песчаный. Тут будет поставлен на видном месте гурий“.

Затем следовал отчет о тех съемках, которые были выполнены до этих пор. Ведь нельзя было быть вполне уверенным в том, что мы вернемся назад.

1 апреля наши сани были готовы. На сани Ристведта погружено 230 кг, на мои 206 кг. Я должен был ехать впереди, и мы полагали, что задним собакам будет легче везти. Полозья мы обледенили по

эскимосскому способу. Но ветер выл и крутила метель. Погода была слишком скверная для начала путешествия.

Мы решили подождать и посмотреть, что будет завтра утром.

2 апреля. День наступил при подходящей для путешествия погоде. Все еще дул свежий южный бриз, и воздух был чрезвычайно мглистый. Температура, однако, была всего — 4°С, так что небольшой ветер действовал на нас, закаленных полярников, как дыхание далекого южного лета. Самый неприятный момент в наших широтах — он между прочим таков и во всех широтах, где я бывал, — момент вставания уже миновал, и я пошел взглянуть на погоду и нашел ее сносной. Когда подошел Ристведт, я спросил его: „Ну, что же, едем?“ С его стороны препятствий не встречалось. Мы знали, что уходим от кастрюль и теплых коек, от камелька и горящей лампы. Но нам после проведенной зимы хотелось чистого воздуха, чтобы проветрить легкие, а также расправить немного крылья. Оба мы любили природу и хотели испытать себя, узнать, на что мы годимся, когда встретимся с ней в ее царстве. Ведь там у себя она не всегда чарующе прекрасна. Она бывает жестокой и грубой. Нам очень хотелось посмотреть: не усыпит ли мороз нашей бдительности, не сломит ли нужда наших сил, не подавит ли одиночество нашего духа? Или же, как мы надеялись, мы останемся господами положения? Стоит ли действительно мужчина за верой в самого себя? К тому же мы уже приготовились к путешествию. Сани были снаряжены со всею тщательностью, которой нас научил опыт; использованы были все многочисленные вспомогательные средства, которые дало нам в руки общее снаряжение экспедиции. А когда ты совсем готов в путь, когда тебе уже абсолютно нечего делать и ты просто сидишь сложа руки, если отъезд откладывается, то у тебя проявляется нетерпение и ты не находишь себе покоя. Каждую минуту встаешь и смотришь, какая погода. Если становится тише, спрашиваешь себя, не пора ли уже выез-

жать? Самое человеческое чувство—не отставать от других — заставляет тебя беспокоиться, не думают ли другие про себя: „странно, отчего это он не отправляется в путь?“ Такое состояние духа неприятно. Вот почему, когда теперь было решено, что мы едем, нам стало легче — словно камень свалился у нас с души.

Отличные кофе и олений бифштекс, приготовление Линдстрема, показались нам необычайно вкусными. Пирожное я съел уже накануне, а Линдстрем был слишком благоразумен, чтобы угощать нас еще раз. „Нет,— сказал он, — вы уже получили по пирожному на прощанье и кончено! Иначе я рискую, что каждый день кто-нибудь из вас будет говорить, что, мол, он сейчас отправляется в путь“. Когда завтрак был окончен, мы пошли запрягать сани. Хансен и Вик привели собак и запрягали их в сани. Нас, отъезжающих, как будто старались щадить возможно дольше. День отъезда, когда предстоит далекая поездка, словно праздник. Товарищи отъезжающего стараются всячески показать, что они желают всего наилучшего в пути, желают удачного продвижения вперед и счастливого возвращения. Они знают, что нас ожидает, потому что каждый сам испытал всего понемногу: они выказывают свое расположение до последнего момента, принимая пока всю работу на себя. Они хотят даже сами сдвинуть сани с места. К сожалению, с полозьев сразу обваливается весь лед, при попытке сдвинуть сани. От теплой погоды ледяная обкладка на полозьях стала мягкой и сейчас же отскочила, как только сани сдвинули немного в сторону. Так обычно сдвигают сани с места. Ведь если сани долго стоят на месте, то нижний край полоза примерзает к снегу. Поэтому каюру приходится дергать зад саней в ту или другую сторону. Очень редко удается заставить собак выполнить эту работу, да и она часто может оказаться слишком для них тяжелой. Собаки начинают тянуть сани только, когда почувствуют, что они идут свободно.

И вот все готово для отъезда. Поднимается флаг начальника, то есть я укрепляю норвежский флаг для саней сзади над измерительным колесом. Затем я на-

ставляю фотографический аппарат, чтобы остающиеся могли нас „чикнуть“. Еще раз обмениваемся крепким рукопожатием со всеми. Прозвучало напутственное „счастливый путь“ капитана, и мы двинулись рысцой впереди собак к Фрамнесу.

Первую остановку мы сделали, пройдя Фрамнес, когда судно скрылось за холмом Фрамнеса и нас уже с него не было видно.

Отдыхая у Фрамнеса, мы увидели Талурнакто, бежавшего к нам с такой быстротой, какую допускали его короткие ноги. Он прибежал с ножом для постройки иглу для Ристведта, прощальным подарком от капитана. Эти ножи делались из лезвий больших кухонных ножей, к которым Хансен приделывал довольно длинную плоскую деревянную ручку. У нас их было мало, и они очень ценились эскимосами, поэтому их берегли на тот случай, когда приходилось покупать какие-нибудь особенно интересные материалы для нашей коллекции. У каждого из нас было по одному такому ножу. Но Ристведт уже давно имел несчастье потерять свой. Теперь ему возместили потерю по случаю путешествия. Мы попросили Талурнакто передать от нас благодарность и приветы. Оставалось приналечь на сани. Окрик на собак, и мы поехали дальше через бухту Петерсена к Тюленьей возвышенности.

Когда мы доехали до нее, собаки Ристведта уже очень устали. Но мне казалось, что кончать дневной переход еще рановато. Мы думали переночевать на Свартеклиде в одной иглу, которая была построена нами во время путешествия для магнитных наблюдений в феврале месяце. Поэтому мы спустились на лед и следовали вдоль берега, свернув потом опять на берег, у северной части перешейка Каорка. На вершине его мы оглянулись и увидели мачту „Йоа“ в виде отчетливой черной линии на общем сером фоне; серые тучи на небе, серая мгла в воздухе настолько затемняли освещение, что и снег казался от этого тоже серым. В бинокль мы увидели все еще развевающийся на мачте флаг. Затем путь наш продолжался по откосу к озеру Каорка, а оттуда к югу вдоль склона Свартe-

хейа. Вскоре мои собаки почуяли снежные хижины. Это придало им прыти, что было очень приятно: мы уже уставали кричать на них и пускать в ход кнут, что приходилось делать целый день. Но это имело и печальные последствия, так как я дважды опрокинул сани с грузом. Мне пришлось поднимать их снова, а 230 кило представляют собой изрядный вес, поэтому у меня немного заболела спина. Первый раз сани свалились на бок так удачно, что я справился с ними один. Но в другой раз Ристведту пришлось помогать мне. На этом и кончился наш дневной труд. Через пять минут мы подъехали к иглу и остановились, проехав за день 9,5 мили. Мои собаки были свежи и пригодны к дальнейшей работе, но запряжка Ристведта совсем измучилась. Однако, мы надеялись, что потом собаки втянутся и дальше дело пойдет лучше. Когда мы остановились, я произнес небольшую речь. Нам полагалась только одна порция рома и эту одну порцию мы должны были выпить за все то, за что следует выпить при таких обстоятельствах. Мы пили за того, кто послал нас в это путешествие, мы пили за нашу будущую дружбу; мы пили за благополучное достижение нашей цели у „Самой дальней точки, достигнутой Уиниатом“, за счастливое возвращение с честью для того флага, под которым мы шли. После этих слов глоток рому проскочил гладко.

Если меня спросят теперь, вкусно ли было, я с уверенностью скажу: замечательно! Далекое санное путешествие это не то, что мы знаем по картинкам из гренландской жизни — сидишь, мол, спокойно на санях в теплой шубе и пощелкиваешь кнутом, а собаки несут тебя через кочки и камни! Не очень-то помчишься с такими тяжело нагруженными санями, какими они бывают, когда снаряжаешься на долгое время! Только на исключительно хорошем льду можно вообще садиться на сани, а в большинстве случаев самому приходится изображать из себя упряжное животное, когда попадаешь в пояс рыхлого снега или неровного битого льда.

Хотя мы проехали всего 9,5 мили, расстояние само по себе незначительное, мы здорово устали и прого-

лодались. Утренний кофе и олений бифштекс Линдстрема—вот и все, что мы получили за целый день, поэтому голод наш довольно понятен.

Вот тут-то ром и оказался очень кстати! В серебристых алюминиевых стаканчиках он приветливо блестел нам золотистой влагой. Рука поднимает стаканчик, и ты чувствуешь пряный аромат, словно проносится дуновение ветерка с зали ых солнцем южных садов через эти голые ледяные пространства. Стаканчик уверенно доносится до рта, рука полярника не дрожит никогда! И вот ром проглатывается: холодный как лед, бодрящий, согревающий, живительный.

Можете морщить нос, господа трезвенники, но я-то знаю, какую пользу в такой момент приносит алкоголь! Вот что я вам скажу: я всегда встаю по утрам здоровый и свежий, готовый пуститься в путь с санями. Я дышу всей грудью, чтобы почувствовать, как наполняются мои легкие свежим воздухом, чувствую, как кровь быстро обращается, чувствую, будто сил у меня столько, что я могу ехать хоть на край света. Вся эта величественная природа и красота снега и неба переполняют мою душу прекраснейшими мыслями. И все же по вечерам я бываю совершенно разбит. Со сломленной верой в свою удачу, смертельно усталый, с вялостью во всем теле, с затуманенной головой, я думаю только о том, чтобы итти, пока не свалюсь; мне невыносима даже мысль о том усилии, которое нужно сделать, чтобы оторваться от однообразной изнурительной работы у саней и разбить палатку, хотя я должен же знать, да и знаю по опыту, что в спальном мешке меня ожидает забвение всех забот. Таково положение, научившее меня, в каких случаях алкоголь бывает как раз на своем месте, научившее меня прибегать к алкоголю даже и тогда, когда усталость и изнурение не настолько уж велики. Его возбудительное действие на изнуренного человека с пустым желудком поразительно. Палатка ставится, корм задается собакам, пища разогревается вдвое быстрее, чем это делается обычно. Не чувствуешь ни дрожи, ни холода, которые неизменно сопутствуют каждой остановке лагерем, когда подхо-

дишь к месту стоянки несколько разогретым от напряженной работы в пути. Когда же после алкоголя наступает реакция, то ты уже давным давно лежишь в своем спальном мешке, и тут эта реакция как раз нужна, потому что из-за переутомления иногда бывает трудно сразу заснуть.

На нашей данной остановке это стимулирующее средство имело еще то хорошее действие, что мы вели себя как подобает людям крещеным, увидев, что важные господа, последними пользовавшиеся „иглу", не потрудились даже закрыть ее хорошенько и в нее намело массу снега. При других обстоятельствах мы бы, конечно, не были столь сдержаны в своих выражениях. Теперь же мы преспокойно проделали отверстие прямо в стене так как через вход невозможно было пробраться. Действительно, в самой хижине было много снегу. Но для двух спальных мешков место в ней нашлось. Мы приготовили все на ночь, покормили собак, затем вползли в хижину и плотно задвинули отверстие снежными глыбами. Мы постарались сделать это как можно тщательнее. Ведь мы были теперь уже настолько опытны, что знали, сколько холоду может проникнуть в какую-нибудь дырочку не больше замочной скважинки. Обитаемость „иглу" зависит от ее абсолютной непроницаемости.

4 апреля нам удалось пройти немного большее расстояние—11 миль. У Ристведта со времени военной службы создалась теория, что в походе второй день всегда бывает самым тяжелым; повидимому, эта теория отвечает данному случаю. И в третий день похода все шло как будто немного лучше. С поднятым флагом мы прошли мыс Холла с могилой спутников Франклина. Обыкновенно мы берегли свой флаг. Он успеет еще потрепаться достаточно от ветра и непогоды, чтобы иметь почтенный вид трофея. Кроме того он мешал в пути, так как мой кнут постоянно захлестывался вокруг флагштока, особенно, когда мне приходилось при помощи кнута заставлять собак поворачивать в ту или другую сторону. Но здесь мы поставили флаг и так поступали всякий раз, когда проходили мимо этой ка-

менной насыпи. Не забывали этого никогда. Ведь здесь, над этой одинокой могилой на каменистом мысу у самого моря царит торжественный покой. Однажды увидев, никогда не забудешь этого каменистого прибрежья с маленьким озером, к которому почти примыкает залив, а позади тянутся вглубь низкие холмистые гряды Земли короля Уильяма, теряясь в сероватой мгле зимнего освещения. Печальной, невероятно печальной была судьба этих двух людей. Уже одно это заставляет нас почтительно склониться перед их могилой.

Но флаг был поднят также и в честь совершенного ими подвига.

14 апреля. Наступил решающий день, когда мы должны были дойти до склада и узнать там, можем ли мы надеяться на дальнейшее продвижение вперед.

Стояла очень хорошая погода, когда мы выступили в путь. Лед имел уже совершенно иной вид. По всему проливу он был взломан и весь в небольших торосах. Но там, где мы ехали, по узкой прибрежной полосе состояние льда было довольно хорошее. Сразу же после старта Ристведт отправился на берег за стайкой куропаток, сидевшей на гребне небольшого холма. Но птицы провели охотника и улетели. Впрочем, мы скоро утешились. Я преспокойно ехал дальше и порядочно обогнал Ристведта, как вдруг увидел вдали что-то похожее на камень. Это, судя по расстоянию, должен был быть очень большой камень. Я не мог припомнить, чтобы мы во время плавания на лодке видели здесь какие-нибудь особенно большие камни. Я вынул бинокль. Да это олень! Мне пришлось остановить собак, чтобы они не почуяли зверя и не испортили нам охоты. Спокойно я дождался Ристведта и потом остался у обоих саней. Ристведт уже давно проявил себя лучшим охотником, чем я. И хотя гораздо приятнее самому пострелять, но здесь не место для занятия спортом. Здесь нужно извлекать наибольшую пользу из своего небольшого запаса патронов. Промазывать не разрешается! Поэтому, когда ландшафт оживлялся какой-нибудь живностью, на сцену всегда выступал Ристведт. Одному приходилось оставаться при санях. Иначе

невозможно было удержать на месте собак. Даже оставаясь с собаками, было довольно трудно с ними справляться. Особенно потом, когда они поняли, что означает уход Ристведта с ружьем.

Олень, о котором идет речь, стоял посреди ровного места, на котором не могло быть никакого прикрытия, и потому охотнику нельзя было оставаться незамеченным, раз он выделялся черной точкой среди белой равнины. Но Ристведт применил эскимосский метод охоты: он пошел к оленю, описывая большую дугу, пока солнце не оказалось у него за спиной. Тогда он направился прямо на животное, наклонив голову так, чтобы она не выдавалась над плечами, и передвигая ноги только ниже колен. Метод этот довольно хорош, потому что эскимосы убивают много оленей, хотя им приходится подходить к ним на выстрел из лука. Ристведту же, чтобы выстрелить наверняка, нужно было подойти всего на каких-нибудь двести метров.

С волнением я наблюдал за охотой. В это время почти не было никакого ветра, а если и был, то он дул таким образом, что олень не мог учуять охотника. Когда Ристведт прошел некоторое расстояние в такой утомительной скорченной позе, я заметил, что олень поднял голову и смотрит на него. Было очевидно, что он раздумывает над тем, что бы это могло быть. Высота приблизительно та же, что и у него самого, а ширина приблизительно соответствует ширине оленя, когда тот идет прямо на тебя. Солнце светило прямо в глаза оленю, так что ему приходилось моргать. „Ну, конечно, нет никакой опасности — это один из товарищей!“ И в довершение всего он ложится. „Я могу спокойно продолжать разрывать снег. Ведь если я хочу быть сытым сегодня, то нельзя терять времени!“ Эта мысль была его последней. Я видел в бинокль, как олень рухнул словно пораженный молнией. Затем до моего слуха долетел по равнине короткий и резкий звук выстрела.

Собаки вскочили, вытянув шеи, навострив уши и раздувая ноздри. Удар кнута, и они бешеным карьером понеслись к месту, откуда раздался выстрел. Я

едва успел броситься на сани, как они уже помчались. Когда мы доехали до Ристведта, стоявшего около оленя, собаки сами остановились и принялись лизать снег, обагренный кровью оленя. Понадобился еще удар кнута, чтобы заставить их сохранять спокойствие, пока мы укладывали оленя на сани. Затем мы в бинокль осмотрели горизонт и заметили еще одного оленя. Охотник Ристведт опять пошел на промысел, как и в первый раз,—и олень попал к нам в „ягдташ".

Приятно было везти такой груз двух только что убитых оленей — чудесную пищу для нас и чудесную пищу для наших собак. Нам оставалось уже не так далеко до мыса Склада, поэтому мы решили везти на санях оленей целиком. Если бы мы освежевали их, то на сани натекло бы очень много крови, а нам кроме того страшно хотелось узнать, цел ли склад, чтобы остановиться лагерем именно там, несмотря на то, что теперь мы, получив такую добавку к провианту, выигрывали еще несколько дней пребывания в пути.

Итак, мы поехали дальше через „Мелководный залив", бухту, лежащую прямо к югу от мыса Склада. Свое название бухта получила потому, что вход в нее был так мелок, что во время своей летней поездки мы ни разу не могли войти в нее на лодке.

Вдруг мои собаки что-то почуяли. Сначала Силла. Она подняла голову и долго нюхала воздух; но потом успокоилась и снова потянула сани дальше, и я подумал, что ошибся. Но вот она снова заволновалась. Милиус и Йоа также начали поднимать головы. Что ж, придется остановиться и проверить, что острее: их обоняние или мое зрение! Мне казалось, однако, что я отчетливо вижу все кругом, вплоть до гребней холмов на мысе Крозье, который вырисовывался в небе ясной, белой полосой в нескольких милях расстояния отсюда. Вооружившись биноклем, я увидел, что собаки правы. Довольно далеко по гребню холма спокойно шли два оленя. Легкий бриз дул прямо от них как раз в нашем направлении. Ристведт догнал меня, некоторые из его собак тоже что-то почуяли. Раз мы направлялись к оленям, сдвинуться с места было не трудно.

Быстрой рысью шли собаки по снегу. Подойдя на достаточное расстояние, мы снова остановились, и Ристведт отправился вперед. Вскоре ему пришлось лечь плашмя. Приближаться к животным, идя прямо по склону холма, когда они видят охотника сверху, не годилось. Однако олени, заметившие сани издалека, проявили большое любопытство и решили подойти поближе, чтобы выяснить, что же это такое чернеется там вдали. Я улегся на сани с биноклем в руках.

Когда лежишь так и смотришь, кажется странным, почему же охотник лежит и не стреляет? В бинокль расстояние между ним и животным кажется таким коротким. Ну, наконец-то — раздался выстрел, и одно из животных осталось на месте. Другое быстро отбегает назад, останавливается и, видимо, раздумывает, почему это товарищ его лег?.. Вот оно снова приближается. Если товарищ так спокойно лежит, то значит не может быть, чтобы близко была какая-нибудь опасность. Шаг за шагом приближается олень. Голова высоко поднята, так что рога касаются спины... олень останавливается... отходит немного назад — останавливается снова...

— Выстрел!

Олень круто поворачивает и мчится со всех ног. „Ну вот, он уходит! — подумал я, — Ристведт не попал!“ — Но от смерти не уйдешь. Смерть вылетела из ружья Ристведта и теперь точит кровь из сердца оленя, окрашивая ею белый снег.

50 метров... все быстрее и быстрее... 100 метров... и все кончено. Тяжелое падение. „Да, пуля попала таки“, думаю я.

Я спустил Силлу, чтобы она загнала оленя, если бы тому удалось подняться. Но это оказалось излишним. Я подъехал к охотнику с санями и погрузил на них еще две оленьих туши. С изрядно тяжелыми санями мы добрались до гребня холма. — Теперь уже скоро мы будем там! Осталось миновать только вот этот выступ. Правильно, вот там на прибрежье стоит большой и широкий гурий! А склад?

— Склад расхитили медведи!

Мы встали лагерем, освежевали оленей и легли спать. Но в эту ночь я в первый раз спал плохо. Ведь четыре несчастных худых оленя далеко не могут заменить мне нашего прекрасного склада! Могу ли я теперь надеяться, что мои ноги будут ступать по новой земле, хотя бы и на небольшом протяжении? В моей голове возникали все новые планы. — А вдруг еще собаки сорвутся с привязи и пожрут все мясо, лежащее на снегу без всякого присмотра? При каждом их движении я мгновенно просыпался и прислушивался. А мы к тому же выпили по стакану пунша из рома и черники на радостях по случаю неожиданных оленей и с горя по случаю погибшего склада. Не стоило этого делать!

15 апреля. Следующий день, 15 апреля, был ясным и солнечным. Им мы воспользовались для просушки всей нашей мокрой меховой одежды. В это время года она всегда намокает, частью сырость скопляется внутри, частью — снаружи от наметенного снега, тающего под лучами солнца, которое усердно принимается за темную одежду, единственное темное место на всем ландшафте! Мы розняли оленьи туши и занялись перегрузкой саней. У нас было теперь собачьего корма, считая с прежним запасом — до охоты на оленей, на 30 дней. Это значило, что мы можем итти вперед 20 дней, если быть готовым к тому, что придется пожертвовать несколькими собаками в пользу их остающихся товарищей, и если нам не посчастливится встретить еще дичь по пути. На вершине холма мы оставили склад оленьего мяса для собак и людей на 4 дня. Мы устроили его среди отдельно лежащих камней у старой береговой линии, причем, сдвинув камни в сторону, вырыли в земле большую яму. Около склада мы оставили бидон с 10 литрами керосина, который, как мы предполагали, нам не понадобится, так как мы сможем итти вперед всего лишь каких-нибудь 20 дней. Потом мы завалили яму большими камнями, какие только были нам под силу. Песцы не доберутся до склада; мы надеялись, оставляя склад нарочно так высоко на берегу, что медведю не учуять его тогда своим носом. Ведь медведь неохотно уходит со льда. На это мы тоже

рассчитывали, надеясь найти свой склад в сохранности. Впрочем, когда дело идет о том, чтобы действительно обеспечить себя от медведя, то я решительно не знаю, что тут нужно предпринять. Склад на мысе Крозье, устроенный во время поездки на лодке, состоял, как упоминалось раньше, из 230 кг частью пеммикана, частью стопленного сала с рыбой для корма собакам, уложенных в два запаянных жестяных ящика. У мыса Крозье из земли выходит на поверхность твердая скала и рассыпается на большие плоские каменные плиты. Мы остановили оба жестяных ящика на побережьи, выстроив кругом них целый могильный холм из таких больших камней, какие только могут поднять вместе два довольно сильных человека. Кроме того мы провели пол-дня за наваливанием на склад таких больших камней, какие только каждый из нас мог поднять. Когда все было готово, то получилась целая небольшая горка. И все же всю ее разворотили медведи. Мы нашли один единственный свернутый кусок жести. Медведь оставил на нем свою метку — вдоль шел длинный след пяти медвежьих когтей. Значит, так был вскрыт ящик. Почему медведь потом свернул жесть и изгрыз ее,— я не знаю. Надеюсь, что он разозлился, порезавшись острым куском!

Хотя нам понадобилось 13 дней, чтобы дойти до мыса Крозье, а я рассчитывал на 7, однако, я был еще так благодушно настроен, что клал на обратный путь всего 5 дней. Ведь расстояние было только 100 миль. В лучшее время года и с облегченными санями это было вполне возможно сделать, хотя для этого пришлось бы убить нескольких собак. Поэтому я оставил провианта всего на 4 дня.

За обедом в этот день мы ели суп из мозговых костей от четырех оленей. Нужно остерегаться накидываться на такую пищу. Прекрасный, с пылу горячий жирный навар легко поглощается на голодный желудок после напряженной дневной работы. Но поглощается он слишком уж в большом масштабе. Ристведт, у которого „желудок, как гармоника“, хотя он и не моряк, рассказывал мне ехидно, уже после того как пища была

проглочена, что во время прошлогодней санной поездки, он угостил капитана этим же блюдом, в результате чего были основательные боли в животе. Я тоже не избежал их.

16 апреля. В воскресенье, 16 апреля, мы стояли на месте из-за дурной погоды. Мы только сделали вдвоем небольшую прогулку на возвышенность и увидели, что по другую сторону мыса Крозье горный хребет перерезается понижением, идущим через эту местность от пролива Александра к проливу Симпсона. Мимо нас пролетели две куропатки. Повидимому, тут в них нет недостатка. Мы постоянно их видим и потому надеемся видеть их и в своей кастрюльке, если займемся охотой на них. Мы видим также и первую пуночку. Она летела перед нами, присаживалась то там, то сям, и рылась в снегу.

В том месте, где горный хребет возвышается в виде крепостного бастиона, у самого мыса, где оставлен склад, мы поставили гурий. Я надеялся, что он будет виден с „Земли, замеченной Рэ“,— чтобы иметь опорный пункт для ориентировки. Затем мы поспешно спустились вниз и забрались в спальные мешки. Было холодно, так как дул сильный ветер; крутила метель, а температура опустилась до — 20°. А вверху на гурии сидела пуночка и пела.

Впереди нас ждал торосистый лед. Покидая Фиц Джемс Айлэнд, мы видели, как поверхность льда в проливе мало-по-малу теряла свой ровный вид, но только теперь, с горного хребта у мыса Крозье мы увидели, что до „Земли, замеченной Рэ“ глазу напрасно искать ровной, плоской поверхности. И все же мы спали спокойно ночью, потому что не знали еще, что такое торосистый лед. Мы, конечно, слышали про торосистый лед, через который люди с трудом пробирались и который, когда по нему идешь вперед, относится течением прямо в противоположном направлении с той же скоростью. Мы знали, что об этих трудностях рассказывали люди, которых вообще не так-то легко напугать. Но мы уте-

шались тем, что лед, по которому нам придется проходить, был только проливным льдом. На нем не было высоких, как горы, торосистых хребтов, — это был пустяк по сравнению с тем, что образуется в открытом полярном море. К тому же он не двигался. Мороз сковал его надежно от берега до берега в узком проливе, поэтому мы могли не бояться, что нас снесет течением с нашего пути. Конечно, нам не удастся делать больших дневных переходов, но десяток-то миль в день нам удастся всегда одолеть. А до Земли Виктории не могло быть многим больше полсотни, и кроме того сюда входило еще то расстояние, которое нам нужно будет пройти по „Земле, замеченной Рэ". Все это было достаточно утешительно, и мы спокойно проспали последнюю ночь на мысе Крозье. На следующий вечер мы уже далеко не так легко поддавались утешению, ну да, короче сказать, нас ждал торосистый лед, и после дня пути по нему мы уже знали, чего нам ждать от него!

17 апреля. В первый день мы шли с 9 часов до 3. Больше я не мог. За это время мы продвигались вперед с головокружительной быстротой в $^1/_2$ мили в час! Что составило всего три мили.

В тот вечер мы не много разговаривали между собой, — для этого мы слишком устали. Мы оба были согласны лишь с тем, что так дальше дело не пойдет и нужно придумать какой-нибудь иной способ передвижения, чтобы благополучно пробиться через большое пространство такого льда.

На следующий день мы попробовали итти вперед с одними санями зараз, запрягая в них всех собак. Это увеличивало дорогу втрое, так как нам приходилось возвращаться за вторыми санями.

19 апреля. Мы начали день с того, что сперва шли вперед на лыжах, а потом возвращались за санями. Собаки тогда сами бежали по проторенному следу, и все свое внимание нам приходилось обращать только на поддерживание саней, поэтому они сравнительно мало опрокидывались. Но зато и утомительное же было это продвижение: мы шатались как пьяные,

все тело у нас онемело. День был ясный, солнечный, с морозом —25°. Берег лежал так близко от нас, что уже утратил свой однообразный белый тон. Нам были видны все подробности ландшафта. Через три часа работы мы вышли из области торосистого льда. На этот раз изнурительный труд кончился. После всего того, что мы претерпели, проехать теперь небольшой участок пути по ровному льду, отделявшему нас от берега, было детской игрушкой. Проехав часа два, мы достигли края берега, но к нашему удивлению нам пришлось сначала перевалить еще через два островка, из которых один был высотой в 20 метров, и лишь после этого мы добрались до того острова, на берегу которого поднимается на 100 метров над поверхностью моря очень хорошо заметная гора Рэ. При однообразном освещении совершенно невозможно было различить эти два острова. Все вплоть до вершины казалось одной пологой поверхностью.

20 апреля. На следующий день мы направились к той земле, которую видели на западе с вершины горы Рэ. Наш путь проходил по совершенно свежим медвежьим следам. Но медведей мы так и не видали. Зато появилась куропатка, которая прилетела и села прямо у саней Ристведта, когда мы сделали привал на маленьком островке посреди залива. Долго ей так сидеть не полагалось, и она была застрелена, однако, сидела она довольно долго, и я успел подумать о том удивительном явлении, что иногда куропатки бывают пугливы и к ним почти невозможно подойти на выстрел, а иногда до того смелы, что с кудахтаньем садятся совсем рядом и продолжают сидеть, пока ты возишься, доставая свое ружье.

Дойдя до земли на другой стороне пролива—до большого низкого острова, названного нами позднее островом Пасхи, мы увидели оленей. Вышло так удачно, что собаки ничего не заметили, и мы подумали, что они и дальше будут вести себя спокойно, и потому связали их, чтобы они отказались от намерения тащить за нами сани. Затем мы отправились каждый в свою сторону, но никому из нас не посчастливилось.

Сначала Ристведт спугнул своего оленя. Со всех ног он помчался вниз туда, где был я. Я притаился как мог, но все-таки олень держался за пределами моего выстрела. Я видел, что Ристведт вернулся к саням, и так как до тех двух оленей, к которым я направлялся, было все еще далеко, то я, оставаясь на месте, спокойно ждал, пока Ристведт не дойдет до меня. После этого он пошел за оленями, однако они, вероятно, видели убегающего первого оленя, потому что были настолько напуганы, что пустились бежать со всех ног раньше, чем Ристведт успел подойти к ним близко. Тогда я поехал за Ристведтом. По пути я увидел оленьи следы и принял их за следы оленей, за которыми ушел Ристведт. Поэтому я пустил собак бежать по свежему следу с такой быстротой, какой им хотелось, так как по этому следу они как раз довезли бы меня до Ристведта. Но мой расчет был ошибочным. Это оказался след первого спугнутого оленя. Он давно уже исчез из вида, но следы его были еще свежи, и собаки, в которых проснулась жажда крови, неслись бешеным карьером, поэтому я не мог и подумать о том, чтобы свернуть их в сторону или остановить их. Они мчались, опустив к снегу морды, как стая голодных волков. Ристведт становился все меньше и меньше, и вскоре вокруг меня было одно только белое снежное поле. Сани Ристведта уже давно остановились. У его собак иссякла всякая энергия, что при данных условиях было кстати. Наконец, мне удалось опрокинуть свои сани. Собачье засилье кончилось, и наступил мой черед. Мне удалось, проучив их хорошенько кнутом, повернуть обратно по направлению к Ристведту. Затем я поднял сани и поехал назад. Я бежал рядом с санями, чтобы быть готовым перевернуть их, но когда собаки увидели Ристведта, то остальная часть пути прошла уже без затруднений. А Ристведт стоял и дивился, куда это я отправился. Дальше мы поехали обычным порядком. Мы ехали вперед уже при заходящем солнце, которое, как раскаленный до красна шар, скользило вдоль цепи низких холмов на западе. Холмы были повернуты к нам своей черной теневой

стороной, и все подробности терялись в ночной темноте. Самый же хребет вырисовывался на пылающем ночном небе резкой, зубчатой линией, спускающейся с камня на камень.

И вдруг прямо на солнечном диске появился олень! Резко очерченный силуэт его вырисовывался на фоне неба. Он, вероятно, лежал и теперь встал обеспокоенный. Он выглядел таким удивительно огромным, словно перед нами стоял какой-нибудь громадный зверь первых дней земли. Голова приподнята и закинута назад, рога лежат на самой спине. Одно мгновение стоял он так. Собаки увидели его, но не могли понять, что это за огромный зверь. Они остановились как вкопанные, внезапно застыв в том положении, какое только что приняли. Солнечные лучи заливали людей и собак. И все-таки олень не испугался. Он только повернулся и медленно скрылся за холмом. Тут собаки опомнились, они поняли, что это просто олень, и хотели броситься за ним. Мне пришлось кинуться на них и всем телом придавить к земле Пера и Бая. Силлу и Йоа, которые обе были вне себя от желания поохотиться, я обхватил руками за шеи, сгреб всех собак в одну барахтающуюся кучу и повалился на них, стараясь помешать им выть. Подъехал Ристведт. Его собаки ничего не видели и потому были более спокойны. Я попросил его итти. У меня не было твердой уверенности в том, что олень все еще находится по другую сторону холма. Ведь отдельные завывания, вырывавшиеся из глоток Бая и Йоа, были достаточно противны и могли испугать животное, чей род в течение столетий спасался в диком бегстве, гонимый ужасом перед дьявольским волчьим воем, всепроникающим, дерущим уши, прорезывающим воздух на далекое пространство, единственным звуком среди великой тишины зимней ночи.

Ристведт ушел вперед и дошел уже до гребня холма. Там он лег и упер ружье о камень. Я понял, что оленю недолго остается жить. Когда выстрел раздался, я выпустил собак и едва успел отскочить в сторону от саней. Они понеслись вперед как ветер. Нель-

зя было поверить, что это те же самые собаки, которые десять минут тому назад были загнаны, измучены и тащили сани, высунув языки. Но они почуяли кровь. Никакое усилие не казалось им чрезмерным. Ехать было недалеко — всего через гребень холма. По ту сторону стоял Ристведт и свежевал оленя.

22 апреля. В страстную субботу был южный шторм, не оставалось делать ничего другого, как остановиться в палатке.

24 апреля. Наконец, в понедельник уже нельзя было больше выдумывать никаких предлогов. Мы должны были ехать. В начале все шло довольно хорошо. Милю вниз к берегу проехали незаметно, первые полторы мили дальше тоже довольно легко, однако, потом пошло все труднее и труднее. И вот мы застряли. Мне пришлось прокладывать дорогу, и, пройдя вперед на 200 метров, я нашел ровный путь. Но как мы шли! Дорога между торосами казалась довольно ровной, но все время мы проваливались по пояс. Два часа потратили мы на то, чтобы провезти сани на эти 200 метров!

4 мая. Четверг, 4 мая, был для экспедиции большим днем. Сперва мы ехали так, как бывало в те дни, которые мы теперь называли добрым старым временем пролива Симпсона,—каждый со своими санями, а по временам даже и на них. Но вскоре мне пришлось пойти вперед, так как дальше к берегу дорога была не совсем такой ровной, как нам показалось на первый взгляд. Между плоскими ледяными полями лед лежал гребнями и торосами; чтобы обойти их и найти более легкую дорогу, я решил пойти вперед. У собак почему то было удивительное желание бежать к северо-западу, а не прямо в том направлении, по которому нам нужно было итти до ближайшего берега.

Когда мы подошли к одному особенно большому торосу, я хотел взобраться на него, чтобы осмотреть дорогу. Только я успел остановиться, как Ристведт закричал, что видит далеко на льду что-то темное и движущееся. Что это может быть? У меня даже сердце забилось. Что бы живое ни встретилось нам

здесь в этой ледяной пустыне, оно давало шансы на продвижение вперед. На сцену появился бинокль. Темное пятно было не одно, их оказалось много, и они были рассеяны по льду в форме полумесяца. Это эскимосы охотятся за тюленями! Нет ничего удивительного в том, что собакам хотелось бежать в этом направлении!

Мы поставили флаг на санях. Может статься, что между ними есть и белые; и ради этого случая мы поторопились потереть лица снегом, надеясь немного смыть с них керосиновую копоть. Затем поехали дальше. Повидимому, эскимосы увидели нас тоже, так как они направились к нам, стягивая линию фронта. Собравшись все в кучу в 400—500 метрах от нас, они остановились. Мы со своей стороны сделали то же самое. Среди дикой природы, где законом является право сильного, никогда не знаешь, кто перед тобой, враг или друг. Лучше всего быть подготовленным. Нельзя пренебрегать арктическим церемониалом для встреч. Мы завернули сани широкой стороной к эскимосам. Ристведт лег на сани с карабином и патронами наготове. Затем я с замиранием сердца пошел вперед, подняв руки над головой в знак того, что я безоружен. От эскимосов вышел вперед тоже один представитель. Руки у него тоже были подняты вверх. Значит, бояться нечего. Посреди арены мы встретились. Улыбка на плоском славном эскимосском лице была так широка, что виднелись все его блестящие зубы. Он не боялся меня, потому что на его взгляд в моих, хотя чужих ему чертах лица не было ничего устрашающего. Впрочем, их покрывала такая же грязь, какая была и на его лице. Я тоже улыбался, потому что был рад. Такая встреча сулила нам столько пищи, сколько можно увезти с собой на санях.

Когда мы подошли друг к другу, эскимос сказал что-то о Киильнермиун Иннуит, названии его племени. Я понял это, зная название раньше, и ответил ему, что мы „каблуна“. Мы упали друг другу в объятия и потерлись щеками. С волками жить — по-волчьи выть! Эскимос стал мне другом на те два дня, которые мы там провели, и все это время он, наверное, думал, что я

понимаю каждое его слово, только благодаря моему ответу, что мы каблуна, когда он назвал свое племя. Но, конечно, я не понимал ни одного слова! Нашего норвежско-эскимосского языка они тоже не могли взять в толк, поэтому мы не получили от эскимосов никаких сведений о земле, лежащей перед нами дальше. Беседы, которые должны были привести хоть к каким-нибудь результатам, могли вестись только при помощи жестов.

Когда обе партии — иными словами, Ристведт и остальные эскимосы—увидели, что все приняло дружеский оборот, они тоже приблизились к тому месту, где мы оба стояли оживленно разговаривая и жестикулируя. С шумной радостью мы со всеми потерлись щеками и затем тронулись в путь к эскимосскому поселку — иглу в нескольких милях отсюда. Ехали мы быстро, потому что эскимосы впрягли в сани всех своих собак. Когда мы приблизились к поселку, навстречу нам вышел еще народ, что повело за собой дальнейшее трение щеками. По окончании этой церемонии щеки у нас оказались почти чистыми!

Мы не захотели устраиваться в иглу. В это время года снежная хижина неприятное жилище. Крыша уже растаяла, и вместо этого приходится покрывать иглу шкурами. Снег внутри становится мокрым от высокой температуры, которая быстро образуется в хижине при столь небольшом морозе. Мы предпочли остаться в палатке. Мы ставили ее, окруженные большой толпой любопытных. Зрители забавлялись на-славу. К счастью у нас была Лилли, которая и держала их на почтительном расстоянии от саней, поэтому мы избежали всяких неприятностей от любопытства собравшихся.

Всего тут было штук десять иглу. Некоторые из них стояли пустыми, так как часть племени ушла на север к острову Адмиралтейства. В этом лагере было 20—30 человек, и, насколько мы могли понять, столько же ушло на север. Вообще же это была лишь небольшая часть большого племени Киильнермиун, которое этой зимой вышло на тюлений промысел в бухту Альберта-Эдуарда. За зиму их умерло семеро. Рассказы-

вавший мне об этом положил руку на грудь и закашлялся, чтобы показать, что с ними было. Это, должно быть, было какое-нибудь легочное заболевание.

Они, если это только возможно, были еще более первобытны, чем наши друзья нетчилли. Им, например, приходилось в гораздо большей степени, чем тем, пользоваться медными иголками и медными ножами. Только их луки превосходили луки эскимосов-нетчилли. Ясно было видно, что этим эскимосам более доступно дерево.

Одежды их несколько отличались от одежды нетчилли. У капюшонов на затылке были срезаны верхушки. Штаны завязывались гораздо выше на бедрах, но зато анораки были вырезаны короче. Они еще больше походили на фраки, чем у эскимосов-нетчилли.

Я купил одного тюленя, с которым его обладатель только что вернулся домой с охоты, и заплатил за него $2^1/_2$-дюймовым ножом, сделанным из полотнища одной из наших ледовых пил. Это, пожалуй, было немного подло. Но если сделку считать честной, когда обе стороны довольны ею, то наша сделка была честной. Трудно сказать, кто из нас двоих остался больше доволен. Мне до-зарезу нужен был тюлень, а у бедняги эскимоса никогда за всю его жизнь не было стального ножа! Позднее мы купили еще сала. Половина тюленьего бока отдавалась за 3-дюймовый гвоздь, но такая плата заставила даже меня покраснеть! Когда торговля закончилась и у нас оказалось сала столько, сколько нам было нужно, я дал продавцу в придачу еще хирургические ножницы. Этому обрадовался не только он сам и его жена, но и все племя— ведь в их среде оказалось такое сокровище!

Когда мы уже улеглись на покой в свои мешки, нас все еще посещали дамы, которые приносили нам малюсенькие кусочки топленого сала из передних ласт морского зайца. Они по вкусу напоминают свиные ножки. Сначала мы наивно думали, что причиной этому одна только наша личная любезность. Но потом я догадался, что привлекали так женщин бусы, бывшие у меня в нескольких спичечных коробках. Я дал эски-

москам в подарок несколько десятков таких бус. Мне приходилось их экономить. Мало-по-малу кусочки становились все меньше по размерам, но зато появлялись все чаще. Наконец, нам пришлось отказываться от них и не платить. Это помогло, и мы смогли воспользоваться ночным отдыхом.

К ужину мы сами сварили себе сала и мяса купленного мною тюленя. В первый раз я по-настоящему ел тюленье мясо. Правда, я ел его и раньше в жареном виде. Но не пробовал его à l'esquimaux. Оно было превосходно—это не полярное хвастовство. Мясо напоминает по вкусу ракушек, а сало, когда оно свежее, столь же нежно, но не так жирно, как свиное сало. Нам приходилось прямо-таки остерегаться класть его слишком много в кастрюлю при варке. Оно съедалось очень легко, но потом, не обрати мы на это внимания, могла произойти та же история, которая случилась с нами после супа из оленьих мозговых костей на мысе Крозье.

5 мая. На следующий день мы оставались на месте. Нашим собакам тоже трудно было бы итти. Мы разрешили им есть сколько угодно сала, а это было не шутка после долгого пребывания на оленьей диэте. Однако, действие обильной пищи сказалось на них слишком сильно. Мы провели день за разделкой мяса и приготовлением саней на завтрашний день. Нужно было все основательно перегрузить, так как нам для сала понадобилась бóльшая часть наших жестяных коробок.

С саней мы сняли предохранительные полозья. Мы считали, что снег сейчас уже настолько мокрый, что полозья из нейзильбера будут скользить легче. Теперь у нас пищи было в общем на $1^1/_2$ месяца. Мы не могли взять больше, сани и без того были полностью нагружены. Получить еще сала было вполне возможно. Эскимосы удачно охотились, и потому у них были большие запасы сала.

Вторую ночь мы проспали так же хорошо, как и первую. Так приятно было улечься, зная наверняка, что теперь путь наш будет итти по ровному льду бухты Альберта-Эдуарда. Снова мы отправляемся в путь, который может принести какую-то пользу. У нас были

шансы дойти до неизвестной земли. Все это были такие приятные мысли на сон грядущий.

6 мая. На следующий день мы простились со своими друзьями. Они так радовались получению разных мелких вещей — ножниц, ножа, нескольких иголок и спичечной коробочки с бусами. Какие богатства! Эскимосы никогда не забудут этого дня. Мне так хотелось дать им больше. Но наше снабжение не предназначалось для торговли. Меньше всего мы рассчитывали на встречу с эскимосами. Если бы мы встретили их на обратном пути, то могли бы отдать им все, без чего нам можно было бы обойтись. С такими добрыми намерениями мы пустились в путь по льду. Эскимосы долго стояли и смотрели нам вслед, пока мы не потеряли их из вида. Очевидно, они размышляли о том, кто мы такие и что нам, собственно говоря, здесь нужно. Легко может случиться, что если их оставят спокойно жить в их бедной стране еще несколько сот лет, то мы с Ристведтом будем фигурировать в их сказаниях под какими-нибудь удивительными именами.

6 мая мы намеревались проехать вглубь бухты Альберта-Эдуарда на такое расстояние, чтобы оставить в стороне область торосистого льда. Нам он уже достаточно надоел, и если бы даже мы были вынуждены пройти до самого основания бухты, то это все-таки было бы лучше, чем сокращать расстояние и ехать прямо, затрачивая на это, увы, несравненно больше времени.

7 мая. На следующий день мы направились прямо к мысу Аделаиды. Нам хотелось подняться немного выше, чтобы взглянуть на окружающую нас местность. Ведь нам приходилось так долго довольствоваться только небольшим кругозором, открывавшимся с какого-нибудь высокого тороса. Мы поднялись по южному склону, который, вероятно, летом является настоящим раем! И теперь уже большие пространства были свободны от снега и на них видна была высокая прошлогодняя трава. Земля, конечно, была мер-

злая, а трава увядшая, но нашим утомленным от снега глазам рисовалась фантастическая картина: зеленая травка, журчащие ручьи, цветы, черника, пасущиеся олени, зайцы, прыгающие на своих легких лапках, порхающие куропатки, и все это залито солнцем, — таким здесь вероятно все бывает в прекрасный августовский день. Настоящая фата-моргана для внутреннего взора, но, к счастью, не совсем фата-моргана: мы увидели двух настоящих куропаток, и они попали к нам в ягдташ.

8 мая около полудня я увидел впереди несколько черных точек. Я приостановился и посмотрел на них в бинокль; не заметив, чтобы они двигались, решил, что это камни. Они лежали, правда, как-то странно порознь и, повидимому, довольно далеко на берегу. Но я давно уже отказался судить о расстоянии при зимнем освещении, а кроме того мы привыкли к самым необычайным сюрпризам в отношении длинных плоских мысов, выступающих в море от берега, мысов, о существовании которых и не подозреваешь, пока не проедешь через них и тогда только видишь, что из снега торчат отдельные камни.

Тут выглянуло солнце, и мы сделали остановку, чтобы я мог произвести измерение полуденной высоты. Пока я устанавливал теодолит, Ристведт взял бинокль и пришел к совсем другому выводу, чем я: камни двигались, это были тюлени! Три изрядных молодчика лежали и грелись на солнышке. Их широким темным спинам доставалось изрядное количество солнечного тепла. Все белое, снег и лед отражают солнечные лучи, но все черное поглощает их. Тюлени лежали и спали, как это они обычно делают — по полминуты зараз. Каждые полминуты они поднимают голову, оглядываются, нюхают воздух и снова устало опускают голову. Голова поднимается и опускается беспрестанно. Когда она опущена, можно свободно подкрадываться: тюлень ничего не видит и не слышит. Но тем осторожнее он, когда голова его поднята. Тогда нужно притаиться, как мышь, за первым попавшимся куском льда. И лежать совершенно неподвижно. При малейшем движении можно

спугнуть зверя, и тогда он, несмотря на свой спокойный, тяжеловесный и мешковатый вид, исчезает с молниеносной быстротой. Поэтому я не очень надеялся на удачу Ристведта, но во всяком случае ему следовало попытаться пойти, пока я произвожу измерения, и он пошел.

Он привязал своих собак поперек саней, а я привязал Силлу к самым саням, так что ей невозможно было бежать, не отбивая себе задних ног. Йоа была накинута петля на шею. Это две самых противных собаки, подумал я, и если они не смогут тащить, то будут стоять и все остальные. Но я ошибся. Я преспокойно лежал и смотрел на солнце через инструмент, поставленный на ящике рядом с санями, как вдруг сани сорвались с места, ударив сильно по ящику и инструменту, так что те полетели в снег в разные стороны. Собаки услышали выстрел, которого я не слышал, и, несмотря на все усилия Силлы и Йоа удержать сани на месте, понеслись прямо к Ристведту по его следу. Но мне удалось опередить их на этот раз и перевернуть сани. Я думаю, что этому искусству научил меня торосистый лед. Во всяком случае это произошло быстро, и сани остановились. У собак Ристведта, которым приходилось тащить сани поперек, сама собой прошла охота бежать сломя голову. Затем я пошел обратно, поднял инструмент и сделал очень хорошее определение широты. Инструмент упал в такой мягкий снег, что нисколько не пострадал. Произведя определение широты, я поехал к Ристведту. Он застрелил большого морского зайца в $2^1/_2$ метра длины и в 2 метра в окружности у передних ласт. Это была целая гора мяса. Небольшие выступы льда были расположены так удачно, что Ристведту удалось подойти к тюленям на выстрел; он выбрал себе одного из трех молодцов, лежавших вокруг отверстия во льду, прицелился в голову и попал. Чрезвычайно важно сразу же убить тюленя наповал. Он должен от первого же выстрела остаться на месте, так как в противном случае его гладкое тело в предсмертных судорогах само собою соскользнет в отверстие во льду, и он будет безнадежно потерян для охотника. Ристведт выстрелил

тогда, когда тюлень поднял голову. Она с треском шлепнулась об лед, и все мускулы расслабли сразу же. Ристведт подбежал, чтобы всадить в тюленя гарпун с ремнем, который мы взяли с собой на всякий случай. Но для большей верности мой спутник предпочел еще раз выстрелить тюленю в голову в упор. Его испугала величина тюленя. Если бы Ристведт всадил в него гарпун, то не исключена была возможность, что тюлень очнется на минуту и воспользуется этой минутой, чтобы исчезнуть в проруби с гарпуном и линем, а, может быть, и с самим Ристведтом, если тот будет пытаться задержать тюленя. Прорубь была достаточно велика для этого — около 2 метров в поперечнике и с покатым спуском — „катушкой“ — с одной стороны, где тюлени вылезают на лед. Когда раздался выстрел, то Ристведту показалось, что два других тюленя исчезли в один и тот же момент. Однако, наверное, прошел некоторый промежуток времени, потому что в отверстие мог пролезть сразу только один из этих двух огромных приятелей.

9 мая. Когда на другое утро мы двинулись в путь, нам в лицо дул свежий северный ветер. Было очень холодно, так холодно, что не могло быть и речи о том, чтобы присаживаться на сани, даже закутавшись в мех, кроме тех немногих мгновений, когда мы смотрели на карту. Не могу сказать наверное, была ли температура — 30°, как мы предполагали. Возможно, что нас избаловала теплая погода предшествовавших дней.

Нам нужно было попасть в нанесенный на карту Рэ глубокий узкий залив, врезающийся в берег к северу от северного берега бухты Альберта-Эдуарда. Мы хотели проехать через этот залив, так как я полагал, что по другую его сторону должна быть не особенно далеко вода. Коллинсон нанес там на карту бухту. Проехав часа полтора, мы прямо по курсу увидели берег. Мы быстро приближались к нему, так как собаки только теперь избавились несколько от своей „пищевой перегрузки“. Они наелись изрядно, и нам пришлось прибегнуть к кнуту, как к мере воздействия, чтобы в начале заставить их бежать со сколько-нибудь приличной

скоростью. Они не могли понять, почему это нужно покидать место, где так много пищи. Точно также рассуждал бы и эскимос, и это было вполне естественно. Но за нашим сознательным стремлением вперед стояла культура. Эту мысль полезно было всегда иметь в виду. Ведь по временам положительно чувствовалась необходимость убеждать самих себя в том, что мы культурные люди: образ моего спутника, который я видел перед собой, образ спутника, который тот видел перед собой, наш способ ведения хозяйства и утварь, все жирное, замазанное, пропитанное керосином и облепленное оленьими волосами и клоками меха, все это могло и действительно заставить усомниться в этом. От разговоров о погоде, ветре, охоте, то есть о пище, о собаках и спальных мешках и ни о чем другом получалось иногда впечатление, что мы и на самом деле такие, какими выглядим. А то, что мы к тому же при этом чувствовали себя великолепно и нам казалось, что мы никогда еще в жизни не ели с таким аппетитом и не спали так крепко; что действительно только солнечный свет, тепло и пища являются единственно необходимым в жизни, заставляло иной раз задумываться над тем, как же тогда обстоит дело со стремлением человечества вперед? Но тут опять вспоминаются следы ног двух усталых людей, узенькие полосы, оставляемые полозьями саней на девственном снегу и на непорранной еще никем земле, санные следы, которые начинаются у нашей палатки, но завтра поведут опять дальше через сверкающие просторы. Это создавало картину стремления вперед. „Брать жизнь такой, какая она есть“ считается добродетелью. Да, конечно, до известной степени это добродетель, но она сама собой разумеется. Ею отличаются эскимосы, есть она и у собак. Но люди, в чьих сердцах не написано слово „вперед!“ не многим выше их!

По мере того как земля выступала из ледяного тумана, ехать становилось все веселее. Хоть было на что посмотреть — видишь что-то новое, а не только плоский лед, окружавший нас со всех сторон. Правда, это была не гористая местность, но все же на ней вид-

нелись холмы и волнистые неровности, а вершины их поднимались метров на сто в высоту. Мы достигли берега и въехали в залив слева от того, по которому думали следовать дальше. По всей вероятности существовал только один этот перерыв в береговой линии. Однако, проехав с милю и достигнув основания залива, поняли, что пошли неверным путем, и поэтому Ристведт поднялся на небольшую возвышенность для лучшей ориентировки. Сверху он увидел настоящий залив. Ристведту удалось отличить землю ото льда по ледяному припаю, шедшему вдоль берега.

Этот припай образуется от того, что море, так сказать, промерзает до дна на мелком месте у самой береговой линии. Припай образуется при полной воде во время прилива. При наступлении же отлива, когда океан убирает из-под льдов свою широкую спину, лед не может вынести своей собственной тяжести, стремится опять опуститься на спину океана и поэтому ломается под берегом, где и ложится на дно, не будучи в состоянии следовать за отливом. Лед у берега остается лежать на дне, а на более глубокой воде еще немного оседает, так что образуется ступень, на которую нужно подниматься, если хочешь со льда перейти на берег. Высота ступени достигала двух-трех футов, и вследствие этого Ристведт с вершины увидел, что в долину заходит узкая полоска воды. Нам оставалось только переехать через небольшой перешеек, чтобы снова попасть на правильный путь.

Я намеревался пройти до основания залива, но когда мы спустились на лед, то неподалеку от другого берега увидели остров, на котором стояла какая-то удивительная постройка, очень похожая на гурий. Конечно, надо было исследовать ее подробнее. Эскимосы не строят таких гуриев, они кладут только друг на друга отдельные камни. Этот же гурий выглядел весьма монументально. Мы переехали через залив и поставили палатку на самом берегу острова. Потом пошли на его вершину.

Это действительно был гурий, хотя и не такой высокий, каким он нам показался с первого взгляда. Дело

в том, что через вершину острова переходила береговая складка в виде узкого гребня в 5 метров вышины. На западном же конце этого гребня было пирамидальной формы возвышение, а на нем построен гурий из больших плоских известняковых камней.

Мы разобрали гурий. Меня всегда немного коробила такая работа, связанная с разрушением. Гурии, сами по себе жалкие кучи камней, служат, однако, знаком человека, работы человека в диких пустынных местах. И даже не только одно это. В нерешительности, переживаемой перед снесением гурия, таится чувство почтения к тем людям, которые были здесь до тебя. Для них гурии что-то обозначали, как имеют значение и те гурии, которые мы ставим сами. Может быть, преодоление какой-нибудь трудности. Может быть, шаг вперед к цели. Этот след чьего-то пути, след, который уцелеет наперекор столетиям, хотя давно уже стаял тот снег, по которому сани прокладывали свой путь, и хотя имя самого исследователя уже исчезло, как растаявший снег. Это символ победы, поставленный на пяди земли, вырванной у мрака, у враждебных сил.

Однако, гурий необходимо было снести, нам нужно было посмотреть, нет ли под ним чего-нибудь. Может быть, отчет нашего славного предшественника Рэ. Но мы ничего не нашли. Затем мы спустились к своему лагерю. По дороге мы встретили зайца, но тщетно старались использовать свою Йоа в качестве охотничьей собаки. Она, повидимому, ничуть не интересовалась этим делом, а заяц между тем со всех ног помчался по льду. Нам пришлось отказаться от жаркого!

10 мая. На следующий день мы оставили склад под камнями Рэ. Все, что оставалось от приготовленного нами самими собачьего пеммикана, около 50 кг, было сложено туда. Склад пригодится нам при трудном переходе через торосистый лед пролива Виктории.

Два дня мы оставались тут пленниками. За это время мы обсуждали, как нам поступить, если в проливе Виктории вскроется лед до того, как мы будем возвращаться домой. Говорить об этом нужно было заранее. Но все же теперь, когда мы действительно на-

чали поход по новой земле и когда выяснилось, что у нас много шансов обеспечить себя пищей, было чрезвычайно заманчиво продолжать весеннюю съемку в течение еще некоторого времени.

13 мая. 13 мая мы двинулись в путь. Уже накануне вечером мы приготовили сани, а утром нас разбудило кудахтанье куропаток за стенками нашей палатки. Эти звуки напоминали нам о лете, но тем не менее вне палатки стояло совсем не лето. Бушевала метель, однако, ветер дул в спину, и мы решили все-таки итти дальше. По дороге мы проходили через отдельные холмы и с вершины одного из них, холма Алисы, увидели на севере торосистый лед. Но до этого места оставалось еще по крайней мере миль 8 езды. Там, где Коллинсон нанес на карту бухту, никакой бухты в действительности не было. Эту часть карты он составил с далекого расстояния. Пункт „самая дальняя точка, достигнутая Коллинсоном" лежал несколько к востоку от того места, где мы дошли до воды. Оттуда Коллинсон принял изолированные холмы за острова и мысы, а выемки и углубления между ними за воду. Низкие пространства озер и мхов, через которые мы проходили, тоже нельзя различить на расстоянии. Когда такая низменность доходит до моря с небольшой разницей в высоте между приливом и отливом, как здесь, то нельзя сказать точно, где кончается земля и где начинается вода, если только не ехать по самой границе береговой линии.

Мы дошли до края берега у небольшого мыска и свернули на лед в северозападном направлении. Вскоре мы заметили землю, которая, однако, состояла из островков и шхер. К западу мы увидели оттуда более высокий пункт у берега главной земли. Мы доехали дотуда и затем остановились на ночь. Наблюдения, произведенные за день, были не особенно ценны. Метель помешала нам рассмотреть что-нибудь хорошенько.

15 мая. 15 мая было очень холодно, температура опустилась до — 30°. Было ветрено, но ясно, так что мы могли двинуться в путь. Перед тем как оставить лагерь, мы воткнули запасный полоз в торос, чтобы

иметь опорную точку при наблюдении дальномером. Уже и раньше я замечал, как быстро скрываются из вида снежные гурии, даже если их строить в человеческий рост. С расстояния в 2—3 мили их совершенно невозможно разглядеть в ясную погоду. Но полоз поможет нам опознать наш торос на расстоянии. Через несколько часов пути мы дошли до низкого заметного холма на оконечности мыса Куфуд Хансена. Здесь мы поставили гурий и отправились дальше через бухту Хомана, другой мыс которой видали на северо-северо-западе. Посреди бухты мы сделали остановку для производства измерений. Было два места, откуда я не видал основания бухты. Но при таком составлении карты нет времени входить в подробности. Прежде всего нужно набросать хотя бы очертания береговой линии по возможности на наибольшем протяжении.

16 мая. На следующий день нам опять пришлось простоять на месте из-за отвратительной погоды. Мы занялись основательным пересмотром своей одежды. Все-таки день не пропал зря. Ведь нам нельзя было оставаться на месте. Стал чувствоваться недостаток в горючем. Несколько неудачных опрокидываний саней стоили нам части керосина, и при пересмотре снаряжения 13 мая мы обнаружили, что у нас осталось его всего семь литров. Приходилось экономить.

17 мая. Семнадцатое мая, день отделения Норвегии от Дании, мы начали с распечатывания небольшого ящика, который дал нам на дорогу Линдстрем как раз в связи с празднованием этого дня. Мы долго поглядывали на ящик с любопытством, стараясь убедить друг друга, что смешно тащить его на санях, когда гораздо лучше открыть ящик сейчас же. Но к счастью у нас всегда бывало так, что если один поддавался искушению, то другой оставался стойким и говорил о том, что нечестно открывать ящик до срока, и наоборот. В результате мы сохранили ящик. В нем оказались рыбный пудинг, две банки молока, порошок лимонного желе, немного белого хлеба и 6 сигар — все великолепные вещи для людей в нашем положении. Мы сейчас же закурили по сигаре и, когда они были

выкурены, снялись с лагеря. Погода стояла не очень хорошая, и сначала нам трудно было продвигаться вперед. Вчерашний шторм намел много рыхлого снега между высокими сугробами вокруг айсбергов, и, прежде чем дойти до хорошего наста, и собакам и людям пришлось попотеть, утопая в снегу. Впрочем, вообще вся дорога была довольно скверная. Мы шли то по берегу, то опять по льду. И там и тут было одинаково плохо, и мы брели по колена в снегу.

Мы дошли до одного мыса, назвав его мысом Кристиана Миккельсена. Севернее его в сушу глубоко врезался фьорд. Позднее он был назван капитаном Амундсеном фьордом Дании. В его горле лежал остров, круто обрывающийся к югу. Остров был метров 60 высоты, значительно выше той земли, которую мы могли увидеть с его вершины вдоль берегов фьорда. Я спросил Ристведта в связи с праздничным днем, кто больше всего потрудился при выработке норвежской конституции. Он сказал „Фалсен", и поэтому остров был назван его именем.

Мы проехали немного дальше к северу к какой-то высокой земле, которую видели на северном берегу фьорда, и остановились на этот раз уже в 5 часов. В первый раз за долгое время мы стали лагерем не потому, что слишком утомились или совсем выбились из сил, чтобы ехать дальше, а по другой причине. После обеда Ристведт сделал в кастрюле для шоколада лимонное желе. Конечно, мы оба здóрово на него приналегли!

18 мая. На следующее утро погода была так хороша, что мы возымели надежду, что она уже установилась. Я произвел несколько измерений, и затем мы направились дальше к той самой высокой земле, к которой шли накануне. Но скоро все исчезло во мгле, и нам пришлось держаться курса, насколько это было возможно, от одного тороса до другого. Не так уж удобно постоянно останавливаться для сверки курса с компасом. При такой тяжелой дороге, по которой нам приходилось итти, эти остановки для собак не были полезным отдыхом, а, наоборот, им потом труднее было двинуться снова в путь.

Я считал себя теперь уже настолько опытным, чтобы не путать больше воды с сушей, сколько бы снегу ни было на них нанесено. Но я слишком зазнался. Едучи в полной уверенности, что я нахожусь все время на льду, я вдруг натыкаюсь на торчащий из снега камень. Следовательно, это уже не вода. Немного спустя, вижу небольшую льдину, взломанную и поставленную на попа. Значит это не суша. Переходов же, однако, я совершенно не заметил. Я занес это место на карту, как скопление шхер и островков вокруг северной оконечности фьорда, мыса Анкера. Я предполагаю, что это так и окажется летом.

Мы стали лагерем у мыса Нюгорда. Здесь, как мы видели с мыса Анкера, земля кончалась, и к этому месту от горы Диркинк-Холмфельда шел горный кряж. Мы ничего не видели перед собой. Небо, земля, лед — все смешалось в одной неопределенной серой мгле. Небо заволакивалось тучами, предвещавшими непогоду. После полудня вокруг солнца было большое кольцо. Различить позади нас мыс Анкера можно было только потому, что мели перед этим мысом остановили более крупный лед и поверхность льда за ним была ровной. Только гора Диркинк-Холмфельда со своими кручами освещалась сильным серебристо-белым светом. Все сулило непогоду. Повидимому, она преследовала нас.

20 мая. 20 мая впервые температура поднялась до нуля. Когда мы проснулись, кругом была слякоть — смесь дождя и снега. Снежинки, падавшие на полотнище палатки, были большие и, постепенно тая, оставляли на стенках палатки мокрые блестящие пятна. Погода, впрочем, улучшилась. Ветром среди дня разогнало тучи. Однако не могло быть и речи о том, чтобы ехать дальше до вечера. Слишком много мокрого снега налипло бы на полозья. Мы двинулись в путь только в 9 часов вечера. К концу дня температура упала, что повлекло за собой образование ледяной корки на поверхности снега, в результате получился прекрасный наст. Мы ехали, наблюдая величественное зрелище. По всему небосводу нависли огромные скопления туч, а солнце бросало на лед светлые и темные пучки света. Краси-

вая картина, но в этом освещении было что-то неприятное, неверное, грозящее бурей. Мы не смели надеяться, что погода продержится долго, да она и не продержалась. В 11 часов солнце зашло за стеной сине-черных туч. Мы отошли немного от берега на большую льдину, чтобы взять пеленги вдоль побережья. Но теперь мы проложили курс прямо к высокому мысу. По дороге туда, когда мы пересекали длинную, узкую косу, мыс Дитриксена, начал итти снег. Здесь мы поставили гурий в надежде, что, пока мы будем работать, шквал пройдет. Но погода становилась все хуже. Тогда мы поехали дальше среди густого снега, но нам посчастливилось выйти как-раз к высокой земле. Это был одинокий холм, принятый мною сначала за остров. Позднее оказалось, что это последний отрог холмистого кряжа вокруг горы Диркинк-Холмфельда. Этот наиболее заметный на берегу мыс был назван мысом Свердрупа.

21 мая. Было 2 часа утра, когда мы стали лагерем. От ночного путешествия нам так хотелось спать, что мы сварили себе на ужин только пеммикана. Ждать целый час, нужный для того, чтобы мясо попало нам в „чемоданы", было невозможно. Когда мы проснулись,— правда, это было уже через 11 часов,—мы оба были страшно голодны. Повидимому, ужин из пеммикана был недостаточно сытным. Мы съели только установленный паек — 400 г на человека. Но к этой порции полагался еще и шоколад, а его нельзя было варить из-за экономии горючего. Нам стало ясно, что суточный паек с пеммиканом, в качестве основной еды, всего 0,8 кг пищи, ни в коем случае не может уменьшаться. Поэтому мы выпили еще по лишней чашке шоколада.

Грустно было думать о том, что нам скоро придется возвращаться. У скверной погоды одно преимущество — тебя не тянет уйти подальше от своей базы. Но печально, что ты вынужден утешаться такими резонами, которые должны быть чужды энергичному и дельному исследователю.

22 мая. На мысе Свердрупа мы отделались всего лишь одним днем стоянки на месте. 22 мая пошли дальше. Свежий ветер дул нам прямо в лицо, и мы шли

теперь через широкую, с низкими берегами бухту, бухту Норвегия, к северу от мыса Свердрупа. Перед самым отъездом я поднимался на мыс Свердрупа, чтобы произвести измерения, и нашел старый круг из камней от стоявшей там палатки. На самой вершине лежал очень большой валун. На него я положил высокий продолговатый камень из палаточного кольца. Такие гурии далеко видны, и стоят они прочнее.

Берег вдоль бухты был совершенно плоский, как и сам северный мыс, Пойнт Исаксен. Когда мы дошли до него, я увидел, что Ристведт бежит ко мне. Я остановился, чтобы он мог меня догнать. Он попросил у меня бинокль. Поэтому я предположил, что должно быть что-то случилось. Осмотрев вокруг лед и не заметив ничего, я решил, что Ристведт ошибся. Но оказывается он все-таки кое-что увидел. „Медведь", сказал он. Слово можно было скорее понять по движению губ, чем услышать. В моем спутнике проснулась страсть охотника, и он боялся спугнуть медведя. Впрочем, нечего было бояться этого. Это действительно был медведь, но очень далеко. Он стоял на огромной ровной льдине, простиравшейся от мыса Исаксена почти до самого горизонта, где начинался торосистый лед. Голова на изумительно длинной шее была опущена вниз ко льду. Ноги напоминали четыре коротких колонны. В его положении не было ничего внушавшего страх. Очевидно, он стоя спал. Его желтоватая шерсть была такого же цвета, как и взломанный грязный лед; почти невозможно было отличить медведя от окружавших его льдин. Вдруг он повернул голову к нам, и тогда с поразительной ясностью стал виден его черный нос. Ничто в царстве снежной королевы, ни камень, ни обнаженная земля, ни глубокая тень, не бывает такого черного цвета, как нос белого медведя. Ошибиться невозможно даже и на расстоянии мили. Медведь смотрел на нас,— вероятно, он услышал собачий лай. Но вскоре повернул голову и продолжал спать.

Ристведт взял с собою Силлу и пошел к медведю. На подходящем расстоянии он спустил собаку, показав ей предварительно направление. Та пошла вперед

сначала медленно. Но потом, как будто сразу увидев медведя, понеслась стрелой по льду, как черная черточка. Я спустил еще несколько собак. Они мало-помалу научились понимать, что значит, когда Ристведт уходит с ружьем. Они неслись по его следам, потом промчались мимо него, пока он медленно пробирался по снегу, и стали нагонять Силлу. В бинокль я видел, как медведь снова повернул голову по направлению к саням. Собаки не лаяли, так что, вероятно, он повернул голову случайно. Но зрелище, представившееся его глазам, сразу пробудило в нем жизнь. Он повернулся всем телом и поднял голову. Медведь стоял так одно лишь мгновение. Инстинктом или по опыту он знал волков, которые могут загнать даже медведя, пока тот не упадет от усталости, хотя по сравнению с величественным медведем каждый из волков имеет жалкий вид. Здесь же он увидел свору из 6—7—8 быстро мчавшихся собак, рассыпавшихся по льду, словно черные точки. Здесь дело шло о спасении жизни. Покой ледяной пустыни был ужасно нарушен. Медведь подскочил сразу всеми четырьмя лапами и повернулся. Затем галопом помчался к торосистому льду, со всех своих ног спасая жизнь.

Но Силла была проворнее его. В тот миг, когда он уже был у самого края спасительного торосистого льда, в хаосе которого собаки не могли бы следовать по пятам за привыкшим к местности медведем, в тот самый миг, когда уже несколько метров отделяло его от спасения, он был настигнут. Силла одним прыжком кинулась на него и крепко вцепилась ему в зад. Медведю пришлось остановиться и повернуться кругом, чтобы стряхнуть с себя врага. Он повернулся с такой силой, что Силла выпустила медведя и покатилась по льду. Но не успел медведь опять повернуться, чтобы продолжать свой бег, как Силла снова была на нем. Так продолжалось несколько раз, а потом подбежали и остальные собаки, и у медведя не оставалось уже никакой надежды. Собаки окружили его кольцом, и куда бы он ни повернулся, сзади него оказывалась собака, которая подпрыгивала и вцеплялась ему в лапы. Я ви-

дел в бинокль, как он вальсировал, подпрыгивая на льду словно резиновый мяч с быстротой, которой нельзя было ожидать от такого неуклюжего зверя. Он злился все больше и больше. Но вот подоспел Ристведт и выстрелил. Пуля попала, но не ранила медведя смертельно. Медведь осел лишь на задние лапы, подняв угрожающе вверх передние. Кольцо собак сузилось. А Силла, вне себя от злости, прыгнула прямо на морду медведю. Тогда медведь ударил ее своей широкой лапой. Он видимо уже ослабел, раз не убил собаки. Однако понадобилось несколько минут, чтобы Силла снова пришла в себя. Мы уже решили, что она погибла. Но это сразу отбило у нее страсть к медвежьей охоте. Медведь подох с мыслью, что он все-таки убил своего врага, который первым настиг его и помешал ему уйти от когтей смерти. Второй выстрел Ристведта, раздавшийся как раз в тот момент, когда собаки, испуганные ударом, доставшимся Силле, немного попятились и Ристведт мог не опасаться попасть в какую-нибудь собаку, угодил медведю прямо в голову.

Это была молодая худая медведица, без признаков пищи в желудке. Жировой слой у нее был удивительно кожистый, почти без всякого жира. К ужину у нас была медвежатина. Суп был хороший, но мясо очень жесткое и жилистое. Кроме того оно было такое тощее, что мы, несмотря на изрядную порцию, очень скоро опять проголодались. В кастрюлю нужно было положить хороший кусок тюленьего жира, чтобы суп был достаточно наварен для нас.

В тот же вечер мы наглядно убедились в трудности судить о величине в здешних условиях освещения. Мы собрались ложиться спать. Ристведту захотелось поглядеть еще раз в маленькое отверстие в двери и посмотреть, все ли в порядке; и тут он опять увидел медведя. Мы быстро распахнули дверь и действительно увидели в некотором расстоянии от нас на льду что-то грязно-желтое, бежавшее по льду. Пер, Бай и Силла галопом бросились вслед. Мы вопреки обычаю не привязали их. Застреленный медведь был слишком велик, чтобы везти его с собой целиком, по-

этому собакам было разрешено грызть его ночью. Во всяком случае они предпочтут медвежатину палатке или просмоленным веревкам! И вот они умчались на охоту. Желтое существо было настигнуто, на льду вокруг него начался тот же вальс, который наблюдали и раньше днем вокруг медведя. Вдруг танец прекратился, и все собаки понеслись обратно к палатке, у Петра в пасти оказался и сам медведь! Не знаю, виноваты ли тут одно освещение, или недостаточная внимательность во время нашего быстрого одевания, или, может быть, просто слепая охотничья страсть, неизбежно овладевающая каждым, когда он становится лицом к лицу с такой крупной дичью, как сам король-медведь, но только мы попали впросак: медведь оказался всего на всего песцом. Пер горделиво подбежал с песцом в зубах и передал его нам. На следующий день песец попал в кастрюлю.

У мяса песца довольно своеобразный вкус, и пахнет оно вроде того, как пахнет в зверинце, но если оставить это в стороне, то по консистенции это лучшее мясо, которое можно добыть зимой. Медвежатина жилиста, мясо куропатки твердо, а оленье мясо как труха. Песец же всю зиму хорошо упитан, жиру у него достаточно и мясо мягкое. Но его на нем немного. Зверек не больше крупного кролика.

23 мая. На следующее утро было довольно трудно заставить собак бежать, что постоянно бывает после того, как им разрешается наедаться досыта. Под теплыми лучами солнца они тяжело дышали и вздыхали. Но это была только „перегрузка“, поэтому мы не задумываясь пускали в ход кнуты, чтобы заставить их бежать вперед. Вообще мы над этим никогда не задумывались, но во всяком случае, применяя такую меру, испытывали большие угрызения совести, когда собаки долгое время были на ограниченном пайке. В этот день мы хорошо продвинулись вперед. Было —10°, но солнце в этот тихий ясный день все же успело настолько сильно подчинить снег своей власти, что он местами налипал на полозья. Собаки тоже страдали от жары, поэтому мы решили впредь ехать по ночам.

25 мая. Весь день 25 мая стояла хорошая погода, и мы предвкушали приличные результаты своего последнего перехода. Но вечером, едва мы двинулись в путь, как в северной части горизонта с внезапной быстротой поднялась стена облаков. Как будто солнце сразу упало с неба — с такой быстротой его закрыла туча. Не успели мы и глазом моргнуть, как чудесный вечер с раскаленным докрасна полуночным солнцем, золотистыми, пурпурными облаками и всей своей прелестью превратился в холодный, сырой, печальный, темный осенний вечер. Однако, нам нужно было итти вперед, ведь надо было пройти еще по крайней мере миль 20. Время от времени мы сверяли курс по карманному компасу. Судя по всему, мы должно быть находились в какой-то бухте; лед был совершенно ровный. Немного за полночь мы попали на землю, и одновременно туман несколько рассеялся. К нашему изумлению мы увидели тогда землю со всех сторон. Мы зашли в залив, совершенно замкнутый сушей. Мы назвали его Грили Харбор. Тут, должно быть, превосходная зимняя гавань, единственная хорошая стоянка для судов на всем побережье. Глубины она достаточной, о чем мы заключили по 2—3 огромным глыбам морского льда, которые могли войти в залив и торчали из воды по меньшей мере саженей на пять.

Берег на западной стороне залива был высокий. Так же и на восточной. Но между двумя холмами был очень узкий низкий перешеек, через который мы снова выехали на морской лед и затем пошли вдоль берега на север. К сожалению, погода прояснилась ненадолго. Снова спустился туман, окутав все мглой, холодом и сыростью. Это лишило меня мужества. Для чего пробиваться вперед, если даже нельзя разглядеть берега, да и дело идет всего о каких-нибудь двух-трех лишних милях? И вот мы остановились и поставили палатку у низкого каменного мыса, очень похожего на все другие, уже пройденные нами. Итак, значит это будет „Самой дальней точкой, достигнутой Хансеном".

Кому в жизни не случалось с этим столкнуться: до сих пор и не дальше! Те, с кем это случалось, знают,

как это подавляет. Мы знали уже давно, что нам не удастся пройти далеко. Выбиваясь из сил и с трудом бредя по торосистому льду пролива Виктории, мы не раз повторяли себе, что нас удовлетворят какие-нибудь один-два дневных перехода по новой земле. И хотя мы прошли уже гораздо больше этого, но все же мы были огорчены, что не смогли дойти до Гленели Бэя. Сотню миль, отделявших нас от этого места, нам приходилось теперь оставить в их непопранной белизне. Мы их не одолели...

Когда я в тот день заканчивал свой дневник словами „до сих пор и не дальше", у меня было такое ощущение, что вся наша работа была проделана зря. Лозунг „вперед" напрягает мышцы, вызывает биение сердца, гонит кровь по жилам, поднимает выше голову и выпрямляет спину. „Назад"—сразу превращаешься в старого разбитого человека! Прошло несколько дней, и снова зазвучали правдой слова Бьернсена:

„Бодро, бесстрашно смотри вперед!
Если надежду рок разобьет —
Новой твой взор засияет!"

Мы составили следующий документ, который будет оставлен под гурием:

До этого пункта дошла санная партия норвежской экспедиции „Йоа" 26 мая 1905 года и назвала его мысом Нансена.

Местоположение { 72°2′ N / 104°45′W (Гринич)

Берег, повидимому, продолжается к северо-западу.
Сегодня возвращаемся на корабль.

Мыс Нансена, 26 мая 1905

Годфред Хансен — Пер Ристведт

„Назад!" Это слово, как я сказал, превращает тебя сразу в старого, разбитого человека. Но „домой!" это уже совсем иное. Путь домой, он действительно ведет к дому. Мыс Нансена был для нас обоих самым дальним пунктом, путь домой не кончался в гавани „Йоа"; он шел дальше—на „Йоа", как только вскроется лед, дальше домой.

На мысе Нансена нам попался еще один медведь. Дело было вечером 26-го, как раз перед тем, как мы

собирались сниматься с лагеря. Ристведт выглянул в дверь палатки. Но вместо того, чтобы увидеть сани и собак, расположенных полукругом у палатки, да неясные очертания нескольких торосов, да серое ничто — снег и воздух, сливавшиеся во мгле, вместо всего этого он увидел медведя в 5 шагах от дверей палатки. В палатке у нас всегда лежало заряженное ружье. Делом одной минуты было для Ристведта приложить ружье к плечу и выстрелить. Медведь упал, но снова встал и бросился к торосам. Кровь текла у него из пасти. Мы выскочили из палатки, как были босиком, чтобы спустить собак. Но наша поспешность оказалась излишней. Медведь прошел шагов 30, упал и подох.

27 мая. Севернее мыса Нансена берег опять совсем плоский. К югу я видел высокую землю вокруг Грили Харбор, но яснее всего виднелась гора Овидии, возвышавшаяся среди совсем плоской равнины, простиравшейся на мили кругом ее подножия. Это самый заметный пункт на всем побережье.

Затем я вернулся к палатке, и начался наш обратный путь.

У мыса Анкера мы свернули в Датский фьорд, где и переночевали милях в десяти на острове Клоэтта. Несмотря на ясную погоду, мы все еще не видели основания фьорда и потому решили на следующий день проехать немного вглубь. По наброску карты, сделанному мною на пути вперед, немного дальше вглубь должен был быть только выступ, шириной в 4 мили, между бухтой Хомана и Датским фьордом. Я намеревался проехать через него, чтобы проверить свою работу, которая была сделана лишь на основании пеленгования извне.

1 июня. Поразительно наблюдать по мере нашего продвижения вдоль побережья, как быстро хорошая погода меняет общий вид местности. Солнце, стоящее теперь на небе круглые сутки, освещает снег со всей силой своих лучей, и поэтому он принужден уступать место лежащей под ним черной земле. Не было, правда, еще текущей воды, а только там, где лежал глубокий снег, он с каждым наступающим днем опускался все

ниже и ниже. Там, где он лежал только тонким слоем, он исчезал совершенно, поэтому по берегам вершины холмов уже изрядно почернели. Вскоре мы начали разбивать палатку на земле. Дело в том, что теплота нашего тела проникала через спальные мешки и пол палатки, так что снег таял, а мешки становились влажными. Поэтому мы предпочитали ставить палатку на голой земле. Хотя она не всегда бывала таким уж ровным ночным ложем, но ведь и мы не какая-нибудь принцесса на горошине! Не так трудно примириться с каким-нибудь камешком, упирающимся тебе в спину!

Идя вдоль берега, мы встречали зайцев, часто по 3-4 вместе. Некоторые из них попали к нам в кастрюлю. Но к ним было трудно подобраться на выстрел из дробовика, а тратить щедро винтовочные патроны мы не решались. Они предназначались для более крупной дичи. У мыса Куфуд Хансена мы убили еще одного медведя.

5 июня. 5 июня мы прошли остров с гурием Рэ и нашли свой склад в целости. Лемминги отведали немного, но не больше того, что им вполне можно было уделить. К этому зверьку я проникся известным уважением. Если случается оскорбить его достоинство, переходя ему дорогу, то он решительно останавливается, чаще всего становясь спиной к камню. Сидя на задних лапках, он бьет по воздуху передними, совсем как медведь, готовый продать свою жизнь возможно дороже. Когда стоишь около него, вздымаясь, как ему кажется, чуть ли не до облаков,— ведь он едва доходит тебе до щиколотки,— каким кажется забавным и смешным проявление им мужества. Но все же мне он внушает почтение!

Утром мы дошли до своего тюленьего склада на льду. Понадобилось некоторое время, чтобы отыскать его.

11 июня. Сейчас же после полуночи 11 июня мы поехали дальше вдоль острова Тэйлора. Мы наткнулись на след двух эскимосских саней, идущих к югу, и пошли по нему, надеясь догнать эскимосов. Но они по той или иной причине торопились, так как след их вел на

юг. Возможно, что им нужно было встретиться с сопле-менниками и они откладывали поездку как можно доль-ше, надеясь, что мы вернемся. До самого Дехэвнс Пон-та они не останавливались на ночлег. От этого мыса мы направились прямо на остров Линда, ясно видный и возвышавшийся на юге. Посредине пролива мы остано-вились на дневку.

14 июня. 14 июня мы взялись за торосистый лед. Я думал о нем с замиранием сердца, вспоминая все мучения и усилия. Но он обошелся с нами довольно милостиво. Два дня понадобилось нам, чтобы попасть на „Землю, замеченную Рэ".

В первый день в торосистом льду мы убили тюленя. Он оказался очень кстати, так как жир морского зайца начинал уже порядочно горчить. Впрочем, мы видели много тюленей со времени своих остановок „на вольном воздухе". Если итти по ровному ледяному полю доста-точной величины, то можно быть уверенным, что уви-дишь на нем греющегося на солнышке тюленя. Но они очень пугливы, и только там, где отдельные глыбы торо-систого льда бывали удачно расположены вокруг них, можно было надеяться подойти к ним на выстрел.

Мы дошли до земли рано утром 15-го. Это был всего лишь небольшой островок, но к северу, югу и востоку мы опять видели землю — более крупные и мелкие острова. На этом островке было совсем лето. Почти никакого снега, свежий зеленый мох, куропатки и гагары. Он показался нам настоящим маленьким раем и получил название острова принцессы Ингеборг. Я опре-делил широту и долготу его. Остальная часть работы по нанесению острова на карту была произведена бегло. У нас ведь оставалось очень немного жизненных благ. Варили мы на жире, храня последние поллитра керо-сина на случай дней дурной погоды, когда нельзя будет варить пищу на открытом воздухе. Хлеб у нас весь вы-шел, шоколаду оставалось всего на два раза. Скоро нас с нетерпением начнут ждать дома. Все это, вместе взятое, заставляло меня торопиться.

Мы сделали дневной переход в 21 милю к югу среди массы островов и островков. Последние 2—3 мили

мы проходили через один пролив, Маркэм Стрейт, где, по моему мнению, глубины достаточны для прохода „Йоа“. Мы дошли до острова Брайда к югу от пролива, и с вершины я видел к югу еще несколько островов, а подальше, так милях в 15, высокую холмистую землю, по всей вероятности, значительной величины остров. У меня было большое желание исследовать эту группу островов дальше к югу, и мы даже начали с этой целью переход. Но, будучи убежден, что цепь островов простирается до самого материка, я подумал, что задача эта окажется слишком обширной для столь позднего времени года, и поэтому направился снова к северу, восточнее группы островов.

Группу островов на юг от острова Брайда мы назвали островами Норденшельда. Группа же островов к северу от пролива Маркэма получила название островов Королевского Географического общества, а самые важные мысы островов получили английские названия. Это мы считали наиболее справедливым, так как впервые эту землю увидел англичанин.

По пути вдоль восточного берега мы потеряли одну собаку. Ристведт выпряг ее из своей запряжки, — он никак не мог заставить ее тянуть и она все время грызлась с товарищами. Это был ярко-рыжий коротконогий пес по имени „Инагсайяк“. Он вечно ленился и, получая в течение долгого времени сытную пищу в виде сала, порядочно растолстел. Некоторое время он следовал за санями, но и это показалось ему слишком трудным,—он улегся на лед и на нем остался. Больше мы его не видали. Правда, мы ждали, что вечером он придет к палатке, но он не явился. Итак он слег на лед, чтобы умереть там. В начале нас немного мучила совесть. Но когда собаку выпрягали, с ней, повидимому, ничего не было, и поэтому мы успокоились на том, что если пес и подох, то причиной его смерти была просто леность.

18 июня. 18 июня мы перешли через пролив Александры. Состояние снега между торосистыми льдинами изменилось к худшему. Ледяная корка, образующаяся на нем по ночам, не была достаточно толстой, чтобы

выдерживать нас и собак. К счастью, сани по ней проходили, и мы все же кое-как продвигались вперед.

У мыса Крозье мы нашли свои запасы оленьего мяса, керосина и шоколада в полной сохранности. Все наши беды кончились. Нам оставалось только проехать по ровному льду пролива Симпсона, и мы форсированным маршем пустились вдоль берега.

Езда в такое позднее время года сопряжена с чрезвычайным неудобством, собаки разбивали себе лапы. Снег уже сходил со льда, а талая вода делала неровной и шершавой всю ледяную поверхность, покрывая ее бесчисленными мелкими, торчавшими вертикально ледяными иглами, которые ранили мягкие подушки на собачьих лапах. В следах, где они ступали, оставалась кровь, и нам приходилось мало-по-малу выпрягать собак. Сначала Милиуса, потом Йоа, затем Силлу. С трудом нам удалось заставить их следовать за санями. Если приходится ехать, когда уже наступило сильное таяние снегов, то нужно брать с собой удобные собачьи башмаки, иначе собакам не справиться.

По мере того как мы продвигались вперед, мы узнавали все больше и больше знакомых подробностей ландшафта. Берег до Узкого места в проливе мы посещали часто. Пройдя остров Тодда и повернув в бухту Петерсена, мы чувствовали себя уже почти дома. Последняя наша стоянка была на Свартхейа.

25 июня утром мы двинулись в путь — оставалось пройти последние 10 миль. Санный флаг — он уже потрепался немного — развевался над санями, прикрепленный к лыже. Хотелось, чтобы нас заметили с корабля как можно раньше. И нас увидели издалека — ведь товарищи ждали нас с нетерпением. В 7 часов утра на борту судна взвился флаг. Лунд стоял утром на вахте и заметил нас сейчас же. Позднее мы узнали, сколько раз уже товарищи смотрели на лед и смотрели напрасно. Не видно было ничего, кроме плоского льда, а там вдалеке колебались в тумане очертания острова Тодда. Но вот, наконец, мы появились. В 8 часов мы свернули в горло бухты и быстро подъехали к кораблю.

Собаки сразу узнали местность и поняли, что теперь, наконец, их ожидает настоящий отдых.

Большими шагами к нам навстречу шел от корабля человек. Это был начальник. „Здравствуйте, добро пожаловать!“ сказал он. Приятно было чувствовать, что наш приход действительно радовал всех.

На этом закончилось наше путешествие. Это был тяжелый путь. Ведь во время похода в пустыне нужно всегда быть на чеку. За ничтожную неосмотрительность можно поплатиться жизнью. Каждая ошибка карается смертью.

Но такова настоящая жизнь. Там, где твоя воля закон, чувствуешь себя свободным. Пусть путь тяжел и нужно преодолевать препятствия. Приходится знакомиться и с голодом, и с холодом, и с сыростью, и с изнеможением. Скудно питаться. Проститься и с чистотой, ибо каждая капля воды требует самого драгоценного — горючего. Однако, все-таки идешь вперед, каждая миля ощущается как победа. А жизнь „La vie n'est pas un plaisir ni une douleur, mais une affaire grave, dont nous sommes chargés, et qu'il faut conduire et terminer à notre honneur“.[1]

Итак, мы выполнили свое дело и проложили путь на новом участке берега в белом пятне северного полушария. Покорили человеку новую землю, ознакомились с этой областью, ее геологией, ее природными особенностями, ее географией. За наше путешествие мы прошли 800 миль.

В те дни, когда я сидел на санях, а передо мной впереди не было никаких вех, потому что полозья моих саней оставляли первый след на снегу этой страны, мне казалось всегда, что по возвращении домой мне будет легко написать обо всем пережитом. Мне казалось, что наше путешествие имеет большое значение. Правда, берег, вдоль которого мы ехали, был диким берегом,

---

[1] Жизнь не является ни удовольствием, ни горестью, но важным делом, которое нам поручено, и им нужно заниматься и довести его до конца с честью.

обвеваемым постоянными бурями, окутанным туманами, скованным льдами и зимой и летом; правда, страна, которую мы вырвали из ненастной темноты и нанесли на свою карту, была пустынна и камениста, не отличалась сама по себе красотой, не приносила человеку никакой пользы, однако мне казалось, что эти бесконечные просторы рождают мысли о великом, прекрасном и добром, и вот об этом-то я и хотел написать. Я хотел написать так, чтобы у тех, кто прочтет об этом, шире раскрылся горизонт и чтобы они получили бы такое же представление о необъятном, какое и я получил в тех областях, где нет ни дорог, ни тропинок и где только солнце да сияющие звезды указывают путь вперед. Теперь, кончая свой труд, я вижу, сколь мало я смог дать, потому что мыслей, которые, как мне там казалось, нахлынули на меня потоком, нельзя выразить словами, это были чаще всего лишь настроения. Но если мне удалось, по мере развития рассказа, рассказа о двух людях и двенадцати собаках, утопавших в снегу, карабкавшихся на льдины, отдыхавших в одинокой палатке под буйными ветрами, если мне удалось, хотя бы единый раз, уловить, чем живут в этих бесконечных равнинах и в яростную бурю и при ярком солнце, то, значит, я привез с собой домой больше чем одну карту, на которую нанесено несколько миль земли к северу от „Самого дальнего пункта, до которого дошел Коллинсон...“

Вот и все сообщение лейтенанта Хансена.

К концу июня стало очень тепло и начала вскрываться прибрежная полынья. Если и дальше будет так продолжаться, то нынче будет такой же благоприятный ледовой год, как и в 1903 году. Земля уже почти вся обнажилась от снега, а комары изрядно мучили нас.

На борту судна приходилось теперь устраиваться совсем иначе, так как Ристведт и Вик перешли к нам с берега. Мне с лейтенантом пришлось поделиться с ними каютой. Вик постоянно занимался ведением

своих наблюдений, и поэтому каюта не могла больше служить темной комнатой. Однако, лейтенанту нужна была темная комната, и эта проблема оживленно обсуждалась, причем вносились разнообразные предложения для ее решения. В конце концов лейтенант Хансен остановился на одной темной комнате, основного и действительного значения которой я не буду касаться! Чего не заставит сделать нужда! Провиантная палатка была теперь свободна, так как весь провиант был уже перенесен на судно. Ее употребляли для разных нужд, главным образом в качестве сушилки для всех наших птичьих шкурок, которые были повешены там и быстро высыхали, благодаря постоянному сквозняку. Затем эта палатка служила нам конторой и баней. Туда мы перенесли свою маленькую паровую баню, а вход сделали низким, чтобы не затруднять каждого желающего помыться там. Требовалось только зажечь мус, затем потушить его и привести за собой все снова в порядок. Баньщиков у нас не было! Мы поставили также длинные столы, на которых разложили свои тетради с наблюдениями и магнитные кривые для последней проверки и просушки, перед тем как окончательно уложить их и запаять.

Сова, Умиктуаллу и Нулиейю 2 июня уехали со своими семьями на запад к Камиглу поблизости от острова Эта в проливе Симпсона, чтобы заняться оленьей охотой. Я условился с ними, что мы остановим судно, когда будем там проходить, чтобы взять на борт оленьи окорока. Мы дали эскимосам с собой длинный шест с флагом, который они должны будут поднять, чтобы нам было легче увидеть их.

Я давно уже обещал Линдстрему, что он получит несколько свободных дней для исследования таинственных недр страны. Эскимосы так много рассказывали о реке к северу, Каа-аага-анги, которая кишит лососями. Туда теперь уехало много эскимосских семейств, и от них приходили вести о том, что там прекрасная рыбная ловля. Все мысли Линдстрема были прикованы к Каа-аага-анги (большая река), и он стремился все больше и больше от камбуза к этой реке. Наконец,

2 июля он приготовился к своей экспедиции. Она состояла из него самого и Талурнакто в качестве помощника начальника. Ее уже давно все мы прозвали „Экспедицией для исследования внутренней части Земли короля Уильяма“. Я пытался как можно дольше сохранять свое серьезное отношение и к этой экспедиции. Линдстрем действительно имел целью пополнение своей зоологической коллекции, но все остальные товарищи ужасно потешались над ним. Право, было невозможно не смеяться над этими двумя полярными исследователями, когда они медленно двинулись вперед и пошли по льду под градом более или менее скромных пожеланий, сыпавшихся с палубы. Оба они по виду были совсем одинаковы, то есть принадлежали к тому типу людей, которые бывают выше всего, когда принимают лежачее положение, и теперь они катились рядом, как два шара. На другой день Ристведт и Вик, всегда вместе выдумывавшие самые невероятные шутливые проделки, отправились к эскимосам и выискали себе там экземпляр на двух ногах такого же типа, юношу по имени Тоннич. Этого юркого маленького человечка они снабдили протухшими консервами и поручили ему разыскать Линдстрема и Талурнакто. Посланцу дали с собой длинное торжественное послание к Линдстрему, где выражались живейшие заботы о „великой научной экспедиции“, руководителем которой был он, а вместе с тем надежда, что вспомогательная экспедиция Тоннича найдет обоих смелых путешественников в живых и таким образом окажет им помощь, пока еще не будет поздно. Когда 9 июля оба вернулись обратно, они были встречены пышными овациями и всяческими знаками преувеличенного внимания. Добыча экспедиции состояла из 40 яиц и нескольких гагар. Научный отчет был краток: Каа-аага-анги—это река шириной с реку Нид у Троньема. Животный и растительный мир гораздо богаче у станции!

Между тем лейтенант Хансен побывал на мысе герцога Абруццкого и определил его местонахождение. Но езда на санях в это время года неприятна. Лейтенант вернулся домой промокший насквозь.

В половине июля я сбросил с себя эскимосские одежды и облачился снова в свое старое платье. Я проносил эскимосскую одежду 20 месяцев подряд и имел возможность составить себе представление об ее приспособленности. Для зимнего пользования в этих местах, как уже упоминалось раньше, легкая одежда из оленьего меха лучшее, что можно придумать, и делать ее нужно просторной. Однако в самые сильные морозы и ближе к весне я надевал, как и все эскимосы, на живот широкий пояс из оленьего или волчьего меха, чтобы предохранить это чувствительное место от продувания. Летом же, наоборот, одежды из оленьего меха непрактичны, так как они промокают в дождливую погоду. Я пришел к тому выводу, что летом нижнее шерстяное белье, а поверх него одежда из тюленьей шкуры—рациональнее всего. На ноги я надевал всегда чулки из оленьего меха волосом внутрь; под подошву клал траву сенны, и затем натягивал поверх сапоги из оленьего меха волосом наружу. В такой обувке ноги предохраняются от каких бы то ни было повреждений. Трава сенны впитывает в себя всю влагу. Если каждый день вынимать траву и просушивать ее, то никакой влаги в чулке не останется. Но для большей верности можно выворачивать чулки на ночь.

В конце июля в Огчьокту образовалась школа плавания. Вик и Ристведт были в ней учителями, Хансен и Лунд—учениками. Пруд с пресной водой недалеко от судна был использован в качестве бассейна, и здесь они купались каждый вечер все время, пока держалась теплая погода. Температура воды доходила до +15°, а это не плохо для полярной области. Сначала применялись пояса, но ученики оказались способными, поэтому такой метод был скоро оставлен. Иногда эскимосы приходили посмотреть на пловцов. Они были уверены, что белые спятили с ума! Можно было бы предположить, что этот народ, проводящий столько времени на воде, умеет плавать. Но нет, ни один из них не имел об этом ни малейшего понятия, и если кто-нибудь падал в воду, то шел сейчас же ко дну, как камень. Позднее нам представился очень пе-

чальный случай убедиться в этом. Впрочем, не так уж необычно, что народ, много плавающий по морю, сам не умеет плавать. Назову, например, хотя бы наших рыбаков.

Уже давно было решено, что наш верный спутник Талурнакто пойдет с нами на „Йоа“ дальше к западу, а может быть даже проедет потом и домой. И Талурнакто стал держать себя почти как белый и смотреть на своих собратьев свысока, не всякого даже он удостаивал своим разговором! Но когда лед начал делаться тоньше и приближалось время отъезда, Талурнакто, повидимому, стал задумываться. У него случались периоды задумчивости, и он мог просиживать так часами. В начале я не обращал на это никакого внимания, думая, что это, вероятно, какая-нибудь любовная тоска. Но вдруг, однажды, сидя у меня, он разразился рыданиями! Я понял тогда, что здесь кроется нечто более серьезное, и стал расспрашивать его. Он отчаянно всхлипывал и сопел, и прошло много времени, прежде чем я добился от него разумного слова. Наконец выяснилось следующее: он не решается ехать с нами в страну белых „Каблуна нуна“, так как его там убьют. Не помогли и мои заверения, что все мы просто ангелы и хотим ему только добра. Его невозможно было убедить, он все тыкал пальцем в картинки из англо-бурской войны. Наконец, я сказал ему, что если он сам не хочет с нами ехать, то я не могу и не хочу принуждать его к этому. После этого он почувствовал огромное облегчение, и к нему вернулась его прежняя радостная улыбка. Повидимому, он вбил себе в голову, что мы вольны казнить его или миловать и он является нашей собственностью со всеми своими потрохами. Так экспедиция потеряла своего восьмого участника! Считая все же, что нам важно взять с собой эскимоса для дальнейшего нашего путешествия, я объявил место Талурнакто свободным. Немного погодя нам предложил свои услуги толстый Тоннич, тот самый, который изображал спасательную экспедицию на розыски Линдстрема. Видимо, у него было страстное желание посмотреть южные страны.

Собственно говоря, Тоннич не был таким человеком, какого мне хотелось бы получить, он был большой, толстый, неуклюжий и медлительный во всех движениях. Но никто другой не появлялся, а так как у него было исключительное даже для эскимоса хорошее настроение духа и он вел себя всегда примерно, то я его принял. Момент, когда Тоннич вступал на борт судна в качестве восьмого участника экспедиции, был очень торжественен. Его ожидало ведро воды, щетка и мыло. Стать каблуна — „белым", не подвергшись генеральному мытью, было невозможно. Вик озаботился очисткой его на палубе, и я был уверен, что все будет произведено основательно. Эскимосу остригли волосы, а затем их расчесали и посыпали порошком от вшей. По окончании этой операции на него надели обычное нижнее белье. Он счел одевание законченным и пожелал сейчас же показаться для обозрения. Тогда ему дали понять, что белье не является обычным костюмом для прогулок, и надели на него новый с иголочки костюм, сшитый в Норвегии в тюремном доме из домотканной материи. Никто, наверное, никогда не гордился так своим одеянием, как Тоннич, он хохотал от удовольствия, тянул и дергал за костюм и осматривал себя со всех сторон.

Через несколько дней пришли Талурнакто и с ним еще кое-кто из эскимосов и принесли нам целых 70 прекрасных лососей, весивших от 3 до 5 кг. Их поймали у Навьято, и они были совершенно свежие. Это явилось чудесным добавлением к нашему провианту для дальнейшего плавания. Вопрос был только в том, как лучше всего сохранить рыбу. Есть каждый день соленую лососину было бы слишком надоедливо. Тогда Лунд предложил закоптить их. Копченая лососина! У нас потекли слюнки от одной мысли об этом, и предложение Лунда было с восторгом принято. Он сейчас же принялся за устройство „огчьоктской коптильни". Несколько пустых бочек и ящиков — вот и все, что ему требовалось. Было нанято и послано за топливом несколько эскимосских мальчиков. В некоторых местах росло совсем маленькое растение, вроде вереска, и за

ним-то и были посланы мальчики. Они вернулись, набрав несколько полных мешков, и вскоре из коптильни весело повалил дым. Спустя некоторое время была готова и подана на стол первая пробная партия лососины. Она превзошла все наши самые смелые ожидания! Копченая лососина была тончайшего вкуса, и самая первоклассная рыбокоптильня у нас в Норвегии не могла бы выпустить лучшего товара.

23 июля произошло несчастье, которое могло повлечь за собой очень серьезные последствия. Было воскресенье, и Линдстрем хлопотал насчет обеда. Нужно было разжечь примус, и по обыкновению Линдстрем стал на колени перед примусом, чтобы было сподручнее накачивать его. Лицо Линдстрема приходилось как раз над самой горелкой. Когда уже все было почти готово и Линдстрем собирался остановиться, вдруг горелка лопнула и пламя выкинуло ему прямо в лицо. Линдстрем не растерялся, схватил примус и выбросил его за дверь. Однако, тот упал через открытый люк прямо в трюм, к счастью оказавшийся пустым. Люди, бывшие в кормовой каюте, услышали шум и выскочили на палубу. Страшное пламя вырывалось из дверей камбуза. Но у нас в это время лежал на палубе в полной готовности шланг, так что огонь был сбит моментально. В результате камбуз не пострадал, досталось только одному бедному Линдстрему. Я сидел в носовой каюте и разговаривал с Лундом. Мы услышали какой-то шум, но не больше чем это часто бывало, когда, например, ребята занимались борьбой. Но вдруг в каюту врывается Линдстрем с опухшим и красным лицом, у меня в мозгу молнией мелькнула мысль, что произошло первое побоище и Линдстрему здорово попало! Он был так взволнован, что не мог говорить, и прошло некоторое время, пока, наконец, он выговорил: пожар! Мы с Лундом выскочили на палубу, но все уже было потушено. Лицо и руки Линдстрема сильно пострадали. Мы смазали его яичной мазью. От боли он почти терял сознание. Позднее, к вечеру она стала немного успокаиваться, и лейтенанту удалось наложить ему повязку. Уже на другой

день к Линдстрему снова вернулось его хорошее настроение, но выглядел он ужасно. У него был вид совершенно пьяного и избитого оборванца, и мы прозвали его „бифштексом“. Прошло почти две недели, прежде чем он принял снова свой прежний вид.

На это время Хансену пришлось взять на себя заведывание кухней, и он отличился на этом поприще. В печении хлеба он превзошел лучших мастеров. Дело в том, что Хансен делал основательно все, за что принимался, а когда Хансен месил тесто, то становилось страшно и за тесто и за корыто! Но в результате его печенья получался вкуснейший образец пекарного искусства. Кроме того приготовление пищи Хансеном шло под музыку. Фрикадельки жарились под „Законы викингов“ из „Саги о Фритьофе“, которая являлась его единственным источником; котлеты под „Ледяной поход“; кровяные сосиски под „Смерть короля Ринга“. Таким образом мы, находясь на берегу, узнавали по слуху, какое у нас сегодня меню!

Лейтенант Хансен и Талурнакто съездили вдвоем на сбор окаменелостей к реке Пфеффер, лежащей милях в 20 к западу на Земле короля Уильяма. Береговая полынья была теперь уже настолько велика, что путешественники проплыли по ней в одной из наших гребных лодок.

28 июля гавань в первый раз за лето освободилась ото льда. В проливе лед посинел, но на нем еще не видно было трещин. В прошлое лето реки были очень полноводны из-за массы снега; в этом году они текли ровно и тихо и не оказывали поэтому никакого влияния на вскрытие льда. Нам приходилось надеяться на солнечный припек и ветер. Сколько-нибудь заметного течения там тоже не было. Уже давно у нас каждый день было яркое, жгучее солнце, и потому виды на будущее были довольно хороши. Но в конце июля жаркая погода прекратилась, чтобы больше не возвращаться. Однако, теперь к нам на помощь явился ветер. В ночь на 31 июля подул очень свежий ветер с северо-востока со штормовыми шквалами и выпал такой густой снег, что вся земля побелела. Мы уже

некоторое время немного беспокоились насчет возможности своего отъезда, и поэтому с сильным волнением ждали действия этого северовосточного ветра. Лучшая часть лета уже прошла, а ночи — наш худший враг для дальнейшего плавания — начали становиться все более заметными. Лед в проливе Симпсона до сих пор держался необычайно стойко. Не образовывалось никаких полыней, и лед казался все таким же плотным, каким он был в течение всей зимы. Синий его цвет свидетельствовал, правда, о том, что для вскрытия льдов не потребуется особенно большой силы извне. Против реки Ристведта находилось единственное место, где была открытая вода, вроде бухты, врезавшейся в лед. Здесь-то шторм и мог приняться за настоящую ломку льда.

И вот в течение дня нордост сделал чудеса. Льды сдвинулись к югу, и во многих местах образовались большие полыньи.

Мы теперь уже совсем были готовы пуститься в плавание. За исключением метеорологических инструментов и собак, которые должны были оставаться на берегу до последней минуты, все уже было на судне. Трюм был почти доверху набит нашими коллекциями. В большом трюме находились наши самые важные вещи. Прежде всего два больших запаянных железных ящика, где сохранялись все материалы наших наблюдений за эти два года. Ящики были так устроены, что их можно было бросить в море, и они там плавали бы. Оба были помечены названием судна. Вокруг ящиков стоял провиант на две недели, патроны и другое снаряжение, уложенные в небольшие ящики, приготовленные на тот случай, чтобы их можно было взять с собой, если нам пришлось бы покинуть судно. Здесь также для каждого из нас был приготовлен мешок из непроницаемой для воды материи с одеждой и со всем прочим, что каждый в отдельности хотел бы взять с собой на такой случай. Все наши шлюпки и брезентовые каяки были в полном порядке и приведены в готовность на случай аварии. Мы приготовились к тому, что нам придется все время пользоваться лотом, пока мы не

выйдем на другую сторону. Поэтому мы изготовили три ручных лота и установили на блоке патентованную катушку, по которой лотлинь вытравливался с легкостью. Вахты мы заранее распределили следующим образом: один человек у руля, один в дозорной бочке, один у машины и один у лота. Мы, работавшие на палубе, должны были устроиться так, чтобы трое из нас находились на палубе, пока четвертый отдыхает. Машинисты чередовались вахтами. Кок должен был по возможности помогать нам.

Все мы знали, что нас ждут впереди тяжелые испытания. Но прекрасные отношения, существовавшие все время между нами, сблизили нас и спаяли, и хотя нас было всего лишь семь человек, мы являлись, однако, силой, которую не так-то легко было сломить.

С вершины холма Акселя Стена открывался отличный вид по проливу на запад, и в течение следующих двух недель я поднимался туда 2—3 раза в день. 12 августа снова дул свежий северный бриз, и мы поняли, что уж если нам суждено двинуться в путь, то надо воспользоваться этим случаем. Лейтенант Хансен, Лунд и я поднялись утром наверх на вершину холма Стена. Лед, до сих пор стойко державшийся вдоль берега Земли короля Уильяма от мыса Бута и дальше к западу, теперь отошел, и открылась береговая полынья. В четыре часа мы снова были на вершине. Вокруг островов Тодда все еще стоял лед, но нам показалось, что по ту их сторону виднеется открытая вода.

Настало время, и мы решили попробовать. Отплытие было назначено на три часа утра следующего дня. Были сделаны последние приготовления. Собак взяли на борт и после наблюдений, произведенных в 9 часов вечера, перенесли также и метеорологические инструменты.

С каким-то странным чувством вступал я на борт судна в последний раз. К моей радости, что мы пускаемся в плавание, примешивалось еще сильное чувство сожаления. Мои товарищи позаботились о том, чтобы у меня от гавани „Йоа“ остались только одни

хорошие воспоминания. У нас никогда не было ни недоразумений, ни ссор. Веселая шутка, пение, смех — вот что звучит в моих ушах, когда я теперь вспоминаю об этом долгом времени. Поэтому мои мысли всегда сопровождаются сердечной благодарностью товарищам за дни, проведенные в гавани „Йоа“.

СЕВЕРОЗАПАДНЫЙ ПРОХОД

ПЛАВАНИЕ вдоль материка Северной Америки было той задачей полярного исследования, которая несомненно больше всего занимала человечество. И ради разрешения ее было принесено в жертву больше жизней и затрачено больше средств, чем ради разрешения какой-либо другой задачи. Но так как о Северозападном проходе существует целая библиотека литературы, то я предпочитаю указать на нее моему читателю и не утомлять его своей попыткой рассказать ему историю плаваний этим проходом. Я ограничусь здесь коротким перечнем тех путешествий и путешественников, результат работ которых имел непосредственное значение для плана экспедиции „Йоа“ и его выполнения.

В 1585 году на поиски Северозападного прохода отправился Джон Дэвис. Результатом его плавания было открытие пролива между Гренландией и Лабрадором, носящего его имя. В 1616 году Байлот и Баффин сделали большой шаг вперед, обойдя кругом Баффинов залив и определив местоположение пролива Ланкастера. Уже в 1648 году русский Дежнев обогнул северовосточную оконечность Азии и таким образом открыл пролив между этой частью света и Америкой. Но его открытие осталось мало известным, и только в 1728 году датчанин Витус Беринг прошел через этот пролив и приобрел себе честь открытия Берингова пролива. Благодаря этим открытиям человечество было уже на верном пути к Северозападному проходу. Однако, еще много оставалось. В 1778 году капитан Джемс Кук проник через Берингов пролив к северу и открыл Ледяной мыс. После этого времени вопрос не поднимался больше в течение ряда лет, пока им снова не занялся талантливый английский шкипер-китолов Уильям Скорсби-младший в 1817 г. Он полагал, что состояние льдов теперь изменилось настолько к лучшему, что стоит возобновить попытки. И вот в XIX столетии начал осаду Северозападного прохода капитан английского военного флота Джон Росс. Английское правительство в 1743 году назначило вознаграждение в 20 000 фунтов стерлингов за разрешение задачи; теперь оно его воз-

обновило. Джон Росс отправился в 1818 году на парусниках „Изабелла“ и „Александр“, но счастье ему не улыбнулось. Он обошел кругом Баффинов залив, прошел пролив Смита и направился к югу. При входе в пролив Ланкастера он внезапно повернул обратно. Росс утверждал, что пролива не существует, и что это залив. Горы, которые, как ему показалось, он видел в основании этого залива, он назвал горами Крокера. Но так как все офицеры Росса не соглашались с его мнением и утверждали, что пролив существует, то уже на следующий год был послан туда талантливый помощник Росса, Эдуард Парри. Парри не только доказал существование пролива, но и прошел значительно дальше к западу и перезимовал на своих двух судах „Гекла“ и „Трайпер“ на острове Мельвиля. Этим был сделан гигантский шаг вперед, и имя Парри занимает одно из самых значительных мест в истории Северозападного прохода. Джон Росс, однако, не потерял мужества. В 1829 году он снова отправляется на север на колесном пароходе „Виктори“. Впервые пароход был использован в полярном море. Само собой разумеется, что во льдах далеко не уйдешь с огромными кожухами над колесами. Джон Росс зимовал в течение 4 лет на восточной стороне Боотии Феликс, и под конец ему пришлось возвращаться обратно на лодках, так как судно было раздавлено льдами. Этой экспедицией были достигнуты большие результаты. Племянник Джона Росса, позднее столь знаменитый полярный исследователь, Джемс Кларк Росс, нашел и определил местонахождение магнитного полюса. Также и в области географии чрезвычайно расширилось знакомство с этими областями, поэтому Джон Росс в значительной степени восстановил свою утерянную славу. Большая часть берегов Северной Америки была нанесена на карту во время экспедиций на лодках, главным образом Франклином в 1819—1822 и в 1825—1827 гг. Диз и Симпсон продолжали работу в 1837—1839 гг. Весь североамериканский берег был таким образом подробно изучен, но все же Северозападный проход не был найден.

В 1845 году Франклин отправляется из Англии на „Эребусе“ и „Терроре“, питая на этот раз самые наилучшие надежды. За две свои предыдущие поездки Франклин проявил такие выдающиеся способности, что счастливый результат, казалось, был ему обеспечен. Но, как известно, случилось совсем иное. Из всех 134 человек, принимавших участие в экспедиции Франклина, ни один не вернулся обратно. Неизвестность о судьбе Франклина взволновала в следующие за тем годы весь мир, вследствие чего было отправлено много спасательных и поисковых экспедиций. Многие из них выполнили прекрасные работы, но для окончательного сплошного плавания Северозападным проходом наиболее существенное значение имели только путешествия сэра Ричарда Коллинсона и доктора сэра Джона Рэ. Английский адмирал Коллинсон прошел в 1850 году на „Энтерпрайз“ в Берингов пролив и исследовал западный берег Земли принца Альберта и Земли Уолластона, где и зазимовал. На следующий год он прошел через проливы Долфин Юнион в залив Коронации и дальше через пролив Диза, где принужден был снова зимовать, в бухту Кэмбридж на южном берегу Земли Виктории. Его промеры и измерения этих узких и нечистых проливов позднее сослужили большую службу экспедиции „Йоа“. По моему мнению, сэр Ричард Коллинсон является одним из самых талантливых и смелых мореплавателей, которых когда-либо являл мир. Он провел свое большое тяжелое судно по фарватеру, где едва-едва хватало места для маленькой „Йоа“. Но что еще изумительнее, он провел судно обратно и доставил его в целости домой. За свой геройский подвиг он получил незначительную награду. Его помощнику сэру Роберту Мак-Клюру, вынужденному оставить свой корабль „Инвестигейтор“ в бухте Милосердия на северовосточном берегу Земли Бэнкса и поэтому добравшемуся домой лишь с чужой помощью, досталась вся честь, и он и его команда получили половину обещанного вознаграждения, как открывшие Северозападный проход. Обе эти экспедиции имели величайшее значение для сквозного плавания. Мак-Клюр доказал, что нельзя пройти тем путем, которым он шел. Заслуга Коллин-

сона была более значительна, так как он указал на действительно проходимый для судов путь — до тех пор, докуда он сам проник. Другими словами, Мак-Клюр нашел Северозападный проход, который был непроходим, а Коллинсон нашел путь, который был хотя и невполне пригоден для обычного плавания, но все же был проходим.

Доктор сэр Джон Рэ был одним из агентов Компании Гудзонова залива. Его большой заслугой является исследование Северовосточной Америки. Экспедиции „Йоа“ его работа принесла колоссальную пользу. А именно: ему принадлежало открытие пролива Рэ, отделяющего Землю короля Уильяма от материка.

И по всей очевидности можно сказать, что путь через этот пролив и есть единственно проходимый для плавания кругом Северной Америки. Ведь этот путь — единственный свободный от крупного губительного торосистого льда. По заслугам столь прославленный полярный путешественник, адмирал сэр Леопольд Мак-Клинток указал в своем отчете об экспедиции на „Фоксе“ в 1857—1859 гг. на этот путь и доказывал, что если когда-нибудь суждено будет открыть Северозападный проход, то он будет открыт именно этим путем. Я последовал совету этого опытного мореплавателя и, как видите, не имел случая об этом сожалеть.

Ровно в 3 часа утра 13 августа 1905 года на палубе „Йоа“ весело завертелся якорный шпиль. Погода была не из блестящих — густой туман при небольшом бризе. Поэтому мы пошли из гавани при полном ходе мотора. Эскимосы собрались на берегу в этот ранний утренний час, чтобы сказать нам свое последнее „Маник-ту-ми!“ Талурнакто провожал нас до Фрамнеса, и мы еще долго слышали, когда он уже скрылся в тумане, как он кричал нам:

— Гуд-да! Гуд-да!

Мы, так сказать, сразу же очутились в условиях весьма сомнительной навигации — в непроницаемом тумане, без компаса и при постоянно меняющемся ветре, который поэтому служил дурной путеводной нитью. Промеры лотом производились непрерывно. В дозор-

„Йоа“ летом в гавани Йоа у Земли короля Уильяма

ную бочку на вахту я послал Хансена и Лунда, наиболее пригодных для этого поста. Ведь здесь, чтобы выиграть игру, нужно было уметь передвигать фигуры! Мы с лейтенантом попеременно стояли у руля, кроме того отсюда было лучше следить за ходом судна. Ристведт и Вик были у машины.

Промерявший глубины лотом должен был не зевать: лот то-и-дело сновал вверх и вниз, можно было опасаться, что свинец растопится! „10 саженей и глини-

стое дно!"—раздаются слова. Затем снова: „8 саженей и камень — 10 саженей и глина"...

Дно пролива Симпсона у Земли короля Уильяма оказалось ровным. Чередовался песок с глиной, и глубина держалась около 10 саженей. Таким образом пробирались мы вперед ощупью до Бут Пойнта, где нам пришлось остановиться, так как не могли разглядеть, как пройти через льды, двигавшиеся в огромном количестве на восток. Мы стали на якорь за ветром у низкой шхеры перед мысом, где до нас не доходил дрейфующий лед. Время от времени полог тумана разрывался, и мы видели перед собой острова Тодда, окруженные массами льда. На западной стороне этой группы островов видна была открытая вода — туда-то и нужно было пройти. В 3 часа дня туман совсем рассеялся, и нам стало ясно наше положение. Мы находились недалеко от островов Тодда, состоявших из трех совсем низких, небольших островов, которые, однако, были достаточно велики, чтобы собирать около себя массу льда. С верхушки мачты открывался не особенно утешительный вид. Правда, полоса открытой воды шла между главной массой льда и крайним из островов, но было мало вероятности, чтобы эта узкая полынья тянулась сколько-нибудь далеко, так как лед с большой быстротой шел на восток и очевидно нагромождался у западной стороны острова. Нам все-таки нужно было пройти туда и посмотреть, как там обстоит дело. Погода стала великолепная—солнечная и ясная и почти совершенно тихая. По мере того, как мы шли вперед и огибали южную оконечность острова, нами все больше и больше овладевало волнение: примыкает ли лед к западному берегу острова? Узкая полынья, по которой, как нам казалось издали, пожалуй не прошла бы и лодка — вот и вся открытая вода, какую мы видели между большим полем сплошных льдов и островом. И притом было еще сомнительно, достаточно ли там глубоко. Все зависело от строения острова.

— Я думаю, мы пройдем!— закричал Лунд из бочки,— я вижу камни на дне, но пройти можно, идя у самого берега!

Именно так и нужно было делать, если мы намеревались проходить. К счастью западный берег острова обрывался прямо вниз, не образуя мели. Но будь только „Йоа“ шире на несколько дюймов, и мы засели бы плотно. Все облегченно вздохнули, когда перед нами на западе появилось открытое море.

У мыса Холла лейтенант и Хельмер Хансен во время своего путешествия на лодке в 1904 году нашли прямо на земле два скелета. Это были скелеты белых людей, а значит участников экспедиции Франклина. Они похоронили их и насыпали над ними могильный холм. Мы огибали мыс как раз на закате солнца и тихо прошли мимо могилы в торжественной тишине, подняв флаг в честь умерших, а небо и земля были в это время окутаны красным золотистоматовым светом. Наша маленькая победоносная „Йоа“ воздала почести своим несчастным предшественникам.

Когда я на другое утро в 2 часа вышел на палубу, мы находились против залива Дугласа. Тоннич, знавший местность, называл нам разные горные хребты на берегу. Он заметил также и стоянку, где собрались все наши эскимосы. Это был Камиглу, небольшой холмик вышиной в 30 метров. Палатки были заметны на фоне неба, и мы увидели также и шест с флажком. Туман стал в это время собираться большими массами и лежал густой пеленой в самом узком месте пролива Симпсона, между островом Эта и берегом материка, поэтому мы направились прямо на Камиглу. Дно у материкового берега было очень неровным, вследствие чего мы бросили якорь на порядочном расстоянии от берега. Вокруг судна стоял густой туман, и мы, чтобы привлечь внимание эскимосов, принялись с промежутками давать гудки туманной сиреной. Вскоре из тумана вынырнул каяк, и мы услышали веселое: „Маник-ту-ми“! Это был Нулиейю, за которым последовали и другие. Они все были рады снова увидеть нас, и мы с Лундом спустились в ялик, чтобы плыть с ними на берег. Туман ничуть не мешал эскимосам. Они посмеялись над нами, когда мы спросили, смогут ли они найти дорогу, и двинулись вперед полным ходом.

Через целых три четверти часа такой гребли мы все-таки пришли как раз к месту высадки. Находить путь с такой уверенностью без солнца и при абсолютном безветрии, — очевидно у этих людей было развито какое-то шестое чувство! На берегу туман был реже. Камиглу был полуостровом, обрывистым со всех сторон и соединенным с материком небольшим перешейком между лагунами, врезавшимися в него с востока и запада. На вершине его и жили в семи палатках наши друзья — среди настоящего арктического рая. В лагунах внизу они ловили всю необходимую им рыбу, а вокруг больших озер на равнине большими стадами бродили олени. У эскимосов была удачная охота и поэтому масса мяса. Но главная его часть сохранялась в складах на равнине. Эскимосы предлагали нам сейчас же принести его, но это заняло бы много времени, и потому мы отказались и удовольствовались только тем, что было у них на стоянке. Мы обошли всех и распрощались со своими старыми друзьями. Кто знает, увидимся ли мы когда-нибудь снова. Одновременно мы забирали у них все мясо и сушеную лососину, какие только могли получить.

У палатки Умиктуаллу стоял его приемыш Маниратча, или Манни, как мы для краткости его называли. Он был одет в штаны из тюленьего меха и засаленную старую куртку, которую выменял себе у нас на судне. Выглядел он так, словно позабыл утром умыться—что, конечно, с каждым может случиться! Несколько месяцев тому назад в Огчьокту Манни просил меня взять его с нами в страну белых. Я принял тогда его просьбу просто за проявление им смелости и не придал ей особо большого или серьезного значения. Оказывается, дело обстояло иначе. Он только что узнал, что с нами идет Тоннич и, значит, его самого не берут. Сейчас он стоял у палатки и горько плакал. Я подошел к нему и спросил, действительно ли ему так ужасно хочется ехать с нами; слезы текли из глаз мальчика, и мне было жаль его, когда он стал уверять меня что это его единственное желание в жизни. Мне стало стыдно того, что я не сдержал своего слова, и я по-

Последнее прощание с Совой, когда „Йоа" покидала Землю короля Уильяма

жалел о сделанном; ведь я, конечно, предпочел бы взять с собой Манни, а не Тоннича; Манни был смелым, ловким юношей лет 17, не более. Чувствуя свою вину, я сказал ему, чтобы он ехал пока со мной на судно, а там мы посмотрим, что можно будет для него сделать.

В 7 часов утра туман начал рассеиваться, и я нашел, что будет лучше всего ехать на судно, чтобы продолжать путь, как только станет достаточно хорошо

видно. Мы взяли с собой в лодку 36 превосходных оленьих окороков и целую кучу сушеной лососины и поплыли к судну. Сова, Манни и еще два эскимоса сопровождали нас, кроме того плыли в своих каяках еще четыре эскимоса. Около 8 часов мы уже были на судне, а небо почти совсем прояснилось. Только над Эта все еще лежал туман. Я рассчитался с эскимосами и заплатил им патронами за мясо и лососину. Потом я обсудил вопрос о Манни со своими товарищами. Мы все единодушно согласились, что лучше уж взять его вместо Тоннича, который со времени своего появления на „Йоа“ успел получить вполне заслуженное им прозвище „Жирного Иенса“. Появился и сам Йенс, и я обратился к нему с таким вопросом: — Ну, что ж, милый мой Тоннич, все ли еще ты непременно хочешь ехать с нами в страну белых? — На это он сейчас же и с изумительным чистосердечием отвечал мне — нет, ему совершенно не хочется ехать! Этих людей, право, трудно понять. Три дня тому назад он отдал бы полжизни за то, чтобы ехать с нами, а теперь, прожив у нас на „Йоа“ как принц,— вдруг потерял всякую охоту! Я отнесся к этой неожиданности спокойно — ведь таким образом прекрасно устраивалось дело с Манни. Однако, не совсем еще. Еще оставалось слово за приемным отцом, Умиктуаллу — тем самым милым приемным папашей, который раньше убил своего другого приемыша! Я должен был сперва получить его разрешение на увоз с собой юноши. А этого разрешения я, конечно, не получил! Умиктуаллу, последовавший с нами на судно, хотел получить уплату за юношу. Однако, напильник и старый нож удовлетворили его, он не очень-то высоко ценил своего приемного сына!

Теперь туман рассеялся совершенно. Мы сердечно простились в последний раз с Совой и другими своими лучшими друзьями из племени нетчилли и пустили машину в ход. Нас ожидал впереди прекраснейший, ясный летний день с теплым воздухом и совершенно тихий. Посредине пролива Симпсона лежал остров Эта, как великан, готовый остановить наше продвижение вперед. Два пролива, образуемые этим островом и Зе-

млей короля Уильяма на севере и материком на юге, были не широки. Напомню, что лейтенант и Хельмер Хансен констатировали, что северный пролив непроходим для „Йоа“. Поэтому мы возложили все свои надежды на южный. Он был шириной не более $^3/_4$ мили, и мы знали, что дно в нем нечистое. Мы давно уже говорили об этом проходе и со страхом ожидали плавания по нему. И вот теперь мы оказались здесь и продвигались вперед с большой осторожностью. Никто из нас, пожалуй, не забудет этой утренней вахты. Пожалуй, при проходе этим проливом мы волновались больше всего! Пролив мелел постепенно, но дозорный в бочке сообщил, что по ту сторону рифа, через который нам нужно было пройти, он видит более глубокую воду. Не переставая работал лот, а рулевому некогда было спать. Руль все время перекладывали с борта на борт, как будто мы шли через густой лед, и хотя мы и прошли благополучно через пролив Эты, однако, я, стоявший тогда у руля, могу заверить, что путь этот далек от прямой линии. Самая мелкая вода была 3 сажени.

В Оглули у нас снова была передышка, и мы наслаждались прекрасной послеполуденной погодой; солнце жарко припекало, и море было как зеркало. Тянулась небольшая полоса льда — льдины качались на поверхности, блестя голубовато-зеленым светом на солнце. Лот все еще был в ходу, но работал уже не так лихорадочно, как утром. Рулевой благодушествовал и наслаждался жизнью.

Теперь мы могли обратить некоторое внимание и на Манни, который до той поры был предоставлен самому себе. Я поручил Ристведту, стоявшему на послеполуденной вахте у машины, превратить Манни в „каблуну“. Судя по тому огромному количеству мыла и порошка против вшей, которые были пущены в дело, я могу спокойно сказать, что Манни стал совершенно чистым. У нас нехватило духу обрезать его великолепные длинные волосы, но их вычесали как следует, так что мы не замечали в этом отношении никакого безобразия. Одежда мальчика была несколько пестровата:

синий свитер, короткие штаны из тюленьего меха, белые чулки и старые бальные туфли лейтенанта. На голову ему надели голубой купальный колпак, который меня угораздило как-то купить в каком-то купальном курорте. С первой же минуты Манни завоевал сердца всех. Смех его смягчал самые кислые физиономии, да и сам он несомненно чувствовал себя хорошо. Он ведь очутился в раю по понятию эскимосов: попал в такое место, где едят столько, сколько влезет. Я, однако, побаивался перемены в его образе жизни. Но Манни положительно ничто не вредило. Ему нравилось кроме того курить табак.

К вечеру появился с юга лед, и в короткое время все море на юге оказалось плотно забито. Кромка сплошных льдов тянулась к северо-западу, вынуждая нас держаться того же направления. Мы шли вдоль нее все время и среди льдов видели большое количество мелких островков. Так забито льдами было море королевы Мод. Я надеялся на возможность пройти южнее островов Норденшельда и все время держаться береговой полыньи. Но об этом не могло быть и речи. Лед был настолько сплочен, что приходилось обходить его кругом, чтобы пройти вперед. К счастью, глубина не чинила нам препятствий; мы теперь не доставали ручным лотом дна. Как только 15 августа рассвело, мы увидели перед собой на всем пространстве, какое мог охватить глаз, по направлению с севера на юг, большую, впервые замеченную группу островов. Положение наше было вполне ясное. Лед лежал вокруг всей группы островов, и мы не могли обойти ее ни с севера, ни с юга. Нужно было проходить через эту группу. Формация островов ясно показывала, что фарватер между ними не чист и полон всякой дряни. Нам пришлось пройти через узкий пояс льда, лежавший вдоль всей восточной стороны островной группы, приблизительно в полумиле от нее. Мы наметили самый слабый пункт, пустили мотор полным ходом и приготовились крепко держаться. Хоть „Йоа“ была и мала, но она отлично пробивалась, и мы прошли через ледяной пояс без особых затруднений. Теперь нам приходилось итти на юг по

береговой полынье, чтобы посмотреть, нет ли прохода между островами подальше к югу. Лот снова беспрерывно работал, а глубина вдоль восточного берега постоянно держалась на 13 саженях. Но вот полынья пропала и, повернув, превратилась в узкий пролив между несколькими совсем маленькими островками. Вероятно, эту полынью образовало течение. Этот проход не очень нас прельщал, но для нас он был единственным, и мы должны были продвигаться вперед. Когда мы свернули к западу, глубина стала неравномерной; показания лота резко прыгали от 17 до 5 саженей и обратно. С ровного песчаного дна мы перешли на неровное каменистое. Мы попали в настоящий хаос; отовсюду торчали острые камни, низкие скалы самой разнообразной формы, и мы скользили между ними зигзагами, как пьяные. Лот опускался и поднимался, опускался и поднимался, а рулевой все время смотрел, задрав голову на дозорного на мачте, который скакал в бочке, как полоумный, и махал руками то на штирборт, то на бакборт, кидаясь от одной стороны бочки к другой, и непрестанно всматривался вперед и наблюдал.

— Теперь я вижу огромную плоскую мель, которая идет от одного островка вплоть до другого.

— Остановимся около нее и посмотрим!

Когда становилось мелко, якоря держались наготове, и мы самым тихим ходом подошли к мели. Я стоял у руля и от волнения топтался на месте. Мы едва-едва перешли мель. После полудня стало еще хуже; было так много камней, что мы шли по морю, как через кочковатое поле. Как ни неприятно это было, но мне пришлось спустить лодку и промерять с нее глубины впереди нас. Это потребовало авральной работы, то есть всем пришлось быть наверху и отказаться, как это ни тяжело было, от пятичасового сна в свободное от вахты время. Но у нас не было иного выбора! Таким образом ползли мы вперед и в 6 часов вечера вышли в пролив Виктории, оставив за собой скопление мелких островов. Пройденный нами пролив мы назвали проливом Паландера в честь талантливого капитана „Веги“. Острова к югу получили название

островов Норденшельда в честь начальника экспедиции „Веги“. Эта группа островов была чрезвычайно тщательно нанесена на карту лейтенантом Хансеном.

Пролив Виктории был забит крупным льдом, но он лежал не так уж сплоченно, поэтому мы прошли через него. У острова Линда лед лежал плотно, но мы проскользнули через узкую полынью и вышли на другую сторону, где снова была чистая вода. Утром, когда мы хотели поставить паруса, сломался гафель. Поэтому я решил для исправления его зайти в бухту Кэмбридж, зимнюю гавань Коллинсона.

Земля Виктории плоска и однообразна. Пролив Диза достаточно глубок, если только держаться в нескольких милях от берега. От всех мысов и мысиков выдаются в море отмели.

17 августа в 5 часов утра мы стали на якорь у западной стороны мыса Колборна. Этот день был особо знаменателен для нашей экспедиции. Ведь мы прошли на „Йоа“ тот участок Северозападного прохода, который еще не был решенной проблемой. Теперь мы чувствовали себя почти что в посещаемых судами водах. На карте уже иногда встречались обозначения глубин, а особенно успокоительно действовало сознание, что перед нами лежит путь, по которому уже проходило большое судно.

Гора Пелли, упоминаемая Коллинсоном, прекрасный отличительный знак, и ее легко распознать. Возвышаясь одиноко на равнине, она кажется величественной, хотя высотою не более 800 метров. Я намеревался съездить на берег и оставить там сообщение. Но с берега дул такой сильный ветер, что я должен был отказаться от своей мысли. Мы занялись тогда починкой гафеля и произвели еще ряд мелких работ. Кроме того воспользовались этим днем, чтобы хорошенько отдохнуть, в чем все мы чрезвычайно нуждались после утомительной работы. Хорошо в таких случаях иметь кока, на которого вполне можно положиться; мы спокойно могли оставить судно на попечение Линдстрема — он был таким же хорошим моряком, как и поваром.

На следующее утро в три часа мы снова двинулись в путь. Описание фарватера, составленное Коллинсоном, оказало нам большую помощь. В общем он произвел свою работу с исчерпывающей полнотою и точностью. Большие острова, встречаемые нами теперь, круто обрывались в море, и потому фарватер был глубок и чист.

Мы прошли проливом между островом Финлейсона и двумя островками, отстоящими от него приблизительно на одну милю. Мы заметили риф, о котором говорит Коллинсон, находящийся примерно в 2 кабельтовых к юго-западу от острова. Море было совершенно свободно ото льда.

Компас, после прохода через пролив Эты пришедший снова в движение, теперь окончательно оживился. Но, разумеется, нам приходилось относиться к его показаниям с величайшей осторожностью. На следующий день были пройдены острова Ричардсона. Они высоки, круты и довольно богаты растительностью. В промежутках между ними лежит много мелких островов и островков, поэтому отличить их один от другого очень трудно. После полудня мы подошли к островам Майлза, чтобы на ночь встать там на якорь. Но противное течение и противный ветер принудили нас отказаться от этого намерения. Островов Майлза значительно больше, чем обозначено на карте. Они все круты к востоку и постепенно спускаются к западу. Мы легли в дрейф в ночь на 20 августа вблизи острова Дугласа и пошли дальше на запад, как только рассвело. Оказалось очень трудным найти узкий проход, ведущий в пролив Долфин и Юнион между находящимися там островками и мысом Крузенштерна. Поэтому мы направились к северу между островом Дугласа и мысом Крузенштерна, чтобы узнать, не окажется ли там прохода. Но здесь мы попали на большую банку, которая все мелела и мелела, пока, наконец, совершенно не закрыла прохода этим путем. Другими словами, мы должны были повернуть на юг, чтобы пройти тут. Для пущей уверенности мы решили стать на якорь у острова Дугласа и предпринять оттуда необходимые проме-

ры. Мы стали на якорь у западной стороны острова в $^1/_2$ мили от берега, на глубине 5 саженей при каменистом грунте. Остров Дугласа совсем маленький и плоский. Здесь мы нашли немного плавника, нанесенного рекой Медных Рудников. Несколько старых куч камней свидетельствовали о том, что эскимосы бывают на острове. Лейтенант Хансен произвел необходимые разрезы, и хотя мы и не увидели никакого входа в пролив, однако, узнали теперь, где его следует искать.

Конечно, найдутся люди, по мнению которых мы могли бы преспокойно производить эти измерения во время хода и обойтись без всяких остановок, задерживавших на долгий срок наше путешествие. Может быть они и правы. Но нужно помнить, что наше положение было не совсем обыкновенным. У нас еще свежо было воспоминание о сидении на мели у острова Матти, и всем нам было вполне ясно, что повторение такой истории мало желательно, поскольку это может зависеть от нас. Лучше потерять несколько часов, чем рисковать судном в этом чрезвычайно сомнительном фарватере, с неровным каменистым дном, неглубокой водой под килем, ненадежным компасом и малой командой. Мы, так сказать, уже стояли на грани выполнения того дела, которое было нашей целью и совершить которое тщетно пытались столь многие до нас,— мы всегда имели это перед глазами, и потому нам не трудно было совладать со своим стремлением как можно быстрее итти вперед и избавиться от трудностей.

Как только рассвело, мы снова двинулись в путь. Нам пришлось держаться южнее в стороне от мелей между материком и островом Дугласа. Здесь и море было глубже. Решив, наконец, что мы прошли достаточно к югу, мы повернули на запад и проложили курс на тот пункт, где ожидали найти проход. Плыли мы здесь с величайшим волнением. К счастью, глубина все время держалась,— нигде мы не встретили меньше 7 саженей,— и мы дошли беспрепятственно до материка, где и был найден проход. В 3 часа дня мы прошли острова Листона и Саттона и очутились в проливе

Долфин и Юнион. Облегчение, которое я почувствовал, заполнив таким образом последний трудный пробел в Северозападном проходе, было неописуемо. Не стану отрицать, что я за эти последние дни очень нервничал. Мысль о том, что здесь, во время этого мучительного плавания мы рискуем погубить все свое, до этой поры так удачно развивавшееся предприятие, была не из приятных; но оно все время было близко к такой участи! На меня лично падала ответственность за все—и за людей и за судно. И я не мог прогнать от себя мысли о возвращении домой с невыполненной задачей. И часы, которые предоставлялись мне на отдых и сон, проходили в эти дни главным образом в том, что я ломал себе голову над такими мыслями, а это ни в какой степени не навевало сон. Несмотря на всю осторожность и бдительное внимание каждого к своему делу, каждая минута могла принести с собой нам какую-нибудь неожиданность.

Я не мог есть. За каждой едой я чувствовал адский голод, но не в состоянии был проглотить пищу. Поэтому, когда мы вышли, наконец, из тисков, и я опять успокоился, мне пришлось утолять прямо-таки зверский голод,— не буду рассказывать, сколько я тогда поглотил!

Мы могли теперь покончить с изнурительными вахтами по 18 часов в сутки и вернуться к нормальному порядку вещей с 6-часовой вахтой. С небольшими помехами в виде тумана или противного ветра, мы ровно шли на запад. Острова Клерка мы не видали, хотя была хорошая видимость, и остров должен был бы быть вполне в нашем поле зрения. Поэтому допустимо сомнение в его существовании. Время от времени нам попадались небольшие скопления льда, напоминавшие нам о том, что мы находимся в полярных областях и должны быть готовы ко всему.

26 августа в 4 часа утра мы увидели высокую землю с наветренной стороны. Воздух был очень не ясен, и так как мы по счислению должны были находиться на высоте мыса Парри, то я решил, что его-то мы и видим. Позднее утром стало проясняться, и я

установил тогда, что эта земля была не мысом Парри на материке Америки, но Нельсон Хэд на Земле Беринга. Ошибка немаловажная! Но мое огорчение по этому поводу прошло, когда я позднее узнал от американских китобоев, жертвой каких, прямо-таки комичных ошибок они постоянно бывают именно в этих водах. В здешних горах наверное много железа, и поэтому компас совсем одуревает. К этому еще присоединяются сильные течения, и все это вместе взятое может сбить с толку гораздо более опытных навигаторов, а не то что нас, раз уж мы приняли Нельсон Хэд за мыс Парри. Ведь мы были совершенно незнакомы с местными условиями. Но ориентировавшись мы пошли дальше полным ходом, с ветром, волной и течением прямо в корму.

В 8 часов утра кончилась моя вахта, и я пошел спать. Проспав порядочно, я был разбужен сильной беготней взад и вперед по палубе. Очевидно, что-то случилось, и я подосадовал, зачем это поднимают такой шум из-за какого-нибудь медведя или тюленя? Наверное случилось что-нибудь в этом роде. Но вдруг прибегает в каюту лейтенант Хансен и выкрикивает незабываемые слова:

— Виднеется судно!

Он сейчас же выскочил обратно, и я остался один.

Северозападный проход был пройден! Моя мечта юношеских лет в эту минуту стала действительностью. В горле я почувствовал странное ощущение; я был несколько возбужден и переутомлен,— и, конечно, это слабость, но на глазах моих навернулись слезы. „Виднеется судно!“ Магические слова. Сразу родина и все милые моему сердцу словно приблизились ко мне и простерли ко мне руки. „Виднеется судно!“

Я моментально оделся. Когда я был готов, я остановился на минуту перед портретом Нансена, висевшим на стене. И в это мгновение изображение словно ожило, будто Нансен смотрел на меня и кивал головой: — „Я это знал!“ Я кивнул ему в ответ, улыбаясь от счастья,— и вышел на палубу.

Был совершенно изумительный прекрасный день. Бриз перешел несколько к востоку, и при ветре в бакштаг и на всех парусах мы быстро шли вперед. Как будто „Йоа“ понимала, что все худшее осталось позади,— она шла удивительно легко! Далеко к северу лежал Нельсон Хэд. Мыс с плоской вершиной пышно выглядел на утреннем солнце, под лучами которого таял белый снег и образовывались темносиние тени в параллельных расселинах по бокам горы. Большая блестящая зыбь приятно поднимала и опускала судно, а воздух был теплый и мягкий. Все это было замечено в одно мгновение. Но внимание не задерживалось на этом долго. Единственным между небом и морем, что интересовало нас сейчас, были две верхушки мачт на далеком горизонте. Все вышли на палубу, и все бинокли были направлены на приближающееся судно. Все лица улыбались. Говорили немного, бинокль опускался —

— Хотел бы я знать!

...и снова подносился к глазам. Другой опускал бинокль, и снова повторялось: „Хотел бы я знать!“ Когда корпус чужого корабля стал виден, мы подняли норвежский флаг. Он медленно скользил вверх по гафелю под взорами всех. Вслед флагу посыпались шепотом всякие радостные словечки, — как будто мы все ласкали его.

Флаг пообносился и выцвел. Но нес он свои раны с честью.

— Хотелось бы знать, что „он“ подумает, когда увидит его?

— Он подумает, что это очень красивый флаг!

— Он, вероятно, американец.

— Хотелось бы знать... не англичанин ли он скорее всего?

— Да, что мы за люди — он уже видит теперь по флагу.

— Ну, да — он видит, что это ребята из старой Норвегии!

Оба корабля приближались друг к другу с большой быстротой.

— Он поднял американский флаг! — закричал вахтенный из бочки, который навел на корабль подзорную трубу. И правда, скоро мы все увидели это: на его гафеле развевался флаг со звездами и полосами. Ясно было, что теперь он увидел и узнал наш флаг. Густой дым валил сзади судна; у него, очевидно, был тоже мотор, как и у нас, и корабль быстро приближался.

Пора было приукраситься для первой встречи. Четверо из нас должны были перейти на борт к американцу, трое остальных останутся на „Йоа“ смотреть за судном. Быстро было вынуто наше лучшее платье. Каждый оделся по своему вкусу. Одни предпочли эскимосскую одежду, другие костюмы из норвежской домотканной материи. Один из нас нашел, что к данному случаю подходят больше всего тюленьи сапоги, другие предпочли обыкновенные морские сапоги. Мы прибрали также, насколько было возможно, и на палубе. Из своей наблюдательной бочки американец в бинокль мог рассмотреть до мельчайших подробностей нашу палубу. А ведь нам нужно было произвести на чужих самое лучшее впечатление. Мы были теперь так близко друг к другу, что с нашей палубы был виден весь корабль. Это была небольшая двухмачтовая, выкрашенная в черную краску шхуна; у нее был сильный мотор, и под форштевнем высоко вздымалась пена. Паруса были тоже поставлены. Мы привели все в порядок, легли в дрейф и спустили шлюпку — свое наиболее мореходное плавательное средство. Она, правда, была неказиста на вид, а у господина начальника не было удобного сиденья на корме под флагом. Но лодка была подстать кораблю, к которому она принадлежала, да и мы ведь были не на увеселительной прогулке. Американец застопорил машину и ждал нас. С двумя гребцами на веслах мы скоро очутились возле него. Нам был брошен конец; я схватил его и снова вошел в соприкосновение с цивилизованным миром! Впрочем, он не был представлен чересчур великолепно: „Чарльз Ханссон“ из Сан-Франциско не имел вида судна, снаряженного роскошно. Парадный трап был тоже не нужен, так как судно низко сидело в воде.

Мы схватились за вант-путенсы и вскарабкались на борт. Первое впечатление было очень странным. Вся палуба была так загромождена, что по ней трудно было пробираться. Эскимосские старухи в красных платьях и негры в самых пестрых туалетах сновали взад и вперед, словно в каком-то сказочном мире. Пожилой седой человек вышел мне навстречу на ют. Он приоделся и только что выбрился. Повидимому, это был командир судна.

— Вы капитан Амундсен? — был его первый вопрос. Я был очень удивлен, что наша известность проникла так далеко, и отвечал,— да, это я.

— Это первое встреченное вами судно? — спросил старик. И когда я ответил на это утвердительно, он просиял. Мы долго сердечно пожимали друг другу руки.

— Я чрезвычайно счастлив, что могу первый поздравить вас со счастливым прохождением Северозападным путем!

После этого мы очень любезно были приглашены в его каюту. Там было не очень просторно, но все же почти столько же места, что и у нас самих на „Йоа". Джемс Мак Кенна, капитан „Чарльза Хансона", был среднего роста плотным мужчиной лет 50—60. Было сразу по нему видно, что он завсегдатай полярного моря. Его обветренное, морщинистое, меднокрасное лицо говорило о перенесенных холодах и непогоде. Он был очень весел и любезен. Он спросил нас, не нужно ли нам чего-нибудь,—так как в таком случае, он готов служить нам, поскольку это в его силах. Но единственным, в чем мы давно нуждались, были вести с родины. Их, к сожалению, у него не было! Правда, у него есть кое-какие старые газеты, но...

— Старые для вас! Но для нас они горяченькие!

Он принес нам связку, и по удивительной случайности мой взор упал прежде всего на заголовок, заставивший меня выпучить глаза: „Война между Норвегией и Швецией".

Я мигом проглотил сообщение, но оно было очень кратко. Капитан же Мак Кенна давно уехал из дома и тоже

не мог ничего сказать нам. Мы опросили всех на судне, не знает ли кто-нибудь больше, но никто не знал. И эта неопределенность была мучительнее прежнего полного неведения. Но делать было нечего,— нам пришлось отложить в сторону огорчения и ждать.

После очень хорошего обеда мы с лейтенантом Хансеном приступили к собиранию как можно более подробных сведений о дальнейшем плавании. Мак Кенна был старшиной американского китобойного флота и знал северный берег Америки как никто другой. Нам особенно были ценны для дальнейшего плавания американские карты. Они были более новы, чем наши, и в них заключалось много новых подробностей. С пометками на полях и направлениями курсов, нанесенными старым опытным шкипером, они были для нас прямо сокровищем. Карты были довольно потрепаны и потерты, поэтому мы завернули их с величайшей тщательностью.

Затем был поднят вопрос о состоянии льдов. Думает ли капитан, что мы можем беспрепятственно пройти на запад? Он ответил, что его на пути вперед задержал лед у острова Гершеля, но мы теперь, в такую позднюю пору года едва ли встретим сколько-нибудь значительное препятствие. До острова Гершеля мы во всяком случае дойдем с легкостью. Он был уверен в этом и кроме того сам собирался зимовать у этого острова. Так что может статься, что мы встретимся снова. Сейчас до зимовки он хотел пройти к Земле Бэнкса и посмотреть, нет ли там китов. До сих пор ему не везло, и он ничего не поймал. У него очень сильный мотор, и он вероятно догонит нас на обратном пути к острову Гершеля. Пока же он дал нам всевозможные разъяснения о фарватере, лежащем перед нами. Приятным сообщением было, что вдоль всего берега на запад идет ровное дно, так что мы безопасно можем плыть по лоту. Мы не были избалованы возможностью плыть наверняка, а потому остающаяся часть нашего путешествия представлялась нам чистой прогулкой.

Ветер продолжал держаться, и я подумал, что нам нельзя упускать случая пользоваться им, поэтому после двухчасового пребывания на борту американ-

ского судна, мы распрощались с нашим любезным хозяином. При прощаньи он подарил нам мешок картофеля и мешок луку. Мы уж давно не лакомились такими вещами, поэтому я с благодарностью принял его подарок.

На „Иоа“ нас ждали с великим волнением. К сообщению о войне между двумя союзными странами мы все единогласно решили пока отнестись с большим недоверием. Особенно порадовали всех картофель и лук,— большинство из нас любило эти продукты.

Затем мы спустили флаг, поставили все паруса и отправились в дальнейший путь. Мак Кенна же пошел на восток искать счастья.

На следующий вечер мы прошли залив Франклина, и „Курящиеся скалы“, как они называются в старых отчетах о путешествиях, все еще были в действии и выбрасывали густой дым. К сожалению, вся бухта была забита льдом, так что мы не были в состоянии высадиться на берег и исследовать явление подробнее. У кромки этого льда стоял медведь и наблюдал за нами с видимым интересом. Жажда крови, конечно, сейчас же овладела нашими охотниками, и двое из них взяли ружья и спустили лодку. Когда мишка почуял опасность, он бросился в море и поплыл. Однако, его быстро настигли и застрелили. Это был сравнительно небольшой зверь, но с на редкость красивой шкурой. Великий Немврод получил шкуру, а мясо мы отдали собакам, в виде лакомства. Мясо медведя не дурно; но у нас еще было изобилие оленьего мяса, а в таком случае нам не нужен был медведь. Мы пошли дальше, но вскоре охотники обнаружили еще новую дичь. На льдине лежали два медведя и, казалось, спали, потому что они не подавали никаких признаков жизни. К несомненному разочарованию охотников, я, однако, велел оставить медведей в покое; ветер был хороший, и нам нужно было пользоваться им. Льду было много, но он был еще такой редкий, что мы пробивались через него. Но теперь уже было шесть темных ночных часов, во время которых мы никаким образом при таком состо-

янии льда не могли продолжать итти вперед. Было тихо, когда мы вечером пришвартовались ко льду. Когда рассвело, лед лежал сплоченной массой до самого мыса Бэтерст, — не было и сажени открытой воды. К северо-западу и дальше от севера к востоку лед был разрежен. Я решил лучше всего подождать и посмотреть, что покажет время. Если северозападный бриз уляжется в течение дня, то я мог вполне надеяться, что лед снова отойдет от берега и откроет нам дорогу. Этот норд-вест сопровождался также все более густым туманом, и вскоре мы уже ничего не видели перед собой на расстоянии вытянутой руки. Днем ветер действительно улегся. Туман разошелся, и к 5 часам вечера настала великолепнейшая ясная погода. Лед сейчас же пришел в движение, но, к сожалению, не в нашу пользу. Огромная масса льда надвигалась с востока и угрожала совершенно запереть нас. К северу лед все еще оставался резреженным, но и там в скором времени его должен был сжать надвигающийся лед. Чтобы не быть запертым, я решил пройти выше, подняться к северо-западу, по возможности обойти лед этим путем и спуститься к берегу снова дальше на запад. Мы только успели выйти, как две ледяных массы сомкнулись, но стало уже так темно, что мы не могли ничего разглядеть. Нам пришлось остановиться и применить старое средство: лечь в дрейф.

На следующее утро выяснилось, что мы за время дрейфа ушли очень далеко на запад. Но беда была невелика; мы получили возможность убедиться, что этим путем нам не пройти. Нам нужно было постараться отойти назад на свое старое место, где именно прежде всего и должна будет обнаружиться перемена положения. Начал задувать юговосточный ветер, и нам пришлось проделать сложную эволюцию при отходе назад. Но когда мы достигли своего прежнего места, то действительно выяснилось, что лед разделился и позволял нам теперь пройти к мысу Бэтерст. Там нам встретилась береговая полынья, не очень широкая, но мы могли итти у самого берега и потому прошли по ней. Берег здесь круто обрывается в море.

В 5 часов утра мы прошли мимо двух американских китобойных судов, выславших свои лодки на промысел. Нам не хотелось мешать их работе, да и не особенно интересно было болтать с ними. Поэтому мы прошли мимо них. Я намеревался пройти к острову Бэйли и там в тишине набрать воды и перелить керосин из бочек в носовой части судна в бидоны в машинном отделении. Но так как дул свежий ветер с юго-востока и мы шли вперед прекрасным ходом, то я отложил свое намерение. Проходя мимо мыса Бэтерст мы увидели на берегу много эскимосов. Они махали нам, кланялись и даже подняли флаг. Большой деревянный дом был для нас приветом цивилизованного мира.

В 4 часа дня 30 августа мы со свежим попутным ветром прошли остров Бэйли, не видев льда. Мак Кенна советовал нам все время держаться у берега. Но при таком обороте дела было слишком соблазнительно направиться отсюда наперерез к острову Гершеля и сократить таким образом дорогу. Так мы и сделали.

У мыса Бэтерст мы встретили густую коричневую воду, вытекавшую из реки Мэкензи. Следить из дозорной бочки за мелями в этой мутной воде было бесцельно, и мы только пользовались лотом, чтобы не наткнуться на них. Однако, дно было ровное. Ветер усилился и развел порядочную волну. Это не было обыкновенное волнение с голубыми волнами и белыми гребнями пены; нет, волны здесь были коричневые, а пена желтая — насыщенная песком и илом. Карта указывала тут поблизости на мель на глубине 3 саженей, и нам ничуть не хотелось входить с ней в соприкосновение в такую погоду. Положение ухудшалось еще и большими разбросанными льдинами, от которых было довольно трудно увертываться в ночной темноте. Впрочем, все шло хорошо, и когда утром рассвело, дела опять наладились. Бриз держался весь день. Но видимость была плохая, и мы должны признаться, что Мак Кенна был прав: неожиданно мы подошли к большому полю сплоченного льда, через которое невозможно было пройти. Воспользовавшись

тогда ветром, перешедшим несколько более к востоку, мы направились на юг вдоль кромки льда. Глубина была около 18 саженей, но уменьшалась по направлению к югу. Когда мы в 8 часов вечера вышли на глубину 8 саженей и стало уже так темно, хоть глаз выколи, мы легли в дрейф до рассвета. За ночь мы дошли до глубины в 5 саженей. В 4 часа утра мы пошли тихим ходом на запад, непрерывно забрасывая лот. Стоял непроницаемый туман, но мы еще накануне вечером ясно видели, что дорога на запад открыта. Однако, здесь находилось несколько островов, которых мы опасались. Но так как после получасового осторожного продвижения вперед глубина все время оставалась на 5 саженях, я понял, что мы находимся достаточно далеко от берега, и потому поставил все паруса и дал мотору полный ход. „Йоа“ понеслась вперед. В 5 часов в тумане образовался прорыв, и мы увидели на юге остров, приблизительно в миле расстояния от нас. Это, должно быть, был остров Хупера. Одновременно мы увидели два барка, стоявших там в ожидании улучшения погоды. Но сейчас же снова сгустился туман, и с востока налетели снежные шквалы. „Йоа“ прибавила ходу, так что пена вздымалась вокруг нее. Мы пустили в ход туманную сирену и подняли вой и свист в честь иностранных судов: мы проходили один ледяной мыс за другим, и они все время вынуждали нас опускаться к югу к реке Мэкензи.

В 11 часов утра снова прояснело, и мы увидели оба барка далеко у себя за кормой. Они шли тем же путем, что и мы, и скоро нагнали нас. Это оказались „Александр“ и „Боухэд“ из Сан-Франциско, под управлением капитанов Тилтона и Кука. „Боухэд“ был старым знакомым. Он был куплен в Норвегии, где много лет плавал в полярном море под именем „Хардроде“. Оба судна окликнули нас и предложили свою помощь. Но нам не нужно было никакой помощи, и потому мы вежливо их поблагодарили, и они пошли своей дорогой. Американцы сообщили нам, что они собираются теперь выйти из льдов и уйти домой. Но сначала им нужно еще пройти к острову Гершеля;

с обеих сторон была выражена надежда, что мы еще увидимся — самое позднее через несколько дней. Однако, эта надежда сбылась не так скоро, как мы тогда полагали!

В ночь на 2 сентября у нас опять было чрезвычайно неприятное плавание на глубине 4 саженей, среди большого количества льда и в совершенной темноте. Мы дрейфовали, как могли, а на утро начали пробираться к берегу, чтобы попасть в береговую полынью. Около 2 часов дня ветер усилился и налетал штормовыми шквалами; мы неслись вперед с большой скоростью. Лунд был в бочке, я у руля. Мы поставили топселя; на тихой воде, среди льдин нам не мешало волнение, и более быстрым ходом „Йоа“ еще никогда не ходила. Но во льдах у руля нельзя зевать, и когда мы через два с половиной часа вошли в береговую полынью, то у меня от штурвала остались знаки на руках. Все руки были в водяных мозолях, а платье промокло насквозь от пота. Лот все время был в действии. У самого берега глубина доходила до 2 саженей. Полынья была слишком узка, чтобы лавировать в ней, и поэтому нам не оставалось делать ничего иного, как только пришвартоваться к одной из стоявших на мели льдин. Мы занесли два ледовых якоря. Берег, к которому мы подошли, был мысом Сабина, высотою около 60 футов, круто обрывающимся к морю и с плоской вершиной. Мы оставили кока одного на судне, и все съехали на берег. Весь берег был совершенно покрыт плавником; здесь скопились огромные его массы, и бревна в 50 футов длиной попадались нередко. Вид всего этого лесного материала был чрезвычайно отраден нашему взору. Гафель у нас так часто ломался и чинился, что он уже теперь никуда не годился, а здесь валялось сколько угодно леса для гафелей. Мы разбрелись по берегу, и каждый стал искать лучшего материала. Было из чего выбирать. Здесь даже на северном склоне, куда солнце попадает только в ночные часы, был богатый ковер из цветов. Мы набрали огромные букеты незабудок и других цветов для украшения своего судна. Затем совершили

прогулку на вершину, чтобы бросить взгляд вглубь страны. Перед нами, насколько хватал глаз, простирались длинные волнистые поляны, покрытые высокой травой, а в долинах росли кустарники в человеческий рост. На нас все это производило впечатление рая. У берега плавало несколько уток, но кроме них не замечалось больше ничего живого, к огорчению охотников. Мы прошли немного вглубь и нашли развалины нескольких эскимосских хижин. Старые сани и луки, да заржавленный ствол заряжающегося с дула ружья в этих местах могли быть остатками пребывания как белых, так и эскимосов.

На следующее утро ледовые условия не очень изменились к лучшему. Но ветер стих, и мы могли итти с мотором по узкой береговой полынье. Материал для нового гафеля мы перевезли на судно, снялись с якоря и двинулись в путь. Через час хода вахтенный в дозорной бочке сообщил, что от берега отвалила лодка. Сначала мы думали, что это эскимосы, но скоро увидели, что в лодке двое белых и один эскимос. Мы взяли их на борт, и вот удивительно — первый из людей обратился к нам сразу же по-норвежски. Это был норвежец Кристиан Стен, второй штурман на шхуне „Бонанца“ из Сан-Франциско. Шхуна ушла из своего порта одновременно с нами и подобно нам зимовала в этих местах два раза. Лед и мели повредили ее, и несколько дней тому назад команда было принуждена выкинуться на берег у Кингс Пойнта, чтобы судно не затонуло. Стен жил сейчас на берегу вместе с одним из судовых гарпунщиков и несколькими эскимосами, охраняя провиант и прочее снаряжение. Капитан судна Могг с остальной командой отправился на лодках к острову Гершеля, чтобы оттуда пройти на юг до Сан-Франциско на другом каком-нибудь корабле.

Мы увидели аварийное судно у круто обрывающегося мыса прямо впереди нас.

Стен сообщил нам, что лед лежит вплотную у Кингс Пойнта и пока что мы не сможем двинуться дальше. Он, однако не сомневался, что лед еще разой-

дется. По его наблюдениям лед расходился и много позднее — такой случай был даже 9 октября.

В 12 часов дня мы дошли до этого места и нашли, что положение соответствует словам Стена. Мы подошли к большой, сидевшей на мели льдине, находившейся с внешней стороны от поврежденного судна, и пристали к ней.

Мы и не подозревали что Кингс Пойнт будет нашим местопребыванием в течение 10 месяцев!

Мы съехали на лодке на берег посмотреть на „Бонанца“ и на маленькую колонию Стена. Капитан Тилтон с „Александра“ был старшим капитаном той же компании, которой принадлежала и „Бонанца“, и он, проходя мимо два дня тому назад, дал приказание Стену помогать нам во всем, в случае необходимости. Мы были хорошо снаряжены, но после столь вежливого предложения трудно было удержаться, чтобы нам не захотелось того или другого. Мы обменялись некоторым количеством консервов, так как нам захотелось попробовать американских, тогда как с другой стороны Стен давно мечтал отведать норвежских. Мы получили также много всякой мелочи, и я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить здесь свою глубокую признательность за всю ту полезную помощь, которую оказали нам Стен и экипаж „Бонанцы“.

Стен провел много зим на североамериканском берегу и мог дать нам много ценных сведений о стране и фарватере. Он был также знаком и со здешними эскимосами, что имело большое значение.

Манни за это время совершенно освоился с жизнью на судне и ходил одетый по-европейски, а так как он был необыкновенно ловким охотником, то я подарил ему карабин и дробовик, которыми он очень гордился и за которыми старательно ухаживал. Я спросил, не хочет ли он покинуть нас и сойти на берег, но он решительно отказался. Я взял его с собой к эскимосам Стена, и оказалось, что они очень хорошо понимают друг друга. Одно, два слова были у них разные, но в главном это был тот же язык. Эти эскимосы — их было один мужчина и три женщины — были из

местности у залива Коцебу, недалеко от Берингова пролива, они прибыли сюда с китобоями. Сами себя они называли эскимосами-нунатармиун. Жители здешнего побережья называют себя эскимосами-кагмаллик; но цивилизация оказала на них свое губительное влияние, поэтому из нескольких сотен их осталось теперь совсем мало. Эскимосы-кагмаллик были более рослым народом, чем эскимосы-нунатармиун.

Стен был занят постройкой себе дома на небольшом выступе холма рядом с большим складом провианта и всего, что было перенесено на берег. Мы посетили также и „Бонанцу“. Она лежала на самом берегу. Фок-мачта была срублена, но грот-мачта стояла на месте. От нее был протянут один канат к той самой льдине, у которой остановились и мы, а другой на берег. Трюм был полон воды, и в нем плавала масса пустых бочек и бочат. С судна было снесено много всякого материала. Получив разрешение, мы тоже взяли то, что нам было нужно, а именно, веревки, блоки, фонари и т. п. С особым удовольствием мы взяли небольшую печку. Если нам придется зазимовать еще раз, а на это как будто становилось похоже,—то она очень пригодится. Правда, у нас и у самих было достаточно материала для того, чтобы самим сделать печь, был кроме того и хороший кузнец для такой работы. Но все-таки хорошо получить уже готовую вещь, а не делать ее самому. Нам нравилась тоже некоторая перемена пищи. Особенно много радости доставили на „Йоа“ консервированные американские фрукты.

Наш приход оказался кстати и для Стена. Ему нужно было произвести много работ, и для этого требовалась помощь. Позднее он мог бы получить ее от эскимосов, но лучше все-таки было закончить все работы до снега. Не одни мы дожидались улучшения в состоянии льдов. Много эскимосов, плывших в лодках от острова Гершеля к реке Мэкензи, были остановлены льдом милях в 4 к западу от нас. Им пришлось вытащить лодки на берег и ждать там. С вершины Кингс Пойнта мы видели рангоут одной шхуны

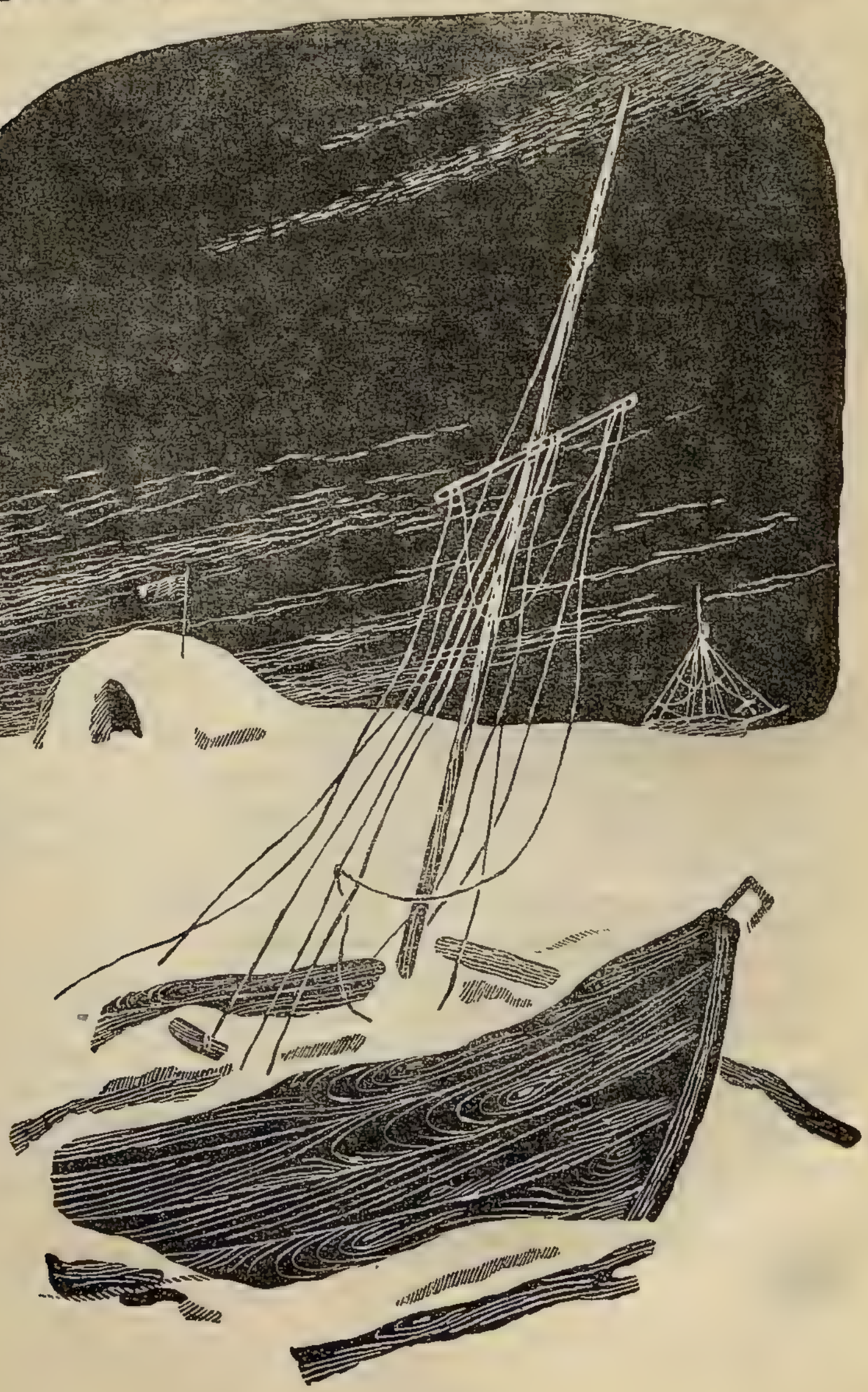
в направлении Ки Пойнта в 15 милях к западу. Это судно принадлежало эскимосам. Они купили его за меха и промышляли на нем китов. Теперь они посадили его на мель. Однако, еще до того, как море замерзло, им удалось пробраться до острова Гершеля. Живущие здесь эскимосы — настоящие моряки и охотники, и поэтому американцы не берут с собой сюда большой команды, так как находят тут достаточно людей, которые и способнее и приятнее их соотечественников.

Ристведт и Манни ходили на охоту и принесли с собой много куропаток. Мы с лейтенантом закидывали сети и не раз вылавливали свежей рыбы на обед. Лунд в поте лица работал над новым гафелем, на случай, если бы нам удалось пойти дальше. Вик и Хансен по моей просьбе согласились помогать Стену в постройке дома, который нужно было подвести под крышу до снега. Хорошо получить помощь двух ловких ребят — да и им самим нравилась перемена как в работе, так и особенно в питании.

Дни текли, и никакого изменения в состоянии льдов не замечалось. Нам приходилось мириться с мыслью провести здесь всю зиму. Вопрос был лишь в том, достаточно ли это место безопасно. Бухта была очень мелка и полна больших, стоявших на мели льдин, поэтому трудно было предположить, что здесь будет сколько-нибудь значительное торошение льда. Стен сообщал нам также, что здесь зимовали три китобоя, и они не замечали никакого движения льдов. Береговая полынья все еще оставалась открытой к востоку, поэтому мы могли пройти до Шингл Пойнта в 15 милях на восток, где можно было бы найти маленькую гавань. Но это было весьма неопределенно, а так как здесь у нас была и компания и помощь, то мы решили остаться там, где стояли.

Теперь каждую ночь образовывался новый лед в дюйм толщиной, и скоро наша судьба на эту зиму была решена. В субботу, 9 сентября, мы могли уже ходить по льду, и с этого времени следует считать начало нашей третьей зимовки.

третья зимовка



В ТОТ самый день, когда по льду стало возможно ходить, нам был нанесен первый визит. Гостем был мистер Фрэзер, миссионер, прибывший с острова Гершеля и отправлявшийся в форт Мак Ферсона, самую северную станцию Компании Гудзонова залива у реки Мэкензи. Проводником у него был эскимос по имени Рокси. Их остановил лед, и теперь они жили на берегу в палатке милях в 4 к западу от нас. Фрэзер рассказал нам, что в гавани острова Гершеля затерты льдом 5 судов. К востоку от нас стоят неизвестно где еще 6 судов. Таким образом здесь во льдах нас осталось ровно 12 судов, из которых только три были подготовлены к зимовке. Это сообщение не предвещало ничего хорошего.

Рокси был эскимос-кагмаллик, а так как его отец был вождем, то он считал себя очень важной особой. Однако, соплеменники не ценили его благородного происхождения и высмеивали его. У этих эскимосов отвратительный обычай продырявливать нижнюю губу в углах рта и для красоты вставлять туда огромные костяные пуговицы. Наиболее цивилизованные уже вынули эти пуговицы, но дыры стянулись и образовали безобразные шрамы.

В понедельник, 11 сентября, мы начали постройку своего дома. На эту зиму у нас их должно было быть два, оба из плавника. Один для жилья, другой для обсерватории с магнитными вариационными инструментами. В жилом доме должны были быть две комнаты, одна спальня для четырех человек и одна общая для кухни и столовой. Всем хотелось жить на берегу. Для того чтобы избежать на судне сырости, я счел за лучшее перенести все приготовление пищи на берег. Кроме того между нашим коком и Стеном возникла теснейшая дружба, и из этого мы хотели извлечь наибольшую для себя пользу. Стен был отличным коком; в своем доме, который уже был готов, он соорудил большую прекрасную плиту, на которой можно было готовить вкуснейшие блюда. Мы с лейтенантом должны были вместе с Манни остаться на борту, чтобы присматривать за судном. Архитектор и кузнец взяли

на себя возведение жилого дома. Они решили, для большей практичности, построить его в виде землянки. Помощниками были Хансен и Вик. Для постройки было выбрано наиболее ровное место склона. Все утро ушло на сбор материала. Уже к вечеру были готовы обе длинные стенки.

На судне мы с лейтенантом прекрасно устроились. Печь, снятая с „Бонанцы", была поставлена и давала нам то тепло, которого нам так не хватало в прежние зимы. Правда, нам нужно было пилить и рубить дрова для печки, но в короткое время мы обучили этой работе Манни. Ведь он тоже должен был чем-нибудь заняться. Его другой обязанностью было держать каюту в чистоте, то есть каждое утро выметать хотя бы самую грязь. Раньше нам некогда было делать это чаще раза в неделю, и поэтому каюта выглядела у нас не такой уж опрятной. Мы же с лейтенантом взяли на себя поставку рыбы. Каждое утро мы прорубали прорубь и вылавливали столько рыбы, сколько нам требовалось. Регулярно каждое утро мы вылавливали до 20 и 30 штук „белой рыбы", которой вообще множество вдоль североамериканского берега. Она больше всего похожа на крупную сельдь. Лейтенант кроме того спустил одну из наших брезентовых лодок на озеро и удачно охотился на уток. И Манни также охотился на берегу и приносил домой гусей, уток и куропаток. Таким образом у нас все время было изобилие свежей пищи.

Уже 15 сентября наш жилой дом был покрыт крышей. Обе комнаты были приблизительно одной величины. Во внутренней комнате были поставлены постоянные койки для четырех человек. Перед каждой койкой была устроена скамейка, а посреди комнаты маленький стол. Кроме того у Вика был еще собственный складной стол, на котором он мог проявлять магнитные кривые. На печку пошел один из наших керосиновых баков, который Ристведт приспособил для этой цели. Трубу он сделал из железных листов с „Бонанцы", склепав их вместе. В крайней комнате была кухня и столовая. Кухонная печь была сделана тоже из керосинового бака. литу с шестью конфорками

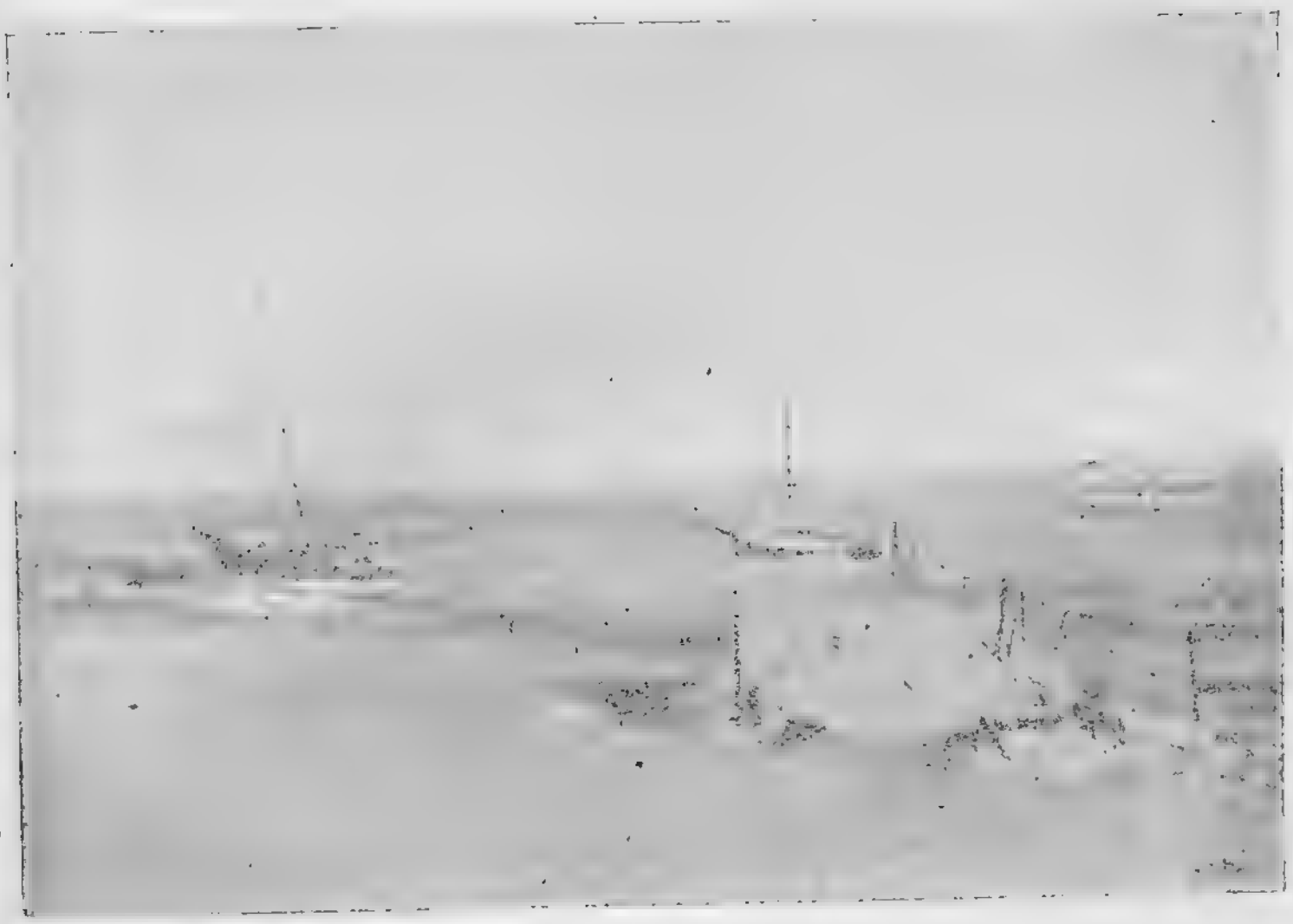
Манни — исключительно симпатичный юноша 16—17 лет. Всегда весел, всегда услужлив. Погиб на охоте у острова Гершеля

нам дал Стен, у которого их было две. Из всего этого наш хитроумный кузнец сделал прекраснейший камбуз, какого и свет не видал. Если Линдстрему нужно было приготовить что-нибудь особенно замечательное, то он шел на кухню к Стену. Духовой печи у него не было; он как и раньше продолжал печь хлеб на примусе. А так как это, вероятно, заинтересует хозяек,

то я сообщаю им, что наш чудесный Линдстрем больше трех лет пек нам прекраснейший, легчайший пшеничный хлеб в маленькой духовке на примусе. На выпечку 8 больших хлебов уходило $^1/_2$ литра керосина. Рядом с плитой стоял длинный стол, за которым мы все 8 человек могли сидеть и есть. Небольшая скамейка для посуды, ящик для хранения всяких вещей завершали меблировку столовой. Перед столовой были небольшие сени, где можно было стряхивать с себя снег перед входом в комнаты. Дом был поставлен по линии север — юг. Пол был сделан из досок, которые взяты были у нас с собой на этот случай. Но хотя место для дома и было самое ровное на всем холме, однако, пол был несколько покат, на что особенно ворчал Линдстрем, так как он топтался в помещении целый день. Изнутри мы обтянули дом брезентом, а снаружи покрыли мхом. Когда выпал снег и засыпал все, у нас получилась прекрасная постройка. Свет проникал из слуховых окон на восточной стороне. Вдоль всей восточной стены дома был устроен брезентовый сарай для наших дров.

Когда жилой дом был покрыт крышей, Вик и Ристведт приступили к постройке вариационного павильона. Место для него было найдено в метрах 200 от первого на небольшом открытом мысу, северный склон которого круто обрывался в море. Сначала здесь была поставлена палатка, где Вик после целого ряда наблюдений определил линию север — юг, направление магнитного меридиана, в котором должен был строиться дом. К югу шел длинный холмистый гребень, кончавшийся большой равниной. Дорогу до павильона мы разметили шестами на случай предстоящих метелей.

В это время нас постоянно навещали гости, особенно эскимосы, которые, как и мы сами, были затерты льдами. Иногда приходил также и миссионер. Решив отказаться от путешествия на форт Мак Ферсона, он однажды пришел вместе с Рокси попрощаться с нами. Я пригласил их отобедать у нас, и за столом Рокси рассказывал,— он очень хорошо говорил по-английски,— что у эскимосов в этих краях для выражения благо-



„Йоа“ у Кингс Пойнта. Налево потерпезшая кру шение „Б опанца“. Направо на переднем плане наш жилой дом

дарности есть слово „койенна“. Миссионер утверждал, что это слово введено христианской миссией. Однако, Рокси отрицал это. Миссионер разгорячился и сослался на то, что слова „аминь“ и „аллилуия“ во всяком случае введены миссией.— Ничего подобного,—заявил Рокси,—„аминь“ и „аллилуия“ мы говорили задолго еще до приезда миссии! — Это было сказано с такой уверенностью, что мы все разразились громким хохотом.

По окончании строительных работ мы покрыли судно брезентом и занялись последними приготовлениями к зиме. На этот раз вход у нас был сделан у кормы со штир-борта. В брезент была вставлена маленькая каютная дверь с „Бонанцы“, а к ней вел со льда большой, широкий трап. Таким образом у нас теперь все было совсем по-барски.

В один прекрасный день мимо нас прошел первый большой эскимосский караван. Это была часть тех

эскимосов, лодки которых остановил лед, и теперь они двигались дальше к форту Мак Ферсон на санях. Нам представилось пестрое, даже праздничное шествие, когда они ехали между „Йоа“ и „Бонанцой“ на собачьих запряжках, унизанных бубенчиками; все это напоминало нам деревенские рождественские прогулки в Норвегии. Эти эскимосы ездили совсем иначе, чем наши друзья нетчилли. Чаще всего собаки запрягались длинной вереницей и бежали гуськом, иногда же попарно. На собаках была такая сбруя, что они не могли выходить со своего места. Это имеет как свои недостатки, так и свои преимущества. Стен покрыл торфом свой дом, а эскимос Кунак закончил постройку своего дома рядом с домом Стена. Когда наступила настоящая зима с обильным снегопадом, она застала колонию у Кингс Пойнта уже вполне устроенной.

Нас было всего на всего 20 душ, и мы пробыли на этом месте в течение 10 месяцев.

На „Йоа“ жили лейтенант Хансен, Манни и я. В нашем доме ютились остальные пять человек команды „Йоа“. В 50 метрах к западу от нашего дома был расположен дом Стена. Он был выстроен из планок и досок с „Бонанцы“ и имел вид настоящей виллы. Он состоял из двух комнат. Во внутренней жил Стен со своей женой Катаксиной и маленькой дочкой Анни. Там было просторно и уютно. Наружная комната служила кухней и жилищем для двух семейств. У гарпунщика Джимми с женой была поместительная кровать у самой плиты. Им было, вероятно, жарковато; я думаю, что в те дни, когда пекли хлеб, температура у них поднималась градусов до 50! Но еще хуже было эскимосу Нейю с женой, у которых были устроены нары над самой плитой. Как эти люди выдерживали, является для меня загадкой; они, впрочем, скоро ушли на охоту и провели бóльшую часть зимы в поле. Свет проникал в обе комнаты через огромный световой люк в крыше. Из кухни шел большой коридор, имевший два отделения: одно вело к мастерской, а другое — к складу с провиантом. Из мастерской можно было пройти в большой поместительный сарай для дров, сделанный из

планок и старых парусов. Отсюда дверь вела наружу. Все было устроено удобно и практично.

Стеной к стене со Стеном выстроил себе маленький домик Кунак. В нем была только одна комната, а меблировка ее состояла из двух кроватей, стола и печки. Ее нельзя назвать чрезмерной, если принять во внимание, что в доме Кунака жили его старуха мать, жена и двое детей. К нему часто приходили гости, и тогда в его комнате спало до 20 человек.

В колонии было почти столько же собак, сколько и людей.

Мы употребляли все силы на сбор дров на зиму. Плавника было достаточно, и, чтобы его не занесло снегом, мы поставили бревна на попа, собрав их в большие кучи, а затем перетаскивали по мере надобности. К особенной радости кока было сделано важное открытие: вода в море была совершенно пресная и во всех отношениях превосходная, как для питья, так и для варки пищи. Это покажется удивительным, но дело объясняется влиянием огромной реки Мэкензи, расположенной поблизости.

Нам довольно-таки досаждала простуда. Манни однажды так сильно заболел, что мы, несмотря на все его протесты, вынуждены были продержать его в постели несколько дней подряд. Он страдал также кровотечениями из носа; не проходило дня, чтобы у него не шла из носу кровь.

Я давно ходил смотреть на лед в ожидании, когда, наконец, он позволит мне пройти на остров Гершеля и справиться насчет почты, которая должна была выйти отсюда в ближайшем будущем. Ведь мы сгорали от нетерпения получить известия из дому. Я уже договорился сопровождать Стена, которому нужно было съездить на остров Гершеля и поговорить там с китобоями. Эскимосы, стоявшие к западу от нас, обещали сообщить, когда лед сделается проходимым. Особенно долго он не замерзал как следует у Ки Пойнта, так как там в море впадает довольно большая река.

В воскресенье, 24 сентября, мимо нас прошел эскимос, направлявшийся на остров Гершеля. Если он

пройдет, то, значит, и мы можем попробовать пройти. Поэтому в следующий вторник рано утром мы пустились в путь с санями и хорошей собачьей запряжкой. Наст был не особенно хорош, так как недавно выпавший снег еще не слежался; по временам нам приходилось пробиваться через большие наносы. В 4 милях к западу мы встретили первую эскимосскую стоянку из нескольких палаток. Все лодки были вытащены на берег, и эскимосы жили рыбой, которую они вылавливали из-подо льда. В двух-трех милях дальше лежала другая стоянка. Эти эскимосы значительно больше цивилизованы, чем эскимосы-нетчилли. Гостеприимство ставится у них очень высоко. Если ты навестишь их, тебе всегда предложат чай и свежий пшеничный хлеб. Здесь на берегу Аляски эскимосы пьют чай в значительно большем количестве, чем какой-либо другой народ на земле. Мы держались льда главным образом у самого берега, где находили самую ровную и хорошую дорогу. Но мы были не тренированы и потому остановились в первый день у Ки Пойнта в 15 милях от Кингс Пойнта и в 20 милях от острова Гершеля. Мы поставили на мысу палатку, собрали дров и устроились очень уютно. Я взял с собой Манни, чтобы показать ему большие корабли и многих „каблуна“. Был с нами и эскимос Нейу.

На следующее утро мы продолжали путь. Дорога по льду была здесь отвратительна, так как под снегом на $^1/_2$ фута стояла вода. Мы брели по ледяной каше и промокли насквозь в своих оленьих сапогах. Все же мы прошли благополучно и в половине пятого дня торжественно въехали в гавань на острове Гершеля.

Здесь мне представилось совершенно непривычное зрелище! Стояли в ряд пять больших судов, а между ними на льду кишел народ. Наше прибытие возбудило всеобщее внимание. Правда, Стен и Нейу уже раньше были многим известны, но зато мы с Манни в одеждах нетчилли представляли собой нечто новое. В одну минуту нас окружила страшно пестрая толпа — мулаты, негры, желтые и белые; одежды у них тоже были чрезвычайно разнообразны. Большинство эскимосов

ходило в одежде „каблуна", а большинство „каблуна" в эскимосской одежде. Под словом „каблуна" эскимосы разумеют здесь всех людей другой расы. Для обозначения же негра они, однако, прибавляют слово „макток" и называют их „макток каблуна", что значит „черный белый".

Я решил остановиться у капитана Тилтона на „Александре" и поэтому направился туда. Меня приняли с величайшей предупредительностью и ввели в уютную, удобную каюту. Капитан Тилтон был высокий, сильный человек, но на вид казался старше своих лет, был лысоват и с большими усами. Скоро подошли и другие капитаны. На всех них лежал одинаковый отпечаток жизни, которую они ведут в этих областях: все они были коренасты, и на головах у них было мало волос.

Не подлежит сомнению, что условия жизни на большинстве этих американских китобойных судов не таковы, какими они должны были бы быть. Но так как у меня нет никаких положительных доказательств, то лучше уж я не буду упоминать о тех разнообразных и удивительных историях, которых я наслушался за свое здесь пребывание. Однако, капитан Тилтон сразу же проявил ко мне величайшую любезность. Он был готов оказать мне всяческую помощь—хотя и сам то был не особенно богато снаряжен. Мое пребывание среди китобоев было все время приятным. Больше всего меня порадовали письма из дома. Конечно, они были довольно стары, написаны почти $1^1/_2$ года тому назад, но от этого не стали менее дорогими моему сердцу. Я получил также письмо из Сан-Франциско от консула Генри Лунда, а капитаны рассказали мне, как много этот человек сделал для меня. Все они получили от своих владельцев распоряжение помогать мне по мере сил.

Перед отъездом с острова Гершеля я сделал визит миссионеру мистеру Уитекеру. Он жил с женой и двумя дочерьми на берегу в доме, в котором, кроме всех удобств для него самого, была еще школа и церковь для эскимосов. Я присутствовал на богослужении

и слушал пение эскимосов с истинным удовольствием. Как человек практичный, каким и должен быть всякий миссионер, мистер Уитекер изучил свой народ и увидел, что эскимосы очень любят пение. Поэтому он ввел в богослужение побольше пения, а проповедывал очень кратко и ясно. В результате церковь была всегда полна. Миссионер был настоящим английским спортсменом, высоким, стройным и гибким парнем, очень сильным, что было весьма кстати в здешних условиях. Ведь случается иногда, что священнику приходится превращаться в полисмена. У эскимосов плохая привычка: как только они достанут водку, так сейчас же и перепьются, а тогда справиться с ними бывает нелегко. Кроме того положение мистера Уитекера в этой местности было вообще чрезвычайно трудным, так как здесь собирается множество подозрительных субъектов, которые всячески портят все дело священнику и миссионеру. Поэтому мне кажется, что и сам он и вся его семья радовались окончанию весной срока их пребывания здесь, когда они могли уехать на юг. Две его маленьких девочки, 6 и 9 лет, были необыкновенно милыми детьми. Они обе бегло говорили и по-английски и по-эскимосски. К сожалению, младшая заболела и к весне умерла. Нельзя было без волнения смотреть, как родители увозили малютку с собой на санях, покидая остров.

Манни развлекался по-царски! Он беспрестанно ходил по гостям и принимал участие в эскимосских „хола-хола“ или танцах. Впрочем, на эскимосские танцы здесь так сильно повлияли „каблуна“, что они уже не представляют собою никакого особенного интереса. Угощали Манни тоже хорошо. Он съедал столько оленины, тюленины и китового сала, сколько в него могло влезть, а это было не мало! Эскимосы жили в нескольких жалких маленьких, низеньких деревянных домишках на берегу; вид у них был не очень здоровый, и Манни после всех этих посещений очень сильно простудился.

Почта отправлялась через форт Мак Ферсона до форта Юкон 20 октября. Там они должны были ждать

и затем доставить обратно телеграммы разным шкиперам. Поэтому мы не могли надеяться получить ответы на свои письма до мая месяца, так как почта посылается в форт Мак Ферсон через Эдмонтон и оттуда с индейцами пересылается на остров Гершеля. Мне показалось долгим такое ожидание, и поэтому я спросил китобоев, будут ли они иметь что-нибудь против, если я поеду вместе с почтой 20 октября. Если я сам попаду туда, то всегда сумею устроиться. Мое желание было встречено с величайшей любезностью, и в мое распоряжение предоставили все, в чем я мог нуждаться. Капитан Уильям Могг, капитан погибшей „Бонанцы", тоже хотел ехать с почтой и попытаться добраться до Сан-Франциско, чтобы затем вернуться сюда на следующий год на новом судне. Это был очень смелый план для такого пожилого человека, непривыкшего к тому же к такого рода путешествиям.

29 сентября в 9 часов утра мы начали свое обратное путешествие к „Йоа". Могг поехал с нами, чтобы захватить кое-что из своего провианта у Кингс Пойнта. Без особого напряжения мы ехали весь день и прибыли на место к 11 часам вечера. Поздно вечером было великолепное северное сияние. Мы заезжали также к своим соседям в ближайшую эскимосскую стоянку, пили там чай и ели пшеничный хлеб. Здесь мы встретили санную экспедицию, отправленную капитаном Мак Кенна на остров Гершеля. Мы узнали, что „Чарльз Ханссон" застрял во льду у мыса Токер по ту сторону дельты реки Мэкензи. О других судах у этих людей были следующие сведения: четыре судна дошли до острова Бэйли. О пятом же они ничего не знали. Об этом исчезнувшем судне всю зиму ходили самые дикие слухи и рассказы. Это была маленькая шхуна, не больше „Йоа", и называлась она „Ольга". Ее видели в последний раз идущей к северу и очень опасались, что ее раздавило во льду или же унесло к полюсу.

На обратном пути мы прошли 36 миль, что было очень трудным делом для нас, еще непривычных к ходьбе.

За мое отсутствие была произведена большая работа на судне и на берегу. Лунд сделал новую метеорологическую будку и устроил ее так, что в нее не сможет проникнуть никакой снег. Уже на другой день я с помощью Ристведта установил все метеорологические инструменты, и мы могли начать свои наблюдения с 1 октября. Постройка обсерватории для магнитных вариационных инструментов также сильно продвинулась вперед, и была закончена 2 октября. Пришлось прорыться на 4—5 футов в замерзшую землю, и таким образом вся обсерватория лежала под землей, виднелась только крыша. Для этого павильона материалом послужили доски от каюты с „Бонанцы“. Весь павильон мы покрыли толем истарым парусом.

Теперь ежедневно в ту и другую сторону проезжали эскимосы. Не очень приятно было постоянно видеть вокруг себя слоняющийся чужой народ. Однажды пришли сразу 4 семейства и разбили свои палатки у самой „Бонанцы“. Собаки были сейчас же спущены, а они, конечно, не были слишком перекормлены! Собаки моментально бросились искать себе добычу. Капитан Могг уложил уже все на свои сани, чтобы двинуться в путь на следующее утро. Среди другого провианта у него была также мороженая рыба, которой он хотел угостить своих приятелей шкиперов, до сих пор еще не получавших рыбы. Конечно, теперь собаки добрались до упакованных саней и протерли рыбке глазки! Ночью разбойники проникли в сарай с провиантом Стена и украли, по данным самого Стена, 250 мороженых рыб! В нашем дровяном сарае они нашли совершенно новые штаны из оленьего меха, принадлежащие Лунду, и... съели их!

Утром поднялось ужасное волнение, когда преступление было открыто. Я стоял, спрятавшись за поленицей дров, и наблюдал за маленьким кругленьким капитаном Моггом, когда он вышел посмотреть на свои сани. Он уткнул голову в пустой ящик из-под рыбы и ругался по-американски так, что чертям было тошно! Стен с карабином на плечах ходил с воинственным

видом назад и вперед перед домом, а эскимосы у себя в палатках смеялись и пели, собираясь сниматься с места, по всей вероятности они и не подозревали о том, что случилось. Стен, очевидно, поджидал их. Я поднялся к нему вверх по холму с самой веселой улыбкой.

— Ну, Стен, доброе утро! В чем дело?

Стен с гневом обернулся:

— 250 штучек скрали проклятые свиньи! Но ни единый эскимос не уйдет отсюда не заплатив мне за убытки! — Стен был из окрестностей Саннефьорда и говорил на диалекте. Но тем временем я видел, что наши милые эскимосы тихо и спокойно продолжали свои приготовления. А когда после завтрака я снова вышел из дому, они шли далеко по льду. Я спросил Стена: получил ли он деньги или возмещение за свою рыбу? Нет, не совсем, но каждый эскимос гарантировал ему, что к весне рыба будет принесена. Он не распространялся о том, в чем именно заключалась эта гарантия, и я подозреваю, что и рассказывать ему было не о чем!

Между прочим Стен был самым услужливым человеком на свете. Услышав о моем решении итти с почтой, он сейчас же принялся делать мне новые сани. Саней у меня было в это время вполне достаточно, и они были вполне хорошие, но у меня не хватило духу отказаться от его доброхотного предложения. Для моего путешествия с почтой не было особой необходимости в санях, и поэтому мне было совершенно безразлично, какой они будут конструкции.

Жена Стена Катаксина сшила мне новые сапоги и новую одежду в дорогу; к этой работе Стен, наверное, привлек других эскимосов.

Меня очень заботило, чтобы у нас на зиму был достаточный запас свежей пищи, и поэтому я послал наших Немвродов Хансена и Ристведта в охотничью экспедицию. Эскимос Нейу, очевидно, достаточно нагрелся у плиты Стена и с радостью принял на себя обязанности проводника экспедиции. Охотники были снаряжены на два месяца и взяли с собой двух наших

собак и четырех собак Стена. Я же оставил себе четырех для своего путешествия с почтой. Наши три суки, к сожалению, не рассчитали времени и со дня на день ожидали приплода, поэтому их мы не могли использовать для своей цели.

В первой половине октября мы необыкновенно счастливо рыбачили. Регулярно мы ловили от 30 до 40 штук в день. Мы потрошили рыбу сразу же по выемке ее из сетей и развешивали на такелаже, где она моментально замерзала. Вообще такелаж „Йоа" в это время являл собой любопытное зрелище. У многих торговцев рыбой и дичью потекли бы слюнки при виде всех этих висевших и болтавшихся на снастях великолепных связок куропаток, гусей, уток и рыбы. Мы называли это торговлей „Йенсена на Торвгатен" (лучший гастрономический магазин в Осло).

Манни стал теперь учеником лейтенанта Хансена и учился писать и определять время по часам. Он усваивал науку не особенно легко. Но довольно быстро научился писать свое имя и говорить который час — во всяком случае, с точностью до пяти минут. Лучше дело шло с игрой в шашки. Тайны этой игры он постиг так хорошо, что его господин и учитель подчас оставался с носом. Во время этих сеансов я обычно сидел в каюте и читал под приятный аккомпанемент заглушенных и глубокомысленных замечаний. Но когда случалось, что выигрывал Манни, то раздавался такой вой, что поблизости от мальчика на долгое время исключалась возможность всякого наслаждения литературой!

Между прочим в это время перед моим отъездом все были сильно заняты писанием писем. Каждому надо было написать кому-нибудь из своих. Наконец, все письма были сложены в латунный футляр, который мы запаяли. В этих местах требуются солидные конверты!

20 октября все мое снаряжение было готово. Сани, сделанные Стеном, сверкали лаком и обшивкой. Новый с иголочки брезент, сшитый женой Стена, содействовал общему впечатлению пышности. На сани было пока

погружено всего 100 кило; с острова Гершеля я должен был взять гораздо больше.

Я взял с собой Манни, чтобы он получил первое знакомство с цивилизацией. Да и кроме того он был мне хорошим помощником по этим дорогам.

В 6 часов утра 21 октября мы простились со своими товарищами и двинулись в путь.

Был чудный день. Наст был таким, что лучшего нельзя и желать, так как не наступили еще настоящие морозы. Мы держались берега, который был почти оголен ветром, и ехали очень быстро. Оба мы были одеты в одежды эскимосов-нетчилли, но вскоре нам пришлось сбросить с себя верхнее платье и бежать в одном нижнем.

Добежав рысцой до Ки Пойнта, мы увидели нечто удивительное, показавшееся в глубине бухты, как раз на нашем пути. Больше всего это было похоже на шар, который влачился по льду. Когда оно приблизилось к нам, мы увидели, что это сани с парусом. Парус тащил сани при бывшем тогда свежем бризе так быстро вперед, что собакам оставалось только остерегаться, чтобы их не переехали сани. Они приблизились к нам и пошли тем же курсом, что и мы. Мы пытались итти с ними наравне, но все больше и больше отставали. На санях было четыре эскимоса. Вдруг они остановились, и управляющий санями обратился ко мне с предложением связать наши сани с их санями и впрячь всех собак. Я с радостью принял предложение, и в несколько минут все было устроено. Обе пары саней пошли под парусом черезвычайно быстро по направлению к острову Гершеля. Любезный начальник эскимосов бежал с другой стороны саней, и мы начали с ним беседовать. Это был необыкновенно обходительный человек. Он совсем хорошо говорил по-английски. Принадлежал он к такому типу людей, которые возбуждают к себе все больше и больше доверия, и напомнил мне лучшего из моих друзей в Огчьокту — Сову. Каковы же были моя радость и удивление, когда Джимми — так его звали — сообщил мне, что это он должен везти почту с острова Гершеля в форт Юкон.

На мои вопросы о времени и дороге он отвечал мне совершенно откровенно, что ничего не знает об этом, ибо никогда не ходил этим путем. Белые приказали ему везти почту, и он повинуется! Позднее я узнал, что никто из других эскимосов не осмеливался взяться за перевозку почты. В уплату Джимми был обещан вельбот, что для здешнего эскимоса является верхом желания. Имея китобойный бот, эскимосы считают себя обеспеченными на весь остаток своей жизни!

В 3 часа дня мы были на острове Гершеля.

После моего отъезда все шло тихо и гладко. Лейтенант Хансен вступил в командование вместо меня. Был предпринят целый ряд охотничьих экспедиций, причем охотники никогда не возвращались домой с пустыми руками. Кунак, живший бок-о-бок со Стеном, был послан к дельте реки Мэкензи на охоту за лосем, где их было множество. Он постоянно посылал домой мясо лося, и Стен делился им с нами. Другие эскимосы тоже приносили нам на продажу мясо лося и массу зайцев.

В эту зиму погода была на редкость суровой. Одна вьюга следовала за другой. Настало рождество, и общими усилиями всей колонии оно было отпраздновано торжественно и весело. Но и в новом году метели и вьюги попрежнему продолжали свое милое занятие и делали пребывание в этих местах таким неприятным, каким его умеет делать только изнурительная пурга. Снег кружится в непроглядной мгле, слепит глаза и проникает во все щели и дырки. Однажды Манни, вернувшийся с острова Гершеля, должен был пройти из жилого дома на судно. Был вечер и стояла такая бурная погода, хуже которой ничего быть не может; так как Манни не приходил, то лейтенант начал беспокоиться о нем. Он отправился тогда на берег, чтобы поискать его и нашел мальчика... в доме Стена. Он заблудился на таком коротком расстоянии!

В начале марта на судне была получена почта. Это были газеты и телеграммы, посланные мною

с представителем Северозападной конной полиции, выехавшим из Доусон Сити 25 декабря. Благодаря этим газетам и письмам от меня мои товарищи вполне ознакомились со всеми событиями дома, а также каждый в отдельности получил особый привет от своих близких.

12 марта в 6 часов вечера я снова был на судне и привез тогда с собою им всем газеты и письма.

На судне я нашел все в наилучшем порядке. Лейтенант Хансен в мое отсутствие вел метеорологические наблюдения, а Вик все время не прерывал хода магнитных наблюдений.

На время своего отсутствия я отдал китобоям 10 ящиков или 120 кг муки, которой они были особенно плохо снабжены. Мы гордились тем, что „Йоа“, после $2^1/_2$ лет пребывания во льдах, смогла оказать такую помощь американцам.

На следующий день после моего возвращения мы устроили пир. Ведь было так много поводов для этого.

В скором времени Ристведт с Джимми уехали на остров Гершеля к доктору. Ристведту попала в глаз песчинка, и он никак не мог ее вынуть. 16 марта мы произвели проверку своего провианта и установили, что его у нас еще много. Через несколько дней Ристведт вернулся, исцеленный от болей в глазу и совершенно очарованный тем гостеприимством, какое ему было оказано капитаном „Карлука“ Мак-Грегором и его женой.

Мы воспользовались первыми днями хорошей погоды и построили себе на вершине холма большой просторный дом для своих коллекций. Солнце уже начало припекать как следует, и нам необходимо было проветривать шкуры и растения. Мы заботились о ящиках по меньшей мере как о своей собственной жизни!

22 марта максимальная температура была $+0{,}2°$, в первый раз за эту зиму поднявшись выше нуля. Начала давать себя чувствовать весна.

Нейу только что вернулся домой с 90 зайцами. Я решил поэтому послать с ним и его женой опять за зайцами наших охотников. У нас не было теперь

недостатка в дробовиках, так как китобои снабдили нас ими. На другой день после их ухода пришел один эскимос и продал нам 70 кило мяса лося и 40 зайцев. Д угими словами, мы объедались свежей пищей.

За последние дни Вик чувствовал себя не совсем здоровым, но не настолько, чтобы мы обратили на это особое внимание. Он жаловался на отсутствие аппетита. 26-го вечером он стал жаловаться на сильную боль в правом боку. Я дал ему нафты, от которой ему стало легче. На следующий день ему пришлось лежать в кровати, причем у него все так же болел бок. Я предположил, что это рецидив плеврита, который, как Вик только теперь сказал, был у него уже однажды. Посоветовавшись с домашним лечебником, я поставил ему согревающий компресс. Кроме того он принимал нафту, когда ему иной раз бывало трудно дышать. В ночь на 28-е он спал хорошо и утром много шутил и смеялся. Но к вечеру боль опять возобновилась. Я снял тогда согревающий компресс и поставил больному горчичник. Вечером пульс был ровный—104, температура—39,5. На следующее утро в 4 часа меня позвали. У нас был проведен электрический звонок между судном и домом, и я приказал вызвать меня, если наступит изменение в положении больного. Вик жаловался на сильнейшее колотье. Правый бок у него слегка припух, но горчичник не оказал никакого действия. Возможно, что горчица была слишком старая. Тогда я приложил к больному месту мешочек с горчицей, и такой горчичник сейчас же начал действовать. Температура держалась без изменения на 39,5. Днем мне показалось, что заметны следы значительного улучшения. Пациент заснул на несколько часов, и у него ничего не болело. Я дал ему жаропонижающее, от которого ему стало лучше. К полудню температура спустилась на 39,2. Больной попросил есть и поел по своему состоянию хорошо. В 9 часов вечера температура была 38,4, пульс 116, но ровный. Я снял горчичник, — он подействовал очень хорошо,— я положил на водяные пузыри тряпочку с борным вазелином.

30 марта я отмечаю в своем дневнике: „Вик поправляется, температура утром 38,8, ровный пульс 116. Вечером температура 37,6, пульс 114, ровный. Аппетит возрастает. Стул хороший". В этот вечер я был в хорошем расположении духа, надеясь на скорое выздоровление больного. Меня не будили ночью, а потому я был уверен, что найду нашего пациента в хорошем состоянии, когда пошел на берег завтракать. Но меня ожидали печальные вести. Ночью у больного начался сильнейший озноб. Линдстрем, лежавший к нему ближе всех, навалил на него массу одежды. Когда же и это не помогло, Вик попросил, чтобы сам Линдстрем лег на него. Линдстрем так и сделал, и припадок озноба прошел. Затем Линдстрем затопил плиту и нагрел комнату. Он не хотел звонить ко мне, так как бушевала сильная метель. Это было, разумеется, нехорошо со стороны Линдстрема, но он поступил так с самыми лучшими намерениями. Да, вероятно, я все равно ничего не мог бы сделать. Когда я пришел утром, температура была 38,8 и пульс 116. Когда я еще раз смерил в 11 часов, температура понизилась до 38,6, но пульс меня испугал; в противоположность прежнему он сделался очень неровным. Тогда я велел Джимми, своему спутнику по поездке на Аляску, приготовиться, чтобы ехать на остров Гершеля за доктором. Дул сильный норд-вест с густой метелью, и Джимми хотел подождать до 2 часов утра, так как сейчас было уже поздно и нельзя было надеяться доехать дотуда засветло. Я написал письма капитану Тилтону, у которого на корабле был доктор, и самому доктору, и описал им как обстоит дело. Между тем состояние Вика становилось все более и более угрожающим. Я пустил в ход все свои средства убеждения, чтобы заставить Джимми ехать сейчас же. Но погода была такая, что даже эскимос не решался пуститься в путь. Когда я около пяти часов вечера кончил последние приготовления для отправки Джимми на следующее утро, вдруг сильно зазвонил электрический звонок. То, как он звонил, предвещало несчастье, и я кинулся бежать со всех ног! Но успел прибежать только, чтобы быть свиде-

телем, как наш бедный друг испустил свой последний вздох...

Это была невыразимо печальная минута. Я закрыл умершему глаза; и мы все собрались около него в молчании и скорби. Вик был нам добрым другом и своим веселым нравом и радостной шуткой доставил нам немало веселых часов. Смерть всегда жуткий гость. Но на нас, в нашем положении, так далеко от родных и друзей, она, быть может, подействовала еще более сильно, чем на всякого другого...

Каждый из нас как можно скорее вернулся к своей обычной работе — она великий утешитель и помощник.

Я не был вполне уверен в характере болезни, и поэтому счел за благоразумное выселить всех из дома. Стен предложил нам место у себя, и я с радостью принял это любезное предложение. Мы устроили затем свою кухню у Стена и ели там же. Линдстрем и Лунд перешли к нам в кормовую каюту, пока не устроили всего для перехода в носовую каюту. Таким образом наш дом опустел, и мы его заколотили.

Через несколько дней Стен ездил на остров Гершеля. Вернувшись оттуда, он сообщил, что посылать за доктором было совершенно бесполезно, так как он в то время был перегружен работой на месте. К тому же два случая отравления требовали его личного присутствия днем и ночью.

3 апреля Лунд кончил делать гроб, окрашенный в черный цвет, и в него было положено тело Вика. Мы поставили гроб на две скамейки в крайней комнате, потом завинтили крышку и покрыли ее флагом. Нам пришлось оставить гроб стоять до того времени, когда солнце подействует на мерзлую землю настолько, что явится возможность совершить погребение. Все печные трубы и другие мелкие отверстия в доме были открыты для вентиляции, и затем дом снова заколочен.

5 апреля вернулись наши два охотника. Через эскимосов они узнали о смерти нашего друга. Они привезли с собой на санях 237 зайцев. Товарищи рассказывали о невероятном количестве зайцев. Охота происходила таким образом: охотники рассыпались

Наш жилой дом у Кингс Пойнта

цепью поперек далеко простирающейся заросли. Криком и гиканьем они гнали зайцев перед собой; глупые звери не уходили из заросли и в конце концов собирались в самом высоком месте, где и становились легкой добычей охотников. Эти зайцы гораздо меньше наших. Мы считали, что одного зайца хватает только на двоих человек. Устраиваясь на зимовку в этих местах, китобои прежде всего строят себе ледяной дом. Пожалуй покажется несколько странным, что в полярных областях бывает нужен ледник. Но летом хорошо его иметь! Мы опоздали во-время построить ледяной дом, поэтому нам пришлось подыскивать складочное место для всего нашего свежего мяса. Но мы нашли выход, которым столь часто пользовались и раньше, — отправились на „Бонанцу“ и решили поискать там чего-нибудь. И на этот раз мы не ошиблись в расчетах. Под палубой каюты был большой прекрасный чулан; он был полон воды осенью, а теперь вся она

замерзла. Другими словами, у нас получался уже совершенно готовый и превосходный ледник. Мы связали пучками всех наших зайцев и развесили их там, таким образом у нас постоянно было свежее мясо.

Первым вестником весны был ворон, прилетевший к нам 4 апреля.

Линдстрем очень скоро перебрался к своему другу Стену; это было весьма практично, так как там Линдстрему приходилось больше всего работать. И между двумя толстяками колонии возникла неразрывная дружба. Когда мы, поужинав, уходили к себе на судно, то почти никогда не бывало, чтобы кто-нибудь из нас возвращался снова на берег раньше следующего утра. Линдстрем и Стен завладевали тогда одни всем домом. Как-то вечером я забыл свою трубку и потому вернулся за нею. Войдя в дровяной сарай, я услышал смех и громкие крики. „А-га! — подумал я,—пожалуй, тебе следовало бы раньше посмотреть, что тут делается. Что же это на самом деле притягивает так друг к другу этих двух неразлучных приятелей? Повидимому тут происходят оргии—канканы с девицами...“ Я предстал неожиданно перед ними в виде карающего громовержца, но мог констатировать только, что они сидят и играют... в шестьдесят шесть! И веселятся словно малые дети! Я полюбовался на них с минуту и затем исчез со своей трубкой и со спокойной совестью.

12 апреля охотники опять вернулись домой, на этот раз с 71 зайцем и 5 куропатками.

Манни был замечательный парень. Он вечно был всем доволен, внимателен и мил. Охота была его страстью, и он почти все время пропадал в поле. Когда он на этот раз сопровождал Ристведта и Хансена в их путешествии, я ему запретил жевать табак. Мне никогда не нравилась эта дурная привычка, и я считал, что юноше вовсе не следует привыкать к такому свинству. Ристведт и Хансен на охоте жевали табак, как иные бутерброды. Они пытались соблазнить Манни, но он не притрагивался к их табаку. Я позволил ему курить, но вместе с тем предупредил его, что вредно много курить. Он был чрезвычайно умерен. Я всегда

побаивался за его здоровье из-за постоянных простуд и потому приказал ему всегда переодеваться, когда он возвращался домой из какой-нибудь поездки. И Ристведт рассказывал, что Манни переодевался с ног до головы всякий раз, когда возвращался домой. И тем не менее он опять был сильно простужен, вероятно, заразившись от эскимосов, которые совершенно равнодушно относятся к своему здоровью.

Наступила и прошла пасха, но мы ничем особенно не выразили ей своего внимания. По сигаре на брата,— вот и все, что было нашим праздничным угощением.

14 апреля мимо нас проехал инспектор северозападной конной полиции, мистер Ховард с сержантом, индейцем и эскимосом. Мистер Ховард был в форме, что здесь в этих местах выглядит очень своеобразно. Он прибыл с форта Мак Ферсон и направлялся теперь на остров Гершеля в качестве представителя канадских властей. Проезжали также сани с острова Гершеля с вещами миссионера мистера Уитекера. Они направлялись к Шингл Пойнту в 15 милях восточнее нас. Надвигалась весна, а с нею начиналось оживленное движение. На другой день опять прошли сани — с востока. Это были несколько эскимосов и один белый от Мак-Кенна, они ехали за сахаром. Белый походил больше на полоумного. У него был сильно отморожен большой палец на ноге, и лейтенант Хансен принялся лечить его. Позднее он рассказывал Стену, что с ним еще был второй машинист с „Чарльза Ханссона", но дорогой тот заболел, и ему пришлось оставить его, прикрыв шерстяным одеялом. На наш взгляд этого было маловато. У Чарли,—так называл себя этот парень,—была на ногах только пара обыкновенных чулок и тюленьи камикки. Этого слишком мало для здешних мест. Когда он пришел на остров Гершеля, то оказалось, что он удрал от Мак Кенна вместе со вторым машинистом, который и умер где-то на берегу. Чарли по чистейшей случайности встретился с эскимосами, которые шли за сахаром.

В середине месяца лейтенант Хансен и Ристведт ездили на остров Гершеля узнать, не сможем ли мы

нанять там двух людей. Мне хотелось взять нового человека в камбуз, так как Линдстрем предпочитал быть у машины, а потом еще одного палубного матроса.

Между тем до нас дошел слух о том, что в окрестностях видели оленей, и потому мы отрядили Хансена на охоту вместе с одним эскимосским семейством. Все наши собаки, за исключением Никодемуса, которого я привел с собою из Игл Сити, были в плохом состоянии, отчасти из-за постоянных драк, отчасти из-за всяких других несчастных случаев. Поэтому экспедиция Хансена получила название „Инвалидной команды". Он вернулся домой в первый же вечер и сообщил, что в хлеб попал керосин и испортил весь запас. Пришлось дать „инвалидам" нового хлеба и отправить их на следующий день.

22 апреля прибыл мистер Уитекер с женой и дочкой. Они переночевали у нас и на следующее утро поехали дальше.

Появились куропатки большими стаями. Возвышенности как будто ожили, потому что птицы сидели там тесными рядами, но были так пугливы, что подойти к ним на выстрел было почти невозможно. Манни ухитрялся приносить по 8 штук в день.

Манни с каждым днем все больше преуспевал в науках.

Особенно больших знаний в языке белых он никак не мог приобрести. Гораздо больших успехов он достиг в игре в шашки и в раскладывании пасьянсов. Часто бывало трудно найти для него какое-нибудь занятие, когда он заканчивал свои обязательные дневные работы, уборку, колку дров, доставку воды и охоту. Тогда он играл с лейтенантом в шашки или же в одиночестве раскладывал пасьянс.

Лейтенант Хансен и Ристведт вскоре вернулись с острова Гершеля, где они приятно провели время в гостях у Мак Грегора на „Карлуке". С обычной своей предупредительностью китобои предоставили мне двух человек, которые и могли перейти ко мне 1 июня.

Для этих двух новых людей у нас на судне не хватало места. Приходилось подумать о том, как бы расширить наши помещения. Одного слова об этом Лунду было достаточно: у него сейчас же возник план. Мы решили пристроить по небольшому помещению по обе стороны спуска в носовую каюту, одно для Лунда, другое для Хансена. Небольшой запас досок, взятых с собой из Кристиании и уже сослуживших нам службу при постройке обсерватории на Земле короля Уильяма и здесь в Кингс Пойнте жилого дома, теперь снова мог быть пущен в дело. Досок как раз хватило для этих двух каюток. Помещение было не велико и устроено не роскошно. Но когда каютки были готовы, убраны и выкрашены, то, право, выглядели они и красиво и уютно.

В конце апреля снег стал заметно опускаться. Везде кругом на всех обнаженных склонах холмов зашныряли „хикси", род земляных крыс. Они были очень жирны и имели такой вид, словно всю зиму только и делали, что ели. Их шкурки в большом количестве употребляются в качестве подбивки для пальто, а потому зверька сильно истребляют. На подбивку шубы их идет не менее 60 штук. Весенняя охота Манни выражалась главным образом в ловле этих „хикси". Он частью стрелял их, частью ловил силками. Он ставил силки у их нор и ложился неподалеку со шнуром в руках. Когда крыса выглядывала, чтобы посмотреть, что делается на свете, Манни дергал за шнур, и петля обвивала шею маленького зверька.

Становилось все теплее. Каждый день температура держалась выше нуля. На поверхности льда начали образовываться лужи.

После восьми дневной охоты вернулся Хансен с 14 оленями. Большинство из них было убито эскимосом Анакто из нашего карабина Краг-Йоргенсена. За эту зиму повсюду особенно высоко ценились главным образом наши ружья Краг-Йоргенсена, они оставили далеко позади себя карабины Винчестера. Нужно заметить, что у Хансена было теперь много дела с перевозкой на судно всего того мяса, которое доставляли нам эски-

мосы, и потому сам он не мог принимать участия в охоте. Впрочем, сейчас охотой занималась масса эскимосов — для китобоев, а чтобы выдерживать конкуренцию в этой неудобной местности, нужно самому быть эскимосом. К тому же олени были боязливы и напуганы выше всякой меры.

В последние дни апреля меня очень изумил своим появлением один человек, которого я встретил недалеко от Рампарт Хауза у реки Поркьюпайн в глубине Аляски — во время своего путешествия с почтой. Его звали Даррель. Это был весьма замечательный человек, такой сильный, мужественный и выносливый, какие не часто встречаются. Ему могло быть лет около 40, он был небольшого роста, но коренастый и очень светлый блондин. Части американской китобойной флотилии, зимовавшей у острова Бэйли, необходимо было отправить на юг почту, поэтому было поручено нескольким эскимосам отвезти ее в форт Мак Ферсон с просьбой к начальнику направить потом почту дальше в форт Юкон с индейцами. Но из-за огромного количества снега, выпавшего за зиму, никто из индейцев не решился отправиться в путь через горы между рекой Пиля, притоком реки Мэкензи, и рекой Поркьюпайн. Мистер Даррель в это время служил в Компании Гудзонова залива. Услышав об отказе индейцев и хорошо понимая, что на карту поставлены важные интересы китобоев, он решил взять на себя доставку почты. Он запасся табогганом — индейскими санями и собаками и отправился в путь без всяких спутников. Это может показаться чистейшим сумасшествием. Но Даррель уже не раз в своей жизни ездил на санях и, очевидно, имел свои основания предпочитать одиночество спутникам, довольно сомнительным во многих случаях. Горную область между рекой Пиля и рекой Поркьюпайн обычно не труднее пройти, чем всякую другую. Но индейцы были правы: огромный снегопад причинял большие затруднения. Мистер Даррель скоро увидел, что от собак ему мало толку. Они только проваливались в глубокий снег, да барахтались и путались в нем. И вот он принял смелое решение: оставил всех своих

собак и отправился в путь один, таща за собой сани. Сани были маленькие и запас на них снаряжения самый незначительный. Даррелю приходилось туго. Но все же он прошел. У Рампарт Хауза, небольшой торговой станции у реки Поркьюпайн, он отдыхал в течение нескольких дней и раздобывал себе немного нового провианта. В двух дневных переходах отсюда я и встретил его во время своего путешествия с почтой из Игл Сити. Он шел один-одинешенек, тащась со своими санями, и собирался дойти до форта Юкон в неделю. В тот раз мы мало побеседовали друг с другом, но Даррель сказал, что на обратном пути он пройдет через остров Гершеля, и поэтому я пригласил его погостить тогда у нас, пока он там будет. „Спасибо, хорошо", сказал мистер Даррель, но мне никогда в жизни не пришло бы в голову мысли, что я когда-нибудь снова увижу этого человека. Но вот 29 апреля он преспокойно пришел со своими санями, совсем такой же, каким я оставил его у реки Поркьюпайн. Он доставил нам большое удовольствие, пробыв у нас несколько дней! А затем снова спокойно и размеренным шагом пошел себе дальше! Я стоял, смотря ему вслед, когда он скрывался из вида, и подумал про себя, что с несколькими такими молодцами можно добраться хоть до луны, если это понадобится!

Через некоторое время я получил от него письмо на клочке бумаги с эскимосом, вернувшимся с форта. Там немного было написано. Он благодарил за оказанное гостеприимство и лишь вскользь упоминал, что едва не погиб на последнем участке пути. Эскимос, принесший письмо, рассказал мне несколько подробностей, о которых не упоминал этот скромный человек. Оказывается, он заблудился в дельте реки Мэкензи, что очень легко, если не знаешь хорошо этой местности. В последнюю минуту он был спасен эскимосами.

2 мая утром я был разбужен шумом; повидимому кто-то поскользнулся на каютном трапе. Это случалось со многими и раньше, так как трап был довольно крут, и я только раскрыл глаза, чтобы посмотреть, кто же это свалился на сей раз. Но среди

каюты стоял какой-то индеец, болтавший массу непонятных слов. Когда он кончил, я спросил его совершенно спокойно по-английски, что ему нужно. Он ответил мне на очень хорошем английском языке, что у него для меня есть почта. Разумеется, я сразу проснулся и выхватил у него два привезенных им письма.

Это была первая в этом году регулярная почта на остров Гершеля через Эдмонтон и форт Мак Ферсон. Лейтенант Хансен и я были счастливцами: каждый из нас получил по письму. Мое было от брата—несколько устарелое, но от этого не менее дорогое. И если бы все знали, как в наших условиях ценится письмо, то, я думаю, многие написали бы нам!

Хансен регулярно раз в неделю привозил свой груз мяса. Когда перевозка была окончена, у нас оказалось 700 кг оленьего мяса. Таким образом мы не терпели никакой нужды. Эскимосы продавали нам мясо по 5 центов за фунт, это была цена на месте, не считая того, что мы кормили их.

6 мая почтальоны вернулись с острова Гершеля и сейчас же должны были отправиться дальше в форт. Мы накормили их и хорошо снабдили провиантом. Я дал им несколько писем и телеграмму, которую мне было чрезвычайно важно отправить как можно скорее. Это было сообщение о смерти Вика. Я старался сделать все возможное и помешать тому, чтобы его мать получила сведения из какого-нибудь другого источника о том, что в экспедиции все обстоит благополучно. Ее горе было бы еще тяжелее, когда она узнала бы потом правду. Я оставил телеграмму открытой и послал ее начальнику форта Мак-Ферсон мистеру Фэрту с сопроводительным письмом, в котором описывал все обстоятельства дела и причины, побуждающие меня желать, чтобы телеграмма была отправлена при первой представившейся возможности. Я просил его заплатить за телеграмму то, что она может стоить. Телеграмма эта так и не дошла. Почта из форта пришла к нам на остров Гершеля в августе, но мне не было прислано ни единого слова от мистера Фэрта.

Май месяц был чудесным. Как только наступила настоящая весна, мы вынесли проветривать и просушивать все свои вещи. Это было необходимо. Такая необычайно снежная зима, которую мы провели здесь, разводит сырость повсюду. Линдстрем растянул на козлах рыболовную сеть и разложил на ней свои коллекции для просушки. Даже пустые яичные скорлупки прекрасно проветривались при этом способе.

Уже 8 мая на судно прибыли от китобоев оба вновь нанятых матроса. Я не ждал их раньше 1 июня и был несколько удивлен. Их судовые бумаги были в порядке. Один был норвежец Уле Фосс, из Фредрикстада. Он производил очень хорошее впечатление и проявил себя за все свое пребывание на борту „Йоа“ способным, услужливым и славным парнем. Другой был молодой американец по имени Бовэ. Он должен был освободить Линдстрема от кухни.

Доктор Уайт обратился ко мне с просьбой, не сможет ли он отправиться на юг на „Йоа“. Он получил сведения о болезни в своей семье и потому хотел попасть домой как можно скорее. По всей вероятности „Йоа“ должна была дойти до цивилизованных мест раньше кого-нибудь из китобоев, поэтому я ответил доктору, что готов с удовольствием взять его. Но больше уж у нас не было ни для кого места.

Я решил, что магнитная обсерватория послужит могилой Вику. Это во всех отношениях было самым подходящим местом. Вик сам строил обсерваторию, пользовался ею и любил ее. Она была расположена на самом открытом и лучшем месте на берегу Полярного моря. 8 мая мы закончили работу по рытью замерзшей земли.

На следующий день 9 мая в $10^1/_2$ часов утра мы все собрались на похороны. Все флаги были приспущены. Мы вынесли гроб из дома и привязали его на сани. Затем повезли гроб к могиле. Еще раз наш товарищ прошел по своему старому пути от жилого дома до обсерватории. Но на этот раз—чтобы уже никогда не возвращаться более. На вершине перед

входом мы остановились, и я сказал Вику последнее прости. Церемония не была продолжительной, но я думаю, что о ней долго будет помнить каждый из нас. Гроб был внесен внутрь и поставлен на две небольшие деревянные подставки, покрытые норвежским флагом. Склеп мы заложили потом плавником и замуровали. Позднее летом мы поставили высокий крест на северной стороне могилы, обложили ее торфом и засыпали цветами. Американские китобои обещали мне навещать могилу каждый год и держать ее в порядке.

Склоны начали зеленеть, а ручьи журчать и петь. Вода из ручьев значительно лучше воды из талого льда. А та вода, которую мы брали из моря, иногда горчила, и мы перестали ею пользоваться. Никакая питьевая вода не может сравниться с холодной и чистой водой, бегущей из земли.

Часто делаешь небольшие очень интересные открытия, даже не помышляя о них. Мне случилось однажды при 6° мороза поставить на край борта ликерную рюмку, полную воды. Я обычно носил рюмку с собой к будке с инструментами, чтобы смачивать один из наших термометров. Перила были выкрашены в зеленую краску, и я к своему удивлению заметил, что вода не замерзла, несмотря на мороз. Когда я затем поставил рюмку на белую подставку, вода сейчас же замерзла. Все время на небе были тучи.

После того, как теперь наш жилой дом снова освободился, мы поставили в нем свою баню и усердно ею пользовались. Я первый вымылся там. Затем пришла очередь Манни. Товарищи уверили его, что там его сварят! Поэтому он пошел в баню с очень тревожным видом. Когда же понял, что его одурачили, он весело смеялся.

Эскимос Нейу не поладил со Стеном из-за мешка муки. В досаде он выехал из дому и поставил свою палатку среди плавника у линии прилива. Оттуда он ходил на охоту и однажды вернулся с рысью, которую застрелил далеко на льду. Мы решили, что эта рысь просто взбесилась!

17 мая было отпраздновано, как обычно, поднятием флага и праздничным обедом.

Этой весной нам предстояло много работы, чтобы подготовиться к плаванью. Переход от керосина к дровам потребовал много изменений; таким образом в связи с этим камбуз пришлось видоизменить. Керосиновый бак был поставлен в виде плиты и снабжен трубой, которая шла коленами и извивалась в воздухе самыми необычайными изгибами и изломами. В это произведение искусства было вложено много глубокомыслия, а целью его было обеспечение тяги при всяком ветре. В теории все было прекрасно, но на практике это привело к досадной, но постоянной наклонности к столкновению между такой трубой с кожухом и парусом, что знакомо каждому ходившему на яхте!

Весь груз в трюме нужно было переложить заново, все наши коллекции перенести на судно и т. д. и т. д.

Лейтенант с увлечением занимался Манни, и я просто поражался его терпению. Я все еще слышу:

„А-б будет аб, б-а будет ба, б-а будет аббаба!“

После полугодовой усердной работы они все еще сидели на этом аббаба! Но и теперь еще Манни спотыкался на этом трудном слове. Мне кажется, впрочем, что я за последнее время приметил у Манни желание остаться здесь с эскимосами. С одной стороны мне не хотелось отпускать его, но с другой я не хотел также и увозить мальчика против его воли. Я спросил его однажды, не хочет ли он вернуться снова к эскимосам, и Манни ответил—да. На другой день я посетил одного эскимоса по имени Манитчьа, на редкость способного человека, и спросил его, не хочет ли он взять к себе Манни. Манитчьа очень обрадовался. У него был только один ребенок—девочка и таким прибавлением к семейству, как Манни, нельзя было пренебрегать. В тот же день Манни покинул „Йоа“, снабженный платьем, табаком, спичками, мылом, 2 ружьями и патронами. Он скакал и прыгал от радости. Но у меня на этот счет было свое мнение. Нашего славного Манни ожидала теперь совсем иная жизнь чем у нас. Работа с утра до вечера, а, может быть,

и недостаток пищи, когда он будет возвращаться голодный домой! Первое, что сделали его новые родители, это остригли ему густые великолепные волосы. Просто жаль было посмотреть на него после этого. На следующий день он ушел с эскимосами на запад охотиться на тюленя. Через три недели он вернулся и навестил нас. Он привез мне связку птиц. Манни уже сильно похудел, и в его веселых глазах появилось какое-то грустное выражение. Аппетит у него был просто жуткий, он поедал все, что мы ставили перед ним. Окончив еду он обошел каждого из нас и попрощался. Я видел по выражению его лица, чего он хочет, но все же хотел, чтобы он сам пришел и попросил взять его обратно к нам. Через две недели он снова пришел. И на этот раз принес с собой большую связку птиц. Вид у него теперь был совсем жалкий. Он осунулся, побледнел и похудел, поэтому я сразу же сказал ему:

— Хочешь снова вернуться к нам на судно?

Его улыбку радости и благодарности, которой он ответил мне, нельзя забыть; и таким образом наша заблудшая овца снова вернулась к нам. Мы все так полюбили Манни, что были довольны, когда он снова очутился у нас на „Йоа". Да, в тот день улыбался даже ненавистник эскимосов — Линдстрем.

Манитчьа был несколько удивлен, узнав, что Манни снова стал „каблуна", но не чинил нам никаких препятствий.

Единственный способ, каким можно было сохранить нашу оленину, заключался в ее сушке. Я поручил эскимосским женщинам вынуть кости из большей части оленьих окороков и развесить их. Нам очень пригодилось сушеное мясо.

Весна наступила здесь значительно раньше, чем на Земле короля Уильяма. Уже 20 мая прилетели все перелетные птицы. С тюленями здесь была какая-то странная история: от самцов так отвратительно воняло, что даже собаки не хотели есть их мяса. Это, повидимому, стояло в связи со временем спаривания; но хотя эти тюлени были того же вида (нерпа), что и тюлени у Земли

короля Уильяма, однако, мы не замечали у тех такого запаха.

В конце мая мы с лейтенантом перешли на берег, так как каюта должна была краситься. Эта малярная работа была первой работой Линдстрема в качестве „человека на все руки“, и он хорошо с ней справился. Бовэ принял от него кухню. Было очень приятно спать на берегу и просыпаться на чудном воздухе под прекраснейшее пение птиц. Июнь начался с прохладной погоды. Максимальный термометр 1 числа показывал — 1,5°. Собаки были теперь не нужны, и я подарил их Стену. Я оставил себе только одну Силлу и ее маленького сынка Уле. Никодемуса я обещал привезти в Сан-Франциско, поэтому он тоже остался у нас.

После того как стаял слой снега на льду вдоль берега, быстро стал таять и сам лед. Он образовался исключительно из пресной воды реки Мэкензи, смешанной с большим количеством ила, и поэтому таял он быстро. Вскоре он сделался совсем пористый, и по нему уже трудно было ходить.

Самое лучшее время года теперь миновало. Появились комары. 28-го вечером их принесло сюда штормом с юго-востока. День ото дня становилось все хуже, и если бы у нас не было с собой марли, которую можно было употреблять в качестве сетки от комаров, то мы вряд ли пережили бы это мученье.

30 июня я перевез на судно все магнитные инструменты. На том месте, на котором стоял штатив, я поставил деревянную дощечку с надписью „Йоа“ 05 — 06“.

В тот же вечер закончились также метеорологические наблюдения.

2 июля был сильный ветер с юга при температуре 16° тепла. Мы выбрались из льдов и подошли к „Бонанца“. Это старое разбитое судно, так часто оказывавшее нам помощь, продолжало помогать и теперь. Когда полынья стала расширяться, мы пришвартовались к корме „Бонанцы“, где нас не беспокоил дрейфующий лед, подходящий и уходящий при каждом

приливе и отливе. С полной нагрузкой мы сидели теперь на 7 футов носом и на 8 футов кормой. Главная масса сплошного льда все время дрейфовала то туда, то сюда и по временам угрожала направиться к берегу около нас. Но к счастью этого не случилось. По другую сторону льдов мы видели большое пространство открытой воды. Но пока не показались китобои, нам нечего было там делать. Если они не пройдут, то мы и подавно! В эти дни проходило в обе стороны очень много эскимосов. И, наконец, 10 июля вечером мы увидели трех китобоев, на чистой воде по ту сторону льдов. Еще неизвестно было, удастся ли нам пройти. Но один из них продолжал итти на восток и на следующее утро в 5 часов очутился около нас в береговой полынье.

Настало и наше время; все у нас было готово к отплытию.

С ЭСКИМОСАМИ И ИНДЕЙЦАМИ НА ЛЫЖАХ ЧЕРЕЗ КАНАДУ И АЛЯСКУ

Когда вечером 21 октября 1905 года я прибыл на остров Гершеля, там еще не все было готово для предстоящей отправки почты. Капитаны просили меня притти за несколько дней, чтобы я мог присмотреть за снаряжением и выработать маршрут со своими спутниками. Я как и прежде отправился на борт „Александра“ и был принят там с обычным гостеприимством.

Капитан Могг должен был ехать на юг, и другие капитаны поручили ему главный надзор за отправкой почты. Другими словами, он был начальником экспедиции. Я приглашался в качестве гостя. Капитан Могг был старый полярный моряк, а также уже совершал санные путешествия по суше. Хотя это, повидимому, было уже много лет тому назад. Он проявлял много энергии и усердно работал над снаряжением. Я привез с собой некоторые вещи с „Йоа“, но капитан Могг ни в коем случае не хотел признавать их практичными и не соглашался брать их с собой. В качестве гостя я не мог настаивать и решил оставить всю критику при себе и всецело подчиниться опыту начальника. Только один ящик с пеммиканом в 6 кг было досадно отсылать обратно. Да злило меня и заявление капитана Могга, что пеммикан не является лучшим провиантом при поездке на санях. Но и здесь я уступил, ибо капитан просто возненавидел мой милый пеммикан. Не годится начинать путешествие с раздоров. Для своих пяти собак у меня был пеммикан и рыбная мука на целый месяц. Могг для своих семи взял сушеной рыбы. Но и теперь было ясно, что и такого корма он не может взять с собой в достаточном количестве. Однако, считая, что мы дойдем до индейцев через три недели, мы решили, что, кормя всех своих собак одинаково и вместе с тем достаточно, мы в общем при некоторой экономии рационов сможем обойтись. Наш собственный провиант состоял из бобов и свиной грудинки, сваренных вместе и потом замороженных и разрубленных на подходящие небольшие порции, пшеничного печения, риса, сахара, масла, шоколада, чая, кофе, молока, винных ягод, изюма и всяких специй. Это был

более богатый по содержанию список провианта, чем тот, к которому я привык. Но у меня были сомнения на счет того, может ли этот провиант при всем своем разнообразии сравняться с питательностью нашего простого провианта, которым мы пользовались во время своих санных путешествий. Мы взяли с собой кроме того палатку и палаточные снасти, печь, лампу, спальные мешки и много других удивительных вещей. Санями мы не могли пользоваться очень долго, так как в глубоком рыхлом снегу в горах нам пришлось бы перейти к табогганам, канадским местным саням, поэтому мы присоединили двое таких саней к своему грузу. Табогган устроен в виде 12-футовых лыж, в 6 раз шире обыкновенных и с большим выгибом. Я в первый раз увидел это средство передвижения и очень интересовался увидеть его в действии.

23-го вечером все было готово к отъезду и объемистая почта китобойного флота запечатана, заперта и погружена на сани Могга. Эскимосы и Могг были одеты в меховые одежды, как местные эскимосы, а я был в одежде эскимоса-нетчилли. Манни после долгого и довольно трудного путешествия от Кингс Пойнта до острова Гершеля жаловался на боли в обеих ногах и попросил у меня позволения вернуться на „Йоа“. Я не хотел брать Манни с собой против его воли и заручился местом для него на санях, которые на следующий день должны были отправиться в Кингс Пойнт.

В последний вечер все собрались в каюте на „Александре“. У капитана Уильяма Могга, нашего начальника, было очень грузное туловище с маленькой головой и маленькими, тонкими ногами. Когда он двигался, то производил впечатление, будто он не идет, а быстро катится. Могг был англичанином по происхождению, но очень рано уехал из дома, чтобы закончить свою карьеру в китобойном промысле.

Мое первое исключительно благоприятное впечатление при встрече на льду с эскимосом Джимми оставалось таким же и за время нашего совместного пребывания на острове Гершеля. Я представлял себе жену Джимми очень молодым и привлекательным созданием.

Но Каппа больше походила на его мать, чем на жену. Каппа приехала с одним из китобоев из области у пролива Коцебу на остров Гершеля и встретилась здесь с Джимми, который был эскимосом-кагмаллик. Они были дважды обвенчаны по закону и на острове Гершеля и в форте Юкон, поэтому получить развод им было теперь довольно трудновато. Каппа походила на стог сена в своих меховых одеждах, крытых коленкором. Я дал ей больше 40 лет, но в действительности она была гораздо моложе. Мы очень подружились друг с другом, и я смотрел на Каппу почти как на какую-нибудь свою пожилую тетушку.

В 9 часов утра 24 октября мы все были готовы к отъезду. Масса народу из команды китобойных судов собралась посмотреть на отправление почты. Дул довольно свежий ветер с северо-востока при температуре —20°, но так как мы должны были итти в юго-западном направлении, то это нам не очень мешало. С большой быстротой мы двинулись в путь по ровному снежному покрову на льду. У меня в сани было запряжено пять хорошо натренированных собак, да и мои сани были значительно легче других. Поэтому я был впереди. Во вторые сани было запряжено 7 собак, из которых не все были одинакового качества. Они не были выезжены вместе и поэтому доставляли своим каюрам, Джимми и Каппе, много хлопот. Могг сидел на моих санях. Здесь езда на собаках производится таким образом, что каюр бежит впереди запряжки и указывает дорогу.

Мы шли сначала вдоль восточной стороны острова до его юговосточного угла. Здесь мы перешли через узкий пролив на самый материк. Снег еще не сравнял поверхности земли и часто травянистые кочки мешали езде. Но я надел лыжи, и тогда все неприятности кончились. Другие пользовались канадскими лыжами. Канадские лыжи здесь на Аляске уже широких собственно канадских лыж и имеют кроме того загнутый нос, что очень помогает при движении. Я никогда не мог научиться ходить как следует на настоящих канадских лыжах, но на этих передвигался легко.

Сначала нужно было перейти через тяжелую для подъема гору и нам всем, еще не привыкшим к ходьбе, это было очень тяжело. Но, наконец, мы взобрались на вершину, а по другую сторону путь вниз был, конечно, гораздо легче. У подножия склона мы вышли на замерзшее русло реки острова Гершеля. По руслу этой реки, на всем его протяжении, мы и должны были теперь ехать. Ее дельта представляла из себя хаос песчаных мелей и куч гравия, в которых было очень трудно разобраться. Но и Джимми и Могг хорошо знали дорогу, по которой они ходили множество раз на охоту за оленями. Это было одно из самых лучших мест для охоты на оленей, и тысячи и тысячи этих убитых животных перевозились в течение года к морю на китобойные суда. В этом году охота шла еще ожесточеннее, чем обычно, так как тут зимовало много плохо снабженных кораблей. Дальше к югу русло реки было чище и резче выражено. Во многих местах оно было покрыто блестящим льдом, а по временам на пути у нас выступали мели. Такая дорога испортила на моих санях полозья. За недостатком другого материала, нам пришлось обить полозья гальванизированным железом, а оно оказалось еще хуже, чем я предполагал. Полозья совсем ободрались, обрывки железа торчали в разные стороны и тормозили ход собак. Я попробовал исправить это, загладив полозья камнем, но до остановки было уже недалеко и я бросил эту работу и пытался, насколько было возможно, следовать за другими санями, у которых полозья оказались в полном порядке. В $4^1/_2$ часа дня мы дошли до мели на реке, которую Джимми выбрал местом нашей стоянки, зная, что здесь всегда можно найти плавник для топлива. Первый день санного путешествия всегда утомителен, и нам нужен был отдых. Чтобы скорее справиться со всеми необходимыми приготовлениями, мы поделили работу таким образом, что Джимми и Каппа взяли на себя постановку палатки при помощи Могга, который снимал с саней все необходимое, а я собирал дрова. В тот вечер это была легкая работа, так как мелкие дрова валялись, будто специально на-

рубленные, по всей мели. Но не каждый вечер было так легко собирать дрова.

Окончив свою работу, я присоединился к остальным, чтобы помочь им ставить палатку, конструкция которой и способ установки были мне незнакомы. Палатка состояла из полотнища и 18 шестов! Место сначала расчищается насколько возможно от снега, из которого вокруг палатки складывается потом стена. Затем втыкаются шесты. Лучше всего их назвать толстыми ивовыми прутьями, согнутыми в полукруг. 12 таких прутьев ставятся один против другого по длинной стороне палатки и шесть по поперечной стороне. Когда они воткнуты, их сгибают и связывают вместе, так что каждая пара образует дугу. Затем натягивается полотнище, и палатка готова — она имеет форму стога сена или „иглу". Единственным преимуществом такой палатки является возможность сгибать прутья выше или ниже, так что ее можно ставить в соответствии с погодой, и она стоит при всяком ветре. Но во всех других отношениях она в высшей степени непрактична в таких путешествиях, как наше. Прежде всего установка таких палаток отнимает очень много времени. Кроме того работать со всеми этими разнообразными и нужными завязками приходится голыми руками. Внутренность палатки никогда не бывает настолько высокой, чтобы в ней можно было выпрямиться. Наша палатка никогда не бывала выше $4^1/_2$ футов. Правда, к этому мы уже в конце концов привыкли. Но вот с перевозкой было хуже. Бывает, что цельносшитую палатку укладывать немногим труднее, чем это паршивое полотнище — однако, это еще сомнительно. Зато 18 шестов! Все они торчат дугой вверх, когда же, наконец, их с большим трудом укладывают на сани, то они придают им вид ежа и непрестанно цепляются за все по пути!

Джимми был спокойным человеком, но всякий раз, когда ему нужно было укладывать эти 18 палаточных шестов, он ругался и по-эскимосски и по-английски, так что небу становилось жарко! Обыкновенная палатка на трех шестах гораздо предпочтительнее этой

лягушечьей палатки! Кроме того во время путешествия по суше легко найти какой-нибудь склон или какую-нибудь другую защиту от ветра, а тем самым сводится к нулю все значение единственного преимущества такой лягушечьей палатки.

Однако, у Джимми и Каппы был долгий опыт, и они поставили палатку сравнительно в короткий срок. Могг достал с саней все, что требовалось для ужина и на ночь, а Каппа привела палатку в порядок, пока Джимми разводил огонь. Могг вечером исполнял обязанности повара. Пока что мы грызли винные ягоды, которых каждый забрал себе полную горсть и которые в ожидании еды казались замечательно вкусными. Когда собаки были покормлены, а сани надежно перевязаны на ночь, мы выбили снег из одежды и вошли в палатку. Места было мало. Мне досталось место в самой глубине у печки, у длинной стены, рядом со мной поместился Могг. У другой стены улеглись Джимми и Каппа. Мне пришлось скорчить ноги, Могг только перекатывался, когда ему что-нибудь было нужно, а эскимосы, благодаря долгой привычке, превратились в настоящих людей-змей. После ужина мы все крепко заснули.

На следующее утро в $4^1/_2$ часа я проснулся и огляделся кругом. Повидимому, никто из моих спутников пока не собирался озаботиться утренней работой. Равнодушный храп всех троих говорил о прямо противоположном. Я отнесся к этому спокойно и продолжал лежать. Немного погодя проснулся Могг, посмотрел на часы и потом на меня. Я сделал вид, что сплю сном праведника. Тогда Могг снова присоединился к трио. Через $^1/_2$ часа проснулись эскимосы. Они обменялись шопотом несколькими словами и снова заснули. Я рассчитал, что утренняя работа займет у нас два часа, и если мы хотим выйти своевременно, то кто-то должен начать. Мои спутники не двигались, тогда я встал и принялся за дело. Я понял, что приятная обязанность утреннего повара предоставляется „гостю“. Так она и оставалась за мною все время. Хорошо, что у экспедиции нашелся хоть один участник, который мог вылезать из спаль-

ного мешка по утрам! Впрочем, приготовление утреннего завтрака было не очень сложным. Дело заключалось главным образом в подогревании того, что оставалось от ужина. Пока я занимался этим, у меня было время и пописать и подумать. Остальные храпели так, что тряслась палатка. Когда у меня уже почти все было готово, я начал будить своих спутников. На это пошло порядочно времени. Тепло от печки действовало на них снотворно. В конце концов они поднялись, и завтрак был съеден. Мы уложили сани, сняли палатку и тронулись дальше.

Многие из старых моряков на острове Гершеля высказывали опасение, что мы слишком рано начали свое путешествие. Опираясь на свой большой опыт, вынесенный из различных таких же санных путешествий, многие думали, что река еще не совсем встала. Мы скоро убедились, что они были правы. Река начала круто извиваться среди отвесного горного ущелья и во многих местах была незамерзшей, оставляя чрезвычайно узкие проходы. С радостью приветствовал я опять, после двух с половиной лет перерыва, действительно настоящие горы. Крутые обрывы были до 400 футов вышиной и состояли из твердой породы — в противоположность земляным холмам и покрытым мохом возвышенностям, среди которых нам пришлось жить. Я знал также, что сегодня мы дойдем до границы лесов, и шел в волнении перед каждым поворотом нашей дороги. И когда, наконец, на обрыве скалы показалась, вырисовываясь на фоне неба, первая ель — довольно потрепанное и пострадавшее от ветров маленькое рождественское деревцо, висевшее из трещины, — она произвела на меня удивительное впечатление: ведь это значит, что мы вышли из полярной области на более привычную для человека почву. Мне вдруг захотелось бросить все, за чем я должен был смотреть, и вскарабкаться на гору, чтобы потрогать корявый ствол и почувствовать аромат ели — аромат леса, леса!

В узких ущельях на нас налетали резкие порывы южного ветра, которые валили с ног собак и людей, опрокидывали сани на гладкий лед, где не за что бы-

ло зацепиться. Это было чрезвычайно утомительно и сильно задерживало нас. После бега перед санями в течение всего дня, отдых в этот вечер был поэтому особенно сладок, когда мы нашли на небольшом мысочке чудесное место для стоянки с еловым лесочком перед ним. Но прежде всего мне предстояло тяжелое путешествие за дровами. Эскимосы, которые ездят здесь постоянно, обирают весь хворост на дрова и потому нужно искать повсюду, чтобы найти достаточное количество его на ночь. Я отправился с топором за плечами, но чувствовал, что ноги мои находились за целый день! Между елями лежал глубокий снег, и по нему было тяжело итти. Правда, у меня были лыжи, но я должен был признать уже теперь, что канадские лыжи в здешних условиях имеют свои преимущества. Их легче снимать и надевать, и на них можно быстрее поворачиваться в такой местности, как эта. Но за то в другое время я ни за какие деньги не отдал бы своих лыж.

Эскимосам в этих местах часто представлялся случай видеть лыжи. На зимовках у острова Гершеля многие из команд убивали время, катаясь с холмов на лыжах. Между китобоями часто встречались и норвежцы, которые могли показать эскимосам первоклассный бег на лыжах. Но в смысле пользования ими для работы, как, например, во время такого путешествия, как наше, эскимосы не питали к лыжам никакого доверия. Они часто рассматривали их, вертели в руках, но потом качали головами. Но прежде чем я расстался со своими спутниками, они стали с почтением относиться к моим лыжам.

На другой день нас остановила вода на льду. Это не была незамерзшая река, но вода, выступившая из-подо льда. Такое затопление льда происходило постоянно, даже в большие морозы. Мы все-таки продолжали итти, пока не забрели в воду до колена. Но в полдень нам пришлось остановиться, выйти на берег и разбить лагерь. Мы находились в узком ущелье с высокими берегами. Вечером великолепное северное сияние раскинуло свою колеблющуюся цветную ленту

от одного утеса до другого.— На другой день выступившая поверх льда вода замерзла, и мы с некоторой осторожностью могли двинуться дальше. Кругом пейзаж был дикий и суровый; огромные трещины в скалах переполнены большими и малыми грудами камней. Горы спускались прямо к реке, но были не очень высоки. Однако, по мере того как мы продвигались вперед, они становились все выше. Мы шли вперед по незаметно, но постоянно повышавшемуся руслу реки.

27-го утром мы пошли через небольшую долинку, идущую несколько в сторону к западу. Ландшафт здесь вдруг стал походить на настоящую лесисто-горную Норвегию. Небольшая долина густо поросла лесом, и прямо из глубины ее поднимался величественный, покрытый снегом конус, высотой по крайней мере тысячи в две футов. И словно в сказке, там в глубине долины стояли две палатки, а из труб поднимался мирный дымок. Разумеется нельзя было пройти мимо этих людей, и мы свернули к ним. К тому же могло ведь случиться, что у них есть свежее мясо, и они могут продать его нам. Мы застали эскимосов за первой утренней едой. Обычно никто из эскимосов не выходит рано утром, — они предпочитают пускаться в путь вечером. С обычным гостеприимством они пригласили нас к чаю со свежим хлебом. Его эскимосы готовят моментально. Мука, вода и порошок для печенья смешиваются и жарятся на сковороде — получается чудесное полярное печенье. Оно изумительно вкусно с небольшим количеством патоки. За чайной беседой эскимосы рассказали нам, что сейчас же выше этого места река еще не замерзла и нам нужно будет перейти через береговой гребень, чтобы снова попасть на лед. Они знали окрестности и предложили нам свою помощь, если мы подождем их до следующего дня. Мы легко дали себя убедить и остались. Эти люди — их было четверо, двое мужчин и две женщины — охотились здесь. Накануне им посчастливилось убить оленя и горную козу. Горная коза—красивое животное, белоснежное, со спирально изогнутыми рогами. Но они осторожны и быстры, как молния,—охота

на них поэтому нелегка. Когда беседа была окончена, мы принялись ставить свою палатку, а охотники отправились на охоту. Остаток дня мы провели главным образом в том, что наедались свежим мясом, которое выменяли у эскимосов. Я с самого уже начала заметил, что наша пища в заранее поделенных порциях недостаточна для человека, выполняющего утомительную работу. Поэтому я пользовался каждым случаем—и данным тоже, чтобы подкрепить свои силы, заложить как можно более основательный фундамент на случай последующих дней поста. Джимми сделал то же открытие в отношении своего желудка и составил себе такой же план. Каппа, как и все женщины, ела мало, у Могга же была изжога, и он ничего не ел. Кроме того у нас было много возни с собаками, которые все время вступали в драку с чужими, так что нам приходилось выскакивать из палатки и разнимать их.

Вечером охотники вернулись домой с двумя оленями. Они видели стадо в 16 штук. Эскимосы говорили, что в этих местах олени водятся всю зиму. Мы выменяли себе большой окорок, разрезали его на кусочки и взяли его с собой.

На следующий день нам пришлось сразу же сильно потрудиться при переходе через береговой хребет. Он был крут и испещрен корнями и пнями; к счастью он не был ни очень высок, ни широк, и после хорошего натиска мы очутились снова на льду реки. В 11 часов утра мы дошли до „сквозняка“, прославленного и упоминаемого всеми с ужасом узкого прохода между скалами, высотой в 1500 футов. Весь лед тут был засыпан крупными и мелкими камнями, которые снесло ветром с гор. Получить таким камнем по голове не весело! И сейчас здесь дул такой ветер, что мне пришлось ползти ползком по льду, а собаки и сани летели по нему кувырком. Знатоки называли здешний ветер весьма умеренным,— и я был рад, что мы не попали сюда в плохую погоду! Немного спустя мы встретили эскимосское семейство на двух табогганах. Мужчина был близким другом Джимми и известен как один из самых лучших охотников в округе

Гершеля. Он уложил в разных местах 60 оленей и теперь ехал на остров Гершеля за помощью для вывоза туш. Был только час пополудни, когда мы встретили этих людей, но все же было решено сделать привал, стать лагерем вместе с эскимосами — и отведать у них мяса. Мы с Джимми переглянулись за спиной нашего предводителя в предвкушении вкусной пищи. Уже во второй раз мы добровольно останавливались среди дня, но я не имел ничего против этого. Река вверх по течению еще не стала во многих местах, так что торопиться было некуда. Кроме того и людям и собакам не мешало поесть досыта, да еще и взять с собой на сани немного лишнего провианта. Могг взял с собой целый мешок чаю, который нам очень пригодился, потому что здешние эскимосы охотно продадут за фунт чаю свою душу.

По мере нашего продвижения к югу, ландшафт принимал все более мягкий характер. Горы закруглялись, склоны выравнивались, спускаясь к руслу реки. Снег здесь тоже стал более твердым, так что нам легче было бежать по хорошему насту перед санями.

Нам попадалось много оленьих следов, а порой и волчьи. Волк предпочитает держаться в более южных областях, если для него достаточно там пищи, что и было в этом году. Когда теперь нам попадалась вода на льду, мы натягивали свои непромокаемые сапоги и в таком виде справлялись гораздо лучше.

30-го мы пошли до истока нашей реки — большого озера, окруженного огромными горами. Самая высокая из этих гор, по моему мнению, около 4000 футов. Здесь у встретившегося нам недавно эскимосского семейства был устроен склад. Местные эскимосы устраивают свои склады по иной системе, чем наши друзья нетчилли. Они строят платформу на четырех столбах на уровне человеческого роста, кладут на нее пищу и прикрывают хорошенько сверху еловыми ветвями. Госпожа лисица может потом приходить, нюхать и прыгать сколько ее душе угодно, — будет то же, что со знаменитым виноградом.

Могг показал мне гору, у подножия которой несколько лет тому назад разыгралась трагедия. Часть команды китобойной флотилии взбунтовалась и убежала с санями, нагруженными провиантом, оружием и патронами. Несколько офицеров в сопровождении эскимосов были высланы в догонку, чтобы задержать беглецов. Здесь-то их и нашли, как раз в тот момент, когда они устраивались в снежных хижинах. Им предложили сдаться, но они отвечали пальбой, и сражение началось. Двое из беглецов были убиты, некоторые из них сдались, а остальные скрылись в лесу. Нужно думать, что они шли все навстречу верной смерти, оставаясь среди зимы без пищи и одежды, однако, пятеро из них после ужасных страданий дошли до форта Юкон. Остальные погибли.

Мы перешли озеро и разбили лагерь на другой его стороне. На другой день нам пришлось итти всего часа 2—3 до заросшего елями мыса, где мы должны были остановиться, чтобы переменить сани на табогганы. Мы сейчас же принялись за перегрузку. Я никак не думал, что мне удастся поместить всю свою движимость на маленький табогган. Да я и не сделал бы этого, если бы сам занимался упаковкой. Но Джимми удался такой кунстштюк. Укладка вещей на табогган — целое искусство. Груз не должен лежать слишком высоко, так как тогда табогган опрокинется, не должен он быть и слишком широким, потому что груз будет торчать в разные стороны и тормозить сани; значит, нужно, чтобы воз был низким и узким — а это очень трудно, когда везешь много вещей. Кроме того табогган должен быть немного тяжелее сзади. Мы поставили свои сани на попа у деревьев, оставив также и часть других вещей, без которых по нашему мнению можно было обойтись. На обратном пути мы захватили их снова с собой. Уже на реке мы перешли границу Канады и были теперь на Аляске.

С этой работой мы покончили рано днем и потом наслаждались отдыхом в палатке. Это был приятный вечер. Весь пол палатки мы устлали свежими еловыми ветвями, а в печке весело вспыхивали и потрескивали

сухие дрова. На огне всегда стоял какой-нибудь горшок; воды всегда нехватало. У нас с собой была колода карт, а Джимми и Каппа оказались страстными игроками. Они знали невероятное множество всяких игр, в которых я ровно ничего не понимал, но которые забавляли их до такой степени, что они кричали и визжали, как малые ребята. Когда становилось жарко, а температура могла доходить до 30° и даже до 40°, то всегда было очень приятно снять с себя меховую одежду, если ты не хотел, чтобы она смокла. Ради приличия мы оставляли все же рубахи, хотя следовало бы снимать и их. Но ведь Каппа принадлежала к прекрасному полу!

Фонарь висел под кровлей и освещал все приятным светом. Мы с Моггом писали свои дневники.

Я научился у Джимми и Каппы одной вещи, которой никогда не практиковал раньше во время санных поездок — а именно: умываться каждое утро. Если я забывал, то Каппа сейчас же подходила ко мне с водой и мылом. Как это ни странно, но им самим и в голову не приходило начинать день, не умывшись.

В 8 часов утра на следующий день мы продолжали свой путь. Здесь кончались знакомые Джимми места. Но мы не смущались. Высота гор, лежавших перед нами, обозначена на карте в 9000 футов. Я почтительно позволяю себе снизить их до 5000. Уже 3 ноября мы были на их вершине, на водоразделе между реками, текущими на юг, и теми, что впадают в Полярное море. Здесь наверху была настоящая альпийская природа, граница леса ни на одной из сторон не проходила слишком далеко. Очевидно, здесь на горах не было сильного ветра, потому что снег был рыхлый и глубокий и стоил собакам больших усилий. Особенно доставалось моим собакам, потому что мой табогган был скверный и сделан из елового леса, — вскоре он стал тащиться как борона. Второй табогган был из березы и гладкий, как лед. Мы шли в следующем порядке: во главе Каппа и Джимми, чтобы выбирать дорогу и прокладывать собакам след; затем шел Могг — в виде этакого парового катка!—он катился себе впе-

ред, оставляя за собой хорошую дорогу. Все они шли на канадских лыжах и прокладывали след как раз такой, какой нужен для табоггана. Дальше следовали собаки с первым табогганом, а за ним я со своим. Здесь я увидел пользу применения таких постромок, которые в ходу в этих местностях. Собаки идут гуськом и потому волей неволей принуждены все время итти по следу. Это очень важно для того, кто идет сзади.

Сверху мы увидели внизу небольшую долину и поняли, что она должна вести к реке Поркьюпайн; стоит нам только добраться дотуда и мы уже спасены. К долине шел крутой склон, но снег был мягкий, и я обрадовался предстоящему веселому катанию с горы. Я выпряг собак, сел на табогган и уверенно пустил его вниз. Но я не принял в расчет собак. Увидев, что табогган двинулся с места, собаки бросились вперед, чтобы опять занять свои места впереди. Впереди-то они очутились, но мест своих не нашли! Со страшной быстротой полетели мы все кувырком вниз по склону горы: табогган, собаки и я, пока не остановились на дне долины. Бóльшую часть пути я проделал, лежа то под собаками, то под табогганом, и злился на глупых животных, которые испортили мне все катанье! Я встал, начал стряхивать с себя снег и тут увидел Могга, который спустился самостоятельно и теперь стоял немного поодаль и хохотал, держась за свой толстый живот. На вершине горы валялись по снегу Каппа и Джимми и вопили во весь голос от удовольствия. Я хотел было излить всю свою злобу на собак и проучить их хорошенько, но в конце концов рассмеялся сам. Эскимосы при более тяжелом табогтане оказались умнее меня. Они ухватились за него, каждый с одной стороны, и плавно спустили его вниз.

Небольшая долина шла сначала на юго-восток, потом прямо на юг, а затем там снова поднимались высокие горы. Таким образом долина тянулась недалеко. Но солнце стояло на полуденном небе прямо против нас и указывало дорогу. Если итти прямо по направлению к солнцу, то можно было наверняка про-

браться через горы к реке Поркьюпайн. Итак, запеленговав это направление, мы спокойно пошли дальше. Приходилось выбирать один из двух перевалов. В таких случаях эскимосы просто бесценны! Они сейчас же по одному виду окружающих гор определяют, где можно будет легче всего пройти. Впрочем на этот раз Джимми и Каппа не пришли к соглашению между собой, но доводы Каппы звучали убедительнее, и Джимми поддался, наконец, силе женского красноречия. Однако, позднее оказалось, что был прав Джимми. С чем Каппа, конечно, ни в каком случае не хотела согласиться.

Здесь высоко в горах становилось уже очень холодно. У нас не было с собой термометра, но, судя по снежным сугробам, я считал, что температура опускалась значительно ниже — 30°. Мы начали выступать в дорогу рано утром, еще в темноте; по временам нам путь освещало северное сияние. Теперь я часто сожалел, что не взял с собой канадских лыж. В глубоком снегу лыжи часто зарывались и зацеплялись за ивовые заросли или же за большие травянистые кочки. Да и табогганы не очень практичны в такой местности, они постоянно опрокидываются, что вызывает потоки брани и бешеную ярость.

Наконец, 4-го мы вышли на настоящее речное русло. Правда, оно было не широко — просто русло ручья, но резко ограничено высокими берегами. Здесь на льду дело шло, как по маслу! Собаки прямо распластывались! Однако, скоро обнаружилось, что ручей делает столько крутых извивов, что нам пришлось сокращать дорогу, выходя на пересечку. На следующий день мы дошли до большого, широкого русла реки. Позднее мы установили, что это была река Колина, один из многих притоков реки Поркьюпайн. Наст здесь был превосходен, лед прикрыт слоем снега всего в несколько дюймов. И вот тут-то я показал, чего можно достичь на лыжах! Могг, которому пришлось тащиться через горы на канадских лыжах, потому что собакам было не под силу везти его, занял теперь место на моем табоггане; по такой дороге мои собаки

могли тащить двойной груз. А я тут припустил! Джимми шел впереди, но ведь канадские лыжи не скользят сами, как обыкновенные лыжи, и скоро я вихрем промчался мимо него.

— Ну, Джимми, что скажешь ты теперь о наших лыжах?

Вскоре я очутился далеко впереди. Все же итти по льду было не совсем безопасно. Местами река была еще незамерзшей, что, однако, всегда видно издалека, а местами лед был так тонок, что сквозь него легко можно было провалиться, если не быть осторожным.

Высокие остроконечные горы теперь все больше и больше скрывались за нами, и мы вошли в большой лес.

Два, три первых утренних часа бывали всегда самыми тяжелыми как для собак, так и для людей. Особенно для первых. Они еще не размяли своих ног после вчерашней работы, да и кроме того с утра несколько ленились. Но Джимми скоро заставлял их подтянуться, а затем все шло как по маслу. Впрочем, нам пришлось уменьшить собакам их пищевой рацион, и это скоро дало себя знать. Собаки похудели, и силы у них упали. У нас у самих провианта оставалось еще на несколько дней, если мы будем обращаться с ним так же экономно, как и до сих пор.

7 ноября в $3^1/_2$ часа дня Джимми вдруг остановился; его зоркие глаза обнаружили внизу на льду что-то необыкновенное. Он побежал туда и затем крикнул нам:

— Иткиллич томаи! Следы индейцев!—В его голосе звучала радость. Скоро окончатся все наши беды и, наконец-то мы все наедимся досыта! Мы пошли по следу и скоро добрались до бревенчатой хижины. Я был очень заинтересован. Наконец-то мне доведется увидеть настоящих индейцев, которые так часто в детские годы владели моим воображением, рисовавшим мне яркие картины! Я ожидал, что дверь откроется и появится меднокрасный молодец с перьями в волосах и, размахивая томагавком, обратится к нам со своим возгласом: „Уг!“

А то, может быть, он лежит, спрятавшись за одним из деревьев в лесу...

Дверь отворилась, и на пороге показался какой-то мирный человек в черном платье и с черной шляпой на голове. Он спокойно стоял и смотрел на нас. Мы любезно поздоровались с ним по-английски, и он столь же любезно ответил нам на том же языке. Немного погодя появилась и его жена. Все это отлично могло бы быть какой-нибудь сценой из пешеходной прогулки по Телемарку; у индейцев был вид настоящих норвежских горных крестьян.

У этих людей мы пробыли дня два, подкормили своих собак и плотно поели сами. За чай и свечи индейцы уступили нам мороженой рыбы и немного лосиного мяса.

10-го мы пошли дальше все тем же руслом реки. Там и сям стали появляться березы, и многое другое указывало, что мы спускаемся к югу. 12-го днем мы наткнулись на след табоггана и канадских лыж, по которому мы шли до темноты. Мы поставили палатку и на следующее утро снова пошли по следу. Но потом потеряли его в спустившемся тумане. В 10 часов утра Джимми сообщил, что он видит бревенчатую хижину на берегу; орлиное зрение не обмануло его. Подойдя туда, мы застали в доме двух женщин. Моя детская фантазия была глубоко оскорблена. Право же, такими не могли быть не только жены храбрых могикан, но даже и коварных ирокезов! У одной из женщин нижняя губа свешивалась на грудь, а у другой голова была свернута на бок, причем она поглядывала на нас больным глазом. Это были две страшные рождественские маски; встреча обеих женщин сопровождалась обильным потоком слов, они поздоровались и затараторили, как умеют только старухи, — и ведь ни одна из них не понимала, что говорила другая! Ну, ни черта! За чай и печенье мы купили у них связку сушеной рыбы. Муж одной женщины и сын другой два дня тому назад уехали к одному торговцу, жившему у реки Поркьюпайн. Любезные дамы сообщили к великому нашему удовольствию, что мы, идя по следу мужчин,

сможем сократить путь и сэкономить целых два дня. Та, что была с глазом, отправилась с нами вывести нас на след. Было здорово тяжело забираться наверх в лес, где начинался след. Во многих местах нам приходилось просто-на-просто поднимать табогган. Но, забравшись наверх, мы увидели прекрасный след; наша проводница покинула нас, и мы пошли вперед хорошим ходом. Здесь в лесу я еще больше оценил местный способ запряжки. Если бы здесь у каждой собаки была отдельная лямка, то собаки непременно обегали бы ствол дерева с обеих сторон и сани налетали бы на него. Управлять табогганом теперь, по хорошо протоптанному следу, было просто игрушкой, и мне больше не приходилось бежать перед собаками, чтобы понукать и вести их. Здесь все делалось само собой. Поэтому я оставил их, чтобы догнать эскимосов, шедших впереди. Могг лежал на санях на животе и напевал. Настроение у всех участников экспедиции весьма улучшилось от сознания, что теперь нам до форта Юкона оставалась всего неделя пути. Догнав наших эскимосов, я услышал, что молчаливый Джимми издает радостные вопли, а Каппа держалась за спинку табоггана и весело подпрыгивала.

14-го к вечеру собаки почуяли людей и пищу и пустились бежать так, как никогда еще не бегали. Дорога шла вниз довольно круто, но остановить теперь собак было совершенно невозможно. Я бежал впереди на лыжах, и все обрывы и выступы, по которым я проносился, заставляли меня ужасаться за наши грузы, следовавшие позади меня. Наконец, я добежал до маленькой индейской колонии у реки Поркьюпайн, где жил упоминавшийся выше торговец. Бедный Могг спустился последним. Вне себя от страха он с трудом удерживался на табоггане; на мой вопрос он заявил, что не имел возможности любоваться интересным лесным ландшафтом!

Во избежание страшной драки между нашими собаками и индейскими, мы поставили свою палатку несколько в стороне от колонии. Оказалось, что сам торговец тоже индеец. Это был великолепный парень,

6 футов роста с темными волосами и огромными усами. Он был одет в черное с опушкой из белого песца вокруг шеи. Подбор товаров в его лавке был не особенно велик. Немного сушеной лососины — вот и все! Индеец считал, что остаток пути до форта Юкон мы пройдем в четыре дня. Мы купили у него лососины, отлично подкормились ею и накормили хорошенько своих собак. На другой день, распрощавшись с нашим славным Джоном Альвертом,— так звали индейца,— мы продолжали свой путь.

Знай мы местность, мы могли бы значительно сократить путь, сворачивая иногда на берег, но теперь нам все время приходилось следовать по извилистому руслу реки. Мы миновали несколько бревенчатых хижин, которые были необитаемы. В этой области должно быть множество зайцев; часто вся поверхность снега была испещрена следами, иногда мы натыкались на дохлых зайцев: очевидно, мы тревожили за обедом какую-нибудь хищную птицу. Собаки, учуяв такое лакомство, обычно пускались бежать со всех ног. Конечно, только самой передней собаке доставалась добыча, но остальных это не останавливало, они каждый раз с новой надеждой бросались вперед. Даже толстяк Фикс, бывший последним в запряжке, тащил сани с такой силой, что едва не лопалась постромка. Фикс — это собака, оставленная мною у себя из числа тех, которых в свое время привез мне Атангала в Огчьокту вместе с нашей первой почтой. Фикс за время моего пребывания потом в Игл Сити до того разжирел, что мне пришлось оставить его там. Он уже не мог больше сопровождать сани, даже если бежал сзади.

18-го мы снова попали на свежий след, и так как он вел на берег, то мы и пошли по нему. Днем собаки необычайно оживились. Они, очевидно, что-то почуяли, и при этом что-то совсем особенное, потому что развили необычайную скорость. В 5 часов мы увидели дом и через полчаса были у индейцев в Солмон Крике. Своим прибытием мы вызвали целую суматоху. Первое, что нас поразило, это присутствие одного только мужчины среди множества женщин. Дело в том, что все

мужчины уехали торговать в форт Юкон. Дома остался только один „Старый Томас". Он пригласил нас к себе и рассказал, что много раз ездил тем же путем, что и мы; в конце концов выяснилось, что он и Могг были старыми знакомыми с острова Гершеля. Нам было оказано необычайное гостеприимство. Одна комната, где уже помещалось пять человек, была очищена, чтобы мы могли в ней остановиться Там все время поддерживался огонь в двух печах. Старый Томас был замечательным человеком. Он говорил на четырех языках — по-английски, по-французски, по-эскимосски и по-индейски — и многое мог порассказать о своих многочисленных странствованиях. Могг, который был сердечнее по отношению к эскимосам и индейцам, чем к своим соплеменникам, подарил ему всего понемногу — табаку, чаю, спичек и т. п. И на следующее утро при нашем отъезде старик назвал Могга ангелом. Я ничего не сказал о том, в какой степени я присоединяюсь к такой характеристике!

Гостеприимство, оказанное нам, было принято нашими собаками на свой счет. Бог знает каким образом, но только они разграбили склад и столь основательно нажрались, что утром едва двигались. В сущности мы могли бы дойти до форта Юкон в тот же вечер, но состояние наших объевшихся собак не позволяло им быстро передвигаться, и поэтому нам пришлось ставить палатку — уже в последний раз. На следующее утро мы встретили четыре индейских табоггана. Это были жители колонии, возвращавшиеся домой. Они замечательно выглядели в своих вышитых бусами одеждах; собачьи постромки были тоже расшиты и украшены бубенцами. Между прочим, индейцы очень высоко оценивают свои одежды. Я узнавал однажды о цене куртки, и с меня спросили за нее 35 долларов. Вообще говоря, одежда на Аляске очень дорога.

В половине второго днем 20 ноября мы дошли до форта Юкон. Он лежит на крутом берегу реки, где Поркьюпайн сливается с Юконом. Не могу сказать, чтобы в качестве крепости или форта этот пункт производил сколько-нибудь потрясающее впечатление! Тут жило

двое белых торговцев, из них назову энергичного и очень любезного мистера Джека Карра. Кроме того колония состоит из тридцати с лишним индейских хижин. Занятием торговцев является выменивание у индейцев мехов. Здесь есть также школа и духовная миссия.

Как мне было ни жаль, но здесь я был принужден снять свою любимую одежду нетчилли. Она становилась предметом слишком уж большого и чересчур веселого внимания со стороны многочисленной местной молодежи, которая следовала большими толпами за мной, куда бы я ни шел.

Как ни приятно было дойти до места, но форт Юкон готовил мне большое разочарование. Я надеялся, что найду здесь телеграфную станцию. Но, к сожалению, ближайший телеграф был в Игл Сити в 200 милях к югу вверх по течению реки. Делать было нечего. Моей целью была связь с родиной, и если я хотел достигнуть этой цели, то мне надо было итти в Игл Сити.

Джимми и Каппа остались здесь. Каппа очень переутомилась за путешествие, и ей необходим был отдых. Мы с Моггом пригласили тогда одного индейца в качестве проводника. Проводник был еще необходим в это время года на ближайшем участке реки Юкона. Река изобилует островами, образующими сеть проливов и каналов, которые нужно знать, чтобы разобраться в них; почтовое сообщение еще не было таким регулярным, чтобы проторить достаточно ясный след. Уходящая с форта Юкон почта доходила до своего конечного пункта в Сёркл Сити; здесь она передавалась другому почтальону, везшему ее дальше на юг. Почтовое сообщение между фортом Юкон через Игл до Даусен Сити обслуживалось четырьмя почтальонами, пользовавшимися санями и собаками, а между Иглом и Даусоном также и лошадьми. Всего расстояние от Юкона до Даусона почтальоны определяют в 300 миль.

От моего табоггана осталась только половина, когда мы дошли до Юкона. Две из четырех досок стерлись. Поэтому мне пришлось купить здесь себе новый табогган у индейца. Теперь мы были легко нагружены, так как нам не нужны были палатки и прочее

снаряжение. То немногое, что мы везли с собой, я нагрузил на свой табогган; у проводника Чарли был свой собственный табогган, и на нем поместился Могг.

С быстротой вихря помчались мы по реке. У Чарли, очевидно, разыгралось честолюбие, и ему захотелось показать, какие богатыри индейцы. Он был передовым и бежал впереди своих собак из всех сил. Между прочим, при таком легком грузе и при такой большой тренировке моих собак их нельзя было превзойти, и они бежали вплотную за табогганом Чарли. За ними бежал я на лыжах. Никто из нас не отставал от Чарли.

Вечером мы доехали до бревенчатой хижины, поставленной для почтальонов. Она была очень удобна и уютна и делилась на два помещения — одно предназначалось для табогганов, в другом было две койки, два стула, стол и печь. Застланные свежими еловыми ветвями койки манили нас к себе после 28-мильного дневного перехода. На другой день мы прошли мимо небольшой хижины, где жил лесоруб. Мы, конечно, должны были нанести ему визит и встретили в лице мистера Лео Провоста парня на редкость. По-видимому, он был наделен всеми человеческими добродетелями и так очаровал нас своей особой и необычайным гостеприимством, что мы остались у него на ночь.

26-го мы приехали в Сёркл Сити. Здесь мы простились со своим проводником. Мы не испытали при этом никакой печали. Он был нахален, очень важничал, и его главной заботой было показать нам, что в миссии он научился равенству белых и цветных. По этому случаю он держал себя чрезвычайно глупо и неприятно. Хорошее ученье часто может иметь дурные последствия.

Сёркл Сити считается „целым маленьким городком". Признаком этого служат танцовальные залы и кабаки — а следовательно драки и пьянство.

К счастью для нас, мы узнали здесь, что почтальон мистер Харпар как раз уезжает на юг на следующее утро. Возможность ехать с ним была для нас крупным выигрышем. Почтальоны на Аляске отлично умеют

ездить на санях. У них первоклассные собаки, но сильно отличающиеся от полярных собак. Обычно они короткошерстые и длинноногие. Для глубокого снега хороши длинные ноги, а так как собаки спят в доме, то им не нужна густая шерсть.

К югу от Сёркл Сити встречаются так называемые „roadhouses“, маленькие бревенчатые хижины, где можно получить „пищу и кров для путников“. Эти хижины расположены вдоль реки и отстоят одна от другой примерно на 20 миль. Обычно в них три комнаты: помещение для проезжающих, кухня и маленькая комнатка для хозяина. В первую запихивается столько народу, сколько прибыло сюда. Если не хватает отдельной койки — ее приходится делить с кем-нибудь другим. Когда проедешь по этим дорогам целый день и приедешь усталый в хижину, то не будешь очень разборчивым! Для нас, прибывших из северных областей, эти „отели“ казались чудом комфорта и элегантности. Но они были дороги. Спальное место стоило доллар — все равно лежишь ты один или нет, обед — $1^1/_2$ доллара. Суточное содержание с завтраком, обедом и ужином обходилось на норвежские деньги свыше 20 крон. Но на Аляске все цены вздуты, а если поблизости находят золото, то цены еще поднимаются во много раз. Причиной этого, конечно, является дороговизна транспорта. В Фербенксе на реке Танане, где в то время была сделана последняя значительная находка золота, пара канадских лыж стоила 40 долларов, а собака — 50 долларов. Но даже и эти цены ничтожны по сравнению с теми, которые платились, когда вспыхнула золотая лихорадка в Клондайке. От одного достойного доверия лица я слышал, что однажды за собачью запряжку из пяти собак было предложено 2500 долларов, и предложение это было отвергнуто! И все в таком роде.

С большим волнением приближался я к Игл Сити. Наконец-то я вступлю в непосредственную связь с домом и узна́ю, как обстоят дела у нас на родине. И вот мы обогнули последний мыс... и нам осталось всего две мили. На морозном небе видны голубые и

темные дымки Игл Сити. Можно себе представить удивительную, всецело овладевающую тобою мысль: через несколько часов ты уже можешь связаться с милыми сердцу!

Добравшись дотуда, мы свернули со льда и въехали в город, чтобы сейчас же найти телеграфную станцию. Она находилась в пределах форта Эгберт.

В форте Эгберт были расположены тогда две роты третьего пехотного полка. Офицеры сердечно встретили меня, и я отослал свою драгоценную телеграмму. Я только-только успел это сделать, потому что в скором времени провод разорвался из-за сильных морозов.

Я пробыл в Игл Сити два месяца, чтобы дождаться почты из дому. От этого времени у меня навсегда сохранятся самые приятные и хорошие воспоминания. Я был гостем мистера Франка Н. Смита, заведующего большой торговой компанией. У нас есть такая пословица: трехдневные гости и трехдневная рыба пахнут. Но в доме мистера Смита эта пословица не оправдывалась. И хотя уже прошло так много времени, но и сейчас, когда я пишу эти строки, я шлю мысленно этому семейству свое горячее и искреннее спасибо от всей души.

3 февраля я отправился снова на север. Я радовался тому, что еду с новостями из дому, письмами и газетами.

И на обратном пути я имел случай еще раз убедиться в широком гостеприимстве на Аляске. Мистер Джек Карр в форте Юкон, чьим гостем я был в течение 3 дней, сделал все от себя зависящее, чтобы облегчить мне переход через горы. Я весьма благодарен также мистеру Даниелю Кадцову в Рампарт Хоузе у реки Поркьюпайн. В этом последнем оплоте цивилизации я провел приятные дни, прежде чем опять пуститься через горы. С горячей благодарностью вспоминаю я также славных почтальонов на реке Юкон; все они всегда оказывали мне помощь и относились с участием.

Итак, я ехал на север. Щелкал кнут, собаки мчались... На север к „Йоа“ и моим товарищам!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПЕРВЫМ судном, вошедшим в береговую полынью, был „Боухэд“, с капитаном Куком. Он бросил якорь у мыса Сабины, чтобы забрать плавник, которого тут было множество. Когда остальные два судна увидели, что „Боухэду“ удалось обойти кругом и войти в полынью, то и они последовали за ним, но не могли войти до вечера. Мы через лед видели, что это были „Александр“ и „Жанетта“ из Сан-Франциско. Мне до отъезда нужно было договориться с капитаном Тилтоном о переходе доктора Уайта с „Александра“ на „Йоа“. Поэтому мы решили подождать немного. Кроме того у нас было еще дело. Линдстрем за последние дни напек много белого хлеба, который и укладывал в деревянные короба. Таким образом у нас долгое время еще будет мягкий хлеб. Духовка в доме еще была полна хлебов, и мы не могли уехать, пока не появится наш мастер на все руки. Мы воспользовались также последними часами, чтобы собрать еще больше дров, чем у нас было. Мы погрузили дрова во все углы и закоулки на судне. Пришвартовавшись „налегке“ и готовые отойти каждую минуту, мы стояли по штирборту у затонувшего судна. — Был чудесный совершенно тихий день. На холме лежали и нежились собаки. Если бы они знали, что им предстоит, то едва ли бы лежали так спокойно. Мы привязались к своим славным животным несмотря на все их недостатки и все те огорчения и заботы, какие они нам причиняли. На „Бонанца“ собрались эскимосы посмотреть на наше отплытие, там были они все: Катаксина с маленькой Анни за спиной, Нейу, Кунак с женой и сыновьями. Мы ждали с возрастающим нетерпением, делать нам больше было нечего. И наконец, вот появились на холме оба наших толстых друга, каждый с ношей хлеба. Стен шел с нами до „Александра“ и потом возвращался с ним. С некоторым волнением оба жирных господина пробалансировали по узким сходням — мы следили за ними с замиранием сердца, беспокоясь как за них самих, так и за хлеб, но вот раздается:

— Отдай концы! Полный ход вперед!

И наша милая „Йоа“ вступила в последнюю заключительную часть своего долгого путешествия.

Проходя мимо могилы Вика, мы приспустили флаг и послали своему товарищу наше последнее прости. Потом флаг снова взвился, и мы пошли вперед. На берегу было оживленно. Все наши добрые друзья и знакомые, как белые, так и эскимосы, работали на берегу над сбором плавника и кланялись и махали нам, поэтому нам все время приходилось отвечать на приветствия флагом. Между тем мы приблизились к „Александру“, и я застопорил машину, чтобы подождать его. Когда суда сблизились, капитан Тилтон прокричал нам что-то, из чего мы не поняли ни одного слова. Очевидно он торопился, так как даже не остановился и продолжал итти по направлению к Кингс-Пойнту. Как уже упоминалось, я обещал взять на „Йоа“ доктора Уайта, поэтому нам не оставалось делать ничего иного, как только повернуть и следовать за „Александром“. Большого труда это не составляло. „Александр“ и „Жанетта“ стали на якорь—мы сделали то же самое, подойдя к ним. Как только мы спустили Стена и взяли на борг Уайта, мы повернули и продолжали свой путь. У мыса Сабина мы остановились и отправили лодку к „Боухэду“, который все еще был там, за китовым жиром. Доктор Уайт посоветовал мне это средство для Манни, который все никак не мог разделаться со своей простудой.

Через несколько часов пришел машинист и сообщил, что все машинное отделение полно воды. Благодарю вас! Значит, потихоньку сказалось действие зимы — у нас открылась течь! Мы сейчас же взялись за насосы, но увидели, что на дне судна скопилось воды не больше, чем всегда бывает. Оказалось, вся беда заключалась в том, что накопившийся внутри судна старый лед сразу растаял и образовалось сообщение между большим трюмом и машинным отделением, причем вся вода стекла к корме. На этот раз мы отделались одним испугом. Мотор работал хорошо, и мы шли трехузловым ходом. Легкий ветер с востока с зыбью указывал на то, что бухта у реки Мэкензи от-

крыта. Наконец, мы обогнули лед и направились на запад. Ветер свежел, и стала набегать большая зыбь. Когда я на следующее утро в 6 часов вышел на палубу, Кингс Пойнт был у нас прямо за кормой. Я вынул бинокль и отыскал знакомые места, потерпевшее крушение судно, дома и крест. В чистом воздухе он высоко поднимался к небу: „Передай привет родине! Передай привет родине!“

Дул свежий ветер с юго-востока, и мы шли хорошим ходом на запад. Когда мы дошли до острова Гершеля, то оказалось, что он окружен льдом. Но что нам до этого! Нам нечего было делать на острове, и мы посмеялись над умными господами - китобоями, последним замечанием которых было, что нам придется зайти в гавань и пробыть там по крайней мере две недели; теперь перед нами по ту сторону острова были льды в самом благоприятнейшим состоянии, таким образом все эти господа были посрамлены. Но, увы! Никогда не следует пренебрегать указаниями опыта. Мы не долго гордо шли вперед своим путем, и вскоре обнаружили, что открытая вода была только простиравшейся на запад бухтой во льду — просто мешок. Нам пришлось тихо и спокойно повернуть обратно и зайти в гавань. Свежий западный ветер открыл для нас гавань, но нам пришлось проходить так близко от северовосточного мыса, что глубина здесь была не больше 9 футов. Однако, мы проскочили и в $2^1/_2$ часа утра 13 июля стали на якорь.

Здесь нам представился прекрасный случай изучить остров Гершеля уже без снежного покрова. Остров не велик и весь зарос мхом; он отделяется от материка узким и мелким проливом. Когда Франклин в 1826 году проходил мимо острова на лодке, он не заметил прекрасной гавани на восточной стороне острова. Франклин говорит поэтому, что узкий пролив — единственное место убежища для судов на всем побережье отсюда до реки Мэкензи. Франклин не подозревал тогда, какое большое значение будет иметь остров Гершеля. Гавань хороша при всяком ветре. Правда, туда проникает югозападный ветер,

но он не может причинить особого вреда. При непогоде, которая случается не чаще одного раза в 30—40 лет, случается, что этот ветер выбрасывает суда в гавани на берег. Итак, Франклин открыл этот остров и дал ему название. Но тем, чем остров Гершеля является теперь, его сделали смелые американские китобои. На североамериканском берегу дело с гаванями обстоит чрезвычайно плохо, и открытие гавани на острове Гершеля имеет поэтому большое значение для китобоев. Они проникли туда в 1889 году. Но понадобилось много лет, чтобы они могли пройти так далеко, и при этом погибло много человеческих жизней. Первое несчастье, постигшее отважных промышленников, не зависело ни от погоды, ни от льдов. В 1865 году, во время войны между Северными и Южными штатами, один военный корабль, принадлежавший Южным штатам, проник на север и сжег 30 кораблей, нанеся ущерб в 3 миллиона долларов. В 1876 году 30 судов замерзли во льду у мыса Барроу. Около 70 человек команды, спасаясь, покинули свои суда. Но этих 70 человек никто никогда больше не видал. В 1897 году несколько судов было также раздавлено льдами. Наконец, в 1905 лед образовался у берега острова на месяц раньше и остановил все движение. Но на этот раз не было повреждено ни одно судно, так как они все нашли убежище в гавани. Но, вообще говоря, охота на драгоценного гренландского кита обходилась довольно дорого.

У гренландского кита идет в дело только ус. Все остальное выбрасывается на пищу рыбам. Но зато средняя цена китового уса с одного кита в настоящее время составляет десять тысяч долларов. Охота на кита совсем не легка и не безопасна. Гренландский кит необычайно осторожен и пугается малейшего шума. Как только замечают кита, сейчас же останавливают машину и пользуются одними парусами. Еще на далеком расстоянии от кита на воду спускаются лодки, чтобы начать самую охоту. Весла нельзя пускать в ход, а тоже только парус. Маленькая лодка направляется затем прямо на огромное чудовище. На носу лодки

стоит гарпунер, держа наготове гарпун. Не может быть и речи о стрельбе, так как выстрел напугает китов на мили кругом. В качестве взрывчатого вещества употребляется тонит. Если кит не убит с первого удара, то он бросается вперед с большой быстротой, и тут приходится вытравливать линь, чтобы успевать следовать за китом — совсем как во время охоты на кита-горбача между Ян-Майеном и Фарерскими островами. Если на море лед, то нужно держать ухо востро! Если приходится рубить линь, то тогда, значит, 37 000 крон выбрасываются в море. Убитого кита отбуксировывают к судну. Голова отрубается и втаскивается на борт, а туша оставляется на волю волн. Затем вырезается ус, а голова выбрасывается за борт.

Первый гренландский кит, balcena mysticetus, был пойман в Берингговом море в 1843 году. Пять лет спустя первый китобой прошел через Берингов пролив и увлек за собой вскоре многочисленных последователей. В 1905 году китобойная флотилия состояла из 14 судов, причем все, за исключением „Бонанцы“, были со вспомогательной машиной. В этом году самый богатый улов был у брига „Жанетта“ — 11 китов. В течение 60 лет этот промысел велся с колоссальным барышом, но и зато с большим риском и огромными жертвами. И все эти жизни, все эти ценности из года в год ставятся на карту для поставки на мировой рынок китового уса. Я исследовал, на что же идет этот драгоценный материал, и узнал, что главное его применение — фабрикация корсетов!

Дамская фигура — дорогая вещь!

Но, пожалуй, после своего полярного опыта я буду голосовать теперь за платье-реформ!

Все эскимосы в гавани, несмотря на ранний час, были уже на ногах. Мы после ухода китобойной флотилии представляли собой единственную поживу, и потому с нами обращались с величайшей предупредительностью.

После нескольких часов сна, мы поднялись на вершину острова, чтобы ознакомиться с состоянием

льда. На западе было много льда. Вдоль берега тянулась полынья, но с того места, где мы стояли, было невозможно определить, достаточно ли она широка для нас. Между тем для нас было бы полезно войти в полынью, чтобы сразу же воспользоваться случаем, который все равно рано или поздно должен был наступить. Единственным путем, ведущим к полынье, был узкий пролив между берегом материка и островом. Мы слышали много противоречивых сообщений о глубинах в этом проливе, и потому, для пущей уверенности, лейтенант Годфред Хансен в сопровождении Хельмер Хансена, доктора и Фосса отправились туда вместе с одним эскимосом — последний поехал в качестве лоцмана. Этот лоцман не оказал нам большой пользы. Каждый раз, когда вытаскивался лот и тут оказывалась мель, он говорил: „вода очень маленький“, что, конечно, было очень приятно слышать! Исследование показало, что дно здесь чрезвычайно неровно. Даже если бы и можно было пройти по полынье, то во всяком случае это было бы делом рискованным, и поэтому мы решили лучше подождать, что нам покажет будущее. На обратном пути экспедиция встретила нескольких эскимосов, которые удачно порыбачили, и купила у них массу свежей рыбы.

Мы устроили теперь так, что каждый день кто-нибудь из нас ходил на вершину острова наблюдать за состоянием льдов. Вершина эта находится на самом западном берегу острова — небольшая такая прогулка в две мили. Дорога была трудная. Но зато какая растительность на этом острове! Кингс Пойнт по сравнению с ним был просто пустыней. Остров буквально был засыпан цветами, и Линдстрему здесь нравилось. Постоянно его можно было видеть с зеленой ботанической коробкой на спине, — домой он всегда возвращался с чем-нибудь замечательным. Самая богатая цветочная флора была за кладбищем. Кладбище на острове Гершеля делилось на две части: одна для китобоев, другая для эскимосов. Могилы китобоев содержались довольно хорошо, и на них стояли крашеные кресты. Но эскимосское кладбище произво-

дило весьма странное впечатление. Казалось, что какой-то торговец разложил здесь свои товары. Дело в том, что эскимосы кладут своих покойников в деревянные ящики, которые и ставят потом на кладбище в ряд на открытом месте. Только очень немногие эскимосы устраивают эти ящики на деревянных подставках. Но большинство гробов стоит прямо на земле. Невольно приходит в голову мысль о необходимости наклейки на гробы билетиков, чтобы каждый эскимос мог найти своего усопшего!

При первом появлении китобоев на острове жило около 500 человек эскимосов-кагмаллик. Теперь их здесь совсем немного, да и эти немногие по большей части эскимосы смешанной расы. Они живут в маленьких деревянных домиках и, как мне показалось, очень негигиенично. Кроме того там есть несколько довольно больших складов и пакгаузов. В прежнем доме миссионера ныне живет майор Ховард со штабом. У этого человека весьма нелегкая задача поддерживать с помощью одного человека порядок среди нескольких сотен людей. Кроме того он должен также взыскивать таможенный сбор, так как они здесь на канадской земле.

Манни ревностно охотился на уток, которых здесь была масса. Я запретил ему высаживаться на берег, не желая, чтобы мальчик заразился от эскимосов какой-нибудь из их многочисленных болезней, полученных ими в дар от цивилизации. Между прочим у них очень распространен сифилис. Постороннего человека больше всего поражает вид подрастающего поколения у этого населения. Оно носит на себе печать разнообразного смешения. Чисто эскимосский тип можно увидеть чрезвычайно редко. Не только по типу лица, но и по одежде ребята отличались друг от друга,— вот, например, вы видите маленькую девочку в красном платье и черных ботинках, на голове у нее детская шапочка, которая к ней замечательно идет. Это не эскимоска! Затем подходит мать, она тоже не чистая эскимоска, но все же наполовину. Дитя—третье смешанное поколение. Смешно выглядит смешение негра с эскимоской.

Не знаю, называется ли как-нибудь такое смешение, но только оно чрезвычайно комично.

Эскимосы острова Гершеля так привыкли к пище белых, что им тяжело обходиться без нее. Особенно они страдают без муки, когда ее нет, а в этом году и самим белым ее нехватало, так что эскимосам досталось совсем мало. Как раз в это время все эти бедняги ждали транспорта китобойной флотилии, который должен был доставить всем пищу. Но транспорт в этом году дошел только до мыса Барроу, где его встретили китобои и забрали с собой все заказанное. Таким образом в эту осень эскимосы были очень разочарованы.

Хотя миссионер и уехал, однако каждое воскресенье совершалось богослужение. Служил старый вождь эскимосов по имени Томачсина, а доктор Уайт играл на органе.

Здесь мы познакомились с первыми местными овощами, а именно с „кагмалликским картофелем", как его называют китобои. Это корень poligonum bistorta;[1] он довольно приятен на вкус, как в вареном, так и в сыром виде. По-эскимосски он называется „маску". Вид он имеет моркови, а кожура у него как у картофеля; он слегка сладковат. Эскимосы собирали его целыми мешками и продавали нам.

20 июля подул северовосточный ветер, который, по словам всех китобоев, лучше всего относит лед от берега. Скоро он перешел в очень свежий ветер. Но наш дневной дозорный вернулся с сообщением, что лед сплотило больше прежнего. 21-го мы с Ристведтом, Лундом и доктором отправились на гребной лодке на берег, чтобы взглянуть, не повлиял ли этот продолжительный ветер на лед. Нам пришлось пройти на веслах мили две вдоль восточного берега, чтобы найти более легкий подъем на вершину. По пути мы встретили Манни, который после завтрака выехал в брезентовой лодке за утками. Он ничего еще не застрелил, и мы что то крикнули ему, что именно, я не припомню

---

1 У нас он называется гречишник. *Примеч. ред.*

хорошенько. Мы втащили лодку на берег у места высадки и пошли на свой наблюдательный пункт. На этот раз сстояние льдов показалось нам хорошим. Норд-ост начал оказывать свое действие. Когда мы на обратном пути шли к своей лодке, вдруг Лунд сказал:

— Мне кажется, на судне подняли флаг!

— Что это может быть?

— Но они... не подняли флага до самого верха!

Был вынут бинокль, и мы увидели, что на „Йоа“ приспущен флаг. Нет ничего тяжелее такого зрелища! Мы утешали себя мыслью, что, может быть, это умер на острове кто-нибудь из наших друзей эскимосов. Но сами не верили этому. Я сейчас же подумал о Манни, кажется и все другие подумали то же самое. Мы бросились бежать вниз по холму, оставив свою лодку на берегу, и направились напрямик через остров, пока не оказались против „Йоа“. Нас уже заметили оттуда и выслали за нами лодку. Да, совершенно верно. Это касалось Манни. Он утонул.

Когда мы поднялись на борт судна, лейтенант рассказал мне, что он стоял на палубе и разговаривал с кем-то из товарищей. Они видели, как Манни поднялся во весь рост в своей лодке и высматривал стаю уток. Мы все так привыкли видеть его в такой позе, что никто не обратил на это особенного внимания. Когда же они через мгновение снова посмотрели в ту сторону, — то лодка была пуста, а рядом с нею сильно пенилась вода. Манни упал в море. С быстротой молнии Хансен и Фосс спустились в одну из остававшихся лодок. Лейтенант взбежал на мачту, чтобы управлять поисками из дозорной бочки. Прошло не более пяти минут, как лодка была уже на месте, где видели всплеск воды. Но Манни исчез. Брезентовая лодка еще плавала, но была наполнена водой. Весла плавали по морю, но мальчик и ружье исчезли. Когда он стоял, следя за птицами, в лодку ударила какая-нибудь большая волна и он упал через борт. Он не вынырнул ни единого раза,— и здесь мы поняли, какое несчастье, что эскимосы не учатся плавать! Я сейчас же сообщил о несчастии начальнику полиции и просил его позаботиться о погребении,

если труп прибьет к берегу. Но эскимосы высказали предположение, что Манни никогда не найдут, так как течение унесет его в океан.

Для всех нас было тяжелым ударом потерять так Манни... Мы все полюбили мальчика, и нам очень хотелось привезти его с собою в цивилизованный мир и посмотреть, что может там из него выйти.

На следующий день я снова был на нашем наблюдательном пункте. Лед как будто бы постепенно все больше удалялся на запад. Но ведь это могла быть все та же бухта, из которой нам уже пришлось однажды вернуться! Пока в ту сторону дул норд-ост, было опасно пытаться снова пойти этим путем. Посоветовавшись со своими товарищами, я решил подождать, пока не уляжется ветер. 23 июля в час утра ветер совсем утих, и мы сейчас же приготовились к отплытию. Был поднят якорь. Ветер все еще дул с северо-востока, но совсем слабый. Мы пошли кромкой льда, непрерывно простиравшегося от югозападной оконечности острова Гершеля и далее на запад вдоль берега материка. С внутренней стороны этого льда береговая полынья была открыта, нужно было только попасть в нее. Во льду были глубокие бухты, и в милях 15 от гавани одна из таких бухт достигала своей наибольшей глубины. Ждать приходилось недолго, когда вскроется узкий пояс, отделяющий бухту от береговой полыньи. Пока, однако, мы не могли здесь пройти и продолжали путь на запад. Вскоре кромка льдов повернула по направлению к северу — но этим путем итти мы не собирались! Мы продолжали путь, пока не убедились, что опять стараемся войти в бухту без выхода. И вот мы были вынуждены 24-го в 11 часов вечера повернуть обратно к острову Гершеля. Нам приходилось входить в гавань, лавируя против нордоста, который все еще держался. Обратный путь отнял у нас много времени. Мы, люди, привыкшие к морю, отнеслись к этому спокойно, но наши новички теряли всякое терпение. Особенно нервничал доктор. Наконец, в $2^1/_2$ часа утра 26 июля мы вернулись на свое старое место.

Сейчас же после завтрака дозорный отправился на берег. Днем он вернулся и объявил о большой пе-

ремене к худшему. Мы стали тогда надеяться на хороший шторм с берега, но его не было. После обеда мы послали Хансена вдоль восточного берега острова поискать труп Манни. Но Хансен вернулся, не найдя ничего.

Часть хлеба, выпеченного Линдстремом, заплеснела, и его пришлось выбросить за борт. Хлеб, пропитанный патокой, сохранялся хорошо. Линдстрем был теперь вторым машинистом судна, а кроме того еще пекарем. Внизу в машинном отделении он устроил целую маленькую пекарню, оттуда поставлялось нам много пшеничных булочек и булок. Единственным неудобством при устройстве пекарни в машинном отделении Линдстрем считал то, что первый машинист, Ристведт, „уж очень охоч до печенья!“

30-го в гавань вошел первый китобой. Это был барк „Бельведер“, у которого не было ни пищи, ни горючего. 1 августа дозорный донес о необычайно хорошем состоянии льдов, и я сейчас же решил сниматься с якоря, чтобы попробовать выйти в море. В $4^1/_2$ дня мы вышли, а через некоторое время нас догнал „Бельведер“, прошедший мимо нас на запад. Ему нужно было скорей пройти вперед, так как команда заболела цынгой. Мы шли вдоль кромки льда. В 9 часов вечера 2 августа мы ошвартовались у льдины в 7 милях от берега и в 10 милях от Демаркейшен Пойнта. Стоянку мы использовали для наполнения баков свежей водой из больших и глубоких прудков на льду. Всё 3 августа мы простояли на месте, со всех сторон окруженные льдом.

Следующую ночь мы провели немного тревожно. Лед начал тороситься. Но ничего серьезного не произошло. Руль несколько поднялся, но вскоре снова сел обратно. Около $6^1/_2$ часов утра 4 августа лед разошелся, и мы освободились. Был туман и ветер с запада — самый неподходящий для нас ветер. Не оставалось делать ничего иного, как только снова итти к острову Гершеля, а в $2^1/_2$ часа утра мы в третий раз очутились на своем старом месте. „Бельведер“ уже вернулся и не мог сообщить больше того, что мы сами знали, а именно, что лед простирается к северо-западу. Шхуна „Герман“

тоже прибыла. Позднее вечером пришел „Карлук“. Суда начали собираться в ожидании транспорта, который должен был снабдить их пищей и горючим. В течение двух следующих дней пришли барки „Трэжур“ и „Боухэд“, и теперь нас собралось в гавани семь судов. Китобои решили простоять здесь до 10 августа. Если же транспорт не придет, то они тогда пойдут к мысу Барроу и встретят транспорт там.

9 августа во второй раз пришла почта из Эдмонтона и форта Мак Ферсон. Она прибыла на лодке и привезла нам свежие новости. Большое волнение вызвало, конечно, сообщение о землетрясении и пожаре в Сан-Франциско. С почтой прибыл и некто Стеффенсен, который рассказывал, что датская экспедиция под начальством Миккельсена направляется сюда и что он здесь должен будет присоединиться к ней. Она будет искать землю на севере. А мы теперь были рады тому, что будем искать землю на юге!

В этот же день начал задувать свежий ветер с северо-востока. В час дня в гавань пришла так долго пропадавшая и так нетерпеливо ожидаемая „Ольга“. Она зимовала в проливе Минто на Земле принца Альберта, где встретила эскимосов. Вероятно, это были эскимосы-киилнермиун с реки Медных Рудников, из того племени, которое встретили лейтенант Хансен и Ристведт во время своей санной поездки в 1905 году. „Ольга“ потеряла нескольких человек, и особенно неприятно было то, что у ней умерли оба машиниста, поэтому судно не могло пользоваться своим мотором. Оно прибегало только к помощи парусов. Команда ошиблась в исчислении времени на целых два дня. Замечена была масса китов, но для охоты было слишком мало команды. В 7 часов вечера „Боухэд“ вышел в море на поиски этой массы китов. Норд-ост продолжал задувать с прежней силой и на следующий день. Но мне так надоел остров Гершеля, что я решил снова войти в нашу старую ледяную бухту, чтобы посмотреть, не проложил ли этот продолжительный норд-ост нам дороги через узкий пояс, замеченный нами в последний раз. Взяв большой запас плавника, который для

нас собрал эскимос Манитчья, мы подняли якорь и вышли. Сильное течение, идущее на запад, быстро вынесло нас. Мы шли целый день на юго-запад в мглистом воздухе, не имея возможности обозревать лед на далеком пространстве. Вечером спустился густой стеной туман. За короткое время мы с глубины 12 саженей перешли на $7^1/_2$ саженей и поняли, что находимся недалеко от берега. Здесь нам встретилась стоявшая на мели льдина, и мы ошвартовались у нее, чтобы дождаться ясной погоды. Мы считали, что находимся в милях двух от берега. На следующее утро нам пришлось перейти к другой льдине, так как та, у которой мы стояли, всплыла и начала дрейфовать. В 6 часов дня туман несколько рассеялся, и перед нами открылось приятное зрелище. Мы вошли в береговую полынью, и к западу перед нами расстилался открытый фарватер вдоль берега, насколько хватал глаз. К северу лед все еще был крупным и сплоченным. Мы пустили в ход мотор и двинулись в путь. Похоже было на то, что колдовские чары рассеялись. Полынья пока была еще очень узка, но на следующий день стала шире. Однако, туман был густой, и мы не могли видеть далеко. Легкий бриз с северо-запада заставлял нас лавировать, потому что мотор не был в состоянии вытягивать нас против ветра. Тем не менее именно при таких-то обстоятельствах мотор и оказывает большие услуги. Лавируй мы только под парусами в таком узком фарватере, забитом льдом и при слабом бризе, и нам пришлось бы потратить на это много дорогого времени. В таком критическом положении, когда путь преграждали льдины, мотор оказывался очень кстати. А это случалось непрестанно, а поэтому мы должны благодарить мотор за выигрыш времени.

У Айси Рифа мы несколько раз подходили близко к берегу и заметили там большую блестящую белую поверхность, имевшую вид лагуны или озера, но это не могло быть ни тем, ни другим, так как тут уже давно бы стаял лед. Это, конечно, был тот самый ледник у Айси Рифа, о котором мы слышали от одного человека, приходившего из Кэмден Бэя купить провиант. Ледник

был не велик, но по нашим наблюдениям единственный на всем северном побережье. Фарватер вокруг Айси Рифа забит битым льдом и обломками пресноводного льда. К сожалению, у нас не было времени высадиться на берег и исследовать это явление подробнее.

14-го в 10 часов утра мы прошли Мэннинг Пойнт, куда приезжает множество эскимосов. Мы видели много хижин и сложенный в штабеля плавник, но не заметили ни одной живой души. В дневную вахту лед все время оттеснял нас к югу. Это мне не нравилось, потому что Коллинсон о Кэмден Бэе, где, по нашему предположению, мы теперь находились, отзывался как о мелкой и нечистой бухте. Мы действительно шли на глубине от 2 до 5 саженей, но вскоре вышли снова на чистую воду и смогли повернуть на север, где в скором времени стало глубже. К вечеру бриз с норд-оста усилился до свежего ветра, и нам пришлось брать рифы. Из-за тумана, свежего ветра, а главным образом из-за неуверенности в том, где же мы в действительности находимся, я решил подойти к стоявшей на мели льдине и посмотреть, что покажет время. Вдруг прямо перед собой мы увидели землю. Мы подумали, что это остров Флаксмана, но у нас не было в этом никакой уверенности.

Иногда бывает очень неудобно, что на судне мало людей. В этот вечер Линдстрем должен был заниматься метеорологическими наблюдениями, промерами глубин, печением хлеба и мотором. Все другие были также заняты каждый своим делом. Можно сказать наверняка, что с несговорчивыми и равнодушными людьми наше путешествие никогда не было бы доведено до конца. Мы же по-братски помогали друг другу во всех трудных положениях, а справившись с трудностями вместе делили и радости. Мы пришвартовались к настоящему сплошному льду. Он весь состоял из больших старых торосов, а, значит, не всегда был таким смирным и спокойным, как теперь. Мне показалось, что этот лед меньше и, вероятно, моложе льдов у Гренландии.

Весь следующий день нам пришлось оставаться из-за тумана. Как только в тумане образовался просвет,

лейтенант сейчас же произвел наблюдение и констатировал, что мы действительно находимся в 3 милях к северу от островов Флаксмана. На другое утро ветер улегся, и туман настолько рассеялся, что мы смогли оглядеться кругом. Мы отошли затем от льдины и стали осторожно продвигаться вперед под малыми парусами и с мотором. Мы шли со скоростью 4 миль в час и непрестанно делали промеры глубины. Лед был очень податлив, и мы сильно продвинулись вперед. Днем в 4 часа мы прошли один из многих небольших песчаных рифов, лежащих друг около друга вдоль берега. В 5 часов лед к западу стал неподатлив, и я решил попытаться пройти с внутренней стороны ближайшего рифа. Там, судя по словам китобоев, должна была быть достаточная глубина. Но туда нужно было попасть. Китобои говорили нам, что между некоторыми рифами можно пройти; однако, здесь в тумане нельзя было отличить эти скопления песка один от другого, и нам пришлось пробираться вперед ощупью. Мы приготовились в случае необходимости быстро стать на якорь и дали ход. Стало мелеть, и, когда глубина достигла 9 футов, мы бросили якорь, чтобы послать вперед лодку. Промеры глубины показали, что этот проход закрыт. Из дозорной бочки я увидел другой проход, и он был проходим при самом низком уровне воды в $3^1/_4$ сажени. В кольце рифов была снова чистая вода, так как песчаные банки мешали проникновению туда льда.

В 5 часов мы были на траверзе острова Креста, где в качестве знака поставлен крест. В 9 часов утра фарватер стал глубже—от 5 до 7 саженей, значит, мы снова очутились в открытом море. Мы много выиграли, благодаря такому заходу в шхеры; лед, лежавший мористее, мог бы надолго задержать нас. Здешний фарватер знаменит своими большими скоплениями льда. Туман рассеивался чрезвычайно редко. В полдень мы были у одного из островов Тэтис, но у которого из них, трудно было сказать. К западу от рифов море было хорошее и чистое ото льда; у бухты Харрисона мы снова наткнулись на лед и, как нам это ни было неприятно, вынуждены были спуститься

к югу. Ночью мы прошли бухту и увидели „Тихоокеанскую отмель“ на глубине $2^3/_4$ саженей у мыса Хэлкет. На всем пути мы встречали сплоченный лед, заставлявший нас держаться совсем близко к берегу. Нам пришлось зайти в бухту Смита — как приходилось заходить и во все другие бухты. Китобои не посещали бухты Смита. Мы нашли, что дно там ровное и хорошее. Наименьшая глубина была у мыса Хэлкет, но дальше вглубь и западнее глубина достигала 4—5 саженей. В 6 часов дня мы увидели мыс Симпсона и, значит, прошли уже бухту. Лед, повидимому, лежал вплоть до самого мыса; вся восточная сторона была тоже забита льдом; но с внутренной стороны мы нашли достаточно широкую для нас полынью. Мы пытались войти в нее, но принуждены были повернуть, так как море вдруг сразу сильно помелело. Нам пришлось ошвартоваться у одной из стоявших на мели льдин. К сожалению, мы нашли для ошвартовки лишь очень маленькую льдину, а это могло оказаться довольно опасным. Всю ночь держался восточный ветер, и на следующий день походило на то, что лед значительно изменился. Мы сделали тогда новую попытку войти в береговую полынью, но крутой переход глубины от 2 до $1^1/_2$ саженей заставил нас как можно скорей отойти назад. Мористее лед был сплочен, и нам снова пришлось ошвартоваться у стоявшей на мели льдины. На этот раз нам попалась льдина еще меньше, и „Йоа“ почти не за что было зацепиться. Вечером восточный бриз перешел в сильный свежий ветер. Лед с наветренной стороны, защищавший нас от волнения, теперь отошел, и мы при огромном волнении остались у своей маленькой льдины, сидевшей на мели. Небо было затянуто тучами, кругом полная темнота, а волны перекатывались через льдину. Одновременно надвинулась целая масса битого пловучего льда, который наталкивался то на сидевшую на мели льдину, то на судно. Нам приходилось лодочными баграми, насколько это было возможно, защищаться от ударов. К счастью мы занесли оба ледовых якоря, что оказалось весьма кстати. Вероятность того, что наша льдина расколется, была велика, и мы

были готовы сейчас же бросить якоря, если бы это случилось. Но среди ночной темноты было бы нелегко очищать якорные цепи от массы дрейфующего льда. Наконец, стало рассветать,— редко мы встречали день с большей радостью и облегчением, чем после такой скверной ночи! Но прежде чем покончить со своим столь неприятным положением, мы должны были освободить ледовые якоря, а для того, чтобы справиться с этим делом на крохотной льдине, куда они были занесены, нужен был ловкий парень. На эту работу я послал Хельмера Хансена. Он был нетруслив, ловок, как белка, и делал одним ударом то, на что другой потратил бы два. Сухим он не вернулся на судно, но Хансену случалось бывать насквозь мокрым и раньше, а потому он не принял этого близко к сердцу!

Восточный ветер произвел во льду большой переворот. Мы подошли к кромке льда и пошли вдоль нее на глубине 3 саженей. В 3 милях от мыса Симпсона, на мели, бывшей там, стояли торосы значительной высоты. Видимость все еще была плохая, а свежий ветер достигал силы штормовых шквалов, поэтому мы подошли с подветру к льдине, стоявшей поблизости на мели и ошвартовались у нее. Нет ничего легкомысленнее продвижения во льдах, которых нельзя окинуть взором. Можно оказаться в какой-нибудь такой бухте, откуда нельзя будет выбраться, и совершить тогда невольное путешествие к Северному полюсу! А в этой области Ледовитого океана такая опасность больше, чем где-либо в другом месте. То течение, которым так замечательно сумел воспользоваться Нансен, то самое течение, которое увлекло с собой больше сотни американских судов и которое в 1879 году унесло „Жанетту“ под начальством Де Лонга,— проходит здесь вблизи мыса Барроу с наибольшей скоростью и направляется к северо-востоку — иногда прямо со стремительной быстротой.

Пробиваясь сквозь лед, мы к своему несчастью ударились одной из лопастей винта о торосистый ледяной выступ, машина сразу остановилась, и, несмотря на все усилия машиниста, нам не удалось пустить мо-

тор в ход. Лопасти винта остались целы, но согнулся вал. Мы отнеслись к этому спокойно, и огорчение наше уступило место радости при мысли, что этого не случилось раньше! Стоявшая на мели льдина, у которой мы ошвартовались, на этот раз была большая и надежная, и мы были избавлены от всяких случайностей. Мы находились как раз у Фэтиг Бэя. Ночью лед то сходился, то расходился. Ветер утих, и в 6 часов утра мы отдали швартовы и пошли на запад. Мимо нас проплывали огромные ледяные массы, и нам приходилось увертываться от льдин. При постановке грота у нас сломался гафель, и мы теперь совсем посели — ни мотора, ни парусов, — ведь без грота судно теряло способность маневрировать. Мы поставили штормовые паруса и с попутным ветром шли довольно хорошо. Через час гафель был починен, и мы снова поставили грот. Теперь мы быстро продвигались на запад среди разреженного льда, но мне не нравилось, что между нами и берегом было так много льда. Около полудня льды так сжало, что не могло быть и речи о дальнейшем продвижении вперед. Мы подошли тогда к льдине, которая, как нам показалось, стояла на мели, и ошвартовались у нее. Видимость все время оставалась плохой. Лед начал дрейфовать к западу, и нам следовало подумать, как бы выбраться из него. В 2 часа туман разошелся, и мы увидели поверх длинного низкого мыса верхушки мачт двух судов. Это должен был быть мыс Барроу. Суда стояли под ветром у западной его стороны в ожидании выхода в море. Дрейфующий лед, отделявший нас от береговой полыньи, начал расходиться, и мы единогласно решили пробиваться через него. Нас привлекала также возможность установить связь с судами. В три с половиной часа дня мы решили пробиваться через разошедшийся сплошной лед. Мы отдали швартовы, поставили все паруса и направились прямо к самому разреженному месту ледяной массы. Я послал в дозорную бочку самого опытного из нас — Лунда. Теперь, когда мы шли только под парусами, пребывание на судне опытных и испытанных в плавании на яхтах людей оказалось более чем когда-либо полез-

ным. Управление парусным судном в сплоченных и сильно сжатых льдах требует многолетнего опыта. На паровом судне всякий сумеет форсировать лед. К счастью, перед тем, как войти в лед, мы прошли некоторое расстояние по чистой воде и потому успели развить хороший ход. Нас здорово встряхнуло, когда „Йоа" ударилась об лед. Полетело все, что лежало на палубе непривязанным, но лед расступился перед форштевнем судна. Мы все бешено работали лодочными баграми, расчищая дорогу и отталкивая лед в стороны изо всех сил. А судно шло на всех парусах и все нажимало да нажимало. Таким образом мы продвигались вперед дюйм за дюймом. Вскоре нам оставалось уже немного. Пред последним ударом мы развили хороший ход. Словно старая „Йоа" сама понимала, что теперь наступил решительный момент. Она ударилась о две больших льдины, которые хотели закрыть перед нею Северозападный проход, и теперь ринулась на них, чтобы заставить их расступиться и пропустить ее вперед! Ребята отбивались баграми с обоих бортов— тяжелая ожесточенная схватка. Миллиметр за миллиметром медленно раздвигался лед. Раздался дикий радостный, торжествующий крик, когда судно скользнуло на чистую воду. Чудовище было побеждено, мы очутились на чистой воде, на свободной дороге домой! На всех лицах сияла радость, и мы на всех парусах пошли на запад по береговой полынье. Все ближе и ближе подходили мы к судам — а, значит, и к вестям из дома от дорогих нашему сердцу, от всего мира. Мы знали, что там, на этих судах есть письма, ожидающие нас. Риф за рифом тянулись вдоль берега, образуя большие лагуны. В шесть с половиной часов дня пошел густой снег с дождем, и ничего не стало видно. Нам пришлось опять искать убежища за льдиной. Час спустя снова прояснело, и мы увидели верхушки мачт пяти судов. Поставить паруса было недолго, и вскоре мы уже шли. На наше счастье не переставал все время держаться северовосточный ветер, так что мы и не вспоминали о своем моторе. Глубина тоже была хорошая, самое меньшее показание лота было $2^1/_2$ сажени.

В 10 часов вечера мы обогнули мыс Барроу — северозападную оконечность Америки. Было уже поздно, но нам нужно было показать здесь свой флаг!

Нас уже заметили, потому что нам навстречу шла лодка. Это был Эйнар Миккельсен, начальник англо-американской полярной экспедиции. Он находился теперь здесь со своим судном „Дэчесс ов Бедфорд", в ожидании, когда спадет ветер, чтобы итти на восток. Мы подошли к берегу и стали на якорь. Тут началась приветственная суматоха, ревели гудки, взвивались флаги. Транспорт китобойной флотилии „Харальд Доллар" и шхуна „Монтрэй" подошли к нам, и на нас полился поток приветствий и поздравлений. Транспорт стоял уже здесь давно и не рассчитывал итти дальше, что при создавшихся ныне условиях было вполне понятным. „Монтрэй" был одним из тех двух судов, которым прошлой осенью удалось выйти изо льдов; он остался теперь здесь, занимаясь китобойным промыслом, и также не собирался итти на восток. К нам подошел с новыми гостями паровой катер американского таможенного судна „Тэтис", стоявшего в двух милях от нас. Позднее я отправился на борт транспорта узнать, нет ли нам почты. Кого же иного я мог здесь встретить, как не старого своего друга Могга, своего спутника с Аляски! Он был ледовым лоцманом на судне. Мне достался тут большой пакет с письмами и подарок в виде яблок и сигар. В эту ночь на „Йоа" поздно наступил час сна. Нужно было прочитать все письма, обсудить все новости. Все мы получили с родины хорошие вести.

Самым важным для нас сейчас было раздобыть материал для починки гафеля. Последняя починка была просто временной. На следующее утро я получил на транспорте 4 хороших доски, и мы сейчас же принялись за гафель. На его починку не понадобилось много времени. Зато теперь наш гафель со всеми своими обмотками походил на настоящего инвалида. Он был таким громоздким, что я прямо-таки боялся, что наша лебедка не справится с ним. Вечером я снова отправился на транспорт и закупил там у любезного капи-

Команда, взятая в помощь
(На якоре. Ном, Аляска, 1906)
Годфред Хансен
Антон Лунд
Руал Амундсен Хельмер Хансен
Педер Ристведт Адольф Линдстрем

тана достаточное количество провианта и всего прочего, что должно было скрасить остаток наших дней на борту „Йоа"—фрукты, сигары и партию американских консервов, которые нам очень нравились. Когда я снова вернулся на „Йоа", к нам подплыла огромная льдина и навалилась на якорную цепь. Мы подняли якорь, поставили паруса и избавились от льдины. Но раз уж паруса у нас были поставлены, то почему бы нам не пойти дальше сразу же? И вот к большому изумлению всех других судов, мы направились на запад. Одновременно пришли „Трэжур" и „Карлук" с острова Гершеля. В 11 часов вечера мы прошли мимо „Тэтиса", который шел к остальным судам, чтобы понаблюдать за порядком. Разумеется, мы подняли свой флаг,—я всегда приветствую людей, таков уж мой обычай! Но

командир „Тэтиса“, видимо, думал иначе. Американский флаг не был поднят.

Бриз с северо-востока продолжал держаться, но был довольно слабый. Набегали шквалы с дождем. У мыса Бельчера мы простились с последними льдами, лежавшими в виде небольших льдин у мыса. Больше мы уже не видели никаких признаков льда. Я боялся, не открылась ли у нас течь во время последней стычки со льдами. Но, напротив, судно пропускало воды меньше, чем когда-либо. Вместо 200 раз за вахту теперь приходилось качать помпы всего 40 раз. Но вскоре вода снова стала набираться по старому.

24 августа впервые наступил штиль. Легко было говорить, что мы можем обойтись без мотора, когда был хороший ветер. Теперь стало хуже, и недовольство вылилось наружу. Взялись за машиниста.

— Слушай, кузнец, почему же у тебя не работает твоя кофейная мельница?

На бедных машинистов через люк сыпались градом насмешки, а те, бедняги, работали в поте лица своего, стараясь по возможности исправить повреждение.

С того самого времени, когда мы покинули берег Гренландии, и до сих пор мы не видели моржей. Но здесь мы встретили нескольких в море. Впрочем, большого количества их все-таки не было. С каждым днем температура все повышалась по мере того, как мы подвигались к югу, и мы с удовольствием встречали эту перемену. Будь ты хоть трижды полярником, но нельзя отрицать, что тепло приятно, когда ты долго был его лишен. Появились отдельные морские птицы, которых мы тоже давно не видели, — глупыши и пр. Даже зрелище медузы пробуждало в нас радостное чувство. Все это было знаком того, что мы приближаемся к областям умеренного климата.

30 августа в 11 часов утра мы увидели мыс принца Уэльского. Это восточный столб ворот Берингова пролива. Но вершина его была закрыта туманом, поэтому нам нелегко было определить с уверенностью, тот ли это мыс. От этого мыса идет длинная узкая песчаная гряда на

25 миль к северу. По обе ее стороны глубоко, так что нелегко определить промером, с которой она остается стороны. На несчастье можно легко попасть между отмелью и берегом, и тогда положение будет довольно серьезным при нынешних обстоятельствах. Было сильное волнение. Один шквал сменялся другим, и „Йоа“ сильно качало. Для большей уверенности мы отошли мористее, как только показался берег. В час с половиной дня стало яснее, и мы узнали Фэруэй-Рок, своеобразную скалу в виде стога сена, которая поднимается прямо из моря. Лучшего отличительного знака нельзя и придумать, и мы снова могли определить правильный курс. Войдя в пролив, мы увидели мельком и оба острова Диомида. Эти острова кажутся голыми и необитаемыми, однако там живет целое эскимосское племя, женщины и мужчины которого очень высоко ценятся китобоями. Там нет никакой гавани, но китобои всегда заходят туда весной по пути на север и выменивают там разные вещи. Они охотно также берут отсюда с собой эскимосов, так как эскимосы эти считаются людьми дельными.

Когда мы проходили между островами и берегом, мы, старики, собрались на палубе и выпили в первый раз за то, что Северозападный проход пройден, наконец, на судне. Я надеялся отпраздновать этот момент хорошенько, но погода не позволила. Все торжество ограничилось одной рюмкой! Мы даже не могли поднять флага, так как его сейчас же разорвало бы в клочки.

Я считал, что до темноты мы дойдем до мыса Йорк и остановимся там на ночь, но мы не дошли. Приблизительно в 10 милях от мыса Йорка мы легли в дрейф, взяв два рифа у грота, поставив зарифленный стаксель и кливер. Мыс принца Уэльского защищал нас от самой сильной волны. Когда мы на рассвете хотели отдать рифы у грота, сломался гафель. На этот раз, скорей всего, тяжесть самого гафеля была причиной катастрофы. Мы надеялись, что ветер продержится до тех пор, пока мы не дойдем до Нома и не раздобудем себе там новый гафель. Старый уж

нельзя было больше чинить. Поставив штормовые паруса и использовав все прочие тряпки, какие только у нас были, мы понеслись на юг к Ному. В сущности, я не собирался заходить в Ном, но после несчастья с гафелем у нас не было иного выбора. У мыса Барроу я получил письмо с приглашением всех нас зайти в Ном и погостить там по пути на юг. Теперь это нас очень устраивало. Мы сократили по возможности путь и прошли между Слэдж Айландом и берегом. Когда мы днем проходили к востоку у берега Нома, ветер начал мало-по-малу стихать и перешел в совсем малый бриз. Мы чрезвычайно медленно продвигались вперед.

— Ну, Лунд, — сказал я, прогуливаясь по палубе (был прекрасный день). — Вы ведь все умеете делать, неужели же вы не можете поставить нам грот? — Этого не мог вынести гордый Лунд, и вскоре грот был снова поставлен. У нас, правда, был несовсем вид увеселительной яхты, но зато ход стал значительно лучше. Для такого слабого бриза мы быстро скользили вперед. И вот вдали вынырнули дома Нома. Еще на час такого ветра, и мы дойдем. Но судьбе было угодно иное, и наступил полный штиль. Нас, вероятно, уже было видно из города, и мы подняли свой флаг. Небольшое дуновение ветра время от времени подвигало нас несколько вперед, но немного. Мы видели, как в городе зажигались огни, и находили свое положение весьма досадным. Вдруг около нас вынырнул маленький катер; свист, вой и крики — американское выражение энтузиазма—раздались нам навстречу.

Как ни было темно, но мы разглядели на катере норвежский флаг вместе с американским в полосах и звездах. Значит, нас узнали.

Я не нахожу слов, чтобы описать тот прием, какой был нам оказан в Номе. Та сердечность, с которой мы были встречены, и бесконечное ликованье, предметом которого была „Йоа" и мы, всегда будут для меня одним из самых светлых воспоминаний нашего возвращения. В Номе нет гавани, она лежит на открытом берегу. Поэтому нам пришлось стать на якорь далеко

от берега и быть готовым уйти, как только поднимется ветер. Став на якорь, мы с лейтенантом Хансеном сели на катер наших любезных хозяев и хозяек и на нем отправились на берег. С берега катер все время освещался электрическим прожектором. Мы приблизились к берегу, но, ослепленные сильным светом, бившим нам прямо в глаза, ничего не могли рассмотреть. Катер ударился о берег. И сейчас еще я не знаю, каким образом я попал на берег,—навстречу нам загремели приветствия из тысячи глоток, и вдруг среди ночи раздались звуки, от которых я задрожал всем телом и слезы выступили у меня на глазах:

„Да, мы любим эту страну!“

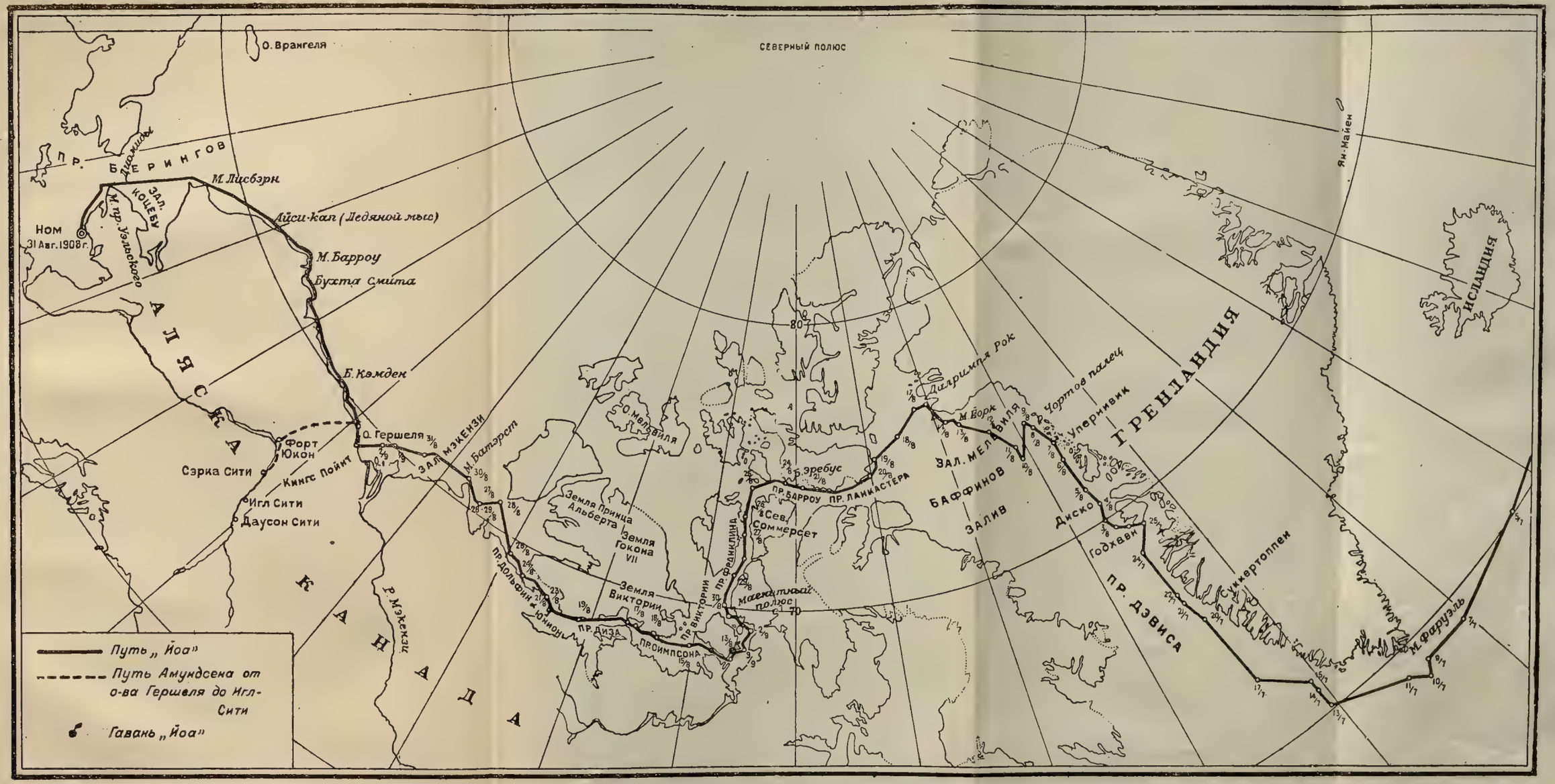
О Г Л А В Л Е Н И Е

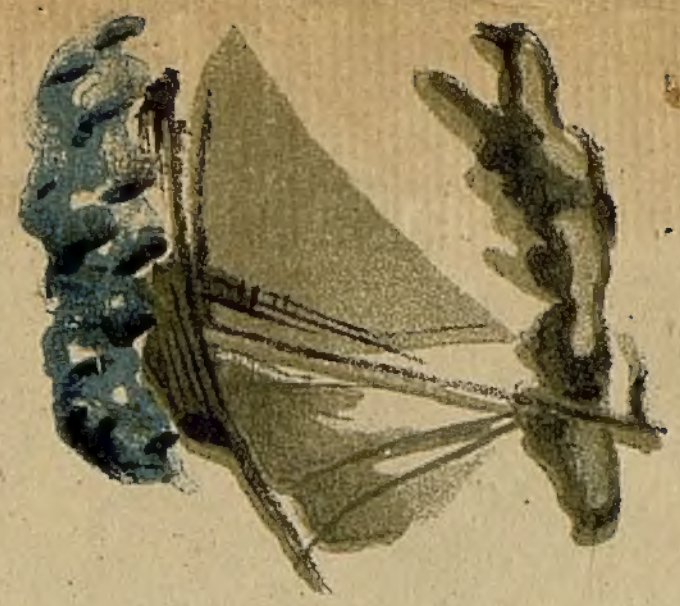
	Стр.
От Издательства	III
Введение	1
В полярное море	11
В девственных водах	37
Первая зима	69
К полюсу	101
Лето	129
Вторая зима	159
Обитатели северного магнитного полюса	195
Отъезд из гавани Йоа	261
К Земле короля Гокона	285
Северозападный проход	347
Третья зимовка	381
С эскимосами и индейцами на лыжах через Канаду и Аляску	417
Заключение	443

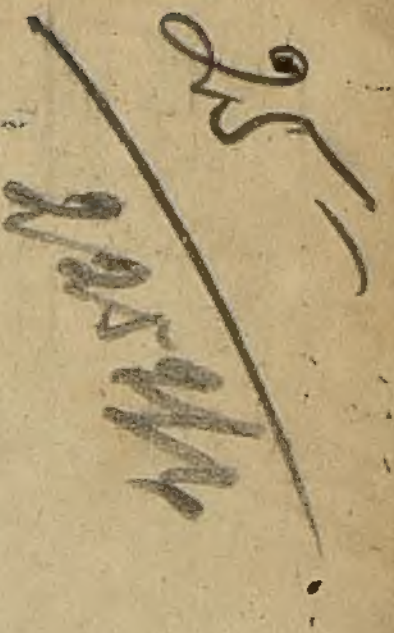
Переплет, супер-обложка
и форзац работы художника
Б. А. Смирнова

Шмуцтитулы
работы художника
М. А. Таранова

Отв. редактор И. Г. Ростовцев
Техн. редактор М. А. Таранов
Сдано в набор 21 ноября 1934 г.
Подписано к печати 15 марта 1935 г.
Бумага 82×110 см. В 1 б. л. 128000 зн.
Объем: 29½ п. л.; 7⅜ б. л. Тираж
10000 экз. Ленгорлит № 458. Изд. 16.
Зак. 2130.
Тип. „Коминтерн" и шк. ФЗУ им.
КИМ'а. Ленинград, Красная ул., 1


О. Врангеля
СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС
ПР. БЕРИНГОВ
М. Лисбэрн
Айси-кап (Ледяной мыс)
М. Барроу
Бухта Смита
Б. Кэмден
Ном
31 Авг. 1908 г.
ЗАЛ. КОЦЕБУ
М. пр. Уэльского
АЛЯСКА
Форт Юкон
Сэркл Сити
Кингс Пойнт
Игл Сити
Даусон Сити
О. Гершеля
ЗАЛ. МЭКЕНЗИ
М. Батэрст
КАНАДА
Р. Мэкензи
О. Мелвилла
Земля Принца Альберта
Земля Гокона VII
Земля Виктории
ПР. ДОЛЬФИН И ЮНИОН
ПР. ДИАЗА
ПР. СИМПСОНА
ПР. ВИКТОРИИ
ПР. ФРЕНКЛИНА
Магнитный полюс
Сев. Соммерсет
Б. Эребус
ПР. БАРРОУ
ПР. ЛАНКАСТЕРА
Дарлимпля Рок
М. Йорк
ЗАЛ. МЕЛВИЛЛЯ
БАФФИНОВ ЗАЛИВ
Чортов палец
Упернивик
Диско
Годхавн
ГРЕНЛАНДИЯ
ПР. ДЭВИСА
Сукертоппен
Ян-Майен
ИСЛАНДИЯ
М. Фарвэль
Путь „Йоа"
Путь Амундсена от о-ва Гершеля до Игл-Сити
Гавань „Йоа"





в г. Ном

180
160
160
140
140
120
100
80
60
40
20
0
80°
80°
ЮЖНЫЙ
ПОЛЮС
ЮЖНЫЙ ПОЛЯРНЫЙ КРУГ